

Маука МУРКОК

Вечный Герой

Хроника Эрекезе

Annotation

В книгу Майкла Муркока "Вечный Герой" вошли две части "Хроники Эрекозе" - "Вечный Герой" и "Феникс в Обсидиановой стране". Читатель вновь встретится с еще одной ипостасью Великого Воителя - Героем по имени Эрекозе. Этот воин - одно из отражений уже знакомых персонажей Муркока: Корума, Хокмуна, Элрика. Читателя ждет увлекательнейшее повествование о приключениях Вечного Героя, о грандиозных битвах, кровавых поединках, верности и предательстве, ненависти и любви.

Содержание:

Вечный Герой (перевод И. Тогоевой, И. Данилова)

Феникс в обсидиановой стране (перевод И. Тогоевой, И. Данилова)

Майкл Муркок

Вечный герой. Феникс в обсидиановой стране

Вечный герой

Пролог

Они звали меня.

Это я знаю точно.

Они звали меня, и я пришел. Я не мог поступить иначе. То было желание всего Человечества. И, подчиняясь его воле, я сбросил оковы Времени и Пространства, я явился в этот мир.

Почему избранником стал именно я? Я не знаю этого и теперь, хотя считалось, что мне изначально известно все. Впрочем, говорить об этом поздно: я уже здесь. И всегда буду здесь. А если

верить мудрецам и время имеет циклический характер, то когда-нибудь я снова вернусь в ту его точку, из которой переместился сюда и которую знаю как XX век н. э., как Царство людей, где (и это не является ни моим желанием, ни результатом моих деяний) сам я бессмертен.

Глава I

Через Реку Времени

Между бодрствованием и сном мы часто слышали какие-то голоса, обрывки разговоров, отдельные фразы, произнесенные порой с совершенно незнакомыми интонациями. Мы, конечно, пробовали напрячься и расслышать нечто большее, но это редко нам удавалось. Такие иллюзии называются гипнотическими снами, галлюцинациями и представляют собой как бы преддверие тех настоящих снов, что являлись нам впоследствии.

Я видел какую-то женщину. Ребенка. Неизвестный мне город. Оккупацию. Слышал имя: Джон Дэйкер. Понимал, что рухнули все мои надежды. Но испытывал потребность довести до конца задуманное. А их я любил. Знаю, что любил.

Дело явно было зимой. Я чувствовал себя в высшей степени несчастным в ледяной постели. Я лежал и неотрывно глядел в окно, на луну. Не могу вспомнить точно, о чем я тогда думал. По-моему, о бренности и суете человеческой жизни. И вот после этого, прежде чем по-настоящему заснуть, я начал слышать голоса...

Сперва я решил не обращать на них внимания, надеясь, что все равно скоро усну, но голоса продолжали звучать, и тогда я попытался разобрать слова, полагая, что в этот процесс включится и мое подсознание. Но по большей части повторяемые снова и снова слова представлялись мне полным бредом:

Эрекозе... Эрекозе... Эрекозе...

Я никак не мог распознать, какому языку принадлежит это слово, хотя оно казалось мне странно знакомым. Более всего язык этот был похож на язык индейцев племени сиу — к сожалению, я знал из этого языка сиу всего лишь несколько слов.

Эрекозе... Эрекозе... Эрекозе...

Каждую ночь я все более упорно пытался сосредоточиться на слышимых мной голосах, и галлюцинации мои становились все более яркими и отчетливыми, пока однажды ночью мне не показалось, что я полностью свободен от собственной телесной оболочки.

Неужели я целую вечность провел в Лимбе[1]? Или мертв? Воспоминания ли о далеком-далеком прошлом пришли ко мне, или, напротив, то были мои представления о весьма отдаленном будущем? Или о каком-то ином мире, который казался мне теперь значительно более родным и близким? И эти имена? Кто я — Джон Дэйкер или Эрекозе? Или одновременно и тот, и другой? Множество иных имен уносила прочь призрачная река моих воспоминаний — Корум Джайлин Ирси, Хокмун, Элрик, Обек, Рэкгир, Саймон, Корнелиус, Аскинол... Я как бы висел в темноте, лишенный плоти. И слышал голос какого-то мужчины. Но откуда этот голос доносился? Мне хотелось увидеть, кто это говорит, но у меня не было глаз...

— О Эрекозе, наш Защитник, где ты?

И другой голос:

— Отец... это всего лишь легенда...

— Нет, Иолинда. Я чувствую: он слышит меня. О Эрекозе...

Я пытался ему ответить, но у меня не было языка...

Потом из водоворота полуснов возникал вдруг какой-то дом, огромный, как бы расплзшийся, мрачный город, полный всяких диковинок, кишачий серыми, похожими друг на друга машинами, в которых ездили люди. Некоторые дома были довольно красивы, однако покрыты чудовищными наслоениями грязи; другие, более чистые, были вовсе не так красивы, даже примитивны, и смотрели на меня множеством одинаковых окон. Из-за окон доносились чьи-то вопли и стоны.

По холмистой сельской местности галопом промчался вдруг отряд всадников, сверкающих на солнце золотом доспехов. На покрытых запекшейся кровью копьях развевались разноцветные боевые флажки. Лица всадников были мрачны от усталости.

Потом передо мной замелькали новые лица, множество лиц. Некоторых из этих людей я почти узнавал. Другие были совершенно мне незнакомы. Многие из незнакомцев и одеты были весьма странно. Я разглядел среди них седовласого, еще не старого мужчину в высокой острозубой стальной короне, украшенной бриллиантами. Губы его шевелились. Он что-то говорил...

— Эрекозе, это я, король Ригенос, я защищаю все Человечество...

Ты снова нужен нам, Эрекозе. Гончие Псы Зла правят третью нашего мира, люди истощены длительной войной с ними. Приди, о Эрекозе! Веди нас к победе! От Долины Тающих Льдов до Гор Скорби реют их проклятые знамена; мне страшно, ибо они могут еще значительно продвинуться в глубь наших территорий.

Приди, Эрекозе! Веди нас к победе! Приди, Эрекозе! Веди нас...

И зазвучал женский голос:

— Отец, это всего лишь пустая гробница. Там нет даже праха Эрекозе. Все давным-давно поглотили зыбучие пески. Уйдем отсюда, вернемся в Некранал и призовем в наши ряды живых героев!

Я был как бы в полубомороке, я изо всех сил стремился побороть туманные видения, но тем труднее мне становилось сохранять ясность сознания. Я снова пытался ответить, но не смог. Я как бы плыл по Реке Времени против течения, хотя каждый атом моего существа стремился в другую сторону. Мне казалось, что я невероятно огромен, что я каменный исполин и веки мои тоже из гранита и я не в силах их разомкнуть.

А потом я вдруг ощутил себя крошечным, микроскопическим зернышком в необъятной Вселенной. Но тем не менее я твердо знал, что связан с этим миром теснее, чем тот каменный исполин.

Воспоминания возникали и тут же уносились прочь.

Весь XX век, его открытия и просчеты, величие побед и горечь поражений, бесконечные раздоры, самообман, суеверия, названные в этот век Наукой, — все вдруг хлынуло в мою память, как воздух в вакуум.

Впрочем, это продолжалось всего несколько мгновений, а потом, почти сразу, я всем своим существом почувствовал, что все вокруг переменялось, и как бы перенесся в совершенно иной мир — это был земной мир, но не мир Джона Дэйкера и не совсем тот, к которому принадлежал покойный Эрекозе...

Я видел три огромных континента; два из них соседствовали и были отделены от третьего океаном со множеством самых различных островов.

Видел и еще какой-то океан, полностью скованный льдами, и знал, что размеры его медленно, но неуклонно уменьшаются: то была Долина Тающих Льдов.

Видел я и третий континент, покрытый буйной растительностью: там были могучие леса, голубые озера, а на севере, вдоль океанского берега, вздымалась горная гряда с вершинами до небес — Горы Скорби. Я знал, что это мир элдренов, которых король Ригенос называл тогда Гончими Псами Зла.

А еще я видел бескрайние поля пшеницы, высокие дома из разноцветного камня, богатые города Сталако, Калодемия, Мурос, Нинадун, Тратарда — западный континент Завара.

Видел я и крупные морские порты: Шилааль, Ведьма, Синан, Таркар и великолепный Нунос с башнями, украшенными самоцветами; видел я и города-крепости, и саму столицу этих земель, континента Некралалы, огромный город Некранал, как бы сосредоточенный вокруг могучей горы, на вершине которой раскинулся величественный дворец королей-воителей.

Теперь я уже начинал кое-что вспоминать и, как бы на периферии сознания, продолжал слышать голос, зовущий меня: *Эрекозе, Эрекозе, Эрекозе...*

Короли-воители Некранала две тысячи лет правили объединившимся Человечеством, внутри которого возникали, разумеется, войны, но затем различные племена вновь объединялись перед лицом общего врага. Последним, теперь стареющим представителем этой королевской династии был король Ригенос со своей единственной дочерью и наследницей Иолиндой. Старый король был измучен ненавистью, но все еще продолжал ненавидеть. Ненавидел он племя, которое прозвал Гончими Псами Зла. То были старинные враги человечества, отважные и дикие, впрочем, кровно родственные — хотя родство это и было весьма отдаленным — племени людей. Род их происходил от брака жившей в незапамятные времена королевы из племени людей и одного из князей Империи Зла по имени Азмобаана. Король Ригенос ненавидел их за то, что они не имели души, были бессмертны и считались слугами Азмобааны.

И вот в ненависти своей он воззвал к Джону Дэйкеру, называя его именем Эрекозе, умоляя помочь людям в борьбе против страшного врага.

— Эрекозе, умоляю, ответь мне. Готов ли ты прийти нам на помощь? — голос короля был громок, отдавался глухим эхом, и, когда после мучительных усилий я смог наконец ответить ему, мой собственный голос прозвучал не менее громко:

— Я готов, но мне мешают оковы...

— *Оковы?* — в голосе короля слышался страх. — Но где ты? Уж не во власти ли ужасных тюремщиков Азмобааны? А может, ты находишься в Призрачных Мирах? Или попал в ловушку?

— Все может быть, — ответил я. — Но не думаю, что это ловушка. Просто оковы Времени и Пространства не пускают меня. Мы с тобой находимся на разных берегах реки Времени...

— Но нельзя ли перекинуть мост над этой рекой? Не может ли послужить таким мостом воля объединенного Человечества? Мы все, как один, молимся, надеясь снова увидеть тебя среди нас.

— В таком случае продолжайте молиться, — отвечивал я.

Я снова куда-то падал. Похоже, я наконец вспомнил, что такое смех, печаль, гордость. Потом вдруг из небытия возникли еще какие-то лица. Передо мной проплывали люди и события — все, что я узнал и пережил в течение долгих веков, а потом одно лицо как бы заслонило собой все остальное — то была поразительно красивая женщина со светлыми волосами, поверх которых была надета диадема, украшенная драгоценными камнями, еще более подчеркивавшими, казалось, очарование этого дивного лица.

— Иолинда, — сказал я.

Теперь я видел ее значительно лучше. Она прислонилась к плечу высокого мужчины с изможденным лицом в стальной, украшенной бриллиантами короне. То был король Ригенос.

Они стояли перед постаментом из горного хрусталя с золотой окантовкой, покрытого толстым слоем пыли. На постаменте покоился длинный прямой меч, которого они явно не осмеливались коснуться. Не осмеливались даже просто приблизиться к нему, ибо смертоносные лучи, исходявшие от меча, могли погубить их.

Стояли они в какой-то гробнице.

То была гробница Эрекозе. Моя гробница.

Я приблизился к постаменту, как бы зависнув над ним.

Много столетий тому назад тело мое было погребено здесь. Я не сводил глаз с меча, который не представлял для меня самого ни малейшей опасности, и все же я, будучи пленником Времени, был не в состоянии коснуться его. Лишь дух мой витал сейчас над этим мрачным местом, но теперь уже я ощущал целостность своей души, это были уже не осколки воспоминаний, которые тысячи лет хранила гробница. Впрочем, именно благодаря воспоминаниям я смог услышать зов короля Ригеноса, благодаря им Джон Дэйкер смог откликнуться, явиться сюда и соединиться с прочими разрозненными частями собственной души.

— Эрекозе! — взывал король, напряженно вглядываясь во мрак, словно уже видел меня. — Эрекозе! Мы умоляем тебя, приди!

И вдруг меня пронзила чудовищная боль, родственная, как мне представилось, родовым мукам. Боль эта, казалось, не иссякнет никогда, и в то же время она как бы истощивала сама себя. Я кричал и бился в воздухе над их головами. Чудовищные корчи сотрясали меня, — впрочем, агония эта была вполне осмысленной и имела конкретную, созидательную цель.

Я извивался в муках. Но в крике моем звучала радость.

Я стонал. Но в столах моих звенела победа.

Я стал вдруг очень тяжел и пошатнулся под собственной тяжестью. Я становился все тяжелее и тяжелее, задыхался, бессильно хватал воздух ртом, судорожно раскинул руки, пытаюсь сохранить равновесие...

И вновь обрел плоть и кровь и физическую силу. Чувствуя необычайный прилив энергии, я глубоко вздохнул и провел по своему телу руками. То было могучее тело и вполне удобное для меня.

Я поднял голову и посмотрел на стоявших передо мной. Я явился перед ними во плоти и был их вернувшимся богом.

— Я пришел, король Ригенос. Я здесь, — сказал я. — Сейчас во мне нет сожалений о прежней жизни, однако не позволяйте им пробуждаться в моей душе.

— О, ты не пожалеешь о том, что вернулся к нам, Герой! — Король был бледен, но весело улыбался. Я посмотрел на Иолнду. Она скромно потупила глаза, но потом, словно сама того не желая, вскинула их и посмотрела на меня. Я повернулся к хрустальному постаменту справа от себя.

— Мой меч, — сказал я и протянул к нему руку.

И услышал, как король Ригенос удовлетворенно вздохнул.

— Теперь они обречены, проклятые Псы! — промолвил он.

Глава II

Герой

У них имелись и ножны для моего меча. Старинные. Король Ригенос отправился за ними, оставив меня наедине со своей дочерью.

Теперь, когда я уже явился в этот мир, мне и в голову не приходило спросить, каким образом это осуществилось, каким образом вообще стало возможно. Впрочем, и она, по всей видимости, не подвергала сомнениям тот факт, что я теперь существую. Я просто переместился откуда-то в этот мир, и перемещение мое, похоже, было неизбежно.

Мы молча разглядывали друг друга, пока не вернулся король.

— Они предохранят нас от яда, исходяемого твоим мечом, — сказал он и протянул ножны мне. Почему-то я не сразу принял этот дар и некоторое время колебался.

Король нахмурился и поник головой. Потом с мрачным видом скрестил руки на груди.

Я бережно взял ножны обеими руками. Они были сделаны из какого-то непрозрачного материала, напоминавшего старинное стекло, однако же это был металл, мне совершенно незнакомый. А может, неизвестный Джону Дэйкеру? Металл был легким, но прочным и хорошо гнулся.

Потом я взял меч. Рукоять, отделанная золотой сканью, слегка вибрировала в моей ладони. Навершие эфеса представляло собой шар из темного оникса, а сам эфес был полосатым — серебро чередовалось с черным ониксом. Лезвие, длинное, прямое и очень острое, было как бы матовым и не сверкало в отличие от обычной стали. По цвету оно скорее напоминало свинец. Меч был отлично сбалансирован. Несколько раз взмахнув им, я громко рассмеялся, и меч, казалось, рассмеялся вместе со мною.

— О Эрекозе! Скорее вложи меч в ножны! — вскричал король в ужасе. — Скорее! Его лучи несут смерть всем, кроме тебя!

Теперь мне почему-то очень не хотелось прятать меч. Прикосновение к нему пробудило во мне некие смутные воспоминания...

— Эрекозе! Пожалуйста! Я умоляю тебя! — голос Иолинды эхом вторил воплям короля. — Вложи меч в ножны!

Нехотя я повиновался. Но почему лишь я один способен касаться этого меча, не опасаясь его смертоносных лучей?

Может быть, при перемещении во времени я каким-то загадочным образом изменил свою человеческую сущность? А может, этот древний Эрекозе и не родившийся пока еще Джон Дэйкер (а может, и наоборот!) обладали совсем иными метаболическими реакциями, благодаря которым организм их был защищен от смертоносных эманаций волшебного меча?

Я пожал плечами. В конце концов, неважно. Достаточно самого этого факта. Мне в общем-то было все равно. Я как бы твердо знал, что в данном случае судьба моя зависит отнюдь не от меня самого. В данный момент я был всего лишь орудием в чьих-то руках.

Если бы только я знал тогда, для каких целей будет использовано это орудие! Я ведь мог бы противиться зову короля Ригеноса и долго еще оставаться совершенно безвредным интеллектуалом Джоном Дэйкером. Впрочем, вполне возможно, что я и не мог бы противиться зову Судьбы. Та сила, что швырнула меня в их мир, была слишком могущественна, чтобы с нею бороться.

Так или иначе, но в этот миг я готов был выполнить любое требование Судьбы. Только что, вновь обретя плоть, стоял я в своей собственной гробнице, в гробнице Эрекозе, и чувствовал в теле прежнюю силу, а в руках — свой меч.

Позже, правда, у меня возникли и другие чувства.

— Мне понадобится одежда, — сказал я, ибо понял, что наг. — И боевые доспехи. И конь. Я — Эрекозе.

— Одежда давно приготовлена, — сказал король Ригенос. И хлопнул в ладоши.

Вошли рабы. Один нес рубаху, второй — плащ, третий — какие-то белые полотенца, которые, как я догадался, должны были служить чем-то вроде нижнего белья. Сперва они соорудили на мне нечто вроде набедренной повязки, затем надели на меня рубаху. Рубаха была просторная, прохладная и приятная на ощупь. Темно-голубая, со сложным орнаментом, вышитым золотыми, серебряными и алыми нитками. Плащ был алым, расшитым золотым, серебряным и синим. Меня обули в мягкие сапоги из оленьей кожи и перепоясали широким ремнем светло-коричневой кожи со стальной пряжкой, инкрустированной рубинами и сапфирами. Я тут же приладил к ремню свой меч и положил левую руку на рукоять.

— Я готов, — сказал я.

Иолинда вздохнула.

— В таком случае поскорее уйдемте из этой мрачной гробницы, — прошептала она.

Бросив прощальный взгляд на надгробие, покрытое толстым слоем пыли, я последовал за королем и принцессой Некранала наверх, к солнечному свету; там царил покой, было довольно тепло, хоть и дул легкий ветерок. Мы остановились на вершине невысокого холма. Стены гробницы у нас за спиной, сделанные из черного хрусталя, казались очень древними; они потрескались, выдержав несметное множество ливней и ударов бури. На крыше гробницы высилась металлическая, изрядно проржавевшая статуя воина верхом на огромном боевом коне. Черты лица были практически стерты песком и дождями, но я узнал этого человека. Это был я сам.

Я отвернулся.

У подножия холма нас поджидал караван. Лошади были накрыты богато расшитыми попонами, а воины облачены в те самые золотистые доспехи, которые когда-то привиделись мне во сне. Сами воины, впрочем, выглядели значительно моложе и бодрее, чем те, из моих снов.

Доспехи у них были как бы рифленые, сплошь разукрашенные причудливыми выпуклыми изображениями. Однако, на мой взгляд, пока что, возможно, недостаточно просвещенный в этом плане, — да и воспоминания самого Эрекозе о боевых латах были еще довольно туманными — доспехи эти были совершенно непригодны для боевых действий. Все эти рельефные украшения и разнообразные желобки были как бы специально созданы для того, чтобы наконечники копий и стрел или лезвия мечей застревали в них, тогда как боевые латы должны прежде всего отражать удары, подобно зеркальной поверхности. В данном же случае, несмотря на всю красоту и пышность золотистых доспехов, воин скорее подвергался дополнительной опасности.

Королевские стражники сидели на тяжеловесных боевых конях, а животные, лежавшие поодаль, напоминали, пожалуй, верблюдов, правда безгорбых, и морды у них были довольно симпатичные. Стройные и высокие, они несли на спинах нечто вроде изящных паланкинов, инкрустированных слоновой костью, эбеновым деревом и перламутром, с легкими и блестящими шелковыми занавесками.

Мы стали спускаться вниз, и тут я заметил, что на пальце у меня по-прежнему надето кольцо, которое я носил, будучи Джоном Дэйкером. Кольцо из плетеных серебряных проволочек, которое подарила мне моя жена... Моя жена... Я уже не мог вспомнить ее лицо. Я чувствовал, что мне следовало оставить кольцо там, на том своем, другом, теле... Но, может, там никакого тела и не осталось?..

Мы подошли к лежащим на земле «верблюдам», и стражники выпрямились в седлах, приветствуя нас. Во многих взглядах, устремленных на меня, я заметил явное любопытство.

Король Ригенос указал на один из паланкинов:

— Не угодно ли тебе поместиться здесь, о Защитник?

Он сам вызвал меня в этот мир, но, похоже, все-таки меня побаивался.

Я взобрался по коротенькой, сплетенной из шелковых нитей лестнице в паланкин. Дно его было выстлано яркими подушками самых разнообразных цветов и оттенков.

Караван двинулся в путь, и мой паланкин довольно быстро поплыл над неширокой долиной, окаймленной какими-то незнакомыми мне вечнозелеными деревьями, они походили на раскидистые араукарии, только с более мощной кроной.

Меч свой я положил на колени. И стал внимательно его рассматривать. То был простой солдатский клинок — лезвие совершенно гладкое, без каких-либо знаков или отметин. Рукоять пришлась мне точно по руке. Хороший меч. Но почему он испускает какие-то смертоносные для других людей лучи, я понятия не имел. По-видимому, лучи эти были не менее смертоносны и для тех, кого король Ригенос называл Гончими Псами Зла, — для элдренов.

Мы ехали и ехали, а теплый ласковый день все не кончался, и я даже задремал на своих разноцветных подушках, сраженный какой-то непонятной усталостью, но вдруг услышал чей-то крик и выглянул наружу, отдернув занавески.

Перед нами был Некранал. Тот самый город, который я видел во сне.

Он был еще довольно далеко, но уже отсюда было видно, что он как бы стремится ввысь вместе с той горой, на которой некогда был основан. Множество чудесных строений — минареты, колокольни, шпили соборов, островерхие крепостные башни — сверкало на солнце, и это замечательное творение архитектуры как бы увенчано было величественным дворцом королей-воителей Некранала, носившем название Дворец Десяти Тысяч Окон. Я сам вспомнил, как он называется.

Я заметил, что король Ригенос высунулся из своего паланкина и крикнул:

— Каторн! Скачи вперед и скажи людям, что пришел Эрекозе, наш Герой и Защитник, и теперь мы непременно прогоним этих Сыновей Ада назад, в Горы Скорби!

Капитан королевской гвардии, к которому он обращался, выглядел поразительно мрачным.

— Хорошо, сир, — проворчал он себе под нос и погнал коня галопом по обочине дороги, взметая облачка белой пыли. Было хорошо видно, как дорога эта, извиваясь змеей, ведет прямо в сердце Некранала. Какое-то время я следил за быстро удалявшимся всадником, но вскоре мне это надоело, и я принялся внимательно смотреть по сторонам.

Такие города, как Лондон, Нью-Йорк или Токио, возможно, и крупнее Некранала, но не намного. Этот величественный город расстился на многие мили вокруг огромной горы и был по периметру обнесен высокой мощной стеной, на которой через строго определенные интервалы возвышались сторожевые башенки.

Наконец мы достигли главных ворот, и караван наш остановился.

Раздались звуки какого-то музыкального инструмента, ворота дрогнули и медленно отворились. Миновав их, мы сразу оказались на улицах города, заполненных толпами радостных людей, кричавших так громко, что порой приходилось затыкать уши из опасения, что барабанные перепонки могут не выдержать.

Глава III

Угроза элдренов

По мере того как наша процессия приближалась к королевскому дворцу, радостные крики толпы стали постепенно отдаляться и стихать. Потом наступила тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием паланкина, позвякиванием упряжи да стуком лошадиных копыт. В душе моей пробудилось какое-то легкое беспокойство. Что-то невыразимо зловещее таилось в этом городе. Конечно, жители его опасались новых атак неприятеля; конечно, они были измучены бесконечной войной. Но дело было не только в этом; казалось, Некранал обладает некоей болезненной, кошмарной аурой, в которой ощущалась смесь истерического восторга и меланхолической подавленности; такое за всю предшествующую жизнь мне удалось почувствовать лишь однажды — во время посещения лечебницы для душевнобольных...

Впрочем, возможно, я просто переносил собственное настроение на то, что меня окружало, и все мои страхи были порождены классической формой параноидальной шизофрении. Еще бы! Уж, по крайней мере, раздвоение личности-то у меня было, и при этом обе личности казались вполне реальными, да и одна из них, кажется, считалась в здешнем мире Спасителем Человечества! На какое-то время я даже задумался, а не сошел ли я с ума совсем, окончательно — если, разумеется, все это не чудовищные галлюцинации — и не нахожусь ли я действительно в том самом сумасшедшем доме, который когда-то посещал.

Я потрогал занавески, рукоять меча; снова высунул наружу и внимательно посмотрел на город, расстилавшийся передо мною, на массивные стены Дворца Десяти Тысяч Окон, возвышавшегося на вершине горы. Я попытался увидеть что-либо за их толщей, определенно предполагая, что все это иллюзия и вскоре я увижу стены той лечебницы или даже знакомые стены моей собственной квартиры. Однако стены Дворца Десяти Тысяч Окон оставались столь же массивными и прочными, как и прежде. Да и сам город Некранал отнюдь не казался призрачным. Я снова откинулся на подушки. Приходилось признать, что все это вполне реально, что я каким-то неведомым образом был перенесен через века и просторы космоса на эту Землю — и об этой Земле не повествовалось ни в одной летописи, не упоминалось ни в одном историческом исследовании (а я прочитал их великое множество); лишь отдаленное эхо знаний об этой Земле слышалось в древних мифах и легендах.

Я больше не был Джоном Дэйкером. Я был Эрекозе — Вечным Героем. Я сам стал легендой, воплотившейся в жизнь.

И тогда я засмеялся. Если я действительно сошел с ума, то это просто великолепное сумасшествие! Мне бы никогда и в голову не пришло самому выдумать такое!

В конце концов наш караван добрался до вершины горы, перед нами отворились украшенные самоцветами ворота, и мы очутились посреди очаровательного сада, который являла собой дворцовая площадь: там росло множество деревьев, играла вода в бесчисленных фонтанах, соединенных между собой маленькими каналами с причудливо украшенными мостиками над ними. В каналах плескалась вода, резвились рыбки, а среди листвы деревьев распевали птицы. Тут к нам подошли пажи, заставили наших «верблюдов» опуститься на колени, и мы, освещенные лучами заходящего солнца, торжественно ступили на землю.

Король Ригенос гордо улыбался, окидывая взглядом этот цветущий сад.

— Как тебе нравится, Эрекозе? Я все это создал сам, вскоре после того, как воцарился на троне. В те времена дворцовая площадь имела весьма мрачный вид и совершенно не сочеталась с остальными частями дворца.

— Очень красиво! — сказал я и обернулся, чтобы посмотреть на Иолинду, которая вновь присоединилась к нам. — Но вы, сир, сотворили и еще одно подлинное чудо, ибо вот самое прекрасное, что есть в вашем дворце!

Король захихикал.

— Я вижу, ты столь же любезный кавалер, сколь и великий воитель, Эрекозе. — Он взял нас с Иолиндой за руки и повел по великолепному двору. — Разумеется, теперь я не имею возможности много времени посвящать созиданию красоты — теперь я занят созиданием новых видов оружия. Я уже не думаю о том, чтобы разбить новый сад: я озабочен планами сражений. — Он вздохнул. — Но, может быть, ты сумеешь навсегда прогнать с нашей земли элдренов, Эрекозе? И когда они будут уничтожены, мы снова сможем наслаждаться радостями мирной жизни...

В те минуты мне было его жаль. Он хотел лишь того, чего хочет каждый человек: не бояться будущего, иметь возможность спокойно воспитывать детей в надежде, что и им, в свою очередь, такая возможность будет дана, и быть уверенным, что планы его не будут в любой момент разрушены очередным взрывом насилия... В конце концов мир короля Ригеноса оказался вовсе не столь уж отличным от того, который я совсем недавно покинул.

Я положил руку на плечо короля:

— Будем надеяться на это, ваше величество. Я сделаю все, что смогу.

Он прокашлялся:

— А сможешь ты очень, очень много, Герой! Я знаю. И скоро мы сумеем оградить себя от угрозы, которую несут проклятые элдрены!

Мы вошли в прохладный зал, стены которого были украшены панелями из кованого серебра и прекрасными занавесями. Красивый зал, хотя и слишком большой. Из зала наверх вела широкая лестница, по которой нам навстречу устремилась целая толпа — придворные, слуги, рабы. Выстроившись в соответствии с чином и положением при дворе, они преклонили колена, приветствуя своего короля.

— Это лорд Эрекозе, — возвестил король Ригенос. — Великий воитель и мой почетнейший гость. Оказывайте ему те же услуги и почести, что и мне, подчиняйтесь его слову так, как подчиняетесь моему. Все, что он пожелает, должно быть немедленно исполнено.

Я растерялся, когда вся эта толпа снова рухнула на колени и хором пропела: «Приветствуем тебя, о лорд Эрекозе!»

Я широко раскинул руки в приветственном жесте, и они поднялись с колен. Я уже начинал воспринимать подобное поведение как должное. Какая-то часть меня, несомненно, была давно уже привычна к подобным почестям.

— Не стану утомлять тебя всякими церемониями сегодня, — сказал Ригенос. — Если тебе угодно будет освежиться и отдохнуть в комнатах, которые мы специально приготовили для тебя, то мы навестим тебя позже.

— Прекрасно, — сказал я и повернулся к Иолинде, чтобы поцеловать ей руку на прощание. Она, колебавшись немного, несмело протянула ее мне. — Надеюсь увидеть вас обоих в самом ближайшем будущем, — прошептал я тихонько, вглядываясь в ее потрясающие глаза. Она тут же опустила ресницы и отдернула руку, а я позволил слугам отвести меня наверх в приготовленные для меня покои.

А приготовлено для меня было целых двадцать огромных комнат, где моих приказаний ожидали по крайней мере десять личных моих рабов и столько же слуг. Комнаты были изысканно, даже чересчур роскошно, на мой взгляд, убраны — впрочем, люди двадцатого столетия, возможно, несколько утратили вкус к настоящей роскоши. Во всяком случае, в голове у меня все время вертелось слово «напыщенный». Стоило мне хотя бы шевельнуться, как тут же рядом оказывался кто-то, кто помогал мне раздеться, или подавал стакан воды, или поправлял покрывало на диване и так далее. И все же мне было несколько неуютно в этих роскошных комнатах, так что я с облегчением обнаружил несколько совсем иных, значительно более скромно обставленных помещений. То были оружейные комнаты, с простыми крепкими скамьями вдоль стен, с окнами без пышных занавесей и со стенами, увешанными мечами, булавами, копьями с бронзовыми наконечниками и острыми стрелами.

Я какое-то время провел среди всей этой сверкающей стали и бронзы, а потом вернулся и велел принести мне поесть. Рабы принесли мне множество разнообразной еды и вина, и я от всей души наслаждался этой трапезой.

Поев, я почувствовал себя так, словно долгое время проспал и проснулся, ощущая новый прилив сил. Я снова обошел все свои владения, проявляя значительно больший интерес к оружию, чем к богатому убранству, которое пришлось бы по душе, не сомневаюсь, даже самому пресытившемуся сибариту. Потом я вышел на один из крытых балконов и стал разглядывать оттуда огромный город Некранал. Солнце уже почти село, и вдоль улиц протянулись длинные тени.

Закатное, чуть подернутое дымкой небо пылало множеством красок. Пурпурная, оранжевая, желтая, голубая — все эти краски отражались в островерхих крышах домов и соборов Некранала, и весь город казался сделанным из какого-то нежного и легкого вещества, напоминая порой рисунок пастелью.

Потом тени стали чернее. Солнце село, и его прощальные лучи алым вспыхнули на шпилях храмов; быстро спустилась ночь, и сразу на далеких стенах, окружавших Некранал, зажглись яркие огни: то были огромные костры, разожженные на расстоянии нескольких десятков шагов один от другого. Желто-красные языки пламени взмывали ввысь и освещали, казалось, почти весь город. В окнах домов также зажглись огни, я слышал крики ночных птиц и стрекотание насекомых. Я повернулся к городу спиной, собираясь войти в комнату, и увидел, что рабы уже зажгли лампы и ждут меня. Становилось весьма прохладно, но я почему-то медлил и не уходил с балкона, а потом и вовсе решил остаться там и подумать хорошенько о странных превращениях собственной судьбы и попытаться оценить истинный характер тех опасностей, что грозили сейчас Человечеству.

Стоя на балконе, я услышал вдруг, что в комнате появился кто-то еще, и, снова заглянув туда, заметил в дверях короля Ригеноса. Вместе с ним в мои апартаменты входил этот мрачный Каторн, капитан королевской гвардии. Вместо шлема он украсил теперь свою голову платиновым обручем, а боевые доспехи заменил длинным кожаным колетом, расшитым золотом. Каторн был без оружия, что, впрочем, отнюдь не смягчило ни его облика в целом, ни манеры вести себя. Король Ригенос кутался в плащ из белой шерсти, а голова его по-прежнему была увенчана острозубой короной, изукрашенной бриллиантами. Оба гостя вышли на балкон и присоединились ко мне.

— Надеюсь, тебе удалось немного отдохнуть, Эрекозе? — почти нервным тоном поинтересовался король Ригенос, словно боялся, что за время его отсутствия я могу раствориться в воздухе.

— Благодарю вас, ваше величество, я прекрасно себя чувствую.

— Это хорошо. — Он колебался.

— Время дорого, сир, — проворчал Каторн.

— Да-да, Каторн. Конечно, я знаю. — Король Ригенос посмотрел на меня так, словно надеялся, что я догадался, что именно он столь страстно желает у меня спросить, но я этого не знал и мог лишь ответить недоумевающим взглядом, ожидая, чтобы он заговорил первым.

— Вы ведь простите нас, лорд Эрекозе, — заговорил Каторн, — если мы сразу же перейдем к делу: к вопросу о наших государствах. Король Ригенос сейчас обозначит вам нашу позицию в этом вопросе и объяснит, чего именно мы ожидаем от вас...

— Да, конечно, — воскликнул я, — я готов! — Я действительно сгорал от желания узнать об этом вопросе как можно больше.

— У нас есть карты, — сказал король Ригенос. — Где наши карты, Каторн?

— Здесь, сир.

— Так, может быть, мы?..

Я кивнул в знак согласия, и мы прошли в комнату. Проследовав через две очень пышные комнаты, мы наконец остановились в гостиной, где стоял огромный дубовый обеденный стол. Возле стола я увидел рабов, державших в охапке длинные свитки пергамента. Каторн отобрал несколько таких свитков и расстелил их — один поверх другого — на столе, прижав один угол разложенных карт своим тяжелым кинжалом, а другой — бронзовой вазой, украшенной рубинами и изумрудами.

Я с любопытством смотрел на эти карты. Я уже узнал их. Нечто подобное я видел во сне до того, как был заклинаниями короля Ригеноса призван в этот мир.

Тут над картами склонился король, и его длинный бледный указательный палец двинулся вдоль обозначенной границы царства людей.

— Как я уже сказал тебе, Эрекозе, еще там... в твоей гробнице... элдрены нынче захватили власть на всем южном континенте. Они называют его Мернадин. Вот он, — палец его теперь продвигался вдоль побережья южного континента. — Пять лет назад они снова захватили единственный по-настоящему укрепленный город в Мернадине. Вот этот. Это их старинный морской порт Пафанаал. Битва была недолгой.

— Ваши войска бежали? — спросил я.

Снова вмешался Каторн:

— Я, конечно, допускаю, что мы стали чересчур благодушными и самонадеянными. Но когда они неожиданно напали на нас со стороны Гор Скорби, мы были совершенно к этому не готовы. Они, должно быть, собирали для этого сражения войска в течение нескольких лет, но нам об этом ничего не было известно. Да и откуда мы могли узнать их планы: им ведь колдуны помогают!

— Ну, я полагаю, вы, по крайней мере, могли вывезти из своих колоний подданных короля Ригеноса? — спросил я.

Каторн пожал плечами:

— Там и вывозить-то никого не требовалось. Мернадин, в сущности, так и не был заселен людьми, так как люди не могут жить в стране, испоганенной проклятыми Гончими Зла. На всем этом континенте теперь лежит проклятье, ибо обитают там посланники ада.

Я поскреб подбородок и с самым невинным видом спросил:

— Но тогда зачем же вы сперва прогнали элдренов и заставили их скрываться в Горах Скорби, если вам не были нужны их территории?

— Потому что до тех пор, пока они держат под своим контролем эти территории, существует постоянная угроза для всего Человечества!

— Понятно. — Я прижал правую руку к груди. — Простите меня, сир, что прервал вас. Прошу вас, продолжайте.

— Постоянная угроза... — начал было Каторн.

— И эта угроза вновь нависла над нами, — раздался голос короля. Голос его звучал глухо и дрожал. Глаза его вдруг вспыхнули страхом и ненавистью. — Мы в любой миг ожидаем, что они начнут войну против наших двух континентов — Завары и Некралалы!

— А вам известно, когда они предполагают начать захват ваших территорий? — спросил я. — Сколько времени потребуется нашим войскам, чтобы достойно встретить их?

— Они начнут войну непременно! — черные глаза Каторна сверкнули. Редкая борода, обрамлявшая его бледное лицо, казалось, встопорщилась.

— Да, они непременно начнут войну, — поддержал его король Ригенос. — Они бы уже сейчас властвовали над нашей страной, если бы мы постоянно не отражали их атаки.

— Мы вынуждены постоянно сдерживать их, — добавил Каторн. — Стоит им в одном месте пробить брешь, и они поглотят нас целиком!

Король Ригенос вздохнул:

— И все же люди очень устали от бесконечных сражений. Нам нужно, по крайней мере, одно из двух — хотя, в принципе, нам нужно и то, и другое — свежие воины, чтобы отшвырнуть элдренов назад, к их горам, или предводитель, способный вдохнуть в души тех воинов, которыми мы располагаем, новую надежду.

— А новых воинов вы не могли бы подготовить? — спросил я.

У Каторна что-то странно булькнуло в глотке. Я решил, что это он так смеется.

— Это невозможно! — заявил он. — Все Человечество воюет сейчас с элдренами — все, до последнего человека!

Король кивнул:

— Вот поэтому я и призвал тебя, Эрекозе, хотя мне и казалось, что я совершаю отчаянную глупость, желая принять чудесный вымысел за реальность...

При этих словах Каторн отвернулся. Мне показалось, что именно такова его собственная точка зрения на то, что произошло: он считал, что король от отчаяния повредился в рассудке. Мое явление во плоти, видимо, нанесло его представлениям существенный ущерб, а потому я в какой-то степени стал ему неприятен, хотя, по-моему, трудно было бы винить меня в том, что король Ригенос решил призвать Эрекозе в этот мир.

Король выпрямился:

— Я призвал тебя. И я требую, чтобы ты выполнил свою клятву.

Понятия не имея ни о какой клятве, я был поражен.

— Какую клятву? — спросил я.

Теперь до крайности изумленным выглядел король.

— Как, твою клятву — что, если элдрены когда-либо снова захватят Мернадин, ты придешь и встанешь во главе наших войск, чтобы одержать над проклятыми Псами победу!

— Понятно. — Я знаком велел одному из рабов налить мне вина, выпил немного и уставился на карту. Будучи Джоном Дэйкером, я отчетливо видел, что два свирепых, люто ненавидящих друг друга племени ведут что-то вроде священной войны, *джихада*, имеющего к тому же расовую основу. Но, будучи Эрекозе, я прекрасно понимал, на чьей я стороне. Я принадлежал к людской расе и обязан был отдать все силы, чтобы защитить свое племя. Человечество необходимо было спасти.

— А элдрены? — я посмотрел на короля Ригеноса. — Что по этому поводу говорят они?

— Что ты хочешь этим сказать? — проворчал Каторн. — Говорят, надо же! Ты сам говоришь так, словно не веришь нашему королю...

— Я же не подвергаю сомнениям справедливость ваших утверждений, — возразил я ему. — А просто хочу знать поточнее, чем именно элдрены оправдывают свою войну против нас. Мне было бы весьма полезно получить более ясное представление об их устремлениях.

Каторн пожал плечами.

— Они бы с удовольствием смели нас с лица Земли, — сказал он. — Разве этого тебе не достаточно?

— Нет, — сказал я. — Вы, должно быть, захватывали их в плен. Что говорили вам эти пленники? Как вожди элдренов изначально оправдывали войну против всего Человечества?

Король Ригенос отечески улыбнулся мне:

— Надо сказать, что ты довольно много забыл, Эрекозе, если не помнишь даже, что такое элдрены. Они же не люди! Они умны. Холодны и обладают гибкими, но лживыми языками, с помощью которых способны убаюкать кого угодно, внушить любому, что тревожиться не о чем, а потом своими обнаженными клыками вырвать у несчастного сердце из груди. Хотя, должен признать, они весьма храбры. Они умирают под пыткой, но ни слова не говорят о своих истинных планах. И они очень хитры. Все время пытаются заставить нас поверить их разговорам о мире, о взаимном доверии и взаимопомощи; надеются, что мы прекратим оборону и они смогут тогда уничтожить нас, благодаря внезапному нападению, или, по крайней мере, заставить сойтись с ними в открытом бою, чтобы против нас можно было использовать колдовство. Не будь наивным, Эрекозе. Не пытайся вести себя с элдренами так, как стал бы вести себя с людьми, ибо если ты так поступишь, тебе конец. У них ведь нет души — по крайней мере, по нашим понятиям. Они не знают, что такое любовь. Они обладают лишь холодной и нерушимой верностью избранному пути и своему хозяину, Азмобаане. Пойми же, Эрекозе, элдрены — порождение дьявола. Это демоны ада, которым Азмобаана в своем чудовищном богохульстве даровал нечто подобное человеческому обличью. Но и

обличье это не должно вводить тебя в заблуждение. То, что у элдренов внутри, не принадлежит миру людей; это может быть все что угодно, но только не человеческая душа...

Лицо Каторна исказилось:

— Не можете вы доверять этим Псам, Эрекозе. Все они предатели, нечестивые и злобные! И не будет нам покоя, пока все их поганое племя не исчезнет с лица Земли. Навсегда. Чтобы ни кусочка их плоти, ни капли их крови, ни осколка их кости, ни единого волоска элдренов не осталось на нашей Земле. И я совершенно уверен, Эрекозе: пока хотя бы горстка элдренов сохраняется в нашем мире, всегда есть возможность того, что Азмбаана воссоздаст свои войска и вновь нападет на нас. Это дьявольское отродье необходимо выжечь дотла — уничтожить их всех, мужчин, женщин, детей... Сжечь и пепел развеять по ветру! Вот в чем состоит наша задача, Эрекозе. Вот в чем задача Человечества. И у нас есть Добрые Боги, которые молятся за нас.

И тут я услышал другой голос, куда более мелодичный, и посмотрел в сторону двери. То была Иолинда.

— Ты должен вести нас к победе, Эрекозе, — порывисто проговорила она. — То, что говорит Каторн, чистая правда — и не важно, что он так свиреп, отстаивая ее. Все действительно обстоит так, как он тебе поведал. Ты должен вести нас к победе.

Я снова внимательно посмотрел ей в глаза. Потом глубоко вздохнул, и лицо мое посуровело.

— Я поведу вас к победе, — сказал я.

Глава IV

Иолинда

Утром меня разбудило позвякивание посуды: рабы готовили мне завтрак. А может, не рабы? Разве это не жена моя тихо двигается по комнате, готовясь будить сына, как она это делала каждое утро?

Я открыл глаза, ожидая увидеть ее.

Ее я не увидел. Не увидел я и знакомой комнаты в той квартире, где жил, будучи Джоном Дэйкером.

Не увидел я и рабов.

Вместо них я увидел Иолинду. Она улыбалась мне, собственными руками готовя завтрак.

На несколько минут я почувствовал себя виноватым, словно каким-то не совсем понятным мне образом предал собственную жену. Но потом понял, что ни в чем не виноват и стыдиться мне нечего. Я был жертвой Судьбы — тех сил, которые я даже не мог надеяться понять до конца. Я уже не был Джоном Дэйкером, а был Эрекозе и понимал, что лучше мне привыкнуть к этой мысли и успокоиться. Человек, страдающий раздвоением личности, безусловно, болен. Я решил как можно скорее забыть Джона Дэйкера. Раз уж я теперь Эрекозе, то и должен полностью сосредоточиться на этом. Тут придется положиться на Судьбу.

Иолинда принесла мне целую вазу каких-то фруктов.

— Не хочешь ли отведать, лорд Эрекозе?

Я выбрал какой-то странный мягкий плод с красновато-желтой кожурой. Она протянула мне маленький нож. Я попытался очистить фрукт, но, поскольку он был мне совершенно незнаком, не знал, как лучше это сделать. Девушка осторожно взяла у меня плод и начала чистить, присев на краешек моей низкой кровати и, пожалуй, слишком сильно сосредоточившись на этом занятии.

Наконец фрукт был очищен, Иолинда разрежала его на четыре части, положила на тарелочку и протянула тарелочку мне, по-прежнему избегая смотреть прямо в глаза, однако улыбаясь довольно загадочной улыбкой, когда смотрела куда-нибудь в сторону. Я взял кусочек плода и сунул в рот. Вкус был довольно острый, но в то же время сладкий. Фрукт явно обладал тонизирующим воздействием.

— Благодарю тебя, — сказал я. — Очень вкусно! Никогда раньше не пробовал ничего подобного.

— Неужели? — она самым искренним образом удивилась. — Но ведь *экрекс* — самый распространенный фрукт в Некранале.

— Ты забываешь, что в Некранале я еще не бывал, — заметил я.

Она склонила голову набок и, чуть нахмурясь, посмотрела на меня. Потом откинула тонкую голубую ткань, покрывавшую ее золотистые волосы, и устроила целый спектакль, прихорашиваясь и поправляя свое голубое платье, которое было ей в высшей степени к лицу. Она, по всей видимости, действительно была озадачена.

— Еще не бывал... — прошептала она.

— Не бывал, — подтвердил я.

— Но... — она запнулась, — ведь ты же великий Герой Человечества, лорд Эрекозе. Ты знал Некранал в дни его высочайшей славы, когда правил здесь, будучи Героем нашего народа. Ты знавал и Землю в древние времена, когда ты еще только освободил ее из тех цепей, которыми опутали ее элдрены. Ты знаешь об этом мире куда больше, чем о нем знаю я, Эрекозе.

Я пожал плечами:

— Признаюсь — многое здесь мне действительно знакомо и становится как бы все более знакомым. Но до вчерашнего дня меня звали Джон Дэйкер, и жил я в городе, весьма сильно отличающемся от Некранала, и был я отнюдь не воином, моя профессия вообще не имела никакого отношения к войне. Я не

отрицаю, что я Эрекозе — имя это знакомо мне и кажется вполне естественным. Но я не знаю, кто такой был этот Эрекозе, во всяком случае, не знаю о нем даже того, что знаешь ты. Он был Великим Героем древности, который перед смертью поклялся, что вернется, если будет нужен, когда между людьми состоится последний решающий бой. Похоронили его на холме в довольно-таки мрачной гробнице, и меч, с которым мог управляться лишь он один, положили к нему в могилу...

— Меч Канаяна, — прошептала Иолинда.

— Значит, у меча есть имя?

— О да... Канаяна. Это... это больше, чем имя, по-моему. Это что-то вроде его магической формулы — некое описание, и весьма точное, самой его волшебной сущности... той силы, что заключена в нем.

— А существует ли какая-нибудь легенда, в которой объяснялось бы, почему лишь я один могу держать в руках этот клинок? — спросил я ее.

— Таких легенд довольно много, — сказала она.

— Какая же нравится тебе больше других? — я улыбнулся.

И тут, впервые за все утро, она посмотрела прямо на меня и, понизив голос, сказала:

— Больше других мне нравится та, в которой говорится, что ты избранный сын Великого Доброго Бога, что меч твой — это меч Богов, и что ты один можешь управляться с ним, потому что ты и сам один из Богов — ты Бессмертный.

Я рассмеялся:

— Неужели ты этому веришь?

Она опустила глаза.

— Если ты скажешь мне, что это неправда, я, конечно же, должна буду поверить тебе, — сказала она. — Да, конечно.

— Признаю, что чувствую в себе значительную силу, — сказал я ей. — Но в этом смысле до Бога мне далеко! Кроме того, как мне кажется, если бы я был Богом, то знал бы это. И, конечно же, знал бы других Богов. И жил бы там, где обитают все остальные Боги. А среди моих знакомых были бы, разумеется, и Богини... — я прикусил язык. Она, похоже, была огорчена.

Я протянул руку, легонько коснулся ее плеча и примирительным тоном сказал:

— Но ты, возможно, все-таки права. Возможно, я действительно некий Бог, хотя бы уже потому, что безусловно достоин чести быть знакомым с Богиней.

Она только плечами пожала:

— Ты все время смеешься надо мной, господин мой.

— Нет, клянусь, я и не думал смеяться!

Она вскочила:

— Я, должно быть, кажусь просто дурочкой столь великому человеку, как ты. Прости меня, господин мой, я слишком утомила тебя своей болтовней.

— Нисколько ты меня не утомила, — возразил я. — Наоборот, ты мне очень помогла.

Рот у нее удивленно раскрылся:

— Помогла?

— Да. Ты помогла заполнить одну из пустующих страниц моей собственной памяти, которая обладает весьма странными свойствами. Я по-прежнему не помню, что было у Эрекозе в прошлом, но теперь, по крайней мере, я знаю о его прошлом примерно столько же, сколько любой человек здесь. Это уже не так мало!

— Может быть, долгие столетия непрерывных снов стерли все в твоей памяти? — сказала она.

— Может быть, — согласился я. — А может быть, сны эти навевали слишком много иных воспоминаний — об иных деяниях, иных жизнях...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Видишь ли, мне кажется, что я был не только Джоном Дэйкером или Эрекозе. Другие мои имена всплывают в памяти — странные, из каких-то неведомых языков... И я чувствую неясную — и, возможно, нелепую — уверенность, что, пока Эрекозе спал в своей гробнице, душа его — моя душа! — жила в иных людях, носивших те, неведомые мне имена. Может быть, душа моя вообще не способна спать и должна постоянно действовать?.. — Я помолчал. Что-то я чересчур ударился в метафизику, а в ней я всегда был слабоват. Вообще-то я всегда считал себя чистейшей воды прагматиком. Вера в переселение душ, в возрождение в ином обличье всегда раньше вызывала у меня усмешку — я и теперь продолжал презрительно улыбаться, хотя улыбаться было нечему: именно это-то со мной и произошло.

Тут Иолинда стала слезно просить меня продолжать те рассуждения, которые я сам считал полнейшей бессмыслицей.

— Пожалуйста, — молила она, — пожалуйста, лорд Эрекозе, продолжай свою речь!

И я, хотя бы только потому, что мне хотелось подольше удержать возле себя эту очаровательную девушку, продолжил свои рассуждения:

— Знаешь, пока ты и твой отец звали меня к себе, я, по-моему, вспоминал совсем другие жизни — то не были жизни Эрекозе или Джона Дэйкера. Я вспоминал, хотя и весьма туманно, иные цивилизации, хотя не мог бы, наверное, сказать тебе, были ли то цивилизации прошлого или будущего. Дело в том, что теперь само понятие «будущее» представляется мне бессмысленным. Я, например, совершенно не представляю, где, с точки зрения Джона Дэйкера, находится ваша цивилизация — в прошлом или в будущем? Она — в настоящем. И сам я — в настоящем. И в настоящем передо мной поставлены совершенно определенные задачи. Я должен их решить. Вот и все.

— Но эти твои другие воплощения?.. — проговорила она. — Что, собственно, ты знаешь о них?

Я пожал плечами:

— Ничего. Я всего лишь пытаюсь описать тебе некое неясное чувство, а не вполне определенное впечатление. Это всего лишь несколько имен, которые я теперь успел позабыть. Несколько знакомых лиц, которые почти исчезли из моей памяти подобно тому, как исчезают, тают наши сны. И, вполне возможно, все это всего лишь и было просто снами. Может быть, и жизнь моя в обличье Джона Дэйкера, которая, в свою очередь, тоже начинает растворяться в забвении, — только сон. Разумеется, я ничего не знаю о тех сверхъестественных существах, о которых упоминали твой отец и Каторн. Я понятия не имею об этом Азмобаане, как и о Великом Добром Боге. Я совершенно незнаком ни с демонами, ни тем более с ангелами. Я знаю лишь то, что я человек и я существую.

Лицо ее совсем помрачнело.

— Это правда. Ты человек. Ты существуешь. Я сама видела, как ты предстал перед нами во плоти.

— Но откуда я явился?

— Из других стран, — сказала она. — Из такого места, куда уходят все великие воины, когда умирают. А их жены следуют за ними туда, чтобы там жить весело и счастливо.

И снова я улыбнулся, но постарался скрыть улыбку, чтобы не обидеть Иолинду в ее искренней вере. Что-то я такого места не помнил.

— Я помню только вечные бои. Если я и был где-то не здесь, то уж, во всяком случае, не в стране вечного счастья, а был я во многих странах, и везде шла война.

Внезапно я почувствовал себя усталым и опустошенным.

— Везде шла война. Вечная война, — повторил я и вздохнул.

Теперь во взгляде ее ясно читалось сострадание.

— Не думаешь ли ты, что это твоя судьба — вечно вести войну против врагов Человечества?

Я нахмурился:

— Не совсем так, потому что я, кажется, помню времена, когда вовсе не был человеком. Во всяком случае, в том смысле, как ты это понимаешь. Если душа моя вообще способна селиться в самых различных телах, то она определенно порой селилась в таких существах, которые... сильно отличались... — Я отбросил эту мысль. Все это было слишком трудно воспринять сразу. И слишком мучительно.

Мои слова встревожили Иолинду. Она встала, непонимающе на меня глядя.

— Но это были не... не...

Я улыбнулся:

— Не элдрены? Не знаю. Но не думаю, чтобы это было так, потому что само это слово кажется мне совсем незнакомым.

Она явно почувствовала облегчение.

— Во все это так трудно поверить... — печально пробормотала она.

— Поверить? Моим словам?

— Поверить всему тому, что ты говоришь, тому, что с тобой произошло. Когда-то я считала, что довольно хорошо разбираюсь в жизни. Наверное, я была тогда слишком молода. Сейчас я не могу разобраться ни в чем. Я не знаю даже, буду ли я жива на будущий год.

— По-моему, страхи эти свойственны всем нам, смертным, — мягко сказал я.

— Нам, смертным? — Улыбка ее стала ледяной. — Но ты не смертный, Эрекозе!

До сих пор, откровенно говоря, такое мне и в голову не приходило. Но, в конце концов, разве меня не вызвали в этот мир с помощью заклинания? Я рассмеялся.

— Скоро у нас будет возможность выяснить это — когда начнется великая битва с элдренами! — сказал я.

С ее губ сорвался слабый стон.

— Ах! — воскликнула она. — Разве это имеет какое-либо значение? — Она сделала несколько шагов по направлению к двери. — Ты действительно бессмертен, Эрекозе! Ты неуязвим! Ты вечен! Ты — единственное, в чем я могу быть уверена. Единственный человек, которому я могу верить! Не шути так. Умоляю тебя, не шути так со мной!

Я был поражен этим взрывом эмоций. Мне очень хотелось вскочить, обнять ее и как-то успокоить, но я был совершенно наг. Разумеется, она уже видела меня совершенно нагим, когда я явился перед ними во плоти в гробнице Эрекозе, но я еще недостаточно хорошо знал нравы и обычаи этого народа, чтобы догадаться, какое моя нагота произведет на нее впечатление теперь.

— Прости меня, Иолинда, — сказал я. — Я и не предполагал...

Чего я не предполагал? Того, насколько бедная девочка напугана? А может, какого-то иного, более глубокого чувства в ней?

— Не уходи, — попросил я.

Она остановилась на пороге, обернулась, и я заметил, что ее огромные растерянные глаза полны слез.

— Ты вечен, Эрекозе. Ты бессмертен. Ты не можешь умереть!

Ответить я не мог.

Тем более что понимал, что в первом же бою с этими элдренами погибну.

Внезапно мне стало ясно, какая ответственность лежит на мне. Ответственность не только перед этой прекрасной юной женщиной, но и перед всем человечеством. Я с трудом проглотил застрявший в горле комок и устало рухнул на подушки, а Иолинда опрометью выбежала из комнаты.

Возможно ли, чтобы я оказался способен выдержать такое бремя?

Неужели я действительно хотел, чтобы это бремя возложили на мои плечи?

Нет, не хотел. Я вообще не очень-то верил в собственные силы, и у меня не было никаких оснований полагать, что силы эти в чем-то превосходят силы других мужчин, скажем, Каторна. Во всяком случае, Каторн куда более искушен в военном искусстве, чем я. И он имеет полное право недолюбливать меня. Я отнял у него роль великого полководца, лишил его власти и даже той чудовищной ответственности, которую он-то вполне готов был взвалить на себя. К тому же я еще ничем не доказал, что имею право на все это. Я подумал вдруг, каково сейчас Каторну, и преисполнился к нему сочувствия.

Какое право имел я вести за собой человечество в бой, который должен был решить вопрос о самом его существовании?

Никакого.

И тут я подумал совсем о другом — мне даже стало жаль себя.

Какое право имеет человечество столь многого ждать от меня?

Допустим, они пробудили меня ото сна, который, впрочем, я честно заслужил, ведя мирную достойную жизнь Джона Дэйкера. А теперь они навязывают мне свою волю, требуя, чтобы я возвратил им былую уверенность в своих силах и — о да! — былое самодовольство!

Я лежал в своей роскошной постели и потихоньку начинал ненавидеть и короля Ригеноса, и Каторна, и все человечество в целом, и даже белокурую Иолинду, которая, собственно, и навела меня на эти размышления.

Эрекозе, Великий Герой, Защитник Человечества, величайший из воинов, валялся в своей постели, несчастный и жалкий, и проливал слезы по поводу собственной судьбы. Ему было очень, очень жаль себя.

Глава V

Каторн

Наконец я все-таки встал и накинул нечто вроде простой туники, а потом — я даже немного растерялся — рабы моментально умыли меня и побрили. В полном одиночестве отправился я в оружейную и снял со стены свой меч в ножнах.

Я вынул клинок из ножен, и снова меня охватило странное возбуждение. Я сразу же позабыл и свою растерянность, и сомнения, а услышав свист меча, рассекавшего воздух у меня над головой, радостно рассмеялся.

Мышцы стали привычно упругими. Я сделал несколько выпадов; казалось, что мы с мечом составляем единое целое, что это как бы еще одна моя рука. Я сделал глубокий выпад, вернулся в прежнюю позицию и резко опустил меч острием вниз. Владея им, я испытывал необычайную радость!

Он превратил меня в нечто большее, более значительное, чем во все предшествующие годы. Он сделал меня настоящим мужчиной. Настоящим воином. Героем!

Будучи Джоном Дэйкером, я имел дело с холодным оружием от силы раза два и, надо сказать, управлялся с ним довольно-таки неуклюже, если судить по отзывам тех моих друзей, которые считали себя в этом знатоками.

В конце концов я неохотно сунул меч в ножны, но только потому, что заметил поблизости одного из моих рабов: я помнил, что лишь один Эрекозе может касаться этого меча и оставаться при этом в живых.

— В чем дело? — спросил я раба.

— Там лорд Каторн пришел, господин мой. Он очень хотел бы с вами поговорить.

— Пусть войдет, — сказал я рабу, повесив меч обратно на стену.

Каторн вошел в оружейную стремительной походкой. Он, похоже, довольно долго ждал приема и пребывал в столь же дурном настроении, как и в тот, самый первый раз, когда я увидел его. Его башмаки, подкованные железом, прогрохотали по каменным плитам пола.

— Доброе утро, лорд Эрекозе, — сказал он.

Я поклонился:

— Доброе утро, лорд Каторн. Прошу прощения, если заставил ждать. Я упражнялся с этим мечом...

— С мечом Канаяной... — Каторн бросил на меч подозрительный взгляд.

— С мечом Канаяной, — повторил я. — Не угодно ли перекусить или выпить, лорд Каторн?

Я очень старался угодить ему не только потому, что неразумно иметь в качестве врага столь искушенного воина да еще в период подготовки главной военной кампании, но и потому, как я уже говорил, что в достаточной мере преисполнился к Каторну сочувствия.

Однако Каторн смягчиться не пожелал.

— Я плотно позавтракал еще на заре. Меня интересуют значительно более важные проблемы, чем вкусная еда, лорд Эрекозе, — заявил он.

— Каковы же эти проблемы? — я мужественно сдержался.

— Военные, разумеется. А что бы вы хотели еще услышать от меня, лорд Эрекозе?

— Да, действительно. А какие именно военные проблемы вы хотели бы обсудить со мной, лорд Каторн?

— По-моему, нам следует атаковать элдренов прежде, чем они сами пойдут на нас войной.

— Лучший вид защиты — это нападение, не правда ли?

Он, казалось, удивился. Совершенно очевидно, что раньше он этой поговорки не слышал.

— Отлично сказано, господин мой. Можно подумать, что передо мной настоящий элдрен — так ловко вы управляетесь со словами... — он явно испытывал мое терпение. Но я и этот грязный намек проглотил.

— Итак, мы нападём на них. И что дальше? — спросил я.

— Именно это мы и должны обсудить со всеми вместе. Но совершенно очевидно, какая точка у них самая уязвимая.

— И какая же?

Он быстро прошагал в другую комнату и вернулся оттуда с картой, которую расстелил на скамье. Это была карта третьего континента, того, что полностью находился во власти элдренов и назывался Мернадин. Острым концом кинжала Каторн указал в то самое место, которое при мне уже не раз отмечалось накануне вечером.

— Пафанаал, — сказал я.

— Поскольку это слишком важный пункт в той кампании, которая сейчас планируется, элдрены, по-моему, вряд ли ожидают, что мы решимся атаковать этот город в первую очередь, — им ведь известно, что люди устали от сражений, да и силы у нас на исходе...

— Но раз уж мы так измотаны и ослаблены, — сказал я, — не было бы лучше сначала взять какой-нибудь другой, менее важный город?

— Вы забываете, господин мой, что воины вдохновлены вашим появлением в наших рядах, — сухо ответил Каторн.

Я не сумел сдержать улыбку. Но Каторн посмотрел на меня так хмуро и сердито, что я решил на него не обижаться.

— Мы должны научиться действовать вместе, лорд Каторн. Я склоняю голову, признавая ваш авторитет великого воина и ваш огромный опыт. Согласен, что ваше знание повадок и характеров элдренов значительно полнее и глубже моего. И мне, конечно же, необходима ваша помощь — настолько же, насколько королю Ригеносу, как то полагает он сам, необходима моя поддержка. — Я говорил тихо, примирительным тоном.

Каторну, похоже, эти слова пришлись по душе. Он прокашлялся и заговорил снова:

— Едва Пафанаал окажется в наших руках, мы обретем отличный плацдарм для проведения дальнейших операций на суше. Кроме того, владея Пафанаалом, мы легко сможем проводить в жизнь свою собственную стратегию, не ожидая, что предпримет противник, и не идя у элдренов на поводу. Лишь отбросив их назад, к Горам Скорби, можно приступить к весьма утомительной, но необходимой миссии: полному истреблению элдренов. На это потребуются годы. Но сделать это необходимо в первую очередь! Впрочем, это будет предметом забот военной администрации захваченных территорий и нас непосредственно почти не коснется.

— А сколь хорошо защищен этот Пафанаал? — спросил я.

Каторн улыбнулся:

— Защиту порта осуществляет, в основном, боевой флот элдренов. Если нам удастся уничтожить их флот, можно считать, что Пафанаал у нас в руках. — Он оскалил зубы — видимо, это называлось у него «рассмеяться от души». А потом вдруг подозрительно на меня глянул, словно опасаясь, что сказал мне слишком много.

Такого взгляда нельзя было не заметить, и я сказал:

— Что мучает вас, лорд Каторн? Разве вы мне не доверяете?

На лице его не дрогнул ни один мускул.

— Я должен вам доверять, — равнодушно сказал он. — Мы все должны вам доверять, лорд Эрекозе. Разве вы вернулись не для того, чтобы выполнить свою древнюю клятву?

Я внимательно посмотрел на него:

— А вы сами в это верите?

— Я должен в это верить.

— Вы верите в то, что я — вернувшийся Эрекозе, Защитник Человечества?

— Я и в это тоже верить должен.

— Вы верите этому только потому, что если я не Эрекозе — тот, из ваших легенд, — то Человечеству конец?

Он склонил голову, как бы в знак согласия.

— А что, если я не Эрекозе, господин мой?

Каторн вскинул голову:

— Вы должны быть Эрекозе... Если бы это было не так, я заподозрил бы... — Что бы вы заподозрили?

— Ничего.

— Вы заподозрили, что я переодетый шпион элдренов, так ведь, лорд Каторн? Этаким хитрющий недочеловек, который только внешне похож на человека? Верно ли я прочел ваши мысли, господин мой?

— Чересчур верно. — Густые брови Каторна совсем сошлись на переносице, а побелевшие губы вытянулись в жесткую линию. — Говорят, элдрены тоже способны шарить в чужих мыслях... в отличие от настоящих людей...

— Так вы что же, боитесь меня, лорд Каторн?

— Боюсь какого-то элдрена? Клянусь Богом, я тебе покажу... — и могучая ручища Каторна схватилась за рукоять меча.

Я тут же поднял руку и молча показал ему на меч, висевший в ножнах на стене.

— Именно поэтому вы и не решаетесь заподозрить меня, верно? Этот меч в вашу теорию не вписывается. Если бы я не был Эрекозе, то как же этот меч подчиняется мне?

Он так и не вытащил своего меча, однако упорно продолжал сжимать рукоять.

— Ведь это правда — разве не так? — что ни человек, ни элдрен, ни одно живое существо не может коснуться меча Эрекозе и остаться при этом в живых? — тихо спросил я.

— Да, так говорится в наших легендах, — согласился он.

— В легендах?

— Я никогда не видел, чтобы какой-нибудь элдрен хотя бы попытался дотронуться до меча Канаяны...

— Но вы обязаны допустить, что это утверждение справедливо. Иначе...

— Иначе у Человечества надежды почти не остается, — эти слова из него словно клещами вытащили.

— Что ж, прекрасно, лорд Каторн. В таком случае, вы признаете, что я Эрекозе и призван королем Ригеносом вести людей к победе.

— У меня нет иного выбора, кроме как признать это.

— Хорошо. Я, в свою очередь, тоже вынужден кое-что признать, лорд Каторн.

— Вы? Что же?

— Я должен признать — и быть в этом уверенным! — что вы мой союзник в этой кампании. Что у меня за спиной не будут плести заговоры, что от меня не будут утаивать информацию, что вы не станете заключать ни с кем сделку, чтобы повредить мне. Видите ли, лорд Каторн, именно благодаря вашим подозрениям могут рухнуть все наши планы. Завистник, ненавидящий своего вождя, способен причинить куда больше вреда, чем любой открытый враг...

Он кивнул и распрямил плечи. Потом медленно убрал руку с рукояти меча.

— Я много думал об этом, господин мой. Я не такой уж дурак.

— Знаю, что вы не дурак, лорд Каторн. Если бы вы действительно были дураком, я бы и времени не стал тратить на подобные разговоры.

Он сосредоточенно ковырялся языком в зубах, обдумывая мои последние слова. В конце концов он сказал:

— А вы тоже не дурак, лорд Эрекозе.

— Благодарю вас. Вот уж не предполагал, что вы обо мне столь высокого мнения...

— Хм, — он снял шлем и провел рукой по своим густым волосам. Он все еще что-то обдумывал.

Я подождал, надеясь, что он скажет еще что-то, но он лишь решительно вновь напялил шлем и, сунув в рот большой палец, стал энергично ковыряться в зубах ногтем. Потом извлек палец и сосредоточенно на него уставился. Потом перевел взгляд на карту и прошептал:

— Ну что ж, в конце концов мы друг друга поняли. Так что теперь будет куда легче вести эту вонючую войну.

— Безусловно, значительно легче, — кивнул я.

Он фыркнул.

— А насколько хорош наш собственный флот? — спросил я.

— Все еще очень неплох. Не так велик, как раньше, но корабли-то мы еще построим, это дело сейчас идет вовсю. Верфи работают день и ночь. И по всей стране отливаются мощные пушки для новых военных кораблей.

— А где мы наберем команды?

— Сейчас мы призываем в наши войска всех, порой даже женщин... даже детей. Вам ведь уже сказали, лорд Эрекозе, — и это чистая правда! — что все люди выступили против проклятых элдренов в едином строю.

Я промолчал, в глубине души уже испытывая восхищение неукротимой силой духа этого народа. Мои колебания по поводу справедливости собственных поступков теперь были значительно меньше. Люди, принадлежащие к той эпохе, в которую я попал, боролись сейчас ни больше ни меньше, как за сохранение своего рода.

И тут в голову мне пришла совсем иная мысль. А разве нельзя то же самое сказать и про элдренов?

Эту мысль я прогнал.

Мы с Каторном сходились, по крайней мере, в одном: мы оба не желали обременять свою совесть размышлениями морально-сентиментального порядка. Сейчас перед нами стояла конкретная задача. Мы взяли на себя ответственность за ее решение. И для этого должны сделать все, что в наших силах.

Глава VI

Подготовка к войне

Итак, я вел бесконечные совещания с генералами и адмиралами. Мы внимательно изучали карты, обсуждали тактику сражений, расчеты тылов, людские ресурсы, количество тягловых животных и боевых кораблей, а тем временем флот сосредоточивался у берегов столицы и оба континента были прочесаны вдоль и поперек в поисках рекрутов — брали и десятилетних мальчиков, и пожилых мужчин старше пятидесяти, и девушек лет двенадцати, и шестидесятилетних старух. Новобранцев сортировали и строили под знамена Завары и Некралалы, под знаменами короля Ригеноса и Великого Защитника Человечества — Эрекозе.

В эти дни мы как раз работали над планом грандиозного вторжения на территорию элдренов: планом захвата главного порта Мернадина — Пафанаала и его окрестностей.

В свободное от совещаний время я неустанно практиковался во владении различными видами оружия, а также — в верховой езде, доводя собственное умение до совершенства.

Похоже, я не столько учился этому заново, сколько возобновлял старые навыки. Столь же знакомым, как и мой загадочный меч, было ощущение седла, и шпор, и колышущейся конской спины подо мной. То же самое было и с моим именем Эрекозе (которое, как мне сказали, означало на каком-то мертвом языке «Тот, кто всегда здесь»), и с умением стрелять из лука: я ловко попадал в цель даже на полном скаку.

Что же касается Иолинды, то в ней для меня абсолютно ничего знакомого не было. Несмотря на то что некая часть моего «я», видимо, все-таки была способна путешествовать во времени и пространстве и помнить множество моих воплощений, но все воплощения явно очень отличались друг от друга. Ни одного эпизода из тех прошлых жизней я заново не пережил, а просто снова воплотился в того же человека, но в совершенно иную эпоху и при иных обстоятельствах. Действовал тоже совершенно иначе, во всяком случае мне так казалось, но при всей условности своего бытия я как бы обладал некоей свободой воли. Во всяком случае, ощущения, что судьба моя целиком предreshена заранее, у меня не возникало. Но, может быть, я ошибался? Может быть, я оказался слишком большим оптимистом перед лицом Судьбы? А может быть, и просто глупцом? Что, если и Каторн ошибся, слишком высоко оценив меня, и я не Вечный Герой, а Вечный Дурак?..

И, уж конечно, я совершенно сознательно валял дурака, когда дело касалось Иолинды. Она была почти непереносимо прекрасна. Впрочем, оказавшись с ней наедине, я не мог притворяться дураком. Ей нужен был Герой — Бессмертный Эрекозе — и никак не меньше. Так что приходилось изображать в ее присутствии героя, чтобы успокоить девушку, хотя это не очень сочеталось с моими собственными излюбленными привычками. Должен признаться, что порой я действительно чувствовал себя скорее ее отцом, чем возможным любовником, и, объясняя это ощущение с позиций своего любимого двадцатого века, задавался вопросом, а не являюсь ли я и в самом деле в ее глазах неким «сильным отцом» или «мудрым старцем», которого она хотела бы видеть в Ригеносе?

По-моему, она втайне даже порицала Ригеноса за недостаток геройства, но мне старик был симпатичен (Старик? Видимо, все-таки сам я куда старше его, бесконечно старше... впрочем, довольно об этом...), тем более что он нес на своих плечах бремя колоссальной ответственности и очень неплохо справлялся со всем этим, насколько я успел уже в этом убедиться. В конце концов, этому человеку куда больше по душе было садоводство, чем планы военных кампаний. И не его вина, что он родился королем и в настоящее время не имел ни одного кровного родственника мужского пола, которому мог бы передать по наследству и свою власть, и свою ответственность. Ему просто не повезло. К тому же я был уже достаточно наслышан о том, как хорошо он ведет себя в сражении и никогда ни за чью спину не прячется — ни от опасности, ни от ответственности. Король Ригенос явно стремился к мирной жизни, но способен был проявить и настоящую свирепость, особенно если речь заходила о ненавистных ему элдренах. Именно я должен был стать тем героем, каким он сам, отлично понимая это, стать был не в состоянии. С этой ролью я смирился, но вовсе не был уверен, что мне хотелось бы сыграть роль героического отца Иолинды. У меня к ней были иные, более естественные и, на мой взгляд, здоровые

чувства. Никакая другая близость с ней мне нужна не была!

Не уверен, впрочем, что у меня была возможность выбирать: она меня совершенно околдовала. Вскоре я уже был готов принять любые условия игры.

Мы проводили вместе все свободное время, которое я мог уделить ей, а не военачальникам и не собственной военной подготовке. Мы прогуливались рука об руку по бесчисленным крытым балконам и галереям Дворца Десяти Тысяч Окон, опутывавшим его, словно ползучее растение, от фундамента до крыши; в галереях было множество цветущих растений, декоративных кустарников, множество птиц — в клетках и на воле, — которые щебетали в листве могучих побегов дикого винограда, покрывавших стены дворца. Я узнал, что и затея поселить на галереях птиц тоже принадлежала королю Ригеносу: он хотел сделать свои висячие сады еще прекраснее.

Но все это он сделал еще до того, как элдрены пошли на людей войной.

Медленно приближался тот день, когда военные корабли должны были соединиться в один мощный флот и отбыть к берегам того далекого континента, которым правили элдрены. Прежде я только и мечтал, как бы поскорее сойтись с ними в бою, однако теперь мне все меньше хотелось уезжать, ибо это означало расставание с Иолиндой, а моя страсть к ней, как и моя любовь, росли с каждым днем.

Хотя я уже понимал, что человеческое общество день ото дня становится все менее открытым, все более опутанным неприятными и никому не нужными запретами и ограничениями, но знал тем не менее, что для любовников не считается позорным делить одно ложе до свадьбы, если они оба имеют один и тот же социальный статус. Узнав об этом, я почувствовал значительное облегчение. Думаю, что Бессмертный Герой — каковым меня считали — и принцесса могут составить вполне приличную пару. Но мешали мне в общем-то не общественные запреты — сама Иолинда противилась такому развитию событий. И тут мне не могла помочь ни неограниченная свобода, ни пресловутые «привилегии», ни «вседозволенность». Странно, но почему-то многие в двадцатом веке считают (интересно, поймут ли те, кто прочтет эти строки, что означают эти два слова: «двадцатый век»?), что если законы морали, самим же человеком созданные, — и прежде всего те, что касаются половых отношений, — будут низвергнуты, то немедленно начнется немыслимая всеобщая оргия. При этом почему-то сбрасывается со счетов такой общеизвестный факт, что человек способен по-настоящему любить всего лишь один-два раза в жизни. И, кроме того, может быть сколько угодно иных причин, по которым люди не захотят заниматься сексом с кем попало, даже если это будет официально разрешено законом.

В случае с Иолиндой я колебался потому, что не желал становиться всего лишь заменителем ее собственного отца и играть роль «мудрого старца»; она же колебалась потому, что ей необходимо было увериться в том, что мне можно «верить». Джон Дэйкер назвал бы подобные отношения невротическими. Может быть, это и так, но, с другой стороны, что ненормального в поведении в общем-то совершенно нормальной девушки, если ей немножко боязно при виде того, кого она собственными глазами совсем недавно видела встающим из могилы?

Но довольно об этом. Могу лишь сказать, что, несмотря на горячую взаимную любовь, мы с Иолиндой ничем таким не занимались — вот и все. Мы даже не обсуждали подобной возможности, хотя страстные призывы все время готовы были сорваться у меня с языка...

Но, что самое странное, страсть моя к прекрасной Иолинде начала постепенно как бы таять. Я по-прежнему любил ее от всего сердца, она была мне дороже всего на свете, но выражать свои чувства, если так можно выразиться, физически потребности у меня больше не возникало. Это уж совсем было на меня не похоже. Или, точнее, было не похоже на Джона Дэйкера!

Но, по мере того как приближался день нашей разлуки, во мне стало крепнуть желание хоть в чем-то выразить свою любовь, и однажды, когда мы прогуливались по цветущим галереям, я остановился, нежно положил руку ей на затылок, чуть поглаживая шею под белокурыми волосами, и повернул ее лицом к себе.

Она кротко посмотрела на меня и улыбнулась. Губы ее слегка раздвинулись, и больше она не успела сделать ни одного движения: я тут же наклонился и тихонько поцеловал Иолинду. Сердце у меня екнуло от счастья. Я крепко прижимал девушку к себе, чувствуя, как взволнованно приподнимается и опускается

прекрасная грудь. Потом поднял ее ладонь и приложил к своей щеке, любуясь чарующей красотой Иолинды. Пальцы мои запутались в густых волосах, я ловил теплое свежее дыхание, когда губы наши снова и снова соединялись. Она вложила свой кулачок в мою руку, зажмурилась, потом широко открыла глаза, и в них было счастье, подлинное счастье, впервые за это время. Мы отпрянули друг от друга.

Дыхание ее все еще было прерывистым, она что-то шептала себе под нос, но я снова помешал ей. Она как-то выжидающе улыбнулась мне, одновременно гордо и нежно.

— Когда я вернусь, — ласково сказал я ей, — мы с тобой станем мужем и женой.

Она сперва посмотрела на меня удивленно, но потом слова — их сокровенный смысл — дошли до ее сознания. Таким способом я пытался внушить ей, что верить мне можно. Это был тот единственный способ, который я оказался в состоянии придумать. А может быть, Джон Дэйкер поступил так чисто инстинктивно, не знаю.

Иолинда кивнула и сняла с пальца редкой работы кольцо — золотое, с жемчугом и розовыми бриллиантами. Кольцо это она надела мне на мизинец.

— Подарок — в знак моей любви к тебе, — сказала она, — и того, что я принимаю твоё предложение. Если хочешь, то это еще и талисман, который принесет тебе удачу в сражении, и просто — память обо мне. Чтобы ты не поддавался на искушения этих проклятых элдренских красоток... — тут она не выдержала и улыбнулась.

— Много же у этого кольца назначений! — заметил я.

— Столько, сколько тебе захочется самому, — откликнулась она.

— Спасибо тебе.

— Я люблю тебя, Эрекозе, — просто сказала она.

— И я люблю тебя, Иолинда. — Я помолчал и прибавил: — Вот только грубоват я в любви, верно? Мне и подарить-то тебе на память нечего. Мне даже как-то неловко... Это несправедливо...

— Твоего слова мне вполне достаточно, — сказала она. — Поклянись, что ты вернешься ко мне.

Я смотрел на нее в замешательстве. Ну разумеется, я вернусь к ней!

— Поклянись! — сказала она.

— Ну конечно, поклянусь. Даже и речи не может быть...

— Поклянись.

— Я готов поклясться и тысячу раз, если одного недостаточно. Клянусь. Я клянусь, Иолинда, что вернусь к тебе, моя любимая, свет моих очей...

— Да, теперь хорошо, — она, казалось, была удовлетворена.

На дальнем конце галереи послышался стук торопливых шагов, и я признал в спешащем к нам человеке одного из своих рабов.

— Ах, хозяин, вот вы где! Король Ригенос просил меня привести вас к нему.

Был уже довольно поздний вечер.

— А что угодно его величеству? — спросил я.

— Он не сказал, хозяин.

Я улыбнулся Иолинде и сжал ее руку в своей.

— Что ж, прекрасно. Предстанем перед королем.

Глава VII

Боевые доспехи Эрекозе

Раб привел нас в мои собственные апартаменты. Но там никого не было, кроме моей обычной «свиты».

— А где же король Ригенос? — спросил я.

— Он просил вас подождать здесь, хозяин.

Я снова улыбнулся, глядя на Иолинду. Она улыбнулась мне в ответ.

— Очень хорошо, — сказал я. — Мы подождем здесь.

Ждать нам пришлось не долго. Вскоре в комнату, где мы сидели, один за другим начали входить рабы, которые несли какие-то довольно неуклюжие металлические предметы, завернутые в промасленный пергамент. Я смотрел на все это, страшно заинтригованный, хотя и старался не показывать виду, что взволнован.

Потом наконец явился и сам король Ригенос. Он, казалось, был значительно более возбужден, чем обычно, да и Каторна, вопреки обыкновению, с ним не было.

— Здравствуй, отец, — сказала Иолинда. — Я...

Но король Ригенос поднял руку, приказывая ей замолчать, и обернулся к рабам.

— Снимите покровы, — велел он им. — Да поторапливайтесь!

— Король Ригенос, — начал было я, — мне бы хотелось сообщить...

— Прости, лорд Эрекозе. Посмотри сперва, что я принес. Это долгие годы хранилось в самых потаенных подземельях дворца. Они ждали тебя, Эрекозе. Тебя!

— Ждали?..

И тут последний кусок пергамента был сорван и отброшен на каменные плиты пола. Взору моему открылось дивное зрелище.

— Это боевые доспехи Эрекозе. Они покоились в каменной гробнице, в самом глубоком подземелье, и ждали, когда Эрекозе снова сможет облачиться в них.

Латы были из черного сверкающего металла. Они казались совершенно новыми. Их создатель был величайшим в истории человечества мастером, ибо латы являли собой образец подлинного искусства.

Я взял в руки нагрудную пластину.

В отличие от доспехов Королевской Гвардии, эти были совершенно гладкими, лишенными каких бы то ни было выпуклых украшений. Из гофрированного металла были только наплечники, которые широкими крыльями прикрывали шею и голову от удара мечом, топором или копьем. Шлем, нагрудные пластины, ножные латы и все остальное было гладким.

Металл был легким, но, видимо, очень прочным, как и тот, из которого сделан был мой меч. Черная его полированная поверхность сверкала. Блеск был ярким — почти слепил глаза. В своей простоте доспехи эти действительно были прекрасны — столь прекрасным может быть лишь произведение подлинного искусства и мастерства. Единственным украшением служил густой султан алого цвета, сделанный из конского волоса и прикрепленный к верхушке шлема. Я прикоснулся к латам с почтением: так касаются шедевра тонкой работы; однако в данном случае шедевр был предназначен для того, чтобы защитить мою жизнь, так что как бы то ни было, а почтение мое от этого значительно возросло!

— Благодарю тебя, король Ригенос, — сказал я, испытывая самую горячую признательность. — Я надену эти доспехи в тот день, когда мы выступим в поход против элдренов.

— Этот день — завтра, — тихо сказал король.

— Как?

— Сегодня прибыл последний из наших боевых кораблей. Сегодня было завершено комплектование экипажей. Сегодня была установлена последняя пушка. Утром будет высокий прилив — мы должны этим воспользоваться.

Я уставился на него. Не провели ли меня? А что, если Каторн заставил короля не открывать мне дня и часа начала похода? Но по лицу короля никак нельзя было сказать, что он что-то таит в душе. Я отбросил сомнения и решил считать его слова искренними. Потом посмотрел на Иолинду. Она была совершенно потрясена.

— Утром... — проговорила она.

— Да, завтра утром, — подтвердил король Ригенос еще раз.

Я прикусил губу.

— Но тогда мне нужно как-то подготовиться...

— Отец... — начала было Иолинда.

Он посмотрел на нее:

— Да, дорогая, я тебя, слушаю.

Я заговорил первым, но вдруг остановился. Она быстро взглянула на меня и тоже не проронила ни слова. Как-то не получалось просто сказать ему об этом, и вдруг нам показалось, что лучше пока сохранить нашу любовь, наш союз в тайне. Ни она, ни я не знали, почему это так нужно.

Король проявил такт и решил удалиться первым.

— Чуть позже мы обсудим с тобой последние детали, лорд Эрекозе.

Я поклонился. Он вышел.

Мы с Иолиндой какое-то время ошарашенно смотрели друг на друга, потом бросились друг другу в объятия и заплакали.

Джон Дэйкер никогда бы об этом не написал. Он, конечно же, посмеялся бы над подобной сентиментальностью. Как и над теми, кто счел бы чрезмерно важным военное искусство. Да, Джон Дэйкер никогда бы не написал об этом, но я должен.

Я чувствовал, как в душе моей зародилась и крепнет жажда битвы. Былое, давно забытое возбуждение снова охватило меня. Но сильнее этого чувства все же была моя любовь к Иолинде. Любовь эта казалась мне более спокойной, более чистой, дающей куда большее удовлетворение, чем обычная плотская любовь. Это было нечто совсем иное. Возможно, это и была та самая рыцарская любовь, которую превыше всего превозносили святые отцы.

Джон Дэйкер на моем месте непременно заговорил бы о подавленном половом влечении и мечтах в качестве символов полового сношения. И так далее, и тому подобное.

Может быть, он оказался бы прав. Но мне так не хотелось, чтобы он оказался прав, хотя я прекрасно представлял себе все разумные доводы, которыми можно было бы подкрепить подобную точку зрения. Во все времена люди стремились видеть все только сквозь призму собственных сиюминутных представлений. Понятия, свойственные этому обществу, явно отличалась от моих, но я лишь весьма смутно представлял себе, сколь велики эти отличия. Пока что мне всего лишь хотелось соответствовать представлениям Иолинды о герое. Вот и все. И последующие события, по-моему, развивались (в отношении меня) именно в этих рамках.

Я взял в ладони личико Иолинды, наклонился и поцеловал ее в лоб; она же поцеловала меня прямо в губы и сразу ушла.

— Увижу ли я тебя утром? — спросил я, когда она была на пороге.

— Да, — ответила она, — да, любовь моя, если это будет возможно.

После ее ухода не было ощущения печали. Я спокойно снова проверил свои доспехи и оружие, а потом спустился в большую гостиную, где вокруг стола стояли король Ригенос и его главные военачальники и изучали огромную карту континента Мернадин, а также водное пространство, отделяющее Мернадин от Некралалы.

— Мы выступаем в поход завтра утром вот здесь, — сказал мне Ригенос, ткнув пальцем в бухту близ Некранала. Здесь река Друнаа впадала в море, и здесь находился порт Нунос, где и собрался к этому времени весь наш флот. — Боюсь, Эрекозе, что без определенных церемоний нам не обойтись. Необходимо соблюсти определенные ритуалы. Мне кажется, я уже тебе о них рассказывал в общих чертах.

— Да, — сказал я. — Хотя эти церемонии иногда представляются мне более сложными и кровавыми, чем сама война.

Военачальники рассмеялись. Они, хотя и держались со мной несколько настороженно, в общем-то мне скорее симпатизировали, потому что я вполне сумел доказать (самому себе на удивление), что отлично разбираюсь в вопросах тактики и прочих воинских премудростей и искусств.

— Но в данном случае церемония необходима, — сказал Ригенос. — Необходима для народа. Для них это уже нечто вещественное. Они как бы тоже приобщатся к нашим грядущим военным подвигам. К тому, что мы с тобой будем совершать вместе.

— Вместе? — изумился я. — Не ослышался ли я? Неужели вы тоже отправитесь в поход, ваше величество?

— Да, — тихо сказал Ригенос. — Я решил, что это необходимо.

— Необходимо?

— Да, — больше он ничего прибавить не пожелал — возможно, из-за присутствия своих военачальников. — А теперь давайте продолжим. Завтра нам всем нужно встать очень рано.

И в течение всего этого совещания я не сводил глаз с лица короля.

Никто, по-моему, не ожидал, что он решит сам отправиться в этот поход. Ничего зазорного не было бы в том, чтобы он остался в столице. Но он принял иное решение, грозившее ему опасностью и сулившее такие передрыжки, которые были бы даже слишком тяжелы для него, так не любившего войну.

Почему же он решился на это? Может быть, для того, чтобы самому себе доказать, что и он умеет драться? Но ведь это-то он уже доказал. Или потому, что он завидует мне? Не совсем мне доверяет? Я глянул на Каторна, но лицо того, как всегда, было недовольным, угрюмым.

«Ну что ж, — подумал я про себя. — Все равно размышления на этот счет ничего мне не дадут. А реальность такова, что король Ригенос, пожилой и не очень-то крепкого здоровья человек, намерен идти в поход вместе со своим войском. Отлично. По крайней мере, это придаст войскам мужества. А мне поможет бороться с происками Каторна».

Вскоре совещание закончилось, и мы разошлись по своим спальням. Я сразу же лег, но довольно долго не мог заснуть: лежал и думал об Иолинде, о составленных мной планах сражений, о том, каково это будет — вновь схватиться в бою с элдренами. Последнее я совсем плохо представлял себе (хотя мне сообщили, что «они свирепы и коварны»); я даже не знал толком, как они выглядят, ибо все уговаривали меня, что больше всего они похожи «на злых духов из преисподней».

Я понимал, что вскоре получу ответы хотя бы на большую часть этих моих вопросов. Потом я заснул, и в ту ночь, перед началом нашего похода на Мернадин, снились мне весьма странные сны.

Я видел башни среди болот и озер, огромные армии, странные копья, испускавшие пламя, странные летающие машины из металла, крылья которых на лету хлопали, как у птиц. Я видел чудовищно громадных фламинго, какие-то целиком закрывавшие лицо шлемы, напоминавшие морды страшных зверей...

Я видел драконов — эти огромные рептилии, казалось, изрыгавшие злобу, летели, раскинув крылья, под самыми небесами, покрытыми черными тучами. Я видел какой-то прекрасный город — весь

в руинах, объятый языками пламени. Какие-то существа являлись мне — то были, конечно, не люди, но Боги. Я видел какую-то женщину, имени ее я вспомнить не мог, и рядом с ней рыжеволосого коротышку, который, как мне показалось, некогда был моим другом. Потом все заслонил огромный меч — величественный, черного металла, куда более могущественный, чем тот, которым я владел сейчас, и что самое странное, этот меч и я сам были как бы одним и тем же существом, он был мною!

Потом я увидел скованный льдами мир; по безбрежным ледяным просторам плыли странные величественные суда с наполненными ветром парусами. Суда приводили в движение какие-то черные животные, похожие на китов.

Я видел неведомый мир — а может быть, и другую вселенную? — где не было линии горизонта, где весь воздух переливался, словно мозаика из драгоценных камней, да, собственно, это был вовсе и не воздух, а некое довольно плотное вещество, которое постоянно меняло свои очертания, словно туман, а люди и предметы, лишь на мгновение вынырнув оттуда, сразу же исчезали в этом тумане снова. Это происходило явно не на Земле. Да, конечно, я был на борту космического корабля, и корабль этот плыл по неведомым человеку мирам.

Я видел пустыню, по которой брел, спотыкаясь и плача и чувствуя себя самым одиноким из всех когда-либо существовавших людей.

Я видел тропические леса — чудовищные джунгли, где гигантские травы обвивали стволы первобытных деревьев. Сквозь эти заросли видны были громоздкие, раскиданные как попало строения. Сам же я держал в руках странное оружие — не меч, не ружье, а нечто куда более могущественное...

Я мчался верхом на странных животных и встречался со странными людьми. Видел вокруг себя удивительные места — прекрасные и пугающие одновременно. Сам летал на странных машинах с крыльями и на космических кораблях, сам правил колесницами... Я ненавидел. Я любил. Я создавал империи и уничтожал целые народы. Я многих убил и сам был убит множество раз. Я праздновал победу, я униженно ползал на брюхе. И у меня было множество имен. Имена эти гулким эхом гудели в моей голове. Их было много, слишком много. Слишком...

И не было мира. Всюду была война, только война.

Глава VIII

В походе

Когда я проснулся утром, сны мои улетели прочь, но настроение было подавленное. Я проявлял явную склонность к рефлексиям и в данный момент желал лишь одного: хорошую крепкую сигару.

Я попытался выкинуть это из головы. Насколько мне было известно, Джон Дэйкер никогда не курил сигар. Он и сорта-то их никогда не различал, а тут мне требовался вполне определенный сорт! С чего бы это? Вспомнилось еще одно имя — Джереми... И оно тоже казалось мне смутно знакомым.

Я сел в постели, увидел знакомые стены, и тут же эти два слова смешались со всеми прочими, являвшимися мне во сне; я встал и прошел в другую комнату, где рабы уже заканчивали готовить для меня ванну. С удовольствием погрузившись в воду, я стал мыться. Голова сразу начала работать более четко, я сосредоточился на том, что мне непосредственно предстояло сделать. И все же ощущение подавленности не проходило, мне даже показалось, что я потихоньку схожу с ума или неведомым путем оказался втянутым в чью-то чужую шизофреническую фантазию.

Когда рабы принесли мои доспехи, я сразу почувствовал себя значительно бодрее. И снова восхитился красотой этих лат и тем удивительным мастерством, с каким они были сделаны.

Итак, наступило время в них облачиться. Сначала я надел нижнее белье, затем — что-то вроде стеганого комбинезона и только тогда стал крепить сами доспехи. И оказалось, очень легко находить нужный ремешок и пряжку, словно мне каждый день приходилось надевать эти латы. Они были в точности по мне. Я прекрасно себя в них чувствовал и совсем не ощущал их веса, хотя, казалось бы, был закован в них с головы до ног.

Затем я отправился в оружейную и снял со стены свой огромный меч. Надел широкий пояс из металлических звеньев и прикрепил смертоносный для остальных меч, не вынимая его из ножен, над левым бедром. Потом отбросил за спину длинный алый султан, свисавший с кончика шлема, поднял забрало и направился вниз, совершенно готовый к бою.

В Большой гостиной собрались лучшие и знатнейшие представители рода людского, чтобы проститься с Некраналом.

Гобелены, прежде украшавшие стены, были убраны, и вместо них висели сотни ярких флажков. То были боевые флажки сухопутных и морских военачальников, капитанов военных кораблей, рыцарей в замечательно красивых доспехах... Все они уже выстроились, готовые к прощальной церемонии.

На специально устроенном возвышении стоял королевский трон. Возвышение было застлано изумрудно-зеленым ковром, а позади него висели знамена-близнецы двух континентов. Я встал на почетное место непосредственно перед троном и стал со всеми вместе напряженно ждать появления короля. Я был уже подготовлен к тому, что именно должен сказать во время прощального торжества.

Наконец оглушительно взвыли горны, загрели военные барабаны — музыканты расположились на галерее, прямо над нашими головами — и в распахнутые двери вошел король.

Король Ригенос, казалось, стал выше ростом: он был облачен в позолоченные доспехи, а с плеч его до полу ниспадал красно-белый плащ. Стальная с бриллиантами корона была как бы вделана в шлем, увенчивающий теперь его голову. Король с достоинством, неторопливо приблизился к покрытому зеленым ковром возвышению, поднялся на ступени и уселся на трон, спокойно возложив руки с вытянутыми пальцами на подлокотники.

Мы, воздев руки в приветствии, проревели:

— Да здравствует король Ригенос!

А потом преклонили колена. Я — первым. Затем рядом со мной на колени опустилась небольшая группа маршалов, затем — капитаны военных кораблей, затем — сотен пять рыцарей; все вокруг преклоняли колена перед своим королем: князья старинных родов, толпившиеся у стен, различные

титулованные особы, придворные дамы, гвардейцы, рабы, богатые землевладельцы, губернаторы различных провинций...

И все смотрели только на короля Ригеноса и Защитника людей Эрекозе.

Король встал и сделал шаг вперед. Я посмотрел на него: лицо его было мрачно и сурово. Я никогда прежде не видел, чтобы он выглядел так «по-королевски». Выглядел он действительно величественным.

Теперь я чувствовал, что основное внимание аудитории приковано к моей персоне. Я, Эрекозе, Вечный Герой, должен был стать спасителем Человечества. ИХ спасителем. Они понимали это.

Исполненный гордости и уверенности в собственных силах, понимал это и я сам.

Король Ригенос, широко раскинув поднятые руки, заговорил:

— Наш Великий Герой Эрекозе, мои маршалы, боевые командиры и рыцари! Мы идем в поход против злых нелюдей. Нам предстоит сражаться с противником, которого нельзя просто вызвать на поединок. Все гораздо серьезнее: мы объявляем бой тем, кто угрожает уничтожить все Человечество. Мы должны спасти оба наших прекрасных континента от полного разорения и опустошения. Победивший в этой схватке будет править всей Землей. Побежденный станет прахом в земле и подлежит забвению — навсегда, как если бы и не существовал никогда!

Поход, в который мы отправляемся сейчас, будет для нас решающим. Под предводительством великого Эрекозе мы должны захватить порт Пафанаал и прилегающие к нему области. Но это всего лишь первый шаг в предстоящей военной кампании. — Король помолчал немного и снова заговорил. В Большой гостиной и во всем дворце царила полнейшая тишина. — За этим первым сражением последует еще немало боев, чтобы ненавистные Псы Зла были наконец уничтожены раз и навсегда. Мужчины, женщины и даже дети элдренов должны исчезнуть с лица земли. Однажды мы сумели загнать их в норы, в Горы Скорби, но на этот раз мы даже этого не можем допустить, ибо, если выживет хоть кто-то из элдренов, их раса способна возродиться вновь. Так пусть все они обратятся в прах и лишь недолгая память об этом племени напоминает нам, что есть Зло!

По-прежнему стоя на коленях, я поднял над головой стиснутые руки. Я всей душой приветствовал слова короля.

— Эрекозе, о Вечный Герой, — сказал король Ригенос, — ты вечной волею своей заставил плоть свою вновь ожить и явился к нам на помощь в час жестокой нужды! Именно ты воплощаешь в себе ту силу, которая способна уничтожить проклятых элдренов. Ты станешь священной косой Человечества, которой оно расчистит себе путь среди сорных трав. Ты станешь тем заступом, который поможет людям вскопать жнивье и уничтожить прорастающие там корни нечисти. Ты станешь очистительным огнем, которым Человечество дотла выжжет все их проклятое семя. Ты, Эрекозе, станешь чистым ветром, что разнесет тот пепел, развеет его так, словно элдрены никогда и не рождались на Земле. Ты уничтожишь элдренов!

— Я уничтожу элдренов! — голос мой эхом прогремел по всему огромному залу, словно то говорил некий Бог. — Я уничтожу врагов Человечества! Я пойду против них, вооруженный мечом Канаяной, и сердце мое будет пылать беспощадной ненавистью и жаждой мести, и все элдрены до последнего сгорят в этом огне!

За моей спиной раздался оглушительный крик множества глоток:

— Мы уничтожим всех элдренов до последнего!

Тогда король вскинул голову, глаза его засверкали, а складки у рта стали еще жестче.

— Поклянись в этом! Поклянитесь вы все!

Мы были словно отравлены ядовитыми парами ненависти и жажды насилия, скопившимися в зале.

— Мы клянемся, о король! — проревели мы в один голос. — Мы уничтожим всех элдренов до последнего!

Ненависть в душе короля словно выкипела до дна: глаза его сверкали не так яростно, голос звучал мягче:

— Идите же, Рыцари Человечества, идите — и уничтожьте всех элдренов до единого, очистите землю от этой вонючей падали!

Словно один человек, мы поднялись на ноги и под собственные боевые кличи, браво развернувшись, рядами двинулись из дворцовых залов на залитые солнцем улицы, где гремели приветственные крики тысяч наших сограждан.

Но во время нашего победоносного марша одна мысль не давала мне покоя: где все это время была Иолинда? Почему она не пришла? Конечно, до торжественной церемонии у нас почти не было времени, но все же я надеялся, что она хотя бы записку пришлет мне.

Итак, мы торжественным маршем прошли по заполненным взволнованными жителями улицам Некранала. И солнце играло на наших доспехах и оружии, ярко вспыхивали на ветру тысячи военных стягов и флажков.

И во главе воинов шел я. Эрекозе. Вечный Герой. Защитник Человечества. Мститель. Я шел во главе воинов, и руки мои были воздеты так, словно я уже праздновал победу. Гордость переполняла меня. Я хорошо знал, что такое слава, и сейчас наслаждался ею. Вот так и следовало жить всегда — великим воином, предводителем могучих армий, обладателем грозного оружия!

Мы все ближе подходили к гавани, к ожидающим нас в речном порту кораблям, готовым к отплытию, и вдруг уста мои сами исторгли какую-то песню — то была песня на языке древних предков тех людей, что окружали меня сейчас. Я запел, и песню мою подхватили все воины, что следовали за мной. Загрохотали барабаны, запели трубы, а мы уже не пели — мы громко выкрикивали воинственные слова, мы жаждали крови, крови и смерти, мы жаждали скорее приступить к той кровавой жатве, что должна уничтожить всех жителей Мернадина.

Таков был тот торжественный марш. Таковы были наши общие чувства в тот день.

И не судите меня, пока не узнаете, что было дальше.

Мы достигли порта. Река в этом месте была широкой. У причалов, вытянувшихся вдоль обеих ее берегов, нас поджидали пятьдесят кораблей. На их мачтах развевались флаги пятидесяти храбрых рыцарей человечества.

Здесь кораблей было всего пятьдесят. Основной же флот поджидал нас в Нуносе. Порт Нунос славился по всему миру своей дивной красотой и башнями, украшенными самоцветами.

Жители Некранала выстроились по обоим берегам реки. Они продолжали кричать, приветствуя нас, и мы в итоге привыкли к этому шуму — так человек привыкает, например, к шуму морского прибоя, едва замечая его.

Я рассматривал корабли. На палубах у них были построены специальные помещения, богато украшенные и роскошно убранные внутри. Разноцветные паруса были убраны. А весла, наоборот, были спущены на воду. У каждого наготове сидели по три гребца — могучие, мускулистые и, насколько я мог судить, отнюдь не рабы, а свободные воины.

Возглавлял эскадру королевский корабль — замечательное боевое судно. Там было восемьдесят пар весел и восемь больших мачт. Перила были окрашены в красный, золотой и черный цвета, до блеска надраенные палубы — в темно-красный; паруса были желтые, синие и оранжевые, а на носу красовалась огромная статуя богини, держащей в вытянутых руках меч и раскрашенной преимущественно алой и серебряной красками. Замечательные, богато отделанные палубные надстройки сверкали свежим лаком изображений героев древности (среди которых был и я, хотя сходство показалось мне весьма приблизительным) и выдающихся побед, одержанных людьми над мифическими чудовищами, злыми духами и богами.

Отделившись от колонны, которая двинулась дальше по причалам, я ступил на покрытые коврами сходни и прошел на королевский корабль. Матросы тут же бросились мне навстречу с приветственными криками.

— Принцесса Иолинда ждет вас в Большой каюте, ваше превосходительство, — сказал один из

офицеров.

Я повернулся, чтобы войти в каюту, и остановился на пороге, пораженный ее прекрасным убранством и с улыбкой узрев собственное изображение на ее стене. Потом, пригнув голову, прошел в довольно-таки низенькую дверь и оказался в помещении, стены, пол и потолок которого были сплошь покрыты пушистыми коврами, в основном — красно-черно-золотистой расцветки. Каюта была освещена подвесными светильниками, а в затененном углу, одетая в простое платье и легкий темный плащ, стояла моя Иолинда.

— Я не хотела сегодня утром мешать приготовлениям к торжественной церемонии, — сказала она. — Отец мой сказал, что она очень важна... да и времени очень мало... Так что я подумала, что ты и не захочешь меня видеть...

Я улыбнулся.

— Ты по-прежнему не веришь моим словам, не так ли, Иолинда? Ты по-прежнему не доверяешь мне, когда я говорю, что люблю тебя, что ради тебя готов на все? — Я подошел к ней, обнял и крепко прижал к себе. — Я люблю тебя, Иолинда. Я всегда буду любить тебя.

— А я всегда буду любить тебя, Эрекозе. Ты будешь жить вечно, вот только...

— Для этого не существует никаких доказательств пока, — сказал я тихо. — И, кроме того, я безусловно не являюсь неуязвимым, Иолинда. Я получил достаточно ссадин и порезов, когда упражнялся во владении оружием, чтобы убедиться в собственной уязвимости.

— Ты не умрешь, Эрекозе.

— Мне было бы куда веселее жить, если бы и я обладал подобной уверенностью!

— Не смейся надо мной, Эрекозе. Я не хочу, чтобы со мной обращались, как с ребенком.

— Но я вовсе не смеюсь над тобой. И отнюдь не воспринимаю тебя как ребенка. Я всего лишь говорю правду. И ты должна посмотреть этой правде в глаза. Должна.

— Ну хорошо, — сказала она. — Я посмотрю правде в глаза. Но я точно чувствую, что ты не умрешь. И все-таки меня мучают такие странные, дурные предчувствия... мне кажется, на нашу долю выпадет нечто более страшное, чем смерть.

— Страхи твои совершенно естественны, однако же лишены оснований. Не стоит печалиться, дорогая моя. Посмотри, как замечательно я вооружен, какие на мне великолепные доспехи, каким могущественным мечом я владею, сколь сильна та армия, во главе которой я стою.

— Поцелуй меня, Эрекозе.

Я поцеловал ее. Поцелуй наш был долг, а потом она высвободилась из моих объятий, бросилась к дверям и исчезла.

Я смотрел ей вслед, подумывая, а не броситься ли за ней, не попытаться ли еще подбодрить, успокоить, но я понимал, что успокоить ее не смогу. В общем-то опасения ее были в известной степени неразумны: они являлись отражением постоянной неуверенности, страха, снедавших душу. Я дал себе обещание, что впоследствии непременно подарю ей ощущение уверенности и безопасности. Внесу в ее жизнь некое постоянство — то, чему она сможет полностью доверять.

Вновь запели горны; на борт поднимался король Ригенос.

Через несколько минут он вошел в каюту, на ходу сдирая с головы свой шлем-корону. По пятам за ним следовал Каторн, как всегда, мрачный.

— Люди, похоже, полны восторга, — заметил я. — Мне кажется, церемония оказала на них именно то воздействие, на которое вы рассчитывали, ваше величество.

Ригенос слабо кивнул в ответ. Все эти действия, видимо, порядком его измотали, и он буквально рухнул в подвесное кресло, сразу потребовав принести вина.

— Скоро отплываем. Когда, Каторн?

— Через четверть часа, сир. — Каторн принял у вошедшего раба кувшин с вином и, наполнив кубок, поднес его королю, мне, однако, вина не предлагая.

Король Ригенос сделал слабый жест рукой:

— Не желаешь ли немного вина, лорд Эрекозе?

Я отказался.

— Там, во дворце, вы произнесли прекрасную речь, ваше величество, — сказал я. — Вы разожгли в нашей крови жажду мести.

Каторн фыркнул.

— Будем надеяться, что жажда эта не угаснет прежде, чем мы встретимся с врагом, — пробурчал он. — В этом походе участвует довольно много новичков. Большинство наших воинов никогда не участвовали в сражениях, и по крайней мере четверть — совсем еще юнцы. Я слышал, что в некоторых подразделениях есть даже женщины.

— Вы что-то мрачно настроены, Каторн, — сказал я.

— Еще бы, — буркнул он. — Весь этот блеск и великолепие хороши, разумеется, для того, чтобы поднять дух мирного населения, но самому-то лучше всей этой мишуре не верить. А вам-то следовало бы знать, господин мой, что такое настоящая война! Настоящая война — это боль, страх, смерть. И ничего больше.

— Вы забываете, — возразил я, — что память о моем прошлом в душе моей скрыта густым туманом...

Каторн снова фыркнул и залпом допил вино. Потом с грохотом поставил кубок на стол и вышел со словами: «Велю отдавать швартовы...»

Король прокашлялся.

— Вы с Каторном... — начал было он, но замаялся. — Вы...

— Да, дружбы у нас не получилось, — договорил я за него. — Мне не нравится его мрачность, самоуверенность и подозрительность, а он, в свою очередь, подозревает меня в том, что я элдренский шпион, предатель, оборотень.

Король Ригенос задумчиво кивнул.

— Да, он что-то говорил мне в этом роде. — Он отхлебнул вина. — Я объяснил ему, что видел собственными глазами, как ты явился передо мной — из пустоты. Что нет ни малейших сомнений в том, что ты именно Эрекозе, что нет никаких причин не доверять тебе — но он упорствует... Почему, как тебе кажется? Он вполне разумный, хладнокровный воин.

— Он завидует мне, — сказал я. — Я отнял у него власть.

— Но ведь он вместе со всеми соглашался с тем, что нам нужен новый кумир, способный вдохновить людей, подвигнуть их на битву с элдренами!

— В общем, возможно, и соглашался, — сказал я. И пожал плечами. — Все это не так уж важно, ваше величество. По-моему, мы с ним достигли некоего компромисса.

Но король вроде бы не слышал меня: он был погружен в собственные мысли.

— И, кроме того, — прошептал он, — это, возможно, вовсе не имеет отношения к войне.

— Что вы хотите этим сказать?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Это, возможно, имеет отношение скорее к делам любовным, Эрекозе. Каторну всегда очень нравилась Иолинда.

— Вполне возможно, вы и правы. И снова я ничем не могу ему помочь. Иолинда, по всей видимости, предпочитает мое общество.

— Но Каторн, возможно, считает, что она просто ослеплена любовью ко всеобщему идеалу, а не к

настоящему, живому мужчине.

— Сами вы тоже так считаете, ваше величество?

— Не знаю. Об этом я с Иолиндой еще не говорил.

— Ну что ж, — заключил я, — в таком случае узнаем, когда вернемся.

— Если вернемся, — проговорил король. — В этом отношении, должен признаться, я разделяю точку зрения Каторна. Избыточная самоуверенность частенько бывала главной причиной поражений.

— Вероятно, вы правы, — согласился я.

Снаружи донеслись громкие возгласы толпы; корабль резко дрогнул и закачался, швартовы были отданы, якоря подняты.

— Пойдем, — сказал король Ригенос. — Нам нужно выйти на палубу. Этого от нас ждут. — Он поспешно допил вино и снова водрузил свой шлем-корону на голову. Мы вместе вышли на палубу, и сразу же приветственные крики толпы стали громче, заполняя собой весь воздух вокруг.

Мы стояли с приветственно поднятыми руками, а барабаны уже начали неспешно отбивать ритм гребцам. Я заметил на берегу Иолинду: она сидела в своем паланкине, чуть боком к кораблю, и не сводила с него глаз. Я помахал ей, она тоже подняла руку, прощаясь со мной.

— До свидания, Иолинда, — прошептал я.

Каторн злобно и насмешливо покосился на меня, проходя мимо; он направлялся проверить гребцов.

— До свидания, Иолинда.

Ветра не было. Я буквально истекал потом в своих доспехах под палящими лучами яркого солнца, плывущего по безоблачному небу.

Я продолжал махать рукой провожающим нас, не сводя глаз с Иолинды, которая сидела, гордо выпрямившись, в своем паланкине, а потом мы вошли в излучину реки, и теперь видны были только высокие башни и шпили Некранала, да откуда-то издали доносились радостные крики горожан.

Мы плыли вниз по течению реки Друнаа, быстро продвигаясь к находящемуся в устье ее порту Нунос и ожидающему нас там флоту.

Глава IX

В Нуносе

Ах, эти слепые кровавые войны...

— Но послушайте, епископ, вы никак не можете понять, что сложные вопросы человеческих отношений решаются с помощью активных действий...

Хрупкие доводы, бессмысленные мотивы, цинизм, ошибочно принимаемый за практичность...

— Не хочешь ли ты отдохнуть, сын мой?

— Я не могу отдыхать, святой отец: ведь орды проклятых мусульман уже на берегах Дуная...

— Мир...

— Но удовлетворятся ли они перемирием?

— Возможно.

— Ну, во всяком случае, Вьетнама-то им будет недостаточно. Им будет мало, пока в их власти не окажется вся Азия... А затем — и весь мир...

— Но мы же не звери.

— Мы должны уподобиться диким зверям. Они-то ведь давно им уподобились.

— Но если бы мы попытались...

— Мы уже пытались.

— Разве?

— Пламя можно погасить лишь встречным огнем.

— Разве другого способа нет?

— Другого — нет.

— Но дети...

— Другого способа нет.

Ружье. Меч. Бомба. Лук. Вибропистолет. Огнемет. Боевой топор. Дубинка.

— Другого способа нет...

Я плохо спал в ту ночь на борту флагманского корабля под дружный плеск весел, барабанный рокот, поскрипывание шпангоутов и шум речной волны. В памяти мелькали обрывки разговоров, какие-то фразы, чьи-то лица мучили меня, не давая уснуть. Тысячи исторических событий прошли перед моим мысленным взором. Миллионы различных лиц. Но ситуация в целом не менялась. И основной довод, повторенный на бесчисленном множестве языков, оставался прежним.

Лишь когда я, сбросив с себя этот полусон, решительно поднялся, в голове моей немного прояснилось, и я поспешил на палубу.

Что же я за существо? Почему мне все время кажется, что я навечно приговорен скитаться из одной исторической эпохи в другую, всюду исполняя одну и ту же роль? Что за шутку — поистине космического масштаба! — сыграла со мной судьба?

Прохладный ночной воздух остудил мое лицо; лунный свет пробивался сквозь легкие облачка длинными лучами, и мне из-за движения корабля лучи эти вскоре стали казаться спицами какого-то гигантского колеса. Словно колесница неведомого бога провалилась сквозь непрочный настил облаков и увязла в более плотном воздухе у поверхности земли.

Я посмотрел на воду и увидел, как облака отражаются в ней, как они раздвигаются, пропуская на

землю лунный свет. Ту же самую луну я видел и в бытность свою Джоном Дэйкером. С тем же равнодушным видом и спокойствием наблюдала она за ужимками и прыжками людей на той планете, вокруг которой обращалась сама. Сколько несчастий видела эта луна? Сколько трагедий? Сколько нелепых войн и завоеваний? Сколько сражений и убийств?

Облака вновь сошлись плотнее, и воды реки почернели, словно желая сказать мне, что я никогда не получу ответа на мучающие меня вопросы.

Я стал смотреть по сторонам. Мы проплывали мимо густого леса. Вершины деревьев отчетливо прорисовывались на фоне более светлого неба. Время от времени слышались крики каких-то ночных животных, и мне показалось, что в криках этих слышится тоска одиночества, растерянность, какая-то жалоба. Я вздохнул, оперся на перила и стал смотреть, как светлеет сероватой пеной вода под дружными ударами весел.

Видимо, лучше мне смириться с тем, что я снова вынужден сражаться. Снова? Но в каких сражениях я участвовал раньше? Где? Что означают мои невнятные воспоминания? Каково значение моих снов? Единственный простой ответ на этот вопрос — ответ с точки зрения прагматика (и, уж конечно, такой, какой лучше всего поймет Джон Дэйкер) — заключается в том, что я сошел с ума. Мое воображение было перегружено. Может быть, я никогда и не был Джоном Дэйкером? Может быть, и он тоже всего лишь плод моего больного воображения?

Я должен сражаться снова.

Вот и все, что можно на этот счет сказать. Я уже согласился играть эту роль и должен доиграть спектакль до конца.

В голове у меня начало проясняться, как только зашла луна и восток начал потихоньку светлеть.

Я смотрел, как восходит солнце, как огромный алый диск с величественным спокойствием выплывает в небеса, словно желая знать, что это за звуки тревожат тишину, царящую вокруг, — чей это грохот барабана, скрип весел?

— Не спится, лорд Эрекозе? Я вижу, вам не терпится поскорее в бой.

Только шуток Каторна мне и не хватало.

— Я решил посмотреть, как восходит солнце, — сухо сказал я.

— И как садится луна? — Что-то в голосе Каторна было такое, чего я сразу не понял. — Вам, верно, вообще ночь нравится, лорд Эрекозе?

— Иногда да, — ответил я. — Она полна покоя. Ночью мало что способно помешать думать, — последние слова я произнес с нажимом.

— Да, это так. Но в таком случае у вас много общего с нашими врагами...

Я нетерпеливо обернулся к нему, вглядываясь в его темное лицо, и сердито спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду лишь то, что и элдрены тоже вроде бы склонны ночь предпочитать дню.

— Ну, если в отношении меня это окажется правдой, господин мой, то в грядущей войне это будет большим преимуществом: ведь тогда я смогу сражаться с ними ночью столь же успешно, как и днем.

— Надеюсь на это, господин мой.

— Почему вы так не доверяете мне, лорд Каторн?

Он пожал плечами:

— Разве я сказал, что не доверяю вам? Мы ведь заключили сделку, помните?

— Да, и я свое слово держу.

— А я свое. Я стану подчиняться вашим приказам, можете в этом не сомневаться. Какие бы сомнения у меня ни возникли, я стану вам подчиняться.

— В таком случае, прошу вас прекратить бесконечные намеки и подкалывания. Они наивны. И совершенно бессмысленны.

— Для меня они исполнены вполне определенного смысла, лорд Эрекозе. Они помогают мне сдерживать себя, направляют мой гнев в иное русло.

— Я уже дал клятву Человечеству, — сказал я ему. — И буду служить королю Ригеносу. У меня достаточно тяжелая ноша, лорд Каторн...

— От всей души вам сочувствую.

Я отвернулся. Я вел себя как последний дурак, взывая к сочувствию Каторна, чуть ли не извиняясь перед ним за то, что слишком обременен различными проблемами.

— Благодарю вас, лорд Каторн, — холодно сказал я. Корабль снова стал огибать излучину, и мне показалось, что впереди уже можно разглядеть море. — Весьма благодарен вам за то, что вы меня понимаете. — Я шлепнул себя по щеке. Корабль проплывал сквозь тучу мошкар. — Эти проклятые насекомые действуют на нервы, не правда ли?

— Может быть, было бы лучше, если бы вы не позволяли им действовать вам на нервы и не обращали на них внимания, лорд Эрекозе, — возразил Каторн.

— Я думаю, что вы правы, лорд Каторн. Я, пожалуй, спущусь вниз.

— С добрым вас утром, лорд Эрекозе.

— И вас с добрым утром, лорд Каторн.

И я оставил его стоять на палубе и мрачно обозревать окрестности.

При других обстоятельствах, — подумал я, — я бы этого человека убил.

Но при теперешних обстоятельствах, похоже, скорее он убьет меня, во всяком случае, сделает для этого все возможное. Интересно, прав ли Ригенос в том, что у Каторна для зависти две причины? Во-первых, слава великого воина. Во-вторых, любовь ко мне Иолинды.

Я умылся и надел свои доспехи, решив выкинуть из головы все эти бессмысленные сомнения. Потом, услышав крики рулевого, пошел посмотреть, что происходит.

Показался Нунос. Все мы сгрудились на палубе, чтобы полюбоваться видом этого великолепного города. Мы были буквально ослеплены сиянием, исходящим от его башен, ибо они действительно были отделаны самоцветами. Над городом горело ослепительное сияние, необъятная белая аура, вспыхивавшая сотнями разноцветных огоньков — зеленых, фиолетовых, розовых, розовато-лиловых, охряных, багровых; огоньки мерцали и переливались в яркой дымке, созданной сверканием миллионов драгоценных камней.

А позади Нуноса раскинулось море — спокойное, сверкающее под лучами солнца.

Чем ближе мы подплывали к Нуносу, тем шире становилась река. Именно здесь она сливалась с морем. Берега совсем раздвинулись, и мы собрались у правого борта, ибо именно с этой стороны высился Нунос. Прежде, близ устья реки, мы видели и другие города и селения, раскиданные по лесистым холмам в живописном беспорядке, но все они казались ничтожными по сравнению с огромным портом, в гавань которого мы входили.

Чайки и прочие морские птицы начали сновать над самой палубой, надеясь на возможную поживу. Могучие весла двигались все медленнее, и вскоре мы почувствовали приливную волну. Остальные корабли уже встали на якорь в ожидании лоцмана, а наш флагманский корабль медленно вошел в гавань, неся на мачтах два флага: флаг короля Ригеноса и флаг Эрекозе — серебряный меч на черном поле.

Снова слышались приветственные крики. Сдерживаемые солдатами в доспехах из стеганой кожи, местные жители вытягивали шеи, желая непременно увидеть, как причаливает королевский корабль. А когда я сошел на причал, то слышалось как бы пение могучего хора, повторяющего одну и ту же музыкальную фразу. Сперва это озадачило меня, но потом я разобрал, что за слово они повторяют нараспев:

— ЭРЕКОЗЕ! ЭРЕКОЗЕ! ЭРЕКОЗЕ!

Я поднял правую руку в приветствии и чуть не споткнулся, потому что шум стал поистине оглушающим. Я с трудом удерживался от того, чтобы не заткнуть уши!

Принц Бладаг, правитель Нуноса, приветствовал нас с должной почтительностью и даже зачел вслух приветственную речь, которую, впрочем, расслышать было совершенно невозможно из-за криков толпы, а потом нас повели по улицам города ко дворцу принца, где мы собирались ненадолго задержаться.

Украшенные самоцветами башни не разочаровали меня и вблизи, хотя я заметил, что дома вокруг, довольно приземистые и неказистые, составляют с ними разительный контраст. Многие из этих домов были вряд ли намного лучше жалких хижин. Становилось совершенно ясно, откуда взялись деньги на то, чтобы украсить городские башни рубинами, жемчугом и изумрудами...

В Некранале я не заметил столь разительной пропасти между богатством и бедностью. То ли там я был слишком поглощен совершенно новым для меня окружением, то ли сама столица тщательно заботилась о своем облике и скрывала любые признаки бедности, ежели таковые вдруг проявлялись.

А здесь я повсюду видел людей в лохмотьях и эти лачуги — хотя, надо сказать, бедняки радовались и выкрикивали приветствия так же громко, как и все остальные. Если не громче. Возможно, в бедности своей они винули исключительно элдренов.

Принц Бладаг был мужчиной лет сорока пяти, с болезненным цветом лица, с длинными вислыми усами и на редкость невыразительными глазами. Повадками он напоминал суетливого стервятника. Я ничуть не удивился, когда узнал, что принц не присоединится к нам в походе, а останется в тылу «защищать город». Точнее, свое собственное золото, подумалось мне.

— А это мои подданные, — бормотал он, когда перед нами распахнулись украшенные самоцветами ворота дворца (я отметил про себя, что камни сияли бы куда ярче, если б с них смыли пыль и грязь). — А это мой... о, мой дворец, разумеется, принадлежит моему королю! И вам, конечно, тоже, лорд Эрекозе. И все, что вам угодно, я...

— Какой-нибудь горячей пищи — по возможности, попроще, — потребовал король Ригенос, выражая и мои чувства на этот счет. — И чтобы никаких торжественных обедов, Бладаг! Я ведь предупреждал, чтобы ты не устраивал по этому поводу шума.

— А я и не устраивал ничего, сир, — Бладаг, казалось, совершенно успокоился. Мне показалось, что он из тех, кто не особенно любит тратить денюжки. — Ровным счетом ничего.

Еда действительно оказалась очень простой, однако нельзя сказать, чтобы вкусной. Мы сели за стол вместе с принцем Бладагом, его пышнотелой, глупой женой, принцессой Ионантой, и двумя их тощими отпрысками. Меня, пожалуй, даже забавлял контраст между тем впечатлением, которое производил город издали, и жалкой суетливостью его правителя, жившего в роскоши среди нищих лачуг.

Вскоре явились капитаны боевых кораблей, которые прибывали в Нунос в течение нескольких последних недель, и состоялся краткий военный совет. Каторн весьма сжато и схематично изложил им тот план сражения, который мы вместе выработали еще в Некранале.

Среди прибывших на совет командиров были и популярнейшие герои обоих континентов — граф Ролдеро, крупный и сильный человек, чьи доспехи простотой своей скорее напоминали солдатские (подобно, впрочем, и моим собственным); принц Малихар и его брат, герцог Изак, участники несметного количества боев и предводители многих военных кампаний; граф Шанура из Каракоа, одной из самых дальних и самых отсталых провинций. Длинные волосы Шануры были заплетены в три косы, свисавшие вдоль спины. Его бледное лицо казалось желтоватым и было покрыто множеством старых шрамов. Говорил он редко и лишь для того, чтобы озадачить собеседников каким-либо чрезвычайно сложным вопросом. Сперва меня несколько поразило такое разнообразие типов внешности и костюмов. «Наконец-то, — усмехнулся я про себя, — человечество сумело объединиться, чего нельзя было сказать о той эпохе, которую покинул Джон Дэйкер». Возможно, впрочем, что объединиться их заставил лишь общий, грозящий им всем враг. А в условиях мира единству этому вновь будет грозить серьезный ущерб. Граф Шанура, например, явно без особого восторга подчинялся приказам короля Ригеноса, видимо, считая

того чересчур мягкотелым.

И все же я надеялся, что мне удастся обойтись без раздоров в офицерском корпусе, на время военных действий по крайней мере, — слишком уж различные входили в него офицеры.

Наконец с обсуждением общих планов было покончено, и я уделил некоторое время каждому из командиров в отдельности. Затем король Ригенос, посмотрев на бронзовые часы с шестнадцатью делениями, стоявшие на столе, сказал:

— Скоро выходить в море. Все ли корабли готовы к походу?

— Мои совершенно готовы и уже давно, — сердито откликнулся граф Шанура. — Я уж подумывал, что они так и сгниют, не дождавшись настоящего боя.

Остальные заверили короля, что их корабли будут готовы к отплытию менее чем через час.

Мы с Ригеносом поблагодарили Бладага и его семейство за оказанное гостеприимство; принц и его жена теперь вели себя куда более приветливо, ожидая, что вскоре мы покинем Нунос.

В гавань нас отвезли в повозках и паланкинах, и мы чрезвычайно быстро погрузились на корабль. Оказалось, он называется «Иолинда», чего я ранее не заметил, поскольку мысли мои были заняты живой женщиной, носившей это имя. Остальные корабли уже все собрались в гавани, и моряки использовали краткий отдых перед предстоящим походом, а рабы занимались тем, что доставляли на борт недостающую провизию и вооружение.

Я все еще ощущал некоторую подавленность, бывшую следствием тех странных полубредовых снов, что мучили меня ночью, однако настроение у меня начало улучшаться: я уже предвкушал сражение с врагом. Впереди был еще целый месяц пути до Мернадина, но я уже заранее упивался пьянящим ощущением предстоящих боев. По крайней мере, это заставит забыть об остальных проблемах. Я невольно вспомнил, что в «Войне и мире» Толстого Пьер говорил Андрею нечто подобное: что-то вроде того, что каждый стремится забыть о существовании смерти по-своему. Некоторые плачут, как женщины, некоторые отчаянно рискуют, некоторые пьют, а некоторые, как это ни странно, рвутся в бой. Что ж, думал я вовсе не о том, что могу просто умереть, погибнуть в бою, — нет, скорее наоборот, меня мучили мысли о том, что я могу жить вечно. Именно эти мысли не давали мне покоя, ибо то была бы вечная жизнь в вечных сражениях.

Узнаю ли я когда-нибудь правду о самом себе? Я не был так уж уверен, что хочу ее узнать. Но те мысли о вечной жизни пугали меня. Какой-нибудь Бог, возможно, и принял бы эту вечную жизнь. Но я не был Богом. Я был человеком. Я знал, что я человек. Все мои проблемы, амбиции, чувства были человеческого масштаба — за исключением одного неотступного вопроса: откуда у меня это обличье, как я стал Эрекозе и почему именно я? А что, если я на самом деле вечен? А что, если жизнь моя не имеет ни начала, ни конца? Сама природа Времени, казалось, была поставлена под сомнение. Я более не мог воспринимать Время линейно, подобно Джону Дэйкеру. И с соотношением Времени и Пространства тоже что-то ничего не получалось.

Мне нужен был кто-то из философов, магов, ученых — только такой человек смог бы помочь мне разрешить эту проблему. Иначе мне лучше было бы выбросить ее из головы. Но мог ли я выбросить ее из головы? Я непременно должен попытаться это сделать.

Морские птицы с пронзительными криками кружили над кораблями, вспугнутые хлопаньем парусов, наполнявшихся жарким ветром, как раз подувшим с суши. Поскрипывали лебедки — это поднимали якоря; швартовы повисли на кабестанах, и огромный флагманский корабль «Иолинда» гордо вышел из гавани. Весла его ритмично поднимались и опускались, и гребцы работали все более дружно по мере того, как корабль удалялся от Нуноса в открытое море.

Глава X

Появляются элдрены

Наш флот был огромен и включал самые различные суда: некоторые из них были похожи (с точки зрения Джона Дэйкера) на быстроходные суда XIX века, некоторые — на китайские джонки, некоторые — на суда Средиземноморья, оснащенные треугольными парусами, а некоторые очень походили на каравеллы времен королевы Елизаветы. Суда, сгруппировавшись по принадлежности к определенному княжеству или народности, как бы символизировали разнообразие и единство человеческих племен перед лицом общего врага. Я ими гордился.

Полные энтузиазма, готовые к бою и уверенные в победе, мы направлялись к Пафанаалу — воротам континента Мернадин.

И все-таки мне хотелось узнать об элдренах поподробнее. Мои туманные воспоминания о жизни того, прежнего, Эрекозе хранили лишь ощущение бесконечных сражений против них да еще, пожалуй, какое-то смутное чувство душевной боли. И все. Я слышал, что глаза у них лишены белков и что в этом заключается основное отличие их облика от облика людей. Говорили также, что они нечеловечески красивы, нечеловечески безжалостны и обладают нечеловеческим сексуальным аппетитом. Было известно, что в среднем они чуть выше людей, у них продолговатые черепа, высокие скулы и чуть раскосые глаза. Но этих сведений было мне недостаточно. Ни на одном из двух континентов не было ни единого изображения элдренов: считалось, что их изображения приносят несчастье, особенно запрещалось изображать зловредные элдренские глаза.

Во время плавания капитаны различных судов часто посещали наш корабль, либо перебираясь с борта одного судна на борт другого по перекинутому канату, либо переправляясь на шлюпке — в зависимости от погоды. Мы выработали нашу основную стратегию и на непредвиденный случай тоже запаслись различными планами. В целом идея была моя, и, похоже, подобный подход представлялся остальным совершенно новым, однако они весьма скоро во всем разобрались, и дальше мы уже все вместе лишь обсуждали отдельные, вполне конкретные детали. Каждый день команды кораблей проводили учения, отрабатывая свою роль в случае внезапного появления флота элдренов. Если же этот флот так и не покажется, то мы намеревались послать часть наших кораблей прямо в Пафанаал и немедленно начать штурм города. И все-таки мы прежде всего рассчитывали, что элдрены вышлют по крайней мере часть своих кораблей навстречу; на этом, собственно, и строились в основном наши стратегические планы.

Мы с Каторном по возможности избегали друг друга. В течение первых дней плавания между нами не происходило более словесных поединков, как в Некранале или в начале похода. Я был с Каторном очень вежлив — если все же возникала необходимость общения, — а он, насколько это было возможно при его грубоватых манерах, был вежлив по отношению ко мне. Король Ригенос, видимо, был рад этому. Он даже в какой-то степени успокоился и сообщил мне, что весьма приветствует наше взаимное с Каторном решение более не ссориться. Разумеется, никакого такого решения мы не принимали. Мы просто временно решили забыть о наших с ним разногласиях до тех пор, пока не предоставится возможности решить все сразу и навсегда. Я прекрасно понимал, что должен вызвать Каторна на поединок, иначе он сам непременно попытается убить меня.

Я, пожалуй, успел привязаться к графу Ролдеро из Сталако, хотя он, надо сказать, выказывал наибольшую кровожадность, когда речь заходила об элдренах. Джон Дэйкер наверняка назвал бы его реакционером, но и Джону Дэйкеру граф Ролдеро понравился бы. Это был человек огромного роста, мужественный, честный, который всегда говорил то, что думает, и ожидал того же от других, проявляя при этом поразительную терпимость и надеясь, что и остальные проявят ее по отношению к его собственной точке зрения. Когда я однажды сообщил ему, что он, по всей вероятности, признает лишь два цвета — черный и белый, он устало улыбнулся и ответил мне так:

— Эрекозе, друг мой, если бы ты прожил столько, сколько я, и видел все то, что случилось за мою долгую жизнь на нашей Земле, ты бы тоже воспринимал все либо в черном, либо в белом цветах. О людях

можно судить только по их поступкам — не по словам. Они совершают поступки либо во имя добра, либо во имя зла, и те, кто совершает их во имя зла, плохие люди, а те, кто не жалеет своей жизни во имя добра, хорошие.

— Но ведь люди порой, сами того не ведая и имея самые дурные намерения, могут совершить добро — и наоборот, они могут совершить страшное зло, имея самые добрые побуждения, — сказал я, приятно пораженный его уверенностью в том, что он жил дольше и видел больше, чем я, — хотя, по-моему, он все-таки демонстрировал мне эту свою уверенность шулки ради.

— Вот именно! — воскликнул граф Ролдеро. — Как раз об этом я и говорю! Мне совершенно безразлично, как я уже говорил, что именно люди заявляют на словах. Я сужу их по результатам их действий. Вот возьмем, например, элдренов...

Я засмеялся и, подняв руку, прервал его:

— Я уже знаю, какие они зловердные и хитрые. Мне каждый твердит об их хитрости, коварстве и колдовстве.

— Ах вот в чем дело! Ты, видимо, решил, что я вообще всех элдренов ненавижу. Это совсем не так. Насколько я знаю, по отдельности они могут быть удивительно добры к своим детям, способны горячо любить своих жен, хорошо обращаться со своими животными. Я же не говорю, что все они и каждый по отдельности какие-то чудовища. Их следует непременно рассматривать целиком, как некую общую силу — и действие этой общей силы расценивать по результатам. Наше отношение к ним должно основываться на понимании общей угрозы, исходящей от них: угрозе того, что они попытаются удовлетворить свои амбиции.

— И как же ты сам оцениваешь эту «общую силу»? — спросил я.

— Прежде всего, они не люди, а потому и цели у них не людские. Следовательно, исходя из собственных интересов, они непременно должны стремиться уничтожить нас как противостоящую силу. А это значит, что весь их род угрожает роду человеческому уже самым своим существованием. Как, впрочем, и мы угрожаем их роду. Они прекрасно это понимают и постараются стереть нас с лица земли. Мы тоже прекрасно понимаем это и должны постараться стереть с лица земли их прежде, чем они сумеют нас уничтожить. Понимаешь?

Эти доводы казались достаточно убедительными для того прагматика, каковым, согласно моим собственным представлениям, я являлся. Но тут в голову мне пришла одна мысль, которой я и поделился с Ролдеро:

— А ты случайно не забыл об одной простой вещи? Ты же сам сказал: элдрены не являются людьми. Но допускаешь, что цели и интересы у них вполне человеческие...

— Они тоже из плоти и крови, как и мы, — сказал он. — Они в такой же степени животные, как и мы. И у них в точности те же инстинкты и устремления, как и у нас.

— Но ведь многие разновидности животных умудряются жить бок о бок в относительной гармонии, — напомнил я ему. — Львы не ведут постоянной войны с леопардами, лошади — с коровами, и даже внутри собственного вида животные редко убивают друг друга, даже если им этого и очень хочется.

— Но они бы непременно делали это, — ничуть не смущаясь, заявил граф Ролдеро, — непременно, если бы способны были предвидеть события. Они бы убивали друг друга, если бы способны были оценить, с какой скоростью соперничающий с ними род поглощает запасы пищи, размножается, расширяет свои территории.

Я сдался. Я чувствовал, что мы оба ступили на зыбкую почву. Мы сидели с Ролдеро в моей каюте и через открытую настежь дверь любовались очаровательным закатом и спокойным морем. Я налил графу еще вина из своих быстро уменьшающихся запасов (я уже привык напиваться незадолго до того, как лечь в постель, чтобы сон мой не нарушали всякие там видения и воспоминания).

Граф Ролдеро залпом выпил вино и поднялся.

— Поздно уже. Мне пора возвращаться на корабль, иначе команда моя решит, что я утонул, и

отпразднует сие великое событие. Я вижу, у тебя совсем мало вина, мой друг. В следующий раз захвачу с собой парочку бурдюков. Ну, дорогой Эрекозе, прощай. В целом, я уверен, ты мыслишь правильно. Но что бы ты там ни говорил, а с сентиментальностью тебе еще надо бороться.

Я улыбнулся.

— Спокойной ночи, Ролдеро. — Я поднял свой наполовину опустошенный кубок. — Мы с тобой еще выпьем за мир, когда все это будет кончено!

Ролдеро фыркнул.

— О да, мир — как между коровками и лошадами! Спокойной ночи, друг мой! — и он удалился, сопровождаемый раскатами собственного хохота.

Изрядно захмелев, я содрал в себя одежду и рухнул в постель, глупо хихикая над прощальными словами Ролдеро насчет коровок и лошадок. Он прав! Кому захочется вести подобную жизнь? Война, война! Ура! И я швырнул свой кубок в раскрытую дверь каюты, захрапев, по-моему, еще до того, как глаза мои успели закрыться.

И мне приснился сон.

Но на этот раз мне снился тот кубок, что я швырнул в открытую дверь каюты. Мне казалось, я вижу, как его перекатывают волны, как поблескивает его позолота и вделанные в стенки драгоценные камни. А потом течение подхватывает его и уносит далеко-далеко от наших кораблей, в открытое море, в такие края, куда никогда не приплывают суда, где никогда не бывало людей, и след его там теряется.

В течение всего месяца, что мы плыли к берегам Мернадина, море было спокойным, ветер — попутным, а погода в общем тоже вполне благоприятной.

Уверенность наша в собственных силах росла. Благополучное путешествие мы сочли добрым знаком. Настроение у всех было отличное, за исключением Каторна, конечно, который по-прежнему ворчал, что это всего лишь затишье перед бурей и что мы еще хлебнем лиха, когда встретимся с элдренами лицом к лицу.

— Они ведь хитрые, — твердил он. — Хитрые и подлые. Они, вполне возможно, уже все знают про нас и замышляют такие маневры, каких мы совсем не ожидаем. Может, это из-за них и погода такая стоит...

При этих словах я никак не мог сдержать смех, и он, разумеется, тут же разъярился.

— Мы еще посмотрим, лорд Эрекозе! Посмотрим!

И как раз на следующий день возможность посмотреть на элдренов нам представилась.

Судя по картам, мы приближались к берегам Мернадина. Мы увеличили число вахтенных, перестроили корабли из походного порядка в боевой, проверили вооружение и немного сбавили скорость.

Утро текло медленно: мы ждали, обвисли флаги на мачтах, застыли поднятые весла.

И где-то около полудня дозорный с верхушки мачты крикнул:

— Корабли прямо по курсу! Пять парусников!

Король Ригенос, Каторн и я стояли на носу, вглядываясь в морскую даль. Я взглянул на короля и нахмурился:

— Пять кораблей? Всего пять?

Король Ригенос покачал головой:

— Возможно, это вообще не элдрены...

— Да нет, это суда элдренов, сразу видно, — проворчал Каторн. — Да кто тут еще станет плавать — в этих водах? Никто из людей никогда не торговал с этими тварями!

И тут снова донесся крик дозорного:

— Вижу десять парусников! Двадцать! Это флот — флот элдренов! Они идут к нам на большой

скорости!

Мне показалось, что и я вижу, как что-то белое мелькнуло на горизонте. Может, всего лишь гребень волны? Нет, это парус, я был уверен.

— Посмотрите, — сказал я королю, — вон там. — И показал, куда нужно смотреть.

Ригенос прищурился и прикрыл глаза рукой от солнца.

— Ничего не вижу! Вам это просто кажется. Не могут они идти с такой скоростью...

Каторн тоже вглядывался в указанном направлении.

— Да, вижу! Парусник! Но до чего быстро идет! Клянусь морским божеством — не иначе как колдовство им помогает!

К предположению о колдовстве король Ригенос отнесся скептически.

— У них суда гораздо легче наших, — напомнил он Каторну, — да и ветер им благоприятствует.

Но Каторна было не переубедить.

— Конечно, все может быть... Может быть, вы и правы, сир...

— А раньше они колдовством пользовались? — спросил я Каторна. Я готов был поверить чему угодно. Мне это было просто необходимо, если я должен был верить тому, что произошло со мной самим!

— Еще бы! — сплюнул Каторн. — Сколько угодно! Самым различным! Ух, я прямо-таки чую: колдовством пахнет!

— Когда именно? — продолжал расспрашивать я. — И каким колдовством? Мне необходимо знать это, чтобы иметь возможность противостоять неожиданности.

— Иногда они могут становиться невидимками. Говорят, что именно благодаря этому они и смогли захватить Пафанаал. Они могут ходить по воде... летать по воздуху...

— И вы видели, как они это делают?

— Сам не видел. Но много слышал об этом. От таких людей, которые, как я знаю, не лгут.

— А эти люди сами испытали на себе воздействие их колдовства?

— Нет. Но они хорошо знали людей, которым от этого колдовства досталось.

— Значит, это всего лишь слухи, — заключил я.

— А, да говорите что угодно! — разъярился Каторн. — Можете не верить мне, хотя сами-то вы, лорд Эрекозе, только благодаря колдовству здесь объявились, заклятием вызваны были... А знаешь, Эрекозе, почему я поддержал идею о том, чтобы призвать тебя в наш мир? Потому что чувствовал, что нам без колдовства, что будет посильнее ихнего, не обойтись! Разве ж это не колдовской меч у тебя? Да и сам ты хорош!

Я пожал плечами:

— Подождем. Посмотрим, что у них там за колдовство.

Король Ригенос крикнул дозорному:

— Сколько у них всего кораблей, видишь?

— Примерно раза в два меньше, ваше величество. Никак не больше. И, по-моему, больше не будет. Наверное, это весь их флот.

— Похоже, они пока что остановились, — прошептал я королю. — Спросите у дозорного, движутся ли корабли элдренов.

— Эй, дозорный, а что, элдренские корабли остановились? — крикнул король Ригенос.

— Да, ваше величество. Застыли на месте. Они вроде бы и паруса свертывают.

— Они ждут, когда мы подойдем поближе, — пробормотал Каторн. — Хотят, чтобы мы первыми в

атаку пошли. Ну что ж, мы тоже подождем.

Я кивнул:

— Да, мы именно об этом и договаривались.

И мы стали ждать.

Солнце село, наступила ночь, а мы все ждали, и лишь, изредка на горизонте замечен был легкий серебристый проблеск — то ли парус, то ли гребень большой волны. Матросы вплавь перебирались с одного нашего корабля на другой: держали связь.

Мы продолжали ждать, забывшись ненадолго сном и пытаясь понять, пойдут ли элдрены в атаку или нет.

Лежа без сна в своей каюте, я слышал, как Каторн меряет шагами палубу. Я же пытался вести себя разумно и постараться сберечь силы для грядущего дня. Из всех нас больше всего нетерпения проявлял Каторн: он прямо-таки рвался в бой с элдренами. Я отчетливо сознавал, что, если бы все зависело от него одного, мы бы уже сейчас на всех парусах мчались навстречу элдренам, выбросив за борт все наши тщательно разработанные планы.

Но, к счастью, руководил всем я. Даже король Ригенос не имел права изменять что-либо в моих приказах — разве что в исключительном случае.

Я отдыхал, но уснуть так и не мог. Я получил первое впечатление об удивительном мастерстве элдренов, но так и не видел пока ни их кораблей, ни того, какова может быть их команда.

Я лежал и молил небеса, чтобы сражение все-таки началось поскорее. Флот в два раза меньше нашего! Я холодно улыбнулся. Я знал, что мы непременно выиграем это сражение.

Но когда же элдрены пойдут в атаку?

Может быть, еще сегодня ночью. Каторн же говорил, что они любят действовать ночью.

Мне было все равно — днем или ночью. Я хотел драться. Жажда битвы в моей душе стала нестерпимой. Я рвался в бой!

Глава XI

Флоты сближаются

Прошел еще один день, и еще одна ночь, и по-прежнему корабли элдренов оставались на горизонте.

Неужели они всерьез рассчитывали истомить нас ожиданием, заставить нервничать? А может быть, просто испугались? Или сами рассчитывают на то, что мы пойдем в атаку первыми?

На вторую ночь я все-таки заснул, но не тем пьяным сном, к которому успел приучить себя. Вина у меня больше не осталось. А граф Ролдеро так и не успел доставить мне обещанные бурдюки с вином.

И сны на этот раз мне снились хуже некуда.

Я видел охваченные войной миры, сами себя уничтожающие в череде бессмысленных и бесконечных сражений.

Я видел Землю, но то была Земля без Луны. И она не вращалась вокруг собственной оси, а потому одна половина ее вечно была освещена солнцем, а вторая — погружена во мрак. И там тоже повсюду шла война, и я участвовал в каком-то ужасном походе, который чуть не убил меня... Какое-то имя почудилось мне — Кларвис? Что-то в этом роде. Я пытался уцепиться за эти имена, но они почти всегда ускользали из моей памяти, едва успев возникнуть, и, думаю, были на самом деле наименее важной частью моих снов.

Я снова видел Землю — на этот раз совсем другую. Эта Земля была очень старой, даже моря на ней начали пересыхать. И я ехал верхом по какой-то мрачной местности, а в небесах светило крошечное солнце, и думал я о Времени...

Я попытался удержать в памяти подробности этого сна, этой галлюцинации, этого воспоминания — что бы это ни было такое. Мне показалось, что в нем, возможно, заключена разгадка моей собственной природы, самого начала моей судьбы.

Возникло еще одно имя — Кронарх... И исчезло. По всей очевидности, и в этом сне было не больше тайного смысла, чем во всех остальных.

Потом это сновидение умчалось прочь, и я оказался в огромном городе, я стоял возле большой машины и смеялся, в руках у меня было какое-то странное ружье, а из самолетов в небесах дождем падали бомбы, уничтожавшие город прямо на глазах. Во рту был вкус сигары...

Я проснулся было, но тут же снова сны поглотили меня.

Я брел, почти утратив рассудок от одиночества, по коридорам с металлическими стенами, а за этими стенами был открытый космос. Земля осталась где-то далеко. Космический корабль, в котором я находился, летел на какую-то другую планету. Я глубоко страдал. Меня терзали мысли о семье. Был ли я Джоном Дэйкером? Нет... Джоном...

И тут, словно для того, чтобы еще больше смутить мою душу, имена стали буквально роиться вокруг меня. Я видел их. Слышал. Кто-то писал их, используя множество различных письменностей, мелькали буквы, иероглифы... имена повторяли нараспев на разных языках...

Обек. Византия. Корнелиус. Колвин. Брэдбери. Лондон. Мелнибонэ. Хокмун. Ланьис Лихо. Повис. Марка. Элрик. Малдун. Дитрих. Арфлейн. Саймон. Кейн. Аллард. Корум. Травен. Райан. Аскинол. Пипин. Сьюард. Менелл. Таллоу. Холлнер. Кельн...

Имена продолжали роиться, множиться...

Я с криком проснулся.

И наступило утро.

Весь в поту, я вскочил и с ног до головы облился холодной водой.

Почему сражение не началось? Почему?

Я знал, что, как только начнется бой, все эти сны тут же прекратятся. Я был уверен в этом.

И тут дверь моей каюты распахнулась и вбежал раб.

— Хозяин...

Голосили трубы. Палубы дрожали от топота бегущих людей.

— Хозяин, вражеские корабли идут к нам!

С облегчением вздохнув, я быстро оделся, стараясь правильно застегнуть все пряжки на доспехах. Потом схватил меч и выбежал на палубу. Там уже стоял король Ригенос в боевом облачении с мрачным выражением лица.

Повсюду на кораблях были подняты боевые знамена, звучали команды, горны и трубы вопили, словно металлические звери, загремели барабаны.

Теперь и я совершенно отчетливо увидел, что корабли элдренов быстро приближаются.

— Все капитаны готовы, — тихо проговорил Ригенос. — Смотри: наши корабли уже разворачиваются.

Приятно было смотреть, как наши суда занимают именно те позиции, которые им предписывались тщательно проработанными планами. Теперь, если только элдрены поведут себя так, как предполагали мы, победа будет за нами.

Я снова посмотрел вдаль, и у меня перехватило дыхание: корабли элдренов были уже совсем близко, они потрясали грациозностью и той легкостью, с какой, подобно дельфинам, неслись по волнам.

Нет, это не дельфины Это акулы. Они бы всех нас сожрали, если б смогли. Теперь я начинал понимать кое-какие опасения Каторна в отношении всего элдренского. Если бы я не знал совершенно точно, что это наши враги, что они намерены погубить нас, я бы так и стоял в бездействии, очарованный красотой их кораблей.

Они не были похожи на галеоны, как большая часть наших боевых кораблей. То были легкие парусные суда, и паруса их на хрупких мачтах просвечивали на солнце. Ослепительно белые, корабли элдренов, разрезая носами чуть более темную пену волны, летели нам навстречу, как птицы.

Я напрягал зрение, стараясь получше рассмотреть вооружение.

Пушек у них было меньше, чем у нас, были они, похоже, меньшего калибра и казались сделанными из серебра, но, увидев их, я отчего-то почувствовал страх: неведомая сила таилась в их жерлах.

К нам подошел Каторн. Он всхрипывал от удовольствия, как жеребец.

— Сейчас! Сейчас! Ох, сейчас мы им покажем! Видел их пушки, Эрекозе? Осторожней! Они заколдованные, можешь мне поверить!

— Заколдованные? Что вы хотите этим сказать?..

Но он уже отошел, покрикивая на матросов, чтобы шевелились быстрее.

Я начал различать на палубах элдренских кораблей крошечные фигурки. Даже порой видел отдельные лица, но мельком, так что черты их были пока мне неведомы. Элдрены быстро и ловко двигались на своих судах, безостановочно мчавшихся нам навстречу.

Теперь наше боевое построение было почти закончено, и флагманский корабль стал отходить на свою позицию.

Я сам отдал приказ прекратить движение, и мы легли в дрейф, качаясь на волнах и поджидая, пока эти акулы сами не набросятся на нас.

Наш боевой порядок напоминал сухопутное «каре», хорошо укрепленное по трем сторонам, однако обладавшее довольно слабой защитой с фронта, обращенного к элдренам.

Самую дальнюю от них сторону «каре» составляло около сотни кораблей, от носа до кормы ошестинившихся пушками. Обе боковые стороны были примерно столь же сильны, причем корабли

располагались так, чтобы собственными выстрелами случайно не потопить друг друга.

Мы же входили в число кораблей, составлявших более «слабую» стенку «каре». Здесь было всего двадцать пять судов, и именно сюда и должен был быть нанесен основной удар элдренов. Мы рассчитывали, что наши маневры создадут у противника впечатление идеального боевого порядка: эскадра как бы окружала корабли с королевскими флагами на мачтах. Со стороны должно было казаться, что флагманский корабль и его эскорт находятся внутри «каре», но это была лишь приманка. Настоящий флагманский корабль — тот, на котором находился и я, — убрав и королевский флаг, и прочие опознавательные знаки, покачивался на волнах примерно в середине правой стенки «каре».

Все ближе и ближе подходили корабли элдренов. Казалось, что Каторн был почти прав, утверждая, что они способны летать по воздуху: элдренские суда действительно почти летали, а не плыли по волнам.

Руки у меня от волнения стали влажными. Проглотят ли они приманку? Мой план сперва весьма поразил военачальников и был назван «оригинальным», что, видимо, означало, что подобный боевой порядок им не знаком и не является для них классическим. Если мой план не сработает, я совсем утрачу доверие Каторна, да и отношения мои с королем, на дочери которого я надеялся жениться, отнюдь не улучшатся.

Однако не имело смысла тревожиться заранее, и я продолжал наблюдать.

И элдрены наживку проглотили!

Под рев пушек корабли элдренов влетели в центр «каре», проломив его нарочито «тонкую» стенку. Не сразу замедлив скорость, они в один миг оказались окруженными с трех сторон.

— Поднимите флаги! — крикнул я Каторну. — Скорей! Пусть увидят, где главный враг и в чем причина их поражения!

Каторн приказал поднять флаги. Первым на мачте взвился мой — серебряный меч на черном поле, потом флаг короля. Наши корабли, быстро сманивировав, замкнули кольцо, и элдрены поняли, что попали в ловушку.

Должен признаться, что никогда прежде не видел столь высокоманевренных кораблей, как элдренские. Более хрупкие и маленькие, чем наши боевые суда, они металась в поисках выхода из смертельного кольца. Но выхода не было. Об этом я позаботился заранее.

Теперь яростно зарывали и их пушки, изрыгая огненные шары. Может быть, именно это имел в виду Каторн, говоря об их колдовском оружии? Элдрены пользовались не чугунными ядрами для пушек, как мы, а, скорее, чем-то вроде зажигательных бомб. Со свистом, словно кометы, пролетали эти огненные шары в полуденном свете дня. На многих наших кораблях начался пожар. Пламя быстро пожирало снасти и паруса.

Да, снаряды их были похожи на огненные кометы, а их корабли — на кровожадных и вертких акул.

Однако акулы эти попались в сеть, из которой им было не вырваться. Мы безжалостно теснили их, наши пушки своими тяжелыми ядрами в клочья разносили белые корабли, и прозрачные легкие паруса на изящных мачтах и реях опадали, словно крылья умирающих бабочек.

Наши собственные огромные галеоны, с мощной обшивкой, окованные бронзой, с гигантскими веслами, пенящими воду, с разноцветными парусами, со всех сторон окружили элдренов, желая их растоптать, уничтожить.

Тогда флот элдренов, разделившись на две примерно равные части, попытался прорваться в тех дальних углах «каре», где стена наших кораблей была не такой плотной. Некоторым их белоснежным парусникам удалось вырваться из окружения, но мы были готовы к этому и, быстро перестроившись, вновь окружили прорвавшиеся элдренские суда.

Теперь их флот был разделен на несколько мелких групп, что значительно облегчало нашу задачу. Теперь сокрушить элдренов ничего не стоило.

Небеса почернели от дыма, поверхность моря была усыпана горящими обломками судов, в воздухе непрерывно слышались крики, стоны, боевые команды, свист элдренских огненных шаров, рев наших

огромных пушек... Лицо мое было покрыто пленкой грязи и копоти, я весь взмок от жара горевших поблизости судов.

Порой я успевал заметить напряженное лицо какого-нибудь элдрена и каждый раз поражался его красоте и думал, а не переоценили ли мы свои силы, так уверенно рассчитывая на победу. Доспехи у элдренов были легкие, двигались они с грацией хорошо обученных танцоров, их серебристые пушки ни на минуту не переставали поливать огнем наши боевые корабли. Там, куда попадали их «зажигательные бомбы», тут же вспыхивала палуба или обшивка, и пламя начинало пожирать дерево, рассыпая зеленые и голубые искры. Мне показалось, что это пламя одинаково легко уничтожает и дерево, и металл.

Ухватившись за перила на носу, я сильно наклонился вперед, пытаюсь разглядеть что-нибудь в удушающем густом дыму. И сразу же увидел элдренский корабль буквально в двух шагах от нас прямо по курсу.

— Идем на таран! — заорал я что было силы. — Готовьтесь к тарану!

Как и у многих других боевых кораблей у «Иолинды» чуть ниже ватерлинии имелся для таких случаев огромный окованный металлом бивень. Пришла пора им воспользоваться. Я успел заметить, что капитан элдренского судна спешно отдает приказания, надеясь развернуть свой парусник, но даже для быстрых элдренов было уже слишком поздно. Мы налетели на них, и от удара бивнем все наше могучее судно дрогнуло и загудело. Металл и толстенные бревна, казалось, стонали, пена поднялась до небес. Потеряв равновесие, я отлетел к мачте и, опираясь об нее спиной, медленно поднялся на ноги. И увидел, что мы разломили корабль элдренов пополам. Я смотрел на это с каким-то смешанным чувством ужаса и восторга, так как не подозревал, сколь чудовищной силой обладает «Иолинда».

Мы прошли как бы сквозь корабль элдренов, и по обе стороны от нас половинки их судна уже начали тонуть. По-моему, на лице моем был написан почти такой же ужас, как и на лице капитана элдренского судна, который по-прежнему старался держаться прямо, стоя на своем мостике, тогда как команду его пожирали темные ненасытные волны моря, по которым уже носились обломки судна и трупы людей.

Море быстро поглотило легкий корабль, и я услышал, как рядом со мной смеется король Ригенос, видя, как элдрены с воздетыми к небесам руками исчезают в пучине.

Я отвернулся. Лицо Ригеноса было перепачкано копотью, глаза в красных воспаленных веках казались безумными. Корона, украшенная бриллиантами, сидела на голове криво, а сам он продолжал смеяться, празднуя свою ужасную победу.

— Отлично, Эрекозе! Отличный способ — сразу пускать этих тварей на дно! Пусть идут к своему хозяину, к дьяволу в пасть!

На палубе появился Каторн. У него тоже был чрезвычайно возбужденный вид.

— Ну, Эрекозе, должен признать, что ты молодец! Доказал, что элдренов убивать умеешь!

— Я вообще умею убивать, — спокойно сказал я. Оба они были мне отвратительны сейчас. Я с восхищением вспоминал, как принял смерть капитан элдренского судна. — А в данном случае просто благоприятная возможность представилась для того, чтобы тяжелый боевой корабль протаранил куда более легкое судно, особого ума тут не требовалось.

Однако времени долго рассуждать на эту тему не было. Наш корабль плыл среди обломков, среди полыхающих пожаров, окруженный клубами дыма, сквозь который невозможно было разглядеть, как обстоят дела на остальных наших кораблях. Со всех сторон доносились вопли и стоны.

— Надо выбираться на чистую воду, — сказал я. — Совершенно необходимо дать знать нашему флоту, что флагманский корабль не пострадал. Может быть, вы отдадите соответствующие распоряжения, лорд Каторн?

— Хорошо, — и Каторн вернулся к своим прямым обязанностям.

От непрерывного грохота пушек голова у меня раскалывалась. Меня словно с головой захлестнула волна дыма, огня, запахов смерти — не продохнуть.

И все же то, что творилось вокруг, было мне как бы знакомо.

До этого момента мои боевые планы были скорее умозрительными — работала лишь голова, инстинкты молчали. Теперь же во мне словно включились некие древние инстинкты, ибо я отдавал приказы, даже не задумываясь.

И при этом твердо знал, что приказы мои разумны и уместны. Даже Каторн выполнял их беспрекословно.

Так было, когда я велел протаранить элдренское судно. Я ведь тогда ни на секунду не задумался.

Могучие весла вынесли наконец «Иолинду» из облаков дыма на относительно чистое пространство, и тут же горны и барабаны оповестили остальные корабли, что мы целы и невредимы. С ближайших из наших судов послышались радостные возгласы.

Теперь оставалось лишь истреблять оставшиеся корабли элдренов поодиночке. Наши корабли, высмотрев себе очередную жертву, брали ее на бордаж. Чудовищные крючья впивались в белоснежные перила и снасти, сверкали среди прозрачных парусов, рвали на куски плоть элдренов, отсекая порой целиком руки и ноги. Потом наши огромные корабли подтаскивали легкие парусники элдренов к себе вплотную, как это делают китобойцы с полумертвой тушей загарпуненного кита, и начиналось самое страшное.

Туча стрел летела с одного борта на другой; лучники, забравшись повыше и цепляясь за ванты и реи, стреляли друг в друга без передышки. Копья пронзали тела и элдренов, и людей, пробивали доспехи насквозь. Порой по-прежнему слышался грохот пушек, но теперь то были лишь одиночные выстрелы на фоне непрерывного звона мечей и боевых кличей воинов: люди и элдрены сошлись в рукопашной.

Клубы дыма, вздымавшиеся ядовитыми цветками, часто застилали поле битвы темной пеленой, но, когда мне удавалось разглядеть зеленоватую поверхность моря, покрытую обломками судов и трупами людей и элдренов, я видел, что пена морская стала алой и вся вода как бы покрыта скользкой кровавой пленкой.

Когда наш корабль развернулся и снова ринулся в гущу схватки, я все время видел вокруг лица мертвецов, глядящих в небо и отчего-то на меня. У всех — и у людей, и у элдренов — на лицах было одно и то же выражение: изумленное обвинение.

Потребовалось некоторое время, чтобы я перестал обращать на эти лица внимание.

Глава XII

Нарушенное перемирие

Мы протаранили еще два элдренских корабля своим металлическим бивнем, сами практически при этом не пострадав. «Иолинда» действовала на поле битвы так, словно в ней была заключена некая неумолимая безжалостная сила, уничтожающая все на своем пути и требующая слепой веры от служащих ей.

Первым этот корабль заметил король Ригенос. Он прищурился и указал пальцем куда-то сквозь дымовую завесу, приоткрыв от возбуждения рот, казавшийся очень красным на почерневшем от грязи и копоти лице.

— Вон там! Видишь, Эрекозе? Вон там!

Прямо по курсу я увидел великолепный элдренский корабль, но мне было неясно, почему он так привлек внимание Ригеноса.

— Это их флагманский корабль! — воскликнул он. — Может быть, у него на борту сам их правитель. Если же он, этот проклятый пособник Азмобааны, действительно там и если мы сумеем уничтожить этот корабль, тогда битва будет окончательно выиграна. Молись, Эрекозе, чтобы правитель элдренов оказался на этом судне! Молись!

Из-за спины у нас раздалось ворчание Каторна:

— Я бы с большим удовольствием расправился с ним собственноручно, — в руках, почти до кончиков пальцев скрытых кольчугой, Каторн держал тяжелый арбалет, нежно поглаживая его ложе, словно любимого котенка.

— Хорошо бы, принц Арджав сам оказался на этом корабле. Господи, хорошо бы он оказался там! — злобно прошипел Ригенос.

Я не стал обращать на них особого внимания и крикнул, чтобы готовили abordажные крючья.

Удача, похоже, по-прежнему была на нашей стороне. Наше тяжелое судно как раз вовремя приподняла волна, и мы обрушились на элдренский корабль, как бы подмяв его под себя и цепляясь крючьями за палубу, перила и оснастку.

Поскрипывала обшивка. Корабль элдренов был намертво пришвартован к нашему борту — так страстный любовник сжимает в объятиях свою возлюбленную.

И я почувствовал, как губы мои кривятся в такой же, как у короля, кровожадной улыбке: мы одержали победу! Я ощущал на губах ее сладостный вкус. Самый сладостный в моей жизни. В жизни Эрекозе. Я знаком велел рабу вытереть влажной салфеткой мое закопченное, грязное лицо и гордо выпрямился во весь рост. Справа от меня и чуть позади стоял король Ригенос. Слева — Каторн. Внезапно осознав, что мы трое как бы составляем единое целое — втроем мы командовали этим победоносным сражением, — я гордо глянул вниз, на палубу вражеского судна. Элдрены явно были измотаны сражением, однако не опускали ни луков, ни мечей, зажатых в побелевших от напряжения пальцах, и забрала их были подняты. Они молча созерцали нас, не делая попыток перерезать веревки и ожидая, что первый шаг сделаем мы.

Когда два флагманских корабля оказываются в подобном положении, воины всегда ждут, прежде чем снова вступить в бой. Таким образом, командирам-противникам предоставляется возможность сказать свое слово и, если обе стороны согласны, объявить перемирие и обговорить его условия.

Король Ригенос перегнулся через перила и обратился к элдренам, взиравшим на него сквозь дымовую завесу своими странными блестящими глазами:

— Говорит король Ригенос. С ним рядом бессмертный Эрекозе, Защитник Человечества и ваш давнишний враг. Он снова явился в этот мир, чтобы уничтожить вас. Мы объявляем обычное краткое перемирие и выражаем желание переговорить с вашим командиром.

Откуда-то из-за паруса на капитанском мостике вдруг возник человек. Сквозь пелену дыма я сперва довольно плохо сумел разглядеть его узкое загорелое лицо с четкими чертами и очень светлыми голубыми глазами под высоким, чуть покатым лбом. Странночарующий, сверхъестественный голос музыкой зазвенел над морем:

— Я — герцог Байнан, командующий флотом. Мы не станем обсуждать с вами сложных условий какого бы то ни было мира, но если вы сейчас позволите нам уйти, продолжать битву не будем.

Ригенос улыбнулся, а Каторн фыркнул, пробурчав:

— Ну до чего благородно! Знает небось, что его песенка спета!

Ригенос захихикал. Потом снова обратился к герцогу Байнану.

— Мне это предложение представляется несколько наивным, герцог Байнан.

Байнан лишь устало пожал плечами.

— Тогда давайте с этим кончать, — вздохнул он и поднял руку в перчатке, подавая лучникам знак.

— Подождите! — вскричал Ригенос. — Есть и другой путь, если вы, конечно, хотите сохранить своих воинов.

Герцог Байнан медленно опустил руку.

— Что вы предлагаете? — голос его звучал устало.

— Если ваш повелитель, Арджав Мернадинский, на борту, как то ему положено, то пусть поднимется на палубу и сразится с лордом Эрекозе, Защитником Человечества. Если Арджав одержит победу — что ж, тогда мы позволим вам уйти. Если же победит Эрекозе, вы станете нашими пленниками.

Герцог Байнан скрестил руки на груди.

— Вынужден сообщить, что принц Арджав не сумел вовремя добраться до Пафанаала, чтобы участвовать в нашем походе. Он сейчас находится на западе, в Лус Птокаи.

Король Ригенос обернулся к Каторну.

— Убей этого элдрена, Каторн, — тихо сказал он.

Герцог Байнан продолжал:

— Однако я вполне готов сам сразиться с вашим героем, если...

— Нет! — крикнул я Каторну. — Остановись! Ваше величество, это бесчестно — отдавать такие приказания во время перемирия.

— Что говорить о чести, Эрекозе, когда я занят искоренением богомерзкого отродья! Ничего, ты и сам скоро это поймешь. Убей его, Каторн!

Герцог Байнан нахмурился, удивленный нашим неслышным ему спором, тщетно пытаясь разобрать слова.

— Итак, я буду биться с тобой, Эрекозе, — повторил он. — Ты согласен?

И тут Каторн поднял свой арбалет, стрела пропела в воздухе, и я услышал слабый вскрик, когда стрела пронзила герцогу горло.

Рука его поднялась к дрожащему оперению стрелы. Станные глаза подернулись какой-то пленкой. И он упал.

Меня привело в бешенство предательское поведение того, кто так часто говорил о предательском поведении других. Но сейчас не было времени выяснять отношения, ибо стрелы элдренов уже дождем сыпались на нас, и мне необходимо было подбодрить своих лучников, а потом вести абордажный отряд против команды вражеского судна.

Я схватился рукой за снасть, выхватил свой сверкающий меч из ножен, и слова сами полились из моих уст, хотя в душе я все еще горел гневом на короля и Каторна.

— За Человечество! — орал я. — Смерть Гончим Псам Зла!

Я перемахнул через борт и спрыгнул вниз, на палубу неприятельского судна, ведя за собой воющих и улюлюкающих воинов, быстро смешавшихся с защищавшими свой корабль элдренами.

И началась кровавая схватка.

Мои собственные воины старались держаться подальше от моего меча, оставлявшего странные бледные раны в телах элдренов и несшего смерть каждому, кто получал хотя бы поверхностную царапину. Много элдренов погибло, встретившись с мечом Канаяной, но сам я не чувствовал радости сражения: во-первых, потому, что я все еще был зол на короля и Каторна, а во-вторых, потому, что никакого особого искусства не требовалось, чтобы убивать таким мечом; к тому же элдрены были глубоко потрясены гибелью своего командира, полумертвы от усталости, однако сражались по-прежнему мужественно.

Как оказалось, легкие, похожие на хищных рыб корабли элдренов имеют значительно большую команду, чем я предполагал. Эти длинноголовые элдрены, прекрасно сознавая, что любое прикосновение к моему мечу несет смерть, бросались на меня с отчаянной и какой-то свирепой отвагой.

Многие пытались достать меня с помощью боевых топоров с очень длинной ручкой, значительно длиннее моего меча. Меч мой был, в общем-то, не более острым, чем любой другой, так что даже когда я изо всех сил ударял по рукоятям топоров, мне все равно удавалось разве что слегка расщепить их. Я был вынужден то и дело приседать и увертываться от острых лезвий топоров, со свистом рассекавших воздух.

Какой-то юный златоволосый элдрен с размаху ударил меня топором по плечу; топор скользнул по доспехам, не пробив их, однако я потерял равновесие и покатился по палубе, тщетно пытаясь снова встать на ноги. Ноги скользили и разъезжались: доски были залиты кровью. Топор просвистел еще раз, удар пришелся по нагрудной пластине, снова сбив меня с ног. Я с трудом встал на четвереньки, рванулся вперед, избежав очередного удара топором, и одним ударом отсек обнаженную руку юного элдрена, сжимавшую топор.

Похожий на рыдание стон сорвался с его губ. И он умер. Снова «сработал» яд, заключенный в моем мече. Я по-прежнему не мог понять, как металл может быть столь ядовитым, однако сомнений в силе этого яда не возникало. Я выпрямился и посмотрел на юного элдрена, что сражался так храбро и теперь лежал у моих ног. Все мое избитое тело болело. Я огляделся и увидел, что преимущество явно на нашей стороне. Последняя горстка яростно отбивающихся элдренов собралась у своего знамени спиной к спине, обороняя его. На алом поле флага был изображен Серебряный василиск Мернадина.

Спотыкаясь, я побрел в их сторону. Элдрены стояли до последнего. Они понимали, что пощады им не будет.

Я остановился. Мои воины в помощи с моей стороны не нуждались. Я сунул меч в ножны и смотрел, как горстка элдренов, окруженная куда большим количеством врагов, продолжает сражаться, несмотря на страшные раны на теле у каждого.

Я снова огляделся. Какая-то странная тишина повисла над двумя прильнувшими друг к другу кораблями, хотя где-то вдали еще слышались порой раскаты пушечных выстрелов.

Потом Каторн, возглавивший атаку на последних защитников неприятельского корабля, сорвал знамя с изображенным на нем василиском, швырнул его в лужу элдренской крови и стал топтать, словно обезумев от ярости, пока флаг не превратился в окровавленную и совершенно ни на что не похожую тряпку.

— Вот что будет с каждым из проклятых элдренов! — кричал он, празднуя свою безумную победу. — С каждым! С каждым! С каждым — вот так!

И, отшвырнув флаг, он с грохотом бросился по трапу вниз, чтобы посмотреть, велика ли добыча.

Над кораблями вновь воцарилась тишина. Дымовая завеса над нами начала понемногу рассеиваться, показалось солнце, видимое пока не очень ясно.

Теперь, после захвата флагманского корабля, победа наша стала очевидной. Ясно было, что в плен не будет взят никто. На некотором расстоянии от нас один за другим вспыхивали уцелевшие элдренские

корабли. Ни одному из них не удалось спастись, нигде на горизонте не видно было их прозрачных парусов. Многие наши суда тоже были разбиты, некоторые пожирало пламя. Сражение происходило на огромной территории, где вся поверхность моря была покрыта обломками судов и бесчисленными трупами — казалось, что оставшиеся на плаву корабли попали в плен, словно где-нибудь в Саргассовом море.

Мне и самому тоже казалось, что я стал пленником этого чудовищного побоища. Хотелось убраться отсюда как можно скорее. Трупный запах не давал дышать. Это был не тот бой, на который я рассчитывал. Это была не та слава, которую я надеялся заслужить.

На палубе снова появился Каторн, на его темнокожем лице было написано глубокое удовлетворение.

— А где же добыча? — спросил я. — Что это ты такой довольный?

Он вытер губы:

— Герцог Байнан взял с собой свою дочь.

— Она еще жива?

— Уже нет.

Меня передернуло.

Каторн озираясь, вытянув шею.

— Так, хорошо. С этими мы покончили. Сейчас прикажу сжечь все оставшиеся корабли.

— По-моему, — сказал я, — это неразумно. Мы ведь могли бы воспользоваться их судами, чтобы заменить свои потопленные.

— Воспользоваться их проклятыми колдовскими кораблями? Ну уж нет, никогда! — Он весь перекосясь, сплюнул и, перегнувшись через перила, крикнул матросам, оставшимся на пришвартованном к нашему элдренскому судне, чтобы возвращались.

Я неохотно перелез через борт, оглядываясь на все еще лежавший на палубе труп преданного герцога Байнана, из хрупкой шеи которого прямо в небо торчала тяжелая арбалетная стрела.

Потом я велел команде освободить те абордажные крючья, которые можно, а с остальных срезать веревки.

Навстречу мне с ласковой улыбкой устремился король Ригенос. В последнем сражении сам он никакого участия не принимал.

— Ты отлично сражался, Эрекозе! А знаешь, ты, по-моему, мог бы и в одиночку захватить этот корабль.

— Мог бы, — сказал я. — Я мог бы один и весь их флот захватить...

Он весело рассмеялся:

— А ты уверен в себе! Надо же, целый флот!

— Да, целый флот. Была такая возможность.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился он.

— Если бы мне позволили сразиться с герцогом Байнаном — как то им было предложено, — можно было бы спасти много жизней и много кораблей. наших жизней. И наших кораблей.

— Неужели же ты ему поверил? Элдрены вечно стараются использовать какую-нибудь хитрость. Нет никакого сомнения, что если бы ты тогда принял его предложение и перешел к нему на корабль, то тут же оказался бы отрезанным от нас градом стрел. Поверь мне, Эрекозе, нельзя допускать, чтобы элдрены вели тебя так, как некогда — наших предков! Из-за их обмана мы и страдаем теперь.

— Может быть, вы и правы, ваше величество, — пожал я плечами.

— Конечно же, я прав! — Король обернулся и крикнул команде: — Эй, поджечь эти проклятые корабли! Сжечь дотла! Да поторапливайтесь, лентяи!

Ох, и замечательное же настроение было у него, у нашего короля Ригеноса. Просто замечательное!

В наиболее важные и уязвимые части корабля быстро насовали какие-то белые легко воспламеняющиеся волокна вроде пакли, и я видел, как с нашего борта туда полетели подожженные стрелы.

Хрупкое судно вспыхнуло почти сразу. Загорелись трупы на нем, и жирный вонючий дым клубами повалил в небеса. Корабль элдренов относил течением, его серебристые пушки торчали, как вытянутые шеи мертвых животных; прозрачные, изодранные в клочья паруса вспыхивали и, точно шелуха, хлопьями падали на уже охваченную огнем палубу. Внезапно корабль в последний раз страшно содрогнулся, словно расставаясь с жизнью.

— А ну-ка угостите его парочкой ядер пониже ватерлинии, — крикнул Каторн артиллеристам. — Чтобы убедиться, что эта проклятая посудина затонула раз и навсегда.

Наша чудовищная пушка рывкнула разок-другой, и мощные ядра прошили флагманский корабль элдренов, круша легкую крепкую обшивку.

Корабль захлебывался, но все еще старался держаться гордо. Он почти остановился — вода настолько залила его, что течение уже не могло сдвинуть его с места. И вдруг как-то сразу он скрылся под водой, и на поверхности не осталось ничего.

Я подумал о герцоге Байнани. И о его дочери.

И в какой-то степени позавидовал им теперь. Они познают вечный покой, в то время как я, по всей видимости, не буду иметь иной судьбы, кроме вечного боя.

Наши суда вновь начинали собираться вокруг флагманского.

Мы потеряли тридцать восемь больших боевых кораблей и сто десять различных мелких судов.

Зато от флота элдренов не осталось ничего.

Ничего, кроме отдельных горящих обломков, которые мы так и бросили там, взяв курс на Пафанаал. Мы шли туда, упоенные победой, горя жаждой очередного сражения.

Глава XIII

Пафанаал

В течение всего плавания до Пафанаала я избегал их обоих — и короля, и Каторна. Может быть, они были и правы и элдренам доверять было нельзя. Но разве нельзя было хоть раз попробовать?

Вечером второго дня после великой битвы с элдренами меня навесил граф Ролдеро.

— Ты дрался отлично! — заявил он. — И план твой оказался превосходным. И я слышал, что в рукопашной ты тоже был весьма на высоте. — Он с притворным страхом огляделся и, кривляясь, прошептал, показывая пальцем куда-то в потолок каюты: — Но я знаю, что Ригенос вроде бы решил не подвергать свою королевскую особу излишнему риску, пока у нас, простых воинов, хватает мужества.

— Ну, — сказал я, — с Ригеносом все ясно. Не забывай, что он все-таки участвовал в походе. Хотя спокойно мог бы остаться в столице. Собственно, мы все так и думали, что он останется. А вот слышал ли ты о том, какое приказание он отдал во время перемирия? Насчет командующего элдренским флотом?

— Это чтобы Каторн его пристрелил, верно? — фыркнул Ролдеро.

— Да.

— Что ж... — Ролдеро ухмыльнулся. — Если ты согласишься, что Ригенос — трус, я соглашусь, что он предатель! — Он захохотал утробным смехом. — По справедливости, а?

Я тоже не мог сдержать улыбку. Но чуть позже очень серьезно спросил его:

— А сам бы ты так поступил, Ролдеро?

— Я? Да, наверное. Война все-таки...

— Но Байнан был готов сразиться со мной. Он ведь наверняка знал, сколь малы его шансы. И наверняка знал, что слову Ригеноса доверять нельзя...

— Если бы он это знал, то должен был действовать точно так же, как и Ригенос. Просто Ригенос оказался проворнее. Обыкновенная тактическая уловка, видишь ли. Всякий трюкач выбирает для своих фокусов наилучший момент.

— Не похоже, чтобы Байнан был склонен к такому коварству.

— Вполне возможно, что сам-то он вполне достойный и добрый человек, который очень любил свою семью. Я же говорил тебе, Эрекозе, что не собираюсь оспаривать отменных личных качеств Байнана или еще кого-то из элдренов. Я только хочу сказать, что, будучи воином, он непременно должен был бы действовать точно так же, как Ригенос, — постараться уничтожить командующего войсками противника. Просто Ригеносу это удалось, а ему нет. Это же элементарное правило воинского искусства!

— Ну, раз уж это говоришь ты, Ролдеро...

— Да, именно так! А теперь — выпей!

Я выпил и напился до полного умопомрачения, потому что теперь мне нужно было бороться не только с теми видениями, что являлись мне раньше, но и с совсем недавними воспоминаниями.

Прошли еще целые сутки, прежде чем мы достигли наконец порта Пафанаал и бросили якорь где-нибудь в миле от берега.

Едва забрезжил рассвет, мы подняли якоря и на веслах двинулись к причалам, ибо над морем был полный штиль.

Мы подплывали все ближе и ближе.

Я видел, как все выше вздымаются утесы и черные скалы.

Еще ближе.

И вдруг к востоку от нас радугой вспыхнули яркие краски.

— Пафанаал! — крикнул дозорный с верхушки мачты.

Мы подплыли еще ближе, и перед нами открылся Пафанаал.

Насколько мы сумели убедиться, город никто не оборонял. Всех его защитников мы утопили там, в открытом море.

В этом городе не было ни соборов со шпилями, ни минаретов. Виднелись лишь островерхие крыши зданий да контрфорсы в зубчатой крепостной стене, окружавшей порт. От этого казалось, что весь город — это одна-единственная крепость или дворец. Здания были построены из таких красивых материалов, что дух захватывало: из белого мрамора с розовыми, голубыми, зелеными и желтыми прожилками; из оранжевого с черными прожилками; из мрамора других цветов, щедро отделанного золотом, базальтом и горным хрусталем.

Это был какой-то светящийся город.

Причаливая, мы не заметили на причалах, на улицах или на крепостных стенах ни единого человека. Мне показалось, что жители покинули этот город.

Я ошибался.

Мы причалили и высадились на берег. Я велел воинам построиться в колонны и предупредил о возможных ловушках, хотя сам по-настоящему не верил в то, что такие ловушки существуют.

Наши воины в последние дни занимались тем, что приводили в порядок свои доспехи и оружие и несколько пострадавшие во время сражения корабли.

Теперь все наши корабли собрались в гавани, легкий ветерок трепал их флаги. Ветерок принес небольшую тучу, и ясный день сразу померк.

Одетые в блестящие начищенные доспехи, стояли наши воины перед королем Ригеносом, Каторном и передо мной.

Всего войско насчитывало семьсот отрядов, каждой сотней отрядов командовал маршал, которому подчинялись капитаны боевых кораблей, в подчинении у которых, в свою очередь, было двадцать пять отрядов у каждого, и рыцари, каждый из которых стоял во главе одного боевого отряда.

Вино несколько затуманило в моей душе воспоминания о кровавом сражении, и я почувствовал, как возвращается моя прежняя гордость при виде выстроившихся на пристани объединенных войск человечества.

— Маршалы, капитаны боевых кораблей, рыцари и славные воины, защитники всего человечества, — обратился я к ним, — все вы стали свидетелями того, как была одержана эта великая победа!

— Ура! — заревели они в восторге.

— Мы победим везде, где бы ни оказались! А теперь ступайте и ищите проклятых элдренов повсюду в этом первом городе континента Мернадин. Но будьте осторожны. Помните, что в таком городе легко спрятать целую армию!

Граф Ролдеро крикнул из первых рядов:

— А как быть с добром, лорд Эрекозе? Тут ведь добра полно.

Король Ригенос махнул рукой:

— Можете взять себе все добро, какое пожелаете. Но помните, что сказал вам Эрекозе, и особенно остерегайтесь таких вещей, как отравленная пища. Даже винные кубки могут быть смазаны ядом. В этом проклятом городе все что угодно может оказаться ядовитым!

Отряды воинов промаршировали мимо нас, направляясь каждый в свою сторону.

Я провожал их взглядом и думал, что, хотя этот город и допустил их в самое свое сердце, он им отнюдь не рад.

Интересно, что мы сможем найти в Пафанаале? Ловушки? Затаившихся стрелков? Отравленную пищу, как того опасается Ригенос?

Мы нашли город, полный одних только женщин.

В живых не осталось ни одного мужчины-элдрена.

Ни одного мальчика старше двенадцати. Ни одного даже самого старого старика.

Все они были уничтожены нами во время морского сражения.

Глава XIV

Эрмизад

Я ничего не знаю о том, как они убивали детей, и умолял короля Ригеноса не отдавать этого распоряжения. Я молил Каторна пощадить их, вывезти их из города куда угодно, если уж это ему так необходимо, но только не убивать их.

И все же дети были убиты. Не знаю, сколько их умерло.

Мы расположились во дворце, принадлежавшем ранее герцогу Байнану. Он, как стало известно, занимал пост губернатора Пафанаала.

Я заперся у себя, пока на улицах шла резня, и мрачно размышлял о том, что, несмотря на все разговоры о «грязных элдренах», они отнюдь не гнушаются забав с элдренскими женщинами.

Я ничего не мог поделать и даже возможности такой себе не представлял. В этот мир король Ригенос вызвал меня для того, чтобы сражаться за Человечество, а не судить его деяния. И я откликнулся тогда на призыв Ригеноса, наверное, в конце концов, не без причины. Только вот причину эту я совсем позабыл.

Я сидел в изящно убранной комнате, обставленной легкой красивой мебелью. Стены и пол ее покрывали роскошные ковры светлых тонов. Я любовался великолепными изделиями элдренских мастеров и потягивал великолепное элдренское вино, стараясь не слышать криков детей, которых в это время убивали прямо в кроватках, в их собственных домах, на улицах — повсюду за тонкими стенами дворца.

Я посмотрел на меч Канаяну, висевший в углу, и почувствовал ненависть к этому странному ядовитому оружию. Сняв меч с перевязи, я как бы отделил его от себя: сейчас я существовал отдельно, сам по себе.

И я все пил и пил.

Но вскоре вино элдренов обрело привкус крови, и я отшвырнул свой кубок. Потом отыскал бурдюк с другим вином, подаренным мне графом Ролдеро, и стал пить горьковатое вино прямо оттуда. Вскоре в бурдюке не осталось ни капли.

Но я по-прежнему был трезв. Мне было не справиться с криками, доносившимися с улицы: они все равно слышались совершенно отчетливо. Я спустил шторы на окнах, но все равно по движущимся теням представлял, что происходит за ними. Я никак не мог напиться, а потому не мог даже и попытаться заснуть, прекрасно представляя себе, каковы будут мои сны, и боялся этих снов не меньше, чем мыслей о том, что же мы делаем с оставшимися в живых жителями Пафанаала.

Почему я оказался здесь? О, Господи, почему?

За дверью послышался легкий шум, потом постучали.

— Войдите, — сказал я.

Но никто не вошел. Наверное, я не сказал, а прошептал это.

Снова раздался стук.

Я встал и неверными шагами подошел к двери, распахнув ее настежь.

— Неужели меня нельзя оставить в покое?

Там стоял перепутанный гвардеец.

— Лорд Эрекозе, простите, что потревожил вас, но у меня к вам послание от короля Ригеноса.

— Что еще за послание? — безо всякого интереса спросил я.

— Он бы хотел, чтобы вы присоединились к нему. Король говорит, что ему еще нужно обсудить с вами кое-какие планы.

— Ну хорошо. Скоро приду, — вздохнул я.

И гвардеец поспешил по коридору прочь от меня.

Очень неохотно я присоединился к ликующим завоевателям. Здесь были все крупные военачальники. Сам король Ригенос был настолько пьян, что я даже позавидовал ему. И с облегчением заметил, что Каторна там нет.

Без сомнения, он руководит грабежами.

Когда я вошел в зал, со всех сторон послышался одобрительный гул, и все маршалы потянулись ко мне со своими кубками — чокаться.

Я не обратил на них внимания и прошел к тому месту, где в одиночестве сидел король, бессмысленным взглядом уставившись в пространство.

— Вы хотели обсудить со мной дальнейшие планы нашей кампании, ваше величество? — спросил я. — Но вы уверены, что...

— А, друг мой Эрекозе, это ты. Мой бессмертный. Мой Герой. Спаситель Человечества. Приветствую тебя! — он с трудом нашел мою руку. — Тебе, я вижу, неприятно, что я так не по-королевски напился.

— Отнюдь, — сказал я. — Я и сам все это время пил.

— Значит, ты — ты ведь бессмертный! — можешь пить гораздо больше... — он икнул.

Я с трудом заставил себя улыбнуться и предположил:

— Но, может быть, ваше величество, у вас вино более крепкое. Если так, то дайте и мне попробовать.

— Раб! — возопил король. — Эй, раб! А ну-ка налей другу моему Эрекозе этого вина!

Занавески приподнялись, и вошел дрожащий элдренский мальчик. Он тащил бурдюк с вином, который был едва ли не больше его самого.

— Я вижу, вы не всех детей перебили, — заметил я.

— Пока не всех. Пока их еще можно как-то использовать, — захихикал король Ригенос.

Я взял у мальчика бурдюк и кивнул ему: «Можешь идти». Потом поднес бурдюк ко рту и начал пить жадными глотками. Но вино по-прежнему не желало туманить мои мозги. Я отшвырнул бурдюк, он тяжело шлепнулся, вино расплескалось по скатерти и коврам, устилавшим пол. Король Ригенос снова захихикал:

— Так, так, хорошо!

Да эти люди просто самые обыкновенные варвары! Мне вдруг снова очень захотелось стать Джоном Дэйкером. Погруженным в науку, не очень-то счастливым Джоном Дэйкером, живущим в общем-то спокойно и занимающимся никому не нужными исследованиями.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Останься, Эрекозе. Я спою тебе одну песню. Это довольно-таки похабная песенка о вонючих элдренах...

— Лучше завтра...

— Так завтра уже наступило!

— Мне необходимо отдохнуть..

— Я твой король, Эрекозе. Ты самой своей плотью мне обязан. Не забывай об этом!

— Я не забываю.

Двери в зал внезапно распахнулись, и туда втащили девушку.

Впереди был Каторн, он ухмылялся, как нажравшийся до отвала волк.

Девушка была темноволосой, похожей на эльфа. Ее не совсем человеческое лицо казалось

совершенно спокойным, несмотря на снедавший ее ужас. Она была красива какой-то странной, словно ускользающей красотой: облик ее, казалось, менялся при каждом вздохе. Одежда ее была разорвана, лицо и руки покрыты ссадинами.

— Эрекозе! — воскликнул вошедший Каторн. Он тоже был совершенно пьян. — Эрекозе, Ригенос... ваше величество, посмотрите, кого я привел!

Король, моргая, с отвращением уставился на девушку.

— Что нам до этого элдренского отродья? Убери ее отсюда, Каторн! Пользуйся ею сам, если хочешь, дело твое, но смотри, чтобы она не осталась в живых, когда мы уйдем из Пафанаала.

— Нет, ваше величество! — засмеялся Каторн. — Вы посмотрите на нее получше!

Король пожал плечами и внимательно обследовал содержимое своего кубка.

— Зачем ты притащил ее сюда, Каторн? — тихо спросил я его.

Каторн заржал еще громче. Его мясистые губы разверзлись, и он, брызгая слюной, хохотал прямо нам в лицо.

— Ну вот, я так и знал: вы ведь даже не представляете, кто она такая!

— Убери это элдренское дерьмо отсюда, Каторн! Немедленно! — раздраженно рявкнул пьяный король.

— Но, ваше величество, это же Эрмизад!

— Что? — Король наклонился вперед и уставился на девушку. — Что? Эта шлюха — Эрмизад? Та самая, из Призрачных Миров?

Каторн кивнул:

— Та самая.

Король, казалось, даже протрезвел.

— Я слышал, она многих смертных замучила до смерти. Что ж, пусть и сама умрет мучительной смертью, искупая свои кровавые преступления. Сжечь ее заживо!

Каторн покачал головой:

— Нет, мой король, пока еще рано. Неужели, ваше величество, вы забыли, что она сестра принца Арджава?

Король с идиотской серьезностью кивнул:

— Да, конечно, сестра.

— И что из этого следует, сир? Вы ведь понимаете, что это будет отличной приманкой? А если дойдет до сделки, то тут будет из-за чего поторговаться, не так ли?

— Ах, ну разумеется. Да, конечно, ты совершенно правильно поступил, Каторн. Посади ее под замок, — на устах короля играла глупейшая улыбка. — Нет. Это несправедливо. Тебе нужно еще повеселиться нынче ночью. Да и кому не хочется повеселиться... — он посмотрел на меня. — Эй, Эрекозе... Эрекозе, который никак не может напиться. Я отдаю девку под твою ответственность, Герой.

Я кивнул. Мне было жаль эту девушку, какие бы там чудовищные преступления она ни совершила.

— Я беру ответственность за нее на себя, — сказал я.

Каторн глянул на меня подозрительно.

— Не беспокойтесь, лорд Каторн, — сказал я ему. — Делайте, как вам велит ваш король, — продолжайте веселиться. Убейте еще кого-нибудь. Или изнасилуйте. Там, наверное, еще много осталось.

Каторн сдвинул брови. Взгляд его несколько прояснился.

— Не много, — сказал он, — но несколько человек еще есть. Впрочем, об этом мы позаботимся. Из всех лишь она одна увидит восход солнца. — И он кивнул своим бандитам: — Пошли! Пора с этим

покончить.

Спотыкаясь и шаркая ногами, Каторн удалился.

Ко мне медленно подошел граф Ролдеро. Я по-прежнему стоял и смотрел на девушку.

Король тоже поднял голову.

— Ну что ж, Эрекозе, береги ее, — сказал он издевательским тоном. — Береги как зеницу ока. Это ценная приманка в наших играх с Арджавом.

— Отведите ее в мои апартаменты в Восточном крыле дворца, — велел я стражникам, — и проследите, чтобы к ней никто не приставал. Да смотрите — не упустите!

Девушку увели, и тут король Ригенос сделал попытку встать на ноги, покачнулся и с грохотом рухнул на пол.

Граф Ролдеро едва заметно усмехнулся.

— Что-то король наш не в себе, — пробормотал он. — А вот Каторн прав. Элдренская сучка будет нам очень полезна.

— Я прекрасно понимаю, что такая заложница нам чрезвычайно полезна, — сказал я ему, — но я совершенно не понял, что такое «Призрачные Миры». Я и раньше слышал упоминания о них. Что это такое, Ролдеро?

— Призрачные Миры? Как же, это ведь всем известно. Мне казалось, что ты, конечно же, тоже о них знаешь. Только мы стараемся пореже упоминать эти слова...

— Почему?

— Этих союзников Арджавы все люди так боятся, что стараются о них даже не говорить: опасаются, что своими словами вызовут их к жизни... Понимаешь?

— Нет, ничего не понимаю.

Ролдеро потер переносицу и прокашлялся.

— Сам-то я не очень этим предрассудкам верю, Эрекозе. Как и ты.

— Я понимаю. Но все-таки, что такое «Призрачные Миры»?

Ролдеро явно начинал нервничать.

— Я тебе о них расскажу, но мне неприятно говорить об этом в их чертовом дворце. Элдрены куда лучше нас знают, что из себя представляют эти Призрачные Миры. Мы ведь сначала думали, что и ты тоже являешься их узником и находишься в Призрачных Мирах. Именно поэтому твой вопрос так меня удивил.

— Где эти Миры находятся?

— Призрачные Миры расположены за пределами Земли — за пределами Времени и Пространства... С самой Землей они связаны лишь очень тонкой, почти неощутимой связью. — Голос у Ролдеро сорвался, и он продолжал шепотом: — Там, в этих Призрачных Мирах живут, например, гигантские змеи, несущие смерть всему в наших восьми измерениях. Там еще живут духи и разные загадочные народы: такие, что похожи на обычных людей, и такие, что совсем на них не похожи; среди них есть такие, кто знает, что им Судьбой предначертано жить как бы вне Времени, и такие, кто даже не подозревает о своей страшной Судьбе. А еще там живут всякие близкие родственники элдренов — упыри, оборотни и прочая нечисть.

— Но что все-таки представляют из себя сами эти Миры? — нетерпеливо прервал я его.

Ролдеро нервно облизал губы.

— Это такие Миры, куда порой отправляются наши колдуны в поисках неведомой людям премудрости; оттуда они иногда приводят себе помощников — чудовищ, обладающих немислимым могуществом. Говорят, что посвященный может встретить в этих Мирах своих давным-давно убитых в бою товарищей, свою возлюбленную, своих покойных родителей — и они иногда даже помогают людям! — ну и, конечно, в первую очередь он может встретить там своих врагов — причиной чьей смерти он послужил

сам. Это самые злобные и могущественные враги человека... Иногда, впрочем, они бывают вроде как калеки: у кого половинки души не хватает, у кого рук-ног нету...

Я поверил тому, что он мне нашептал, — может быть, к этому времени я уже достаточно много выпил. А не в этих ли Призрачных Мирах зарождались и мои странные сны? Мне хотелось узнать поподробнее.

— Но все-таки, Ролдеро, какие они, эти Миры?

Ролдеро только головой замотал.

— Знаешь, Эрекозе, я всегда не очень-то интересовался этими загадками, всякой там мистикой... Я просто верю в то, что они существуют, но не пытаюсь объяснить их существования. Я даже не знаю, как на все эти твои вопросы и ответить! Это такие Миры, где полно тьмы и всяких там теней и призраков, где унылые воды морей бьются о мрачные берега... Иногда с помощью заклятий можно вызвать их жителей в наш мир — надеясь на их помощь или желая кого-то запугать, например. Мы считаем, что и сами элдрены родом оттуда, из этих ненастоящих, Призрачных Миров, если только они не явились на свет, как о том говорят наши сказания, из чрева проклятой Королевы, подарившей Азмобаане свою девственность в обмен на бессмертие. Бессмертие это унаследовали и ее отпрыски. Впрочем, элдрены достаточно материальны, хотя у них и нет души, тогда как призрачное воинство редко является во плоти.

— А эта Эрмизад?..

— Шлюха из Призрачных Миров!

— Почему ее так называют?

— Говорят, что она совокупляется с упырями, — пробормотал граф Ролдеро и еще выпил. — А упыри за это дают ей силы, чтобы повелевать всякой прочей нечистью. Говорят, упыри от нее без ума, если только они на это способны.

В это я никак не мог поверить. Девушка казалась такой юной и невинной! Я так и сказал Ролдеро. Он только отмахнулся:

— Разве можно определить на глаз, сколько лет бессмертному существу? Да ты на себя посмотри. Сколько тебе лет, Эрекозе? Тридцать? Во всяком случае, старше ты не выглядишь.

— Но я же не вечен, — запротестовал я. — По крайней мере, в одном и том же теле я никогда долго не жил.

— И все-таки как ты определишь ее возраст?

Разумеется, крыть мне было нечем.

— Знаешь, я думаю, что в твоей истории о Призрачных Мирах много взято из бабушкиных сказок, друг мой Ролдеро. От тебя, честно признаюсь, я такого не ожидал!

— Если хочешь, можешь называть это сказками, — пробурчал Ролдеро. — Только ведь доказательств-то у тебя никаких, так что уж лучше пока поверить на слово.

— Придется, наверное.

— Удивляюсь я порой, глядя на тебя, Эрекозе, — сказал граф. — Вот, например, ты жизнью своей обязан произнесенному заклятию, а в существовании Призрачных Миров сомневаешься больше всех!

Я улыбнулся:

— Ты прав, Ролдеро. Мне следует больше верить другим.

— Ну, пошли, — сказал Ролдеро, направляясь к королю, лежавшему ничком в луже вина. — Надо нам отвести его величество в постельку, пока он не утонул.

Мы вместе подняли короля и, позвав на подмогу гвардейцев, потащили его в спальню и водрузили на кровать.

Ролдеро положил руку мне на плечо:

— И перестань наконец думать обо всем этом, друг мой. Это не доведет тебя до добра. Может,

думаешь, мне было приятно, когда детей убивали? Или девушек насильовали? — Он вытер губы тыльной стороной ладони, словно пытаясь избавиться от противного вкуса во рту. — Но если бы это не было сделано с ними сейчас, Эрекозе, то же самое когда-нибудь непременно случилось бы с нашими собственными детьми и девушками. Я понимаю: элдрены красивы. Но точно так же красивы и многие змеи. Или волки, что режут наших овец. Куда мужественнее довести до конца то, что сделать необходимо, чем притворяться, что сам ты не имеешь к этому никакого отношения. Ты понимаешь, о чем я?

Мы стояли в королевской спальне и смотрели друг на друга.

— Ты очень добр, Ролдеро, — сказал я.

— Таков мой дружеский совет тебе, — пояснил он свои слова.

— Я понимаю.

— Это ведь не ты принял решение перебить всех детей, — сказал он.

— Но я сам принял решение ничего не говорить об этом королю Ригеносу, — ответил я.

Заслышав собственное имя, король пошевелился и начал что-то бормотать во сне.

— Пошли, — улыбнулся Ролдеро, — надо убраться отсюда до того, как он припомнит слова той похабной песенки, которую обещал спеть нам.

Мы расстались с Ролдеро в коридоре, за дверями спальни. Граф посмотрел на меня озабоченно.

— Такое иногда совершенно необходимо, — сказал он. — Просто на нашу долю выпало претворить в жизнь решение, принятое несколько столетий тому назад. И пусть совесть не мучает тебя. В будущем нас, возможно, станут считать мясниками, но мы-то знаем, что это не так. Мы просто мужчины. Воины. И мы ведем войну с теми, кто хотел бы нас уничтожить.

Я ничего не сказал, только положил руку ему на плечо, потом повернулся и пошел к себе.

Душевные страдания заставили меня совсем позабыть о той девушке, пока у дверей своих апартаментов я не увидел стражу.

— С узницей все в порядке? — спросил я.

— Другого выхода отсюда нет, лорд Эрекозе, — сказал мне стражник. — Во всяком случае, для людей. Вот только если она вздумает призвать на помощь своих упырей...

— Если мы только это заметим, им от нас не уйти, — заверил я его. Он отпер дверь, и я вошел к себе.

В комнате горела только одна лампа, так что видно было плохо. Я зажег еще одну лампу.

Девушка лежала на кровати. Глаза ее были закрыты, однако на щеках еще не просохли обильные слезы.

«Значит, они плачут точно так же, как и мы», — подумал я.

Я не хотел тревожить ее, однако она открыла глаза, и мне показалось, что в них плеснулся ужас, хотя я и не был уверен, ибо глаза эти были действительно странными, как бы лишенными белков, и сверкали голубыми и золотистыми искрами. Посмотрев в эти глаза, я вспомнил, что рассказывал мне Ролдеро. Я уже начинал верить ему.

— Как вы себя чувствуете? — глупо спросил я.

Губы ее шевельнулись, но она ничего не ответила.

— Я не собираюсь вредить вам, — продолжал я тупо. — Я бы и детей тех пощадил, если бы это было в моих силах. И оставил бы в живых ваших воинов во время морского сражения. Но я обречен лишь вести воинов на бой. Мне не дано спасать их жизни.

Она нахмурилась.

— Я Эрекозе, — сказал я.

— Эрекозе? — слово это прозвучало в ее устах словно музыка. Казалось, оно знакомо ей куда лучше, чем мне самому.

— Вы знаете, кто я такой?

— Я знаю, кем ты был прежде.

— Я возродился вновь, — сказал я. — Не спрашивай меня, каким образом.

— Похоже, твое возрождение не принесло тебе счастья, Эрекозе?

Я пожал плечами.

— Эрекозе, — снова сказала она. И тихонько засмеялась — горький это был смех.

— Чему ты смеешься?

Но больше разговаривать со мной она не пожелала. В ответ на все мои попытки она просто закрыла глаза. И мне ничего не оставалось, как уйти. Я сразу же лег спать.

Видимо, вино все-таки наконец подействовало, а может, и что-то другое, — но спал я достаточно хорошо.

Глава XV

Возвращение

Утром я встал, умылся и постучал в комнату Эрмизад.

Ответа не последовало.

Подумав, что она, возможно, сбежала и теперь Каторн совсем замучает меня своими подозрениями, полагая, что убежала она не без моей помощи, я настежь распахнул дверь и вошел к ней.

Никуда она не сбежала. По-прежнему лежала на постели, но на этот раз глаза ее были широко распахнуты. Она смотрела куда-то в потолок. Ее загадочные глаза напоминали бездонные глубины космоса, полные мерцающих звезд.

— Как спалось? — спросил я.

Она не ответила.

— Ты плохо себя чувствуешь? — тупо продолжал я задавать вопросы, хотя она явно решила больше со мной не разговаривать. Я еще раз попытался расшевелить ее, а потом просто ушел. И спустился в гостиную, некогда принадлежавшую убитому нами губернатору города. Там меня ждал Ролдеро и еще несколько военачальников, выглядевших довольно-таки помятыми. Короля Ригеноса и Каторна среди них не было.

Ролдеро подмигнул мне:

— Похоже, у тебя даже голова не гудит после вчерашнего.

Он был прав. Сам я даже внимания на это не обратил, но, несмотря на немыслимое количество выпитого вчера, я не чувствовал ни малейшего похмелья.

— Я чувствую себя прекрасно, — сказал я.

— Ага, ну вот теперь я окончательно поверил в то, что ты бессмертный! — засмеялся он. — Мне, например, это даром не прошло. И, по-моему, королю Ригеносу и Каторну тоже, да и многим другим, кто вчера так славно развлекался. — Он придвинулся ближе ко мне и тихо сказал: — Надеюсь, что сегодня у тебя настроение уже лучше, друг мой.

— Да вроде бы, — откликнулся я. На самом деле душа моя казалась мне как бы иссохшей, лишенной каких бы то ни было эмоций.

— Это хорошо. А как там эта тварь? С ней все в порядке?

— Да.

— И она не пыталась соблазнить тебя?

— Наоборот, она вообще не пожелала со мной разговаривать!

— Ну и прекрасно. — Ролдеро нетерпеливо оглянулся на дверь. — Надеюсь, они все же встанут наконец. Нам еще многое нужно обсудить. Как ты думаешь, стоит ли нам идти в глубь страны или мы останемся на побережье?

— Я считал, что мы уже решили, что лучше всего будет оставить здесь значительный контингент для защиты города, а затем вернуться на Два Континента, чтобы пополнить команды кораблей, запасы продовольствия и вооружения, а заодно и проверить, не было ли попыток атаковать наши территории, пока наш флот находился в Пафанаале.

Ролдеро кивнул:

— Да, это было бы самым разумным. Хотя мне лично этот план не очень по душе. Он вполне логичен, однако у меня не хватает сил терпеть, когда же наконец дело дойдет до следующей битвы с врагом.

Я его понимал.

— Я бы и сам очень хотел со всем этим поскорее покончить, — сказал я ему.

Но мы весьма слабо представляли себе, где сосредоточены остальные, главные силы элдренов. На континенте Мернадин было еще, по крайней мере, четыре очень крупных города. И самым важным из них был Лус Птокаи, расположенный неподалеку от Долин Тающих Льдов. Это была столица принца Арджавы, и, судя по тому, что сказал тот элдрен на флагманском корабле, принц сейчас либо находился в Лус Птокаи, либо двигался по направлению к Пафанаалу, чтобы отбить его у захватчиков. Нам казалось, что он все-таки предпримет подобную попытку, ибо Пафанаал был самым важным портом на все побережье Мернадина. Владея им, мы могли отлично разместить свои корабли и постоянно доставлять сюда людские резервы и оружие для захвата всего континента.

И если Арджав все-таки предпринял поход на Пафанаал, то всем нам оставалось только беречь свои силы и ждать. Мы полагали, что можем оставить большую часть своего войска в Пафанаале, вернуться в Нунос и привезти оттуда тех воинов, которые из-за недостаточного количества кораблей не смогли участвовать в нашем первом походе.

Однако у Ролдеро было на уме и кое-что еще.

— Мы не должны забывать и о крепостях, расположенных во Внешних Землях. Там правят волшебники. Крепости эти стоят на самом краю света. И Внешние Земли нам следовало бы захватить в самую первую очередь.

— А ты не можешь объяснить мне поточнее, что представляют собой эти Внешние Земли? — попросил я его. — Так ли уж они важны для нас в стратегическом отношении? И почему прежде, при обсуждении планов, о них никто даже словом не обмолвился?

— А, это все из-за того, что мы очень не любим говорить о том, что связано с Призрачными Мирами, особенно сидя у себя дома, — пояснил граф.

Я сделал вид, что страшно испуган:

— Ах, какой ужас! Снова эти Призрачные Миры!..

— Внешние Земли лежат как бы в преддверии Призрачных Миров, — совершенно серьезно сказал граф Ролдеро. — Оттуда элдрены могут легко призвать себе на помощь своих союзников-упырей. Может быть, теперь, когда Пафанаал уже наш, нам как раз стоило бы сосредоточить свое внимание на западной окраине континента — и прежде всего сокрушить те силы, что имеются у элдренов во Внешних Землях.

Я подумал: «А что, если скептицизм мой в этом отношении действительно неуместен? Впрочем, может быть, и сам Ролдеро преувеличивает могущество обитателей Призрачных Миров?»

— Ролдеро, а сам ты когда-нибудь видел этих упырей или призраков? — спросил я его.

— О да, друг мой, — ответил он. — И ты заблуждаешься, если думаешь, что все это лишь сказки. Они в достаточной степени реальны, эти существа!

Слова его почти убедили меня: Ролдеро я верил больше, чем кому-либо другому.

— В таком случае, возможно, нам действительно стоило бы несколько изменить прежние планы, — сказал я. — Мы можем оставить свои основные силы здесь в ожидании той атаки, которую предпримет Арджав, чтобы отбить свой главный порт. Это ему будет сделать нелегко, поскольку атаковать он будет с суши. Мы же вернемся в Нунос с большей частью наших кораблей, прихватим оттуда и те, что к этому времени будут построены, пополним запасы живой силы и двинемся по направлению к Внешним Землям, — если наша точка зрения окажется справедливой, Арджав будет тщетно пытаться взять Пафанаал.

Ролдеро согласно кивнул:

— По-моему, это мудрое решение, Эрекозе. Но как быть с той девчонкой — нашей заложницей? Как нам в таком случае лучше ее использовать?

Я нахмурился. Мне вообще не хотелось никак ее использовать. Мне хотелось спрятать ее там, где всего безопаснее.

— Мне кажется, ее лучше держать подальше отсюда, — сказал я. — Лучше всего в Некранале. Вряд ли элдрены смогут выкрасть ее оттуда, а если ей самой каким-то чудом удастся сбежать, то добраться до

Мернадина ей будет очень нелегко. Что ты на этот счет думаешь?

— Я думаю, что ты прав. Так с ней и следует поступить, — согласно закивал головой Ролдеро.

— Мы, разумеется, должны обсудить все это с королем, — сказал я мрачно.

— Разумеется! — подхватил Ролдеро и подмигнул мне.

— И с Каторном, — прибавил я.

— Ну, разумеется, и с Каторном, — тут же согласился он. — Прежде всего с Каторном.

С Каторном и королем нам удалось поговорить лишь когда день уже клонился к вечеру. Они оба были чрезвычайно бледны и легко соглашались с любым нашим предложением, явно желая лишь одного: чтобы их оставили в покое.

— Таким образом, — вещал я, — мы закрепимся здесь и сумеем быстро сплавить в Некранал и обратно. Времени терять нельзя. Теперь, когда мы захватили Мернадина, вполне возможны яростные атаки со стороны наших противников...

— О да! — пробурчал Каторн. Глаза у него были совершенно красные. — И ты прав, что хочешь решительно воспрепятствовать Арджаву призвать на помощь элдренских союзников из Призрачных Миров.

— Я рад, что вы одобряете мой план, лорд Каторн, — сухо сказал я.

Его улыбка была скорее похожа на гримасу.

— Я бы сказал, что ты начинаешь показывать свой норов, господин мой. Ты все еще слишком мягкосердечен по отношению к проклятым элдренам, но начинаешь понемногу разбираться в том, что они из себя представляют...

— Я специально занимаюсь этим вопросом, — сообщил я ему.

Мы обсудили еще кое-какие мелкие детали, и разработка дальнейших планов была практически завершена, а за окнами тем временем наше храброе воинство продолжало праздновать победу над врагом.

Новый план был хорош.

И он непременно сработает, если элдрены поведут себя так, как мы ожидаем. А мы были уверены, что они поведут себя именно так.

Мы договорились, что в Некранал поплывем мы с королем Ригеносом, а Каторн останется в Пафанаале в качестве командующего. Ролдеро также должен был плыть с нами. Большая часть нашего войска оставалась здесь. Мы надеялись, что у элдренов нет поблизости второго флота: нам пришлось бы очень нелегко в случае их нападения в открытом море, ибо мы собирались плыть назад с минимальным количеством людей на борту.

Впрочем, в данной ситуации любое из возможных решений содержало в себе достаточный элемент риска, так что нам пришлось остановиться на том варианте, который казался наиболее реальным.

Следующие несколько дней были посвящены подготовке к плаванию, и вскоре мы были полностью к нему готовы.

Мы вышли из Пафанаала на рассвете, во время прилива, корабли еле ползли — так тяжело они были нагружены награбленным элдренским добром.

Я очень удивился, когда король позволил выделить Эрмизад хорошую каюту рядом с моей. Вообще его отношение ко мне после той пьяной ночи в Пафанаале как-то изменилось. В моем присутствии он вел себя сдержанно, даже, пожалуй, смущенно. Без сомнения, он помнил, хотя и довольно смутно, что тогда сваял дурака. А может быть, помнил и то, что я отказался праздновать с ним вместе победу над врагом, или же считал, что я не желаю делиться с ним славой, хотя — Боже мой! — зачем мне эта грязная слава!

Или, может быть, он почувствовал, какое отвращение внушает мне та война, в которой я согласился

ради него участвовать, и боялся, что я внезапно раздумаю играть роль Великого Героя, Защитника Человечества, которая была так отчаянно необходима в задуманном им спектакле?

Мне не предоставилось возможности поговорить с ним об этом, а граф Ролдеро не смог предложить мне иных объяснений, кроме одного: короля при его мягкосердечии само сражение и захват Пафанаала травмировали столь же сильно, как и меня самого. Это предположение, пожалуй, королю даже льстило.

Но я в справедливости предположений Ролдеро вовсе не был уверен, ибо король теперь, казалось, ненавидел элдренов еще сильнее, чем прежде. Это было очевидно уже по одному его отношению к Эрмизад.

Эрмизад по-прежнему говорить не желала. Она почти ничего не ела и крайне редко выходила из своей каюты. Но однажды вечером, проходя по палубе, я заметил, что она стоит у перил и смотрит в воду с таким видом, словно собирается броситься в волны морские.

Я поспешил подойти ближе к ней на тот случай, если она действительно решит броситься в море. Она на мгновение обратила взгляд в мою сторону и тут же снова отвернулась.

В этот самый миг на капитанском мостике появился король и крикнул мне оттуда:

— Я вижу, ты встал правильно, лорд Эрекозе: ветер дует с твоей стороны, так что запаха этой элдренской суки ты не чувствуешь!

Я поднял голову. Сначала я вообще не понял его слов и посмотрел на Эрмизад, которая сделала вид, что не слышит оскорблений Ригеноса. Тогда я тоже притворился, что не расслышал его слов, и лишь слегка поклонился.

Затем я вполне сознательно прошел у Эрмизад за спиной и остановился по другую сторону от нее, тоже глядя в море.

— Ты что же, лорд Эрекозе, обоняние утратил? — снова крикнул король. И снова я не обратил на его слова ни малейшего внимания.

— Прямо даже смотреть противно — такое дерьмо приходится терпеть на палубе корабля, а ведь столько труда стоило отскрести ее от поганой элдренской крови! — продолжал король.

Тут уж я не выдержал и в ярости резко обернулся, но король уже ушел с мостика. Я посмотрел на Эрмизад. Она все так же не отрывала взгляда от темной воды, пенившейся под ударами весел. Казалось, ее заворожил ритм гребцов. Может быть, она действительно не слышала оскорблений?

Впрочем, у короля было еще немало возможностей оскорбить Эрмизад на пути в Нунос. И как только такая возможность предоставлялась, король сразу же начинал говорить о ней самой и о ее народе так, словно самой Эрмизад там не было. Говорил он, разумеется, всякие гадости.

Чем дальше, тем для меня оказалось труднее сдерживаться, но я все-таки сдерживался, ибо Эрмизад вообще ничем не показала, что слышит грязные инсинуации короля.

Я видел ее реже, чем мне того хотелось, и, несмотря на предостережения Ригеноса, она все больше нравилась мне. Она, безусловно, была самой красивой женщиной, какую я когда-либо встречал. Ее красота сильно отличалась от холодной красоты Иолинды, моей нареченной.

Что такое любовь? Даже теперь, когда, казалось бы, намеченная для меня Судьбой тропа пройдена почти до конца, я не знаю ответа на этот вопрос. О да, я все еще любил Иолинду, но, даже не подозревая об этом, постепенно влюблялся и в Эрмизад.

Мне совершенно не верилось и в то, что о ней рассказывали, даже тогда она уже очень нравилась мне и я ей искренне сочувствовал. Но мне и в голову не приходило как-либо изменить свое поведение по отношению к ней. Я должен был вести себя, как тюремщик с заключенной. Несмотря на то, что роль нашей узницы могла быть исключительно важна для грядущих сделок. Да и для окончательной победы над элдренами.

Раза два я даже задумывался, а есть ли смысл в том, чтобы держать ее в качестве заложницы. Если, по утверждениям короля Ригеноса, элдрены так холодны и не имеют сострадания, в отличие от людей, то с какой стати Арджаву волноваться, даже если его родная сестра будет убита?

Эрмизад, даже если она и была такой, какой с уверенностью изображал ее Ригенос, ничем не проявила того зла, что якобы было в ней заключено. Скорее было похоже, что она обладает исключительным благородством души, что составляло разительный контраст с грубыми шутками и юродством самого короля.

А потом мне вдруг пришло в голову следующее: «Король, вполне возможно, понимает, что я неравнодушен к Эрмизад, и опасается, как бы союз его дочери и Защитника Человечества не оказался под угрозой».

Но я по-прежнему был верен Иолинде. Мне даже и в голову не приходила мысль о том, что брак наш может не состояться.

Видимо, существует великое множество разных видов любви. Какая же любовь самая главная среди них? Этого я сказать не могу. Даже и пытаться не буду.

Красота Эрмизад, безусловно, была не совсем человеческой, но это лишь придавало ей еще большее очарование. Впрочем, красота ее была достаточно близка и к общечеловеческому идеалу, чтобы привлечь мое внимание.

У нее было продолговатое, чуть заостренное книзу личико, которое Джон Дэйкер считал бы похожим на лицо эльфа, но, вероятно, не смог бы определить, насколько благородны черты. У нее был странный ускользающий взгляд. Порой глаза ее, лишенные белков и как бы сплошь светло-голубые, казались слепыми. И чуть заостренные ушки; высокие изящные скулы и хрупкое, почти мальчишеского сложения тело. Эдренские женщины вообще все были хрупкими, с тонкими талиями и маленькой грудью. Зато губы у Эрмизад были полные, сочные, и уголки их естественным образом чуть приподнимались вверх, когда лицо ее было спокойно. Казалось, что она все время слегка улыбается.

В течение первых двух недель нашего путешествия она говорить со мной не желала, хотя я постоянно оказывал ей всяческие знаки внимания. Я заботился о том, чтобы она ни в чем не знала нужды, и она передавала мне через своих стражников слова благодарности. Более ничего. Но однажды, когда я стоял на палубе в том месте, куда выходили наши каюты — моя, Ригеноса и ее, и, опершись о поручни, смотрел вдаль, на серое море и затянутое тучами небо, она вдруг подошла ко мне.

— Приветствую вас, сэр, — сказала она насмешливо.

Я был потрясен.

— Приветствую вас, леди Эрмизад, — ответил я. На ней был темно-синий плащ и длинная простая рубаха из светло-голубой шерсти.

— Сегодня, мне кажется, день полон предзнаменований, — проговорила она, глядя на мрачные тучи, что кипели над нашими головами. Тучи были свинцовые, с каким-то тускло-желтым оттенком.

— Почему вам так кажется? — полюбопытствовал я.

Она рассмеялась. Смех у нее был очаровательный — словно заиграли золотострунные арфы и зазвенели хрустальные колокольчики. То была музыка рая — не ада!

— Простите меня, — сказала она. — Мне хотелось вас растревожить. А вы, оказывается, достаточно эмоциональны, не то что иные представители вашего племени.

Я усмехнулся.

— А вы, миледи, оказывается, весьма высокого обо мне мнения. Что касается моего племени, то я считаю их предрассудки довольно скучными и бессмысленными. Что же касается оскорблений...

— О, это меня вовсе не тревожит, — сказала она. — Это всего лишь ничтожные, мелкие глупости.

— Вы очень великодушны.

— Мне кажется, мы, эдрены, вообще очень великодушный народ.

— А мне о вас говорили совсем иное.

— Без сомнения.

— И тому доказательством служат мои собственные раны! — Я улыбнулся. — Ваши воины как-то не проявляли великодушия или милосердия во время морского сражения близ Пафанаала.

Она опустила голову.

— А ваши — когда взяли Пафанаал. Это ведь правда? Что, я единственная, кто остался в живых?

Я облизнул губы, которые вдруг пересохли.

— Видимо, это так, — тихо ответил я ей.

— Значит, мне повезло, — и голос ее зазвенел.

Я, разумеется, ничего больше не мог сказать ей в ответ.

Мы стояли и молча глядели в море.

Чуть позже она снова заговорила:

— Значит, ты и есть Эрекозе. Ты не похож на прочих людей. Точнее, ты вроде бы не совсем такой, как остальные люди...

— Ага! — воскликнул я. — Вот теперь-то я и понял, что ты — мой враг.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мои враги — в частности, лорд Каторн — обычно подозревают меня в принадлежности к элдренам.

— А ты разве человек?

— И ничто другое! В этом я совершенно уверен. У меня абсолютно те же проблемы, что и любого смертного. И я столь же многого не понимаю, хотя, конечно, вопросы передо мной встают несколько иные... Я не понимаю, например, как я попал сюда. Они говорят, что я Великий Герой, возродившийся вновь. Явившийся в этот мир, чтобы спасти их от твоего народа. Они вызвали меня сюда с помощью заклатья. Но мне иногда кажется, — по ночам, во сне, — что прежде я выступал в обличье многих героев...

— И все они были люди?

— Не уверен. Не думаю, чтобы из-за вызвавшего меня заклатья полностью изменился и мой характер, и сама моя сущность. Впрочем, у меня нет ни особой мудрости, ни особого могущества. Разве тебе не кажется, что бессмертное существо должно было бы обрести великую мудрость за столь долгие годы?

Она едва заметно кивнула:

— Да, мой господин, я думаю, что это так.

— Я даже не очень хорошо представляю, где именно оказался, — продолжал я. — Я не знаю, явился ли я в этот мир из отдаленного будущего или из далекого прошлого...

— Слова «прошлое» и «будущее» мало что значат для элдренов, — сказала она. — Но многие из нас верят, что прошлое и будущее — это одно и то же, если время движется по кругу: ведь тогда прошлое становится будущим, а будущее — прошлым.

— Занятная теория, — сказал я. — Но слишком простая, не правда ли?

— Пожалуй, я согласна с тобой, — прошептала она. — Время — вещь коварная. Даже мудрейшие наши философы не до конца понимают его природу. Элдрены не слишком задумываются о времени — обычно в этом просто нет необходимости. Конечно, у нас есть свои варианты истории. Но история не принадлежит кому-либо одному. Или даже целому народу. Это всего лишь запись некоей последовательности событий.

— Я тебя понимаю, — сказал я.

И она подошла совсем близко к поручням, положив свою легкую руку на них и глядя в море.

И тут у меня возникло такое чувство, какое отец может испытывать по отношению к дочери, восхищаясь ее невинностью и умом. Ей просто не могло быть — я это чувствовал! — больше девятнадцати. И все же в ее голосе звучала уверенность, которая приходит лишь с опытом, она держалась слишком гордо

и достойно для столь юного возраста, хотя и доверчиво. Я впервые задумался о том, что король Ригенос, вполне возможно, говорил правду. Да и в самом деле, как определить возраст бессмертного существа?

— Сперва я думал, — снова заговорил я, — что явился из вашего будущего. Но теперь я в этом не уверен. Может быть, как раз наоборот, ваш мир по отношению к тому, что я называю «двадцатым веком», — далекое будущее.

— Этот мир очень стар, — согласилась она.

— Существуют ли исторические записи, свидетельствующие о том, что некогда мир этот населяли одни лишь люди?

— У нас подобных записей нет, — улыбнулась она. — Существует, правда, некий миф, некий обрывок легенды, говорящий о том, что некогда Землю населяли одни только элдрены. Всем этим серьезно занимался мой брат. Я уверена, что он, конечно, знает больше меня.

Я содрогнулся. Не знаю почему, но мне вдруг показалось, что внутри у меня все заледенело. И мне становилось, если честно, нелегко продолжать этот разговор, хотя я очень хотел его продолжить.

Она, похоже, не заметила моих переживаний.

— Итак, сегодня день предзнаменований, мадам. Надеюсь, нам удастся вскоре еще побеседовать, — и, откланявшись, я поспешил в свою каюту.

Глава XVI

Первая ссора с королем

В ту ночь я лег спать, не опустошив, как обычно, кувшин вина, способного затуманить мои мысли. И поступил так вполне сознательно, хотя и не без трепета душевного.

— Эрекозе...

Я слышал, как кто-то зовет меня, но теперь это не был голос короля Ригеноса.

— Эрекозе...

Голос был мелодичный, незнакомый.

Я видел зеленые, шумящие под ветром леса, зеленые холмы, поляны, замки и каких-то изящных животных, названия которых были мне неведомы...

— Эрекозе? Но меня зовут не Эрекозе, — сказал я. — Меня зовут Корум. Принц в Алой Мантии. И я ищу свой народ. Куда пропали все люди из моего племени? Неужели поискам этим не будет конца?

Я ехал верхом. Лошадь была покрыта желтой бархатной попоной, через седло перекинута дорожная сумка и мое оружие — два копья, простой круглый щит, лук и колчан со стрелами. На голове у меня был конической формы серебряный шлем; на мне была двойная кольчуга из металлических колец — нижний слой из бронзы, а верхний из серебра. А в руках я держал длинный могучий меч, но не меч Канаяну...

— Эрекозе!

— Я не Эрекозе...

— Эрекозе!

— Я Джон Дэйкер!

— Эрекозе!

— Я Джерри Корнелиус.

— Эрекозе!

— Я Конрад Арфлейн.

— Эрекозе!

— Что тебе нужно?

— Нам нужна твоя помощь!

— Вы уже получили мою помощь!

— Эрекозе!

— Я Карл Глогауэр!

— Эрекозе!

Имена не имели никакого значения. Теперь я это понял. Имел значение только один факт. То, что я бессмертен. Не способен умереть. Вечен. Приговорен иметь множество облиций, множество имен, но всегда лишь участвовать в сражениях...

И, может быть, я заблуждался еще в одном. Может быть, я был не настоящим человеком, а всего лишь стал на него похож, поскольку в данный момент на меня была надета человеческая личина.

Мне показалось, что при этой мысли я взвыл нечеловеческим голосом. Кто же я такой, в конце концов? Кто? Если я не человек?..

Тот голос продолжал звать меня, но я не желал слышать эти призывы. Как бы мне хотелось никогда не слышать его, не слышать ничего зова, спать себе спокойно в уютной постели в уютном обличье Джона Дэйкера...

Я проснулся весь в поту. Ничего нового я не узнал ни о себе, ни о своем загадочном происхождении. Похоже, я только больше запутался во всех этих проблемах.

Ночь еще не кончилась, но я не решился снова заснуть.

Я напряженно вглядывался во тьму. Я видел опущенные шторы на окнах, белые простыни на кровати, жену со мною рядом...

И тут я заплакал.

— ЭРЕКОЗЕ — ЭРЕКОЗЕ — ЭРЕКОЗЕ...

— Я Джон Дэйкер! — завопил я. — Посмотри — я ведь Джон Дэйкер!

— ЭРЕКОЗЕ...

— Я понятия не имею об этом имени — Эрекозе. Меня зовут Элрик, принц Мелнибонэ. Элрик-Убийца. У меня много и других прозвищ...

Много прозвищ... много прозвищ... много прозвищ...

Как это возможно: иметь одновременно десятки обличий? Совершенно беспрепятственно перемещаться из одной исторической эпохи в другую? И даже улетать с Земли туда, где сияют лишь холодные звезды?

Послышался какой-то шелест, и теперь я куда-то падал в безвоздушном пространстве — вниз, вниз, вниз... И во всей Вселенной не было ничего, кроме неких сгустков газа. Не было ни силы притяжения, ни цветов, ни воздуха, ни разума — за исключением моего собственного, а может быть, и чьего-то еще, но неведомо где...

Я снова заплакал.

И решил больше ничего не узнавать о себе.

«Какой бы рок ни правил моей судьбой, — подумал я утром, — я все равно никогда не познаю его природы. И может быть, так оно и лучше».

Я вышел на палубу и увидел, что Эрмизад стоит на том же месте, что и вчера, словно никуда и не уходила. Небо расчистилось, и кое-где меж облаков даже проглядывали солнечные лучи, косо падая на беспокойную поверхность моря, отчего мир казался поделенным на две половины — темную и светлую.

Мрачноватый день.

Некоторое время мы стояли молча и смотрели, как убегает назад барашки волн, как равномерно погружаются в воду весла.

И снова она заговорила первой.

— Что они собираются со мной сделать? — тихо спросила она.

— Ты будешь заложницей на тот случай, если твой брат Арджав решится когда-либо атаковать Некранал, — сказал я. Это была лишь половина правды. Были и другие способы использовать ее в качестве приманки для Арджавы, но бессмысленно было бы посвящать ее в подобные детали. — Ты будешь в безопасности — королю Ригеносу просто не удастся заключить ни одной сделки, если с тобой что-то случится.

Она вздохнула.

— Но почему ни ты, ни другие элдренские женщины не спаслись бегством, когда наши корабли вошли в гавань Пафанаала? — спросил я ее. Эта загадка уже давно не давала мне покоя.

— Элдрены не спасаются бегством, — ответила она. — Они не убегают из городов, которые построили.

— Но они же бежали в Горы Скорби несколько столетий назад, — заметил я.

— Нет, — она покачала головой. — Их туда согнали. Это совсем другое.

— Да, это совсем другое, — согласился я.

— Что «совсем другое»? — слышался вдруг чей-то еще голос. То был король Ригенос. Он, оказывается, неслышно вышел из своей каюты и стоял у нас за спиной чуть поодаль на раскачивающейся палубе. На Эрмизад он не смотрел, он уставился прямо на меня. Выглядел он плохо.

— Приветствую вас, сир, — сказал я. — Мы просто обсуждали различные значения слов.

— Что-то ты больно подружился с этой элдренской шлюхой, — презрительно фыркнул он. Как это в человеке, показавшем себя в разных обстоятельствах удивительно добрым и мужественным, мог просыпаться грубый варвар, стоило речи зайти об элдренах?

— Сир, — решительно сказал я, ибо сохранять прежнюю вежливость был уже не в состоянии. — Сир, вы говорите о женщине, которая хотя и является нашим врагом, но все же благородной королевской крови!

Он снова презрительно фыркнул:

— Королевской крови! Ту мерзость, что течет в их грязных жилах, даже и кровью-то назвать нельзя! Берегись, Эрекозе! Я все больше убеждаюсь, что ты недостаточно хорошо представляешь себе нашу жизнь, что память твоя замутнена. Помни одно: расплавленное золото, что сочится с языка этой шлюхи, может и тебя, и всех нас довести до гибели. Не слушай ее речей!

Он еще ни разу столь прямо и напыщенно не говорил со мною об этом.

— Сир... — начал было я.

— Она сплетет такое заклятие, что ты, подобно псу, станешь ползать у ее ног, ожидая подачки, и тогда уж нам от тебя никакого проку не будет. Берегись, Эрекозе, предупреждаю тебя! Великие Боги! Я уже склоняюсь к тому, чтобы отдать ее гребцам — поразвлечься, — а потом бросить за борт!

— Вы приказали мне защищать ее, ваше величество, — сердито сказал я. — И я поклялся защитить ее от любой опасности!

— Глупец! Но я тебя предупредил. Я не желаю ссориться с тобой, Эрекозе. Больше того, я не желаю терять своего Героя. Если я еще замечу, что она продолжает приманивать тебя, я ее убью. И ничто меня не остановит!

— Я служу вам, ваше величество, — сказал я, — и делаю это по вашей просьбе. Но вам следует запомнить — я Эрекозе. Я много раз играл роль разных Героев и Защитников. То, что я делаю сейчас, я делаю только ради племени людей. Я не присягал на верность ни вам, ни какому-нибудь другому королю. Я Эрекозе, Герой, Защитник Человечества, но не защитник Ригеноса!

Глаза его сузились.

— Это что же, предательство? — похоже было, что он хотел бы этого.

— Нет, король Ригенос. Разногласия с одним-единственным представителем Человечества еще не означают предательства всего племени людей.

Он ничего не сказал, но продолжал стоять и смотреть на меня, — похоже, он ненавидел меня столь же сильно, как и эту элдренскую девушку. Он тяжело дышал, он почти задыхался.

— Не давай мне поводов пожалеть о том, что я заклятием вызвал тебя в этот мир, мертвый Эрекозе, — сказал он наконец, повернулся и ушел к себе.

— Я думаю, нам лучше прекратить этот наш разговор, — тихо проговорила Эрмизад.

— Мертвый Эрекозе, а? — сказал я и засмеялся. — Если я мертв, то не слишком ли подвержен эмоциям для трупа? — Я не придавал нашей ссоры с королем особого значения, однако дело

оборачивалось так, что теперь Ригенос вполне мог и не позволить мне жениться на Иолинде, ведь он до сих пор так и не знал, что мы с ней обручены.

Эрмизад посмотрела на меня как-то странно и чуть коснулась моей руки, словно желая успокоить.

— Ну, допустим, что я действительно мертв, — сказал я. — Не видела ли ты подобных мне существ в Призрачных Мирах?

Она покачала головой:

— Таких не видела.

— Значит, Призрачные Миры действительно существуют? — воскликнул я. Пожалуй, вопрос мой звучал вполне риторически.

— Ну конечно, они существуют! — она рассмеялась. — Никогда не встречала человека, который бы так во всем сомневался!

— Расскажи мне о них, Эрмизад.

— Что же тебе рассказать? — она покачала головой. — К тому же, если ты так и не веришь тому, что уже слышал о них, то вряд ли есть смысл мне рассказывать что-то еще — ты ведь все равно не поверишь, не так ли?

— Может быть, и не поверю, — пожал я плечами. Но чувствовал, что на самом деле ей очень хочется рассказать мне об этих Мирах, и решил не торопить события. — Скажи мне только одно: можно ли узнать тайну моего существования, побывав в Призрачных Мирах?

В улыбке ее сквозило сочувствие:

— Как же я могу ответить на этот вопрос, Эрекозе?

— Не знаю... я думал, что элдрены больше знают... больше знают о всяком колдовстве...

— Ну вот, теперь ты демонстрируешь те же предрассудки, что и все люди вашего племени, — сказала она. — Ты не веришь...

— Мадам, — сказал я, — я не знаю, чему мне следует верить. Логика этого мира — как человеческого, так и элдренского, — боюсь, совершенно мне недоступна.

Глава XVII

Снова в Некранале

Хотя король явно сдерживал себя и больше не проявлял столь откровенно свою неприязнь по отношению ко мне или Эрмизад, нельзя было все же сказать, что наши отношения стали более теплыми; впрочем, он как-то успокоился по мере того, как мы приближались к берегам Некранала.

Вскоре вдали показался Нунос, где мы оставили большую часть флота для пополнения запасов продовольствия и личного состава, а сами поплыли вверх по реке Друнаа в Некранал.

Вести о нашей великой победе в морском сражении уже достигли столицы. Разумеется, слухи о моем участии были сильно преувеличены, и выходило, будто я в одиночку потопил несколько кораблей, перерезав на них всю команду.

Я ничего не стал предпринимать, чтобы установить истину, ибо опасался козней со стороны короля Ригеноса. Народ восхищался мной так сильно и так раболепствовал передо мной, что вряд ли ему удалось бы как-то очернить меня. Могущество мое после возвращения в Некранал значительно возросло, ибо я одержал победу, доказал, что являюсь именно тем Героем, которого они хотели получить.

Теперь, скорее, было похоже на то, что если король пойдет против меня, то гнев народа поднимется против него самого — и тогда это, пожалуй, будет стоить ему короны, а может быть, и головы.

Это, разумеется, вовсе не означало, что он тут же горячо полюбит меня, но тем не менее, когда мы снова добрались до Дворца Десяти Тысяч Окон, король был со мной уже вполне любезен.

Думаю, что он уже начал воспринимать меня как угрозу своему трону, но, завидев свой дворец, подданных и родную дочь, как бы вновь убедился, что все еще правит этой страной и будет править всегда. Меня же его корона совершенно не интересовала — только его дочь.

Стражники увели Эрмизад в предназначенные для нее комнаты, едва мы успели подъехать ко дворцу, так что Иолинда, сбежавшая нам навстречу по широкой лестнице главного вестибюля и с сияющей улыбкой бросившаяся целовать сперва отца, а потом и меня, ее не застала.

— Ты уже рассказывал отцу о нашей тайне? — спросила она.

— Я думаю, что он уже знал обо всем еще до того, как мы с тобой простились, — засмеялся я и обернулся к Ригеносу, на лице которого появилось несколько растерянное выражение. — Сир, мы обручены и хотели бы обвенчаться. Вы благословите нас?

Король раскрыл рот, вытер пот со лба и сглотнул, прежде чем кивнуть головой и ответить:

— Ну разумеется! Благословляю вас обоих. Этот брак еще больше укрепит наш союз.

Иолинда чуть-чуть нахмурилась:

— Отец... скажи, ты действительно рад?

— Ну, ко... да, разумеется, я очень доволен, разумеется! Но я очень устал после долгого пути и тяжелого сражения, дорогая моя. Мне необходимо отдохнуть. Прости меня...

— Ах, это ты прости меня, дорогой. Да-да, тебе совершенно необходимо отдохнуть. Ты плохо выглядишь. Я велю рабам приготовить тебе поесть, чтобы ты мог пообедать прямо в постели...

— Это хорошо, — проговорил король, — очень хорошо...

Когда он ушел, Иолинда внимательно посмотрела на меня.

— Ты тоже, конечно же, выглядишь очень утомленным, Эрекозе. Ты не ранен?

— Нет. Хотя бой был кровавый. И из того, что мы были вынуждены сделать, мне мало что пришлось по душе.

— Воины обычно убивают других людей — на то и война.

— Да, конечно, — хрипло сказал я. — Ну а женщин, Иолинда? Ну а детей? Совсем младенцев?

Она облизнула губы. Помолчав, сказала:

— Пойдем. Пойдем ко мне. Поешь у меня. Там тебе будет спокойнее.

Когда мы поели, я почувствовал себя лучше, но на душе у меня по-прежнему скребли кошки.

— Что с тобой? — спросила Иолинда. — Что-нибудь случилось в Мернадине?

— Да нет, всего лишь крупное морское сражение. Мы его выиграли.

— Но это ведь хорошо.

— Да.

— И вы захватили Пафанаал. Атаковали его и захватили.

— Кто сказал тебе, что мы его «атаковали»? — изумленно спросил я.

— Как? Ну все... все вернувшиеся воины... Мы узнали об этом незадолго до того, как прибыл ваш корабль...

— Нам никто не оказал ни малейшего сопротивления в Пафанаале, — сказал я ей. — Там и оставалась-то всего горстка женщин да горстка детей. Всех их перерезали наши воины.

— Во время захвата города всегда гибнут и женщины с детьми, — возразила она. — Ты не должен винить себя, если...

— Мы не захватывали этот город, — повторил я. — Он был беззащитен. Там не было ни одного мужчины. Все мужское население Пафанаала отправилось сражаться с нами на море. И все они погибли.

Она пожала плечами. Очевидно, так и не в состоянии была представить себе, что же там на самом деле произошло. Может, оно было и к лучшему, но я все-таки не смог удержаться и не прибавить:

— И еще: несмотря на то, что мы и так одержали бы победу, мы не обошлись без предательства.

— Так, значит, вы были преданы? — она с готовностью вскинула на меня глаза. — Вас коварно предали элдрены?

— Элдрены бились честно. А мы во время перемирия убили их командующего флотом.

— Понятно, — сказала она. И улыбнулась: — Ну что ж, надо постараться помочь тебе забыть обо всех этих ужасах, Эрекозе.

— Надеюсь, тебе это удастся, — сказал я.

На следующий день король объявил жителям Некранала о нашей помолвке. Весть эта была воспринята с большой радостью. Мы стояли с Иолиндой на большом балконе и смотрели на толпу внизу. Мы улыбались, приветливо махали руками, однако стоило нам вернуться во дворец, как король тут же ушел, поспешно пробормотав какие-то слова извинения.

— Кажется, отец все-таки действительно не слишком доволен нашим будущим браком, — растерянно проговорила Иолинда, — хотя и благословил нас.

— Мы просто не сошлись с ним в некоторых тактических вопросах еще во время сражения, — пояснил я. — Ты же знаешь, как мы, воины, близко к сердцу принимаем подобные разногласия. Скоро он об этом забудет.

Однако я был встревожен. Я считался Великим Героем, меня все кругом обожали, я собирался жениться на королевской дочке, как и подобает настоящему герою, и все-таки мне начинало отчетливо казаться, что не все идет так, как надо.

Такое чувство у меня явно уже возникало и прежде, но я не мог точно вспомнить, при каких обстоятельствах. Я не знал даже, не вызвано ли мое волнение всего лишь думами, которые навевали мне мои странные сны, моей тревогой по поводу своего появления в этом мире, или же то зрел тяжелый

конфликт между королем и мною. Думаю, что вероятность последнего была крайне мала, а потому и беспокойство мое, скорее всего, было лишено оснований.

После объявления о нашей помолвке мы с Иолиндой могли уже делить одно ложе, как то было принято во всех королевствах.

Но в ту, самую первую, ночь нам было не до любви.

Где-то среди ночи, разбуженный легким прикосновением к моему плечу, я вскочил.

И улыбнулся с облегчением:

— Ах, это ты, Иолинда.

— Да, это я, Эрекозе. Ты так стонал и метался во сне, что я решила тебя разбудить.

— Да-да... — я протер глаза. — Спасибо. — Я почти ничего не помнил, но, видимо, это были все те же обычные сны.

— Расскажи мне об Эрмизад, — попросила вдруг Иолинда.

— Об Эрмизад? — Я зевнул. — А что тебе о ней рассказать?

— Я слышала, ты с ней часто виделся. И много разговаривал. Я никогда в жизни не разговаривала ни с одним элдреном. Обычно мы ведь пленных не берем...

— Что ж, не знаю, как для тебя это прозвучит, но мне она показалась... обычным человеком, — улыбнулся я.

— Ох, Эрекозе! Зачем так плохо шутить! Говорят, она красива. Говорят, у нее на совести тысяча человеческих жизней. Злая она или нет? Она ведь соблазном довела до смерти стольких мужчин...

— Я ее об этом не спрашивал, — сказал я. — Мы в основном обсуждали с ней философские вопросы.

— Значит, она весьма умна?

— Не знаю. Мне она показалась очень юной и совершенно невинной. — И я поспешил дипломатично добавить: — Впрочем, возможно, тут-то ее хитрость и проявляется: она только кажется невинной.

— Невинной, как же! — Иолинда нахмурилась.

Я рассердился:

— Я ведь всего лишь говорю, какое она произвела впечатление на меня, Иолинда. Ничего более я ни об Эрмизад, ни об остальных элдренах не знаю.

— Ты меня любишь, Эрекозе?

— Конечно!

— А ты... ты не предашь меня?

Я рассмеялся и обнял ее:

— Как ты можешь даже предполагать такое!

И после этого мы снова уснули.

На следующее утро король Ригенос, граф Ролдеро и я сошлись внизу, чтобы обсудить дальнейшие наши стратегические планы. Погрузившись в карты и планы сражений, король несколько оттаял и даже стал в какой-то степени вновь приветлив. Мнения наши относительно будущего полностью совпадали. Теперь было почти очевидно, что Арджав предпримет попытку отбить Пафанаал и, разумеется, потерпит поражение. Возможно, он осадит город, однако у нас будет возможность подвозить туда провизию и оружие с моря, так что он лишь будет напрасно терять время. Между тем наши войска предпримут поход на границу с Призрачными Мирами и, таким образом, нанесут элдренам удар с фланга; Ригенос и Ролдеро заверили меня, что в таком случае у тех уже не будет возможности призвать себе на помощь обитателей Призрачных Миров.

Целиком же весь план зависел, разумеется, от того, пойдет ли Арджав на штурм Пафанаала или нет.

— Но он ведь наверняка уже двинулся в поход, когда мы брали город, — уверял меня Ригенос. — Для него совершенно бессмысленно теперь поворачивать назад. Чего он, собственно, этим может добиться?

Ролдеро был с ним согласен:

— Я думаю, что он почти наверное сосредоточит свои главные силы на штурме Пафанаала. Еще два или три дня, и наши корабли будут снова готовы к походу. В скором времени мы подчиним себе Внешние Земли, а затем двинемся на Лус Птокаи. И будет отлично, если основная часть войска Арджава будет занята осадой Пафанаала. Тогда к концу года в наших руках окажутся все основные опорные пункты элдренов.

Мне подобная самоуверенность казалась несколько преждевременной. Нужно отдать должное Каторну — он не был бы так уверен в успехе. А потому я почти пожалел, что Каторн в совещании не участвует. Я уважал его советы: он был опытным воином и отличным стратегом.

А на следующий день, когда мы снова сидели, заваленные картами и планами, были получены первые новости.

Новости нас поразили. Теперь приходилось полностью пересматривать все наши планы. Вся наша стратегия оказывалась никуда не годной. Мало того, мы оказывались в весьма опасном положении.

Арджав, принц Мернадина, правитель всех элдренов, не стал штурмовать Пафанаал. Огромное наше войско тщетно ожидало его там, но он не удостоил город своим визитом.

А может быть, он никогда и не имел такого намерения.

Может быть, он с самого начала действовал по заранее намеченному плану, и в дураках оказались именно мы. Он переиграл нас! Обвел вокруг пальца!

— Я же говорил, что эти элдрены дьявольски умны, — заявил король Ригенос. — Я предупреждал тебя, Эрекозе.

— Теперь я вам верю, ваше величество, — скромно сказал я, тщетно пытаюсь сразу переварить огромность свалившейся на нас проблемы.

— И каково же теперь твое отношение к ним, друг мой? — спросил Ролдеро. — Тебя все еще мучают сомнения?

Я только головой помотал. Всем сердцем я был предан Человечеству. Теперь не оставалось времени на угрызания совести, на попытки понять действия этих чуждых людям существ. Я их явно недооценил, а теперь Человечеству, похоже, придется за это платить.

Корабли элдренов достигли берегов Некралала на востоке континента и высадили десант достаточно близко от Некранала. Теперь их сухопутные войска упорно продвигаются к Некраналу, и, судя по сообщениям разведки, ничто не может сдержать их.

Я проклинал себя. Ригенос, Каторн, Ролдеро, даже Иолинда — все, все они оказались правы! А меня провели с помощью позлащенного языка, с помощью нечеловеческой красоты...

А в Некранале между тем почти не осталось воинов. Половина нашего войска осталась в Пафанаале, и потребовался бы месяц, прежде чем они смогли бы добраться сюда. У нас были тяжелые суда, элдренские легкие парусники смогли бы пройти это расстояние в два раза быстрее! Мы-то считали, что уничтожили весь их флот в битве при Пафанаале. Ан нет, то была лишь его малая часть!

На лицах всех присутствующих была написана тревога, когда мы поспешно разрабатывали новые планы.

— Теперь не имеет смысла вызывать сюда из Пафанаала наши войска, — сказал я. — К тому времени, как они достигнут наших берегов, исход битвы будет уже предрешен. Пошли туда гонцов, Ролдеро. Пусть они как можно скорее сообщат нашим, что произошло, и пусть Каторн сам решает, как ему лучше поступать теперь. Вели передать, что я ему полностью доверяю.

— Хорошо, — кивнул Ролдеро. — Но у нас в распоряжении крайне мало солдат. Несколько отрядов могут быть переброшены сюда из Завары, если послать туда гонцов. Какое-то количество людей есть еще в

Сталако, Калодемии и Тратарде. Предположим, что они будут здесь через неделю. Потом есть еще войска в Шилаале и Синане, но я не уверен, стоит ли отзывать их оттуда...

— Я согласен с тобой, — сказал я. — Порты необходимо удержать любой ценой. Кто знает, сколько еще кораблей имеется у элдренов в запасе? — Я снова выругался. — Ах, если б нам сведений побольше! Где бы шпионов взять...

— Об этом нечего и говорить, — оборвал меня Ролдеро. — Кто из людей способен притвориться элдреном? Да и у кого сил хватит — даже ради такой цели! — среди них тереться?

— Все наши основные силы сосредоточены в данный момент в Нуносе, — вмешался Ригенос. — Мы должны будем послать за ними, и тогда нам останется только молиться, чтобы элдрены не вздумали пойти на штурм Нуноса. — Он посмотрел на меня. — Это не твоя вина, Эрекозе. Я очень сочувствую тебе. Мы слишком многого от тебя хотели...

— Что ж, теперь вы можете требовать от меня куда больше! Я заставлю этих элдренов отступить! — пообещал я ему.

Ригенос задумчиво насупился.

— У нас есть только одна приманка для элдренов, — сказал он. — Эта шлюха, сестра Арджавы...

И тут меня осенило. Сестра Арджавы... Мы-то думали, что он непременно атакует Пафанаал, а он этого делать не стал. Мы даже не предполагали, что он решится напасть на Некранал. А он поступил именно так. Сестра Арджавы...

— И что мы с ней будем делать? — спросил я.

— Может быть, нам использовать ее так: сообщить Арджаву, что, если он не уберет свои войска, мы ее убьем?

— А он нам поверит?

— Ну, это зависит от того, насколько он любит собственную сестру, не так ли? — король ухмыльнулся, настроение у него явно улучшилось. — Да. Именно так и попробуй поступить, Эрекозе. Только ни в коем случае не показывай ему свою слабость. Возьми с собой столько людей, сколько тебе нужно.

— Естественно, возьму, — сказал я. — Только мне кажется, что личные переживания не смогут помешать Арджаву захватить нашу столицу, раз уж ему представилась такая возможность.

На эти мои слова король внимания не обратил. Да и сам я уже начинал сомневаться в их справедливости; я уже совершенно не представлял себе, что еще способен предпринять этот принц.

Король Ригенос положил руку мне на плечо:

— У нас с тобой были разногласия, Эрекозе. Но теперь мы снова союзники. Ступай же. И выиграй бой с Гончими Псами Зла. Убей Арджаву. Это для тебя единственная возможность обезглавить элдренское чудовище. А если сражение между людьми и элдренами все же будет неизбежным — используй его сестру, чтобы выиграть для нас время. Будь мужественным, Эрекозе, будь хитрым — держись!

— Я попытаюсь, — сказал я. — Я немедленно отправляюсь в Нунос. С собой возьму всю кавалерию, оставив лишь несколько отрядов пехоты и артиллерии для защиты города.

— Поступай как считаешь нужным, Эрекозе.

Я забежал к себе и попрощался с Иолиндой. Глаза ее были полны печали.

К Эрмизад я не зашел. И не сказал ей ничего о наших планах.

Глава XVIII

Принц Арджав

Верхом, в своих замечательных доспехах, выехал я из столицы во главе войска. На конце копья вился мой флажок — серебряный меч на черном поле, конь выступал гордо, в осанке моей чувствовалась уверенность, а за спиной у меня было пять тысяч рыцарей, и я понятия не имел о том, какова численность армии элдренов.

Мы направлялись к востоку от Нуноса, где было замечено передвижение войск противника. В наши планы входило: отсечь им доступ к Некраналу.

Задолго до того как мы встретились с армией Арджавы, нам довелось немало услышать о победоносном продвижении элдренов от бежавших из оккупированных районов крестьян и горожан. По всей очевидности, элдрены упорно стремились достичь Некранала, обходя стороной остальные крупные населенные пункты. В общем-то никаких особых сообщений о жестокости элдренов я не услышал. Похоже, они слишком спешили, чтобы обращать внимание на мирных жителей.

У Арджавы, видимо, не было иной цели. Он стремился как можно скорее осуществить задуманное. Я почти ничего не знал об этом элдренском принце, разве что «он дьявол во плоти, убийца и мучитель невинных женщин и детей». А потому мне хотелось как можно скорее вступить с ним в бой.

И еще один слухок прошел относительно армии принца Арджавы: говорили, что она наполовину состоит из волшебных существ — обитателей Призрачных Миров. Слухи эти очень пугали моих воинов, хотя я и пытался уверить их, что все это ложь.

Ни Ригеносу, ни Ролдеру со мной не было. Ролдеро должен был отвечать за оборону Некранала в том случае, если мы потерпим неудачу. Ригенос также оставался в Некранале.

Впервые я был сам по себе. У меня не было советчиков, и по этому поводу я испытывал скорее облегчение. Ничьи советы мне не были нужны.

Впервые мы увидели элдренов, когда достигли обширного плато в горах, известного под названием Долина Оласа — по имени древнего города, некогда стоявшего здесь. Плато со всех сторон было окружено далекими вершинами гор. Зелень долины красиво сочеталась с красноватыми скалами. Здесь-то мы и увидели боевые знамена элдренов: на закате они вспыхивали, словно языки пламени.

Все мои военачальники в один голос уговаривали меня напасть на элдренов немедленно, едва рассветет. Мы испытали явное облегчение, обнаружив, что численность их войска, видимо, значительно меньше, чем нашего, у нас появилась надежда снова одержать победу.

Я же чувствовал облегчение еще и по другому поводу: теперь, видимо, мне не придется использовать Эрмизад для сделки с Арджавой и я смогу вести честную игру, правила которой люди почему-то распространяли лишь на себя, но никак не на элдренов.

Военачальники пришли в ужас от моих слов. Я сказал им:

— Мы должны отдать все силы этому сражению, но соблюсти правила боя. Пусть наше поведение будет для них примером.

Сейчас рядом со мной не было ни Каторна, ни Ригеносу, ни даже Ролдеро, так что некому было спорить со мной и убеждать меня в том, что с элдренами нам следует быть коварными и неуловимыми. Этот бой я намерен был вести по тем законам чести, какие существовали для Эрекозе, ибо теперь мои чувства были чувствами Эрекозе.

Я смотрел, как мчится в сторону элдренского войска наш гонец с белым флагом в руке, а потом, подчинившись внезапному порыву, бросился за ним вдогонку.

Военачальники вскочили:

— Куда вы, лорд Эрекозе?

— В лагерь элдренов! — крикнул я в ответ и засмеялся, увидев их изумленные лица.

Гонец обернулся, слышав у себя за спиной тяжелый стук копыт моего боевого коня.

— Лорд Эрекозе? — Он был потрясен.

— Скачи, гонец, и я поскачу с тобой вместе.

Итак, вместе мы добрались до лагеря элдренов и остановились у первого поста.

— Что вам здесь надо, люди? — спросил нас, посверкивая своими голубыми глазами, какой-то дозорный.

Тут из-за туч выглянула луна и залила все вокруг своим серебристым светом. Я поднял свое копье с флажком и встряхнул им. Лунный свет заиграл на серебряном мече.

— Это флаг Эрекозе, — сказал стражник.

— А я и есть Эрекозе, — сказал я.

На лице элдрена появилась гримаса отвращения.

— Мы слышали, что ты натворил в Пафанаале. Если бы ты не был под защитой белого флага, я...

— Я ничего такого в Пафанаале не натворил, — сказал я. — Во всяком случае, ничего такого, чего мне нужно было бы стыдиться.

— Да уж. Стыдиться ты не будешь.

— Меч мой был в ножнах все то время, что я находился в Пафанаале, элдрен.

— Ну да, а ножнами ему служили тела детей!

— Можешь думать все, что тебе угодно, — сказал я. — Я не намерен тратить время на пустые разговоры с тобой. Веди меня к своему командующему.

Мы прошли через всю территорию спящего лагеря и оказались перед простой палаткой принца Арджава. Сопровождавший нас офицер вошел внутрь.

Потом я услышал какой-то шорох, и из палатки появился невысокий элдрен, одетый в легкие доспехи — по сути дела, то была всего лишь одна нагрудная пластина поверх свободной рубахи зеленого цвета, и поножи поверх штанов из кожи, заправленных в легкие башмаки. Его длинные черные волосы были откинuty назад, сдерживаемые золотым обручем с крупным рубином.

А лицо его — о, лицо его было прекрасно! Я не сразу решился использовать такое слово, описывая лицо мужчины, но лишь оно способно отразить тонкую красоту этих черт. Как и у Эрмизад, у Арджава был удлинённый череп, чуть раскосые сияющие глаза, словно лишенные белков. Однако же уголки его губ не загибались вверх в вечной улыбке, как у Эрмизад. Губы его были мрачно сжаты, в углах залегли усталые складки. Он провел по лицу ладонью и взглянул на нас.

— Я принц Арджав, правитель Мернадина, — голос у него был такой же мелодичный, как у сестры. — Что намеревался сказать мне ты, Эрекозе, укравший мою сестру?

— Я сам лично прибыл сюда, чтобы вызвать тебя на поединок от имени Человечества, — сказал я.

Он поднял голову и огляделся.

— Наверное, очередной обман? Новое коварство?

— Я говорю чистую правду!

Какая-то грустная ирония сквозила в его улыбке, когда он ответил мне:

— Что ж, прекрасно, лорд Эрекозе. От имени элдренов я принимаю твой благородный вызов. Значит, нам нужно драться, не так ли? Значит, завтра нам нужно постараться друг друга убить?

— Ты можешь сам решить, когда нам лучше начать, — предложил я, — потому что вызов исходит от

нас.

Он нахмурился:

— Наверное, миллион лет прошел с тех пор, как элдрены и люди сражались по правилам рыцарского кодекса чести. Могу ли я доверять тебе, Эрекозе? Мы слышали, как ты перерезал всех невинных детей в городе.

— Я не убил ни одного ребенка, — тихо сказал я. — Я молил, чтобы их пощадили. Но в Пафанаале моими советниками были король Ригенос и его военачальники. Сейчас же во главе армии стою я сам, и я решил сражаться с вами в соответствии с законами чести. В соответствии с теми законами, вера в которые и по сей день жива в моем сердце...

— О да, — задумчиво проговорил Арджав. — Их еще иногда называют Кодексом Эрекозе. Но ты не настоящий Эрекозе. Он был смертным, как и все люди. Бессмертны только элдрены.

— Во многих отношениях я действительно смертен, — кратко пояснил я. — Но в некоторых — я смерти не знаю. Итак, давай обговорим условия поединка?

Арджав бессильно уронил руки:

— Скажи, ну как я могу верить всем этим словам? Сколько раз уже мы решались поверить вам, людям, и каждый раз бывали коварно обмануты! Как могу я поверить в то, например, что ты и есть Эрекозе, Защитник Человечества, наш старинный враг, которого, даже если судить только по нашим легендам, мы всегда уважали как достойного и благородного противника? Я бы сам, пожалуй, поверил тебе, который называет себя этим именем, но не могу же я позволить себе...

— Ты позволишь мне спешиться? — спросил я его. Гонец изумленно воззрился на меня.

— Если угодно...

Я спрыгнул на землю и отцепил от седла притороченный к нему меч; потом оттолкнул коня, сделал несколько шагов вперед и остановился перед Арджавом, держа меч за рукоять.

— У нас более мощная армия, — сказал я ему, — и мы вполне можем рассчитывать выиграть завтрашнюю битву. Вполне возможно также, что не пройдет и недели, как даже те немногие твои воины, которым удастся завтра спастись после побоища, будут перебиты нашими солдатами или крестьянами. Я предлагаю тебе честный поединок, принц Арджав. Справедливый. Я предлагаю, чтобы условия его включали и пощаду пленным, лечение всем раненым, честный учет погибших и оставшихся в живых... — Я говорил медленно, припоминая все это на ходу.

— Ты хорошо знаешь Кодекс Эрекозе, — сказал он.

— Должен бы.

Он посмотрел куда-то в сторону, на луну.

— А моя сестра все еще жива?

— Жива.

— Почему ты вот так, следом за гонцом, явился в наш лагерь?

— Из любопытства, наверное, — ответил я. — Я довольно часто беседовал с Эрмизад. Мне хотелось узнать, кто ты: дьявол, как я слышал от людей, или тот, каким предстаешь из рассказов своей сестры.

— И что же ты узнал?

— Если ты и дьявол, то сил у тебя осталось немного.

— Ну, для поединка вполне достаточно, — заявил он. — И вполне достаточно, чтобы при первой же возможности взять Некранал штурмом.

— Мы рассчитывали, что ты сперва пойдешь на Пафанаал, — сказал я ему. — Мы считали, что для тебя логичнее было бы попытаться вернуть свой главный порт.

— Да, именно это я и собирался сделать. Пока не узнал, что ты похитил мою сестру. — Он

помолчал. — Что с ней?

— С ней все в порядке, — сказал я. — Она была передана под мою защиту, и я позаботился, чтобы с ней обращались хорошо, по мере возможности, разумеется.

Он кивнул:

— Мы, собственно, шли, чтобы освободить ее.

— Я как раз думал, не это ли явилось причиной неожиданной смены ваших планов, — я слегка улыбнулся. — Нам следовало бы ожидать подобной реакции с вашей стороны, но мы не ожидали. Ты ведь отдаешь себе отчет в том, что если завтра вы выиграете битву, то они непременно пригрозят тебе, что убьют ее, если ты не отступишь?

Арджав закусил губу.

— Они ведь в любом случае убьют ее, разве не так? И будут ее мучить. Я знаю, как они обращаются с пленными элдренами.

Мне нечего было возразить ему.

— Если они убьют мою сестру, — проговорил принц Арджав, — я сожгу Некранал дотла, даже если из всего моего войска в живых останусь я один. Я убью Ригеносу, его дочь и каждого...

— Ну и так далее, — тихо закончил я.

Арджав снова посмотрел на меня.

— Прошу прощения. Ты, кажется, хотел обсудить условия поединка. Что ж, Эрекозе, я поверю тебе. Я согласен со всеми твоими предложениями и кое-что предлагаю со своей стороны.

— Что же?

— То, что Эрмизад освободят немедленно в случае нашей победы. Это спасет множество жизней — как для вас, так и для нас.

— Да, конечно, — согласился я, — но только я не имею права заключать подобную сделку. Мне очень жаль, принц Арджав, но Эрмизад — пленница короля. Если бы я сам захватил ее в плен, я поступил бы так, как предлагаешь мне ты. Но она всего лишь находится у меня под защитой. Если ты одержишь победу, то должен будешь все равно идти на Некранал и осадить город.

Он вздохнул:

— Что ж, прекрасно, Герой. Мы будем готовы завтра на заре.

Я заторопился:

— Но мы значительно превосходим вас численностью, принц Арджав. Сейчас вам еще не поздно повернуть назад — и уйти с миром.

Он только головой покачал:

— Нет, пусть эта битва состоится.

— В таком случае до встречи на заре, принц.

Он устало махнул рукой:

— Прощай, лорд Эрекозе.

— Прощай. — Я прищипил коня и помчался назад, в лагерь. На душе у меня было погано. Рядом со мной ехал озадаченный гонец.

Я снова испытывал тяжкую душевную борьбу с самим собой. Неужели элдрены так умны, что им ничего не стоит меня обмануть?

Завтрашний день покажет.

В ту ночь в палатке я спал так же плохо, как всегда, но не пытался, как обычно, бороться со снами и

неясными воспоминаниями, не пытался их объяснять. Мне стало совершенно ясно, что делать это бессмысленно. Я был тем, кем был — Вечным Героем, Вечным Победителем во всех сражениях. Я никогда не узнаю, почему это так.

Перед рассветом запели горны. Я надел доспехи, взял меч, копье. И вышел в промозглую серость предрассветных сумерек. Заря еще не занялась. В утреннем тумане я видел силуэты своих всадников. Лоб мой покрыла вдруг холодная липкая испарина. Я все пытался вытереть пот платком, но испарина не проходила. Тогда я снял шлем. Мне протянули латные перчатки, и я надел их. Потом неуклюжей походкой из-за сковывающих движения лат подошел к своему коню. Мне помогли усесться в седло, подали щит и копье, и я проехал вдоль шеренги всадников, чтобы занять свое место во главе войска.

В полной тишине мы двинулись по направлению к стального цвета морю, где на берегу раскинулся лагерь элдренов.

Когда наступил бледный рассвет, построенные войска увидели друг друга. Ряды элдренов стояли возле лагеря, однако, завидев нас, двинулись нам навстречу. Очень медленно, но неколебимо.

Я поднял забрало, чтобы осмотреть окрестности более внимательно. Поверхность земли была довольно ровной и сухой. Похоже, нигде здесь не было ни коварных холмов, ни оврагов, способных дать кому-либо преимущество.

Копыта лошадей мягко ступали по торфу. Бряцало оружие. Поскрипывала сбруя. Но, кроме этих звуков, казалось, ничто не нарушало царившую вокруг тишину.

Мы все больше сближались.

Пара ласточек мелькнула высоко в небе над нашими головами и скрылась за далекими вершинами.

Я опустил забрало. Круп моего коня подрагивал. Мне казалось, что покрывающий мое тело холодный пот изнутри оседает на доспехах. Копье и щит вдруг показались очень тяжелыми.

Вокруг меня разливались волны «ароматов», исходящих от потных, напряженных тел воинов и лошадей. «Скоро я почувствую и запах их крови», — подумал я.

Мы очень спешили и не брали с собой пушек. Не было артиллерии и у элдренов, которые также стремились выиграть время. Возможно, решил я, их оружие, предназначенное для осады города, следует за ними.

Еще ближе. Теперь я уже хорошо видел боевой флажок Арджава, а также флажки его военачальников.

Мой главный расчет был на кавалерию. Всадники должны были разделить и с двух сторон окружить элдренов, а третий отряд кавалерии в это время нанесет удар в самый центр их войска, постаравшись полностью дезорганизовать их боевой порядок.

Еще ближе. В животе у меня забурчало, во рту я ощущал привкус желчи.

Совсем близко. Я приподнялся в стремянах, поднял копье и отдал лучникам приказ стрелять.

У нас не было арбалетов, только луки, которые обладали большей дальностью и частотой выстрелов. Первый залп стрел просвистел над нашими головами, поражая элдренов, и почти сразу же мои лучники выстрелили снова.

Лучники элдренов отвечали нам градом небольших тонких стрел. То тут, то там слышались пронзительные крики воинов и ржание лошадей — это элдренские стрелы попадали в цель; в какой-то момент мне даже показалось, что войско мое несколько дезорганизовано. Но вскоре дисциплина и порядок были восстановлены.

И снова я поднял копье, на конце которого развевался флажок — серебряный меч на черном поле.

— Кавалерия! Галопом, вперед!

Горны протрубили сигнал к атаке. От их пронзительных воплей кровь стыла в жилах. Рыцари, прищипорив боевых коней, стали ряд за рядом расходиться в стороны и окружать войско противника, а

третий удар кавалерия нанесла прямо в центр расположения элдренов. Эти всадники неслись на большой скорости, пригнувшись к лошадиным шеям и держа копыта наперевес. На шлемах у них вились перья, плащи разлетались за спинами, над головами развевались боевые знамена, и солнце играло на их блестящих доспехах.

Я чуть не оглох от топота копыт по твердой земле. Потом тоже пустил коня галопом и в окружении отряда из пятидесяти рыцарей поскакал в гущу схватки, выискивая глазами Арджава, которого в данный момент ненавидел лютой ненавистью. В центре следовавшего за мной отряда развевались знамена Двух Континентов и мой флаг.

А ненавидел я Арджава потому, что должен был биться с ним и, возможно, убить его.

С ужасным шумом, криками, бряцанием металла мы вломились в самую сердцевину элдренского войска, и вскоре я забыл обо всем, кроме необходимости убивать и следить за тем, чтобы не убили меня. Довольно скоро я сломал свое копье: оно пробило насквозь тело и доспехи какого-то благородного элдрена и расщепилось. Я оставил копье торчать из его тела и выхватил меч.

Теперь я особенно жадно всматривался в окружавших меня воинов, разыскивая Арджава. Наконец я его увидел, рукой в латной перчатке он держал огромную булаву, которой отбивался от солдат, пытавшихся стащить его с седла.

— Арджав!

Он искоса глянул в мою сторону:

— Сейчас, Эрекозе, у меня тут пока работка есть.

— Арджав! — это слово в данный момент не означало ничего, кроме вызова на поединок.

Арджав прикончил последнего из атаковавших его пехотинцев и резко развернул коня в мою сторону, по-прежнему яростно размахивая своей булавой, ибо к нему уже устремились двое наших всадников. Потом все вдруг отступили: стало ясно, что поединок двух главных соперников начинается.

Теперь мы были друг от друга достаточно близко. И я нанес ему удар своим ядовитым мечом, но он вовремя увернулся и успел сильно огреть меня по спине своей булавой, когда, после неудачного выпада, я по инерции проскочил вперед и чуть не вылетел из седла.

Я попытался нанести более хитрый удар, но булава тут же отразила его. Мы бились так несколько минут, пока не слышали доносившийся издали и весьма поразивший меня клич:

— Поднимите знамена! Поднимите их выше!

Наш план не удался! Теперь это стало ясно. В данный момент наши войска пытались объединиться и нанести новый удар. Арджав улыбнулся и опустил булаву.

— Они надеялись окружить волшебный народ! — засмеялся он.

— Ничего, скоро мы с тобой снова встретимся, Арджав! — крикнул я в ответ, развернул коня, вонзил ему шпоры в бока и ринулся в самую гущу сражения, разя противника направо и налево, к знаменам объединенного Человечества.

Никакой трусости в моем поступке не было, и Арджав знал это. Я должен был быть вместе со своим войском в такой момент. Именно поэтому Арджав и опустил булаву. И не предпринял ни малейшей попытки остановить меня.

Глава XIX

Исход сражения

Неужели Арджав действительно упомянул обитателей Призрачных Миров? Никаких упырей в его войске я не заметил. Но, в таком случае, кто же это? Что это за существа, которых окружить невозможно?

Однако о волшебных существах я подумал лишь мимолетно. Следовало срочно принять новое тактическое решение, иначе битва этого дня вскоре будет безнадежно проиграна. Четверо из моих военачальников тщетно пытались сомкнуть наши ряды, когда я добрался до своих. Оказалось, что не мы элдренов, а они нас взяли в кольцо, и целые отряды наших воинов оказались полностью отрезанными.

Стараясь перекричать шум сражения, я обратился к одному из маршалов:

— В чем дело? Почему наш план так быстро потерпел неудачу? Мы ведь значительно превосходим их числом...

— Трудно сказать что-либо определенное, лорд Эрекозе, — ответил маршал. — В какой-то миг мы совершенно точно держали элдренов в кольце, но буквально через несколько секунд сами оказались окруженными по крайней мере половиной их войска. Они как бы вдруг скрылись из виду и зашли с тыла! Даже теперь мы не могли бы сказать, кто из них настоящий, а кто призрак, — таков был ответ графа Майбеда, опытного старого воина. Голос у него дрожал от ярости, и выглядел он страшно потрясенным случившимся.

— А какими еще свойствами обладают эти волшебные существа? — спросил я.

— Во время боя, лорд Эрекозе, они вполне материальны: они тогда из плоти и крови, как и мы, и их можно убить самым обычным оружием. Однако по своему желанию они могут становиться невидимыми, а потом появляться вновь в совершенно другом месте. Против такого никакая тактика не поможет.

— В таком случае, — решил я, — нам лучше всего сомкнуть ряды и занять оборонительную позицию. На мой взгляд, нас все еще больше, чем этих элдренов и их призрачных союзников. Пусть-ка попробуют теперь сами атаковать нас!

Однако боевой дух моих воинов весьма сильно пострадал. Они были обескуражены тем, что оказались перед возможным поражением, тогда как победа ранее представлялась всем нам неизбежной.

Поверх голов сражающихся я увидел, как к нам приближается знамя элдренов с изображенным на нем василиском. То была их быстрая кавалерия во главе с принцем Арджавом.

Ряды моих воинов сомкнулись теснее, мне же вновь предстоял поединок с вождем элдренов.

Он знал о могуществе моего меча — знал, что может погибнуть от малейшей царапины, нанесенной им, — однако его чудовищная булава так и взлетала в воздух, отражая каждый мой точно нацеленный удар.

Мы бились примерно полчаса, пока я не заметил, что он несколько подустал, мои же собственные мышцы почти свело от боли и усталости.

И снова элдренам удалось разъединить мое войско! И снова я утратил возможность контролировать ход сражения! Хотя большую часть времени я был поглощен лишь одним: стремился во что бы то ни стало сломить блестящую защиту Арджавы.

Потом заметил, как мимо меня промчался граф Майбеда в разрубленных доспехах, с окровавленными руками и лицом. В одной израненной руке он сжимал истрепанное в клочья знамя Двух Континентов, глаза на изможденном, залитом кровью лице казались безумными.

— Бегите, лорд Эрекозе! — прокричал он мне. — Спасайтесь! Сегодняшняя битва проиграна!

Я не мог поверить в это, пока мимо меня не начали поспешно отступать остатки моего войска. Их бегство было совершенно однозначным.

— Выше знамена, люди! — воззвал я. — Выше знамена! — Но они на меня даже внимания не

обратили. И снова принц Арджав опустил свою страшную булаву.

— Вы потерпели поражение, — сказал он.

Я неохотно опустил меч.

— Ты сильный противник, Арджав...

— Ты тоже сильный противник, Эрекозе. Я помню твои условия. Ступай с миром. Ты еще понадобишься в Некранале.

Я медленно покачал головой и тяжело вздохнул, переводя дыхание.

— Защищайся, принц, — сказал я ему.

Он пожал плечами, снова быстрым движением взметнув булаву, отразил мой меткий удар и вдруг, совершенно неожиданно, выбил меч из моей одетой в латную перчатку руки. Вся моя рука онемела от этого удара. Я попытался подхватить меч, но пальцы не слушались, и меч повис на темляке, прикрепленном к запястью.

С проклятием я почти выскочил из седла, набросившись на него и пытаясь схватить за горло здоровой рукой, но он лишь чуть тронул поводья и отступил, а я полетел на землю лицом вниз, ткнувшись прямо в залитую кровью, растоптанную копытами лошадей и ногами людей землю.

Я попытался было встать, но мне это не удалось, и я потерял сознание.

Глава XX

Сделка

— КТО Я?

— Ты Эрекозе, Вечный Герой.

— КАКОВО МОЕ ПОДЛИННОЕ ИМЯ?

— Какое выпадет.

— ПОЧЕМУ Я ТАКОЙ?

— Потому что таким ты был всегда.

— ЧТО ЗНАЧИТ «ВСЕГДА»?

— Всегда.

— ПОЗНАЮ Я КОГДА-ЛИБО МИР?

— Иногда ты будешь жить в мире.

— КАК ДОЛГО?

— Некоторое время.

— ОТКУДА Я ПРИШЕЛ?

— Ты был всегда.

— КУДА Я УЙДУ ПОТОМ?

— Туда, где ты должен быть.

— ЗАЧЕМ?

— Чтобы драться.

— ДРАТЬСЯ ВО ИМЯ ЧЕГО?

— Во имя победы в сражении.

— В СРАЖЕНИИ ЗА ЧТО?

Я вздрогнул и осознал, что доспехов на мне нет. Потом посмотрел вверх. Надо мной стоял Арджав.

— Интересно, почему же он в таком случае так ненавидел меня, — шептал он, явно разговаривая с самим собой. Заметив, что я очнулся, он сразу переменился в лице и слегка улыбнулся. — Ну и свирепый вы боец, сэр Защитник!

Я посмотрел в его печальные, светло-голубые глаза.

— Мои воины... что с ними?..

— Те, что остались в живых, бежали с поля боя. Мы отпустили тех немногих пленников, которых нам удалось захватить. Пусть воссоединятся со своими товарищами. По-моему, именно таковы были твои условия?

Я попытался встать.

— В таком случае что же, ты и меня отпустишь?

— Наверное. Хотя...

— Хотя что?

— Ты был бы весьма полезен для будущей сделки.

Я понял, что он имеет в виду, и бессильно упал на свое твердое ложе. Я тщетно гнал от себя эту мысль, но она оказалась сильнее меня и все-таки вырвалась наружу, и я сказал почти против собственной воли:

— Обменяй меня на Эрмизад.

На какое-то мгновение глаза его вспыхнули изумлением:

— Ты сам предлагаешь это? Но ведь для людей Эрмизад — такая дорогостоящая заложница...

— Черт бы вас, элдренов, побрал! Я же сказал: обменяй меня на Эрмизад.

— Ну, приятель, если ты и человек, то довольно странный. Но, с твоего позволения, я именно так и поступлю. Благодарю тебя. Ты действительно хорошо помнишь старые военные правила? И мне кажется, что ты именно тот, кем себя называешь.

Я закрыл глаза. Голова у меня страшно болела.

Он вышел из палатки, и я услышал, как он что-то говорит гонцу.

— Обязательно сделай так, чтобы об этом знал весь народ! — крикнул я что было силы. — Король может не согласиться, но народ заставит его сделать это. Я их Герой! Они с охотой отдадут за меня любого элдрена — кем бы этот элдрен ни был.

Арджав дал гонцу соответствующие указания. Потом вернулся в палатку.

— Вот что меня удивляет... — заговорил я через некоторое время. — Меня удивляет, почему элдрены до сих пор не подчинили себе людей и не завоевали их территории. С такими волшебными союзниками вы, по-моему, неуязвимы.

Он покачал головой.

— Мы редко прибегаем к помощи наших союзников, — сказал он. — Но на этот раз я был в отчаянии. Ты ведь можешь понять, что я был готов на все, чтобы только спасти сестру.

— Да, это я понять могу, — сказал я.

— Мы бы никогда не вторглись в ваши земли, — продолжал он, — если бы не она. — Он сказал это так просто, что я сразу ему поверил. Да, собственно, я уже и не сомневался, что именно так оно и есть.

Я глубоко вздохнул.

— Мне тоже нелегко, — сказал я. — Я вынужден участвовать в таких сражениях, даже не представляя себе достаточно ясно, кто прав и кто виноват, каков на самом деле этот мир, не зная, кто его обитатели. Простые и очевидные факты на деле оборачиваются ложью, а самые невероятные, наоборот, оказываются правдой. Кто такие, например, эти волшебные существа?

И снова он улыбнулся.

— Колдуны, призраки, — сказал он.

— Это я и от короля Ригеноса слышал. Но это не объяснение.

— Ну а что, если я скажу тебе, что они способны расщеплять свое тело на атомы и восстанавливать его вновь в любом другом месте? Ты же не поймешь меня. Ты непременно скажешь, что это колдовство.

Я был поражен столь научным объяснением.

— В этом случае я пойму тебя куда лучше, — медленно проговорил я.

Его брови вразлет изумленно приподнялись.

— Нет, ты действительно не такой, как все, — сказал он. — Видишь ли, эти волшебные существа, как ты и сам видел, являются дальними родственниками элдренам. Не все обитатели Призрачных Миров, конечно, родственны нам — некоторые из них куда ближе людям, кроме того, там есть и иные, более примитивные виды существ... Все обитатели Призрачных Миров, впрочем, вполне материальны, просто они существуют в иных измерениях. И в этих измерениях они отнюдь не обладают какой-то сверхъестественной силой, — во всяком случае, они там не более могущественны, чем мы здесь, — но в

нашем измерении они обретают необычайное могущество. Мы не знаем, почему так происходит. И они тоже этого не знают. Похоже, они подчиняются неким древним законам жизни на Земле. Более миллиона лет назад мы открыли способ перехода из одного измерения в другое, путь в эти загадочные миры. И там мы обнаружили родственную нам расу, которая порой приходит нам на помощь, когда бывает особенно трудно. Сейчас был как раз один из таких моментов. Однако иногда связь между нашими мирами нарушается — это происходит тогда, когда Призрачные Миры переходят в определенную фазу своего загадочного состояния, — и в таких случаях оставшиеся на Земле волшебные существа не могут вернуться в свой мир, а наши люди — сюда. А потому, как тебе теперь должно быть ясно, оставаться подолгу в том или ином мире опасно для представителей обеих сторон.

— Возможно ли, что происхождение элдренов непосредственно связано с Призрачными Мирами? — спросил я Арджава.

— Я думаю, что да, — ответил он. — Хотя никаких исторических записей на этот счет не существует...

— Может быть, именно поэтому люди так ненавидят вас, считая чуждыми роду человеческому, — предположил я.

— Нет, причина не в этом, — возразил он, — ибо элдрены жили повсюду на Земле задолго до того, как на этой планете появились представители человеческой расы.

— Что?

— Но это правда, — сказал он. — Я ведь бессмертен, и дед мой бессмертен. Он был убит во время первых войн между элдренами и людьми. Когда первые представители племени людей прибыли на Землю, то привезли с собой оружие, обладающее невероятной разрушительной силой. В те времена и мы, элдрены, тоже пользовались подобным оружием. И те войны нанесли Земле такой ущерб, что она казалась черным обугленным шаром, когда элдрены отступили. Земля пострадала настолько, что мы поклялись никогда более не пользоваться нашим чудовищным оружием — вне зависимости от того даже, будет нам грозить полное истребление или нет. Мы не могли взять на себя ответственность за уничтожение целой планеты.

— Ты хочешь сказать, что подобное оружие все еще у вас есть?

— Да, оно заперто и тщательно охраняется. Далеко отсюда.

— И вы по-прежнему умеете с ним обращаться?

— Ну конечно. Мы ведь бессмертны. Среди нас немало тех, кто принимал участие в великих войнах древности, некоторые из них даже конструировали новые виды оружия непосредственно перед тем, как нашим народом было принято то решение.

— Но тогда почему же...

— Я уже сказал тебе, почему. Мы поклялись.

— А что случилось с тем могущественным оружием людей — и с их умением его использовать? Неужели они приняли такое же решение, как и вы?

— Нет. Через некоторое время раса людей в какой-то степени деградировала. Они стали воевать друг с другом. В какой-то период истории они чуть было не уничтожили сами себя как вид, потом стали самыми настоящими варварами, потом, кажется, наконец-то начали взрослеть, обретать мир в собственных душах, жить в мире с соседями... На каком-то этапе своего развития они и утратили знание об этих видах оружия, да и само оружие тоже. В течение последнего миллиона лет люди потихоньку карабкались вверх, выбираясь из полной дикости и невежества, — те мирные времена, к сожалению, оказались весьма недолгими — и я бы, пожалуй, с уверенностью сказал, что вскоре они снова откатятся назад в своем развитии. Похоже, они совершенно зациклились на мысли не только о нашем уничтожении, но и на уничтожении своего собственного племени. Нам всегда хотелось узнать, каковы те гуманоиды, что наверняка должны существовать и на других планетах, похожи ли они на этих людей. Может быть, и не похожи.

— Надеюсь, что нет, — сказал я. — А как тебе кажется: смогут ли элдрены выдержать натиск

человеческих племен?

— С трудом, — сказал он. — Прежде всего потому, что Человечество надеется на твою главенствующую роль в этой войне. И кроме того, проход в Призрачные Миры вскоре вновь закроется. Видишь ли, прежде людские племена были разъединены междоусобицами. Королю Ригеносу никак не удавалось достигнуть согласия среди своих военачальников, и он был слишком неуверен в себе, чтобы принимать какие-то важные решения. Но теперь за него стал принимать решения ты, и это ты объединил его военачальников во имя единой цели. А потому, мне кажется, ты выиграешь эту войну.

— Ты фаталист, — проговорил я.

— Я реалист, — возразил он.

— А разве нельзя заключить мир? Обсудить его условия?

Он покачал головой.

— Какой смысл говорить об этом? — с горечью воскликнул он. — Мне жаль вас, людей. Почему вы всегда считаете, что у нас цели те же, что и у вас? Мы ведь не ищем господства — мы всего лишь хотим покоя, мира. Мира! Но именно мира-то эта планета и не сможет, по-моему, обрести, пока на ней не вымрет вся раса людей.

Я еще несколько дней прожил в палатке Арджава, а потом он отпустил меня — в полном соответствии с нашей договоренностью — и я верхом помчался в Некранал. Весь этот долгий путь я проделал в полном одиночестве, так что на размышления времени у меня хватало.

На этот раз во мне едва признали Эрекозе, ибо я был весь покрыт пылью, в растерзанных латах, да и население Некранала привыкло уже, что в столицу постоянно возвращается кто-то из разгромленной армии.

Я добрался до Дворца Десяти Тысяч Окон и обнаружил, что там царит мрачная тишина. В гостиной не было короля, нигде я не смог найти и Иолинду.

В своих прежних апартаментах я спросил раба, сбросив наконец доспехи:

— Когда уехала леди Эрмизад?

— Уехала? А разве она не здесь, хозяин?

— Как здесь? Где же?

— В тех же комнатах, конечно...

Я еще не успел снять нагрудник и с мечом в руке устремился к знакомой двери, возле которой стоял стражник, и распахнул ее.

— Эрмизад... тебя должны будут обменять на меня. Таковы были условия нашей сделки. А где король? Почему он не сдержал своего слова?

— Я ничего об этом не знала, — сказала она. — Я не знала, что Арджав был так близко отсюда, иначе...

Я оборвал ее:

— Пойдем со мной. Сейчас мы отыщем короля и отправим тебя к брату.

Мне пришлось почти волоочь ее за собой из комнаты в комнату, пока я не отыскал короля в его собственной маленькой гостиной. Он о чем-то совещался с Ролдеро, когда я обрушился на них:

— Ваше величество, что все это значит? Я дал принцу Арджаву слово, что после моего освобождения Эрмизад беспрепятственно покинет ваш дворец. Он поверил мне, и вот я здесь, но леди Эрмизад по-прежнему является вашей заложницей. Я требую, чтобы ее немедленно освободили!

Король и Ролдеро рассмеялись мне в лицо.

— Успокойся, Эрекозе, — сказал Ролдеро. — Кому придет в голову выполнять обещание, данное этим шакалам? Теперь наш Герой вернулся, а главная заложница все еще здесь. Забудь ты об этом, Эрекозе.

Разве можно воспринимать элдренов так серьезно, они же не люди!

Эрмизад улыбнулась.

— Не беспокойся, Эрекозе. У меня есть и другие друзья. — Она закрыла глаза и принялась что-то тихо и монотонно напевать. Сперва слова были еле слышны, но потом странная мелодия зазвучала более отчетливо.

Ролдеро прыгнул к ней, сжимая в руках меч.

— Колдовство!

Я заслонил Эрмизад собой.

— Прочь с дороги, Эрекозе! Эта ведьма призывает к себе на помощь демонов!

Я тоже выхватил меч и предостерегающе взмахнул им у Ролдеро перед носом. Я понятия не имел, куда намерена отправиться Эрмизад, но был твердо намерен предоставить ей возможность отправиться куда ей будет угодно.

Голос ее вдруг странно переменялся, и она умолкла, а потом вдруг крикнула:

— Братья! О братья мои из Призрачных Миров! Помогите мне!

Глава XXI

Клятва

Внезапно в комнате оказалось что-то около десятка элдренов, чьи лица несколько отличались от всех, какие я видел раньше. Я догадался, что это обитатели Призрачных Миров.

— Ну вот! — вскричал Ригенос. — Вот оно, зловредное колдовство! Она ведьма. Я же говорил тебе, что она ведьма!

Волшебные существа хранили молчание. Они плотным кольцом окружили Эрмизад так, чтобы их собственные тела касались друг друга и ее тела. И Эрмизад громко крикнула:

— Прочь отсюда, братья мои! Назад, в лагерь элдренов!

Тела обитателей Призрачных Миров начали мерцать, словно они частично уже были в другом измерении.

— Прощай, Эрекозе, — крикнула Эрмизад. — Надеюсь, что нам еще удастся встретиться с тобой при более счастливых обстоятельствах.

— Я тоже на это надеюсь! — крикнул я в ответ. И она исчезла.

— Предатель! — завопил король Ригенос. — Это ты помог ей сбежать!

— Пытать бы тебя надо до смерти! — с отвращением прибавил Ролдеро.

— Никакой я не предатель, и вы это прекрасно знаете, — живо возразил я. — Это вы предатели... вы нарушили собственное обещание, великую традицию своих предков! А я чист перед вами, о глупцы... глупцы!..

Я умолк, резко повернулся и пошел прочь.

— Ты проиграл сражение, Великий Герой! — завопил мне вслед король Ригенос. — А народ побежденным уважения не оказывает!

Но я не обернулся. Я пошел искать Иолинду.

Оказывается, она прогуливалась по галереям и только что вернулась к себе. Я поцеловал ее, ощущая острую потребность в женском сочувствии и ласке, но, похоже, натолкнулся на невидимую стену. По всей очевидности, она вовсе не намерена была чем-то помогать мне, хотя и поцеловала меня машинально. Очень скоро я перестал обнимать ее и даже отступил назад, чтобы заглянуть ей в глаза.

— В чем дело?

— Ни в чем, — ответила она. — А что, собственно, тебе не нравится? Ты в безопасности. Я-то ведь думала, что ты погиб.

Неужели же все дело во мне самом? Неужели?.. Я отогнал эту мысль. Но может ли мужчина *заставить* себя любить женщину? Может ли он одновременно любить двух женщин? В отчаянии я цеплялся за память о той любви, которую испытывал по отношению к Иолинде в первые дни нашего знакомства.

— Эрмизад теперь в безопасности тоже, — вырвалось у меня. — Она призвала на помощь своих волшебных братьев, и, когда она вернется в лагерь элдренов, Арджав отведет свои войска назад, в Мернадин. Ты должна бы радоваться этому.

— Я и радуюсь, — заявила она и прибавила: — А вот ты зато страшно рад, что нашей заложнице удалось бежать!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Отец рассказал мне, как она очаровала тебя своим поганим колдовством. Ты, видно, куда больше озабочен ее безопасностью, чем нашей.

— Что за глупости!

— Тебе, наверно, и общество элдренов приятнее, чем наше. Для тебя это просто праздник — побывать в лагере нашего злейшего врага...

— Довольно! Все это полная чушь!

— Неужели? А по-моему, отец говорил правду, Эрекозе. — Голос ее звучал глухо. Она отвернулась.

— Но, Иолинда, я же люблю тебя. Только тебя.

— Я не верю тебе, Эрекозе.

Так неужели все-таки сам я был причиной того, что происходило со мной? И тогда я принес клятву, которой впоследствии суждено было так сильно повлиять на наши судьбы. Ну почему я, чувствуя, что любовь моя к Иолинде начинает ослабевать, понимая, что она оказалась просто эгоистичной дурочкой, все равно упорствовал и убеждал себя, что люблю ее ничуть не меньше, чем прежде?

Этого я не знаю. Я знаю только, что именно тогда я и дал эту клятву.

— Я люблю тебя больше жизни, Иолинда! — заявил я. — Я все что угодно могу для тебя сделать!

— Я не верю тебе!

— Но это правда! Я докажу! — кричал я в отчаянии.

Она повернулась ко мне. В глазах ее были боль и упрек. И такая горечь, что я, казалось, утонул в ней. И еще в этих глазах светился гнев и желание мстить.

— Как же ты докажешь это, Эрекозе? — тихо спросила она.

— Клянусь: я уничтожу всех элдренов.

— Всех?

— Всех до единого.

— И ты никого не пощадишь?

— Никого! Никого! Я хочу, чтобы все это наконец кончилось. И единственный способ — это перебить их всех. Тогда наступит конец — только тогда!

— И ты убьешь даже принца Арджава и его сестру?

— Даже их!

— Ты поклянешься, что сделаешь это? Поклянешься?

— Клянусь! И когда умрет последний элдрен, когда весь мир будет принадлежать нам, я принесу этот мир к твоим ногам и мы с тобой станем мужем и женой.

Она кивнула:

— Хорошо, Эрекозе. Увидимся чуть позже.

И быстро выскользнула из комнаты.

Я снял меч с перевязи и злобно швырнул на пол. Душа моя изнывала от страданий и борьбы с самим собой.

Но я уже дал клятву.

Постепенно я успокоился. Я решил поступить так, как я сказал. Я уничтожу всех элдренов. Избавлю этот мир от них, а себя — от этой нескончаемой душевной муки.

Глава XXII

Похищение

Чем меньше во мне оставалось человеческого, чем машинальнее я исполнял свои обязанности, тем меньше мучили меня те сны и полузабытые видения. Меня словно заставили исполнять эту роль безмозглого существа, пообещав, что, если я буду по-прежнему лишен совести и разума, они наградят меня своим отсутствием. Если же снова проявлю признаки обычного человеческого характера, то сны появятся вновь.

Но это так, между прочим. Мои предположения, которые столь же близки к истине, как и любые другие. Можно с тем же успехом утверждать, что мне, например, было бы только полезно пережить некий катарсис, ибо он помог бы избавиться от этой двойственности и от ночных кошмаров.

В течение того месяца, который я провел в подготовке к великой войне против элдренов, я крайне редко виделся со своей нареченной и в конце концов просто перестал искать ее общества, сосредоточившись исключительно на планах готовившихся военных кампаний.

Я развил в себе качества, совершенно необходимые настоящему воину: холодный, полностью контролируемый рассудок. Я не позволял никаким чувствам, что бы это ни было — ненависть или любовь, — брать над собой верх.

Я очень укрепился душой и телом. И, обретя эту силу, стал как бы вовсе не человеком. Я знал, что многие замечают это, но знал и то, что люди ценят во мне именно качества великого военачальника, и пусть по отдельности они избегали моего общества, но в целом — были счастливы, что Эрекозе ведет их на бой.

Арджав и его сестра вместе вернулись к своим кораблям, а затем поплыли назад, в свою страну. Теперь они, без сомнения, уже ждали нас, готовясь к следующему сражению.

Мы продолжали действовать согласно ранее намеченным планам и вскоре готовы были отплыть к Внешним Землям, воротам в Призрачные Миры. Мы намеревались навсегда захлопнуть эти ворота.

И вот наступил день отплытия.

И плавание было долгим и полным опасностей, пока впереди не завиднелись острые утесы Внешних Островов. И тогда мы стали готовиться к вторжению.

Ролдеро был все время рядом, но то был мрачный Ролдеро, молчаливый Ролдеро; он, точно так же как и я, превратился в некое безгласное военное орудие.

Мы осторожно причалили, но, похоже, элдрены уже знали о нашем прибытии заранее: ни одного человека в их городах не осталось. На этот раз там не было ни женщин, ни детей. Там мы обнаружили всего горстку элдренов-мужчин, которых тут же перебили. Что же касается волшебных существ, то их видно не было. Арджав говорил тогда правду: видимо, ворота в Призрачные Миры действительно были закрыты.

В городках мы не оставили камня на камне, грабя и сжигая дома как бы походя, однако не испытывая при этом никаких особых чувств. Мы до смерти пытали захваченных в плен элдренов, пытаясь выведать причину их исчезновения, а сам-то я втайне уже знал эту причину. Теперь нашими воинами владело совсем иное настроение: наступила реакция, и, хотя в городах не осталось ни одного целого здания, ни одного живого элдрена, люди не могли отделаться от ощущения, что все их планы рухнули, а сами они обмануты — так пылкий любовник, наверное, чувствует себя обманутым игривой и неверной любовницей.

И еще: поскольку элдрены не пожелали вступить с нами в кровопролитное сражение, мы стали ненавидеть их еще больше.

Когда с Внешними Землями было покончено, города обратились в прах, как и все живое, мы почти сразу погрузились на корабли и взяли курс на Мернадин. Мы бросили якоря в порту Пафанаал, который

по-прежнему удерживали наши силы под командованием лорда Каторна. За то время к ним присоединился король Ригенос и ждал нашего прибытия. Наши войска высадились на берег, и мы сразу устремились в глубь континента, горя жадой победы.

Я хорошо помню лишь некоторые детали этого похода. Дни были похожи один на другой, они мелькали безостановочной чередой, мы с мрачным упорством продвигались все дальше и дальше, убивали элдренов, уничтожали их города и укрепления, и казалось, что ни одна крепость не способна противостоять нашей силе...

Убивая, я не знал усталости; ничто не могло удовлетворить моей жажды крови. Человечеству нужен был такой вот кровожадный волк, и они его получили, они послушно следовали за ним, хотя и боялись его.

Весь тот год был заполнен пожарами и звоном стали, континент Мернадин порой казался морем крови с висящими над этим морем тучами дыма. Армия была чудовищно измотана, но все еще жаждала убивать, и это единственное владевшее людьми желание придавало им сил.

То был год боли и смерти, и повсюду, где знамена Человечества встречались в бою со знаменами элдренов с изображенным на них василиском, последние неизменно оказывались сорванными и втоптанymi в грязь.

Все вопросы решались силой, с помощью оружия. Мы безжалостно расправлялись с собственными дезертирами: используя насилие, мы приучали людей терпеть.

Мы как бы стали вестниками смерти — король Ригенос, лорд Каторн, граф Ролдеро и я. Мы исхудали, как голодные псы, и казалось, что пищей нам служит плоть элдренов, а питьем — их кровь. О да, мы были свирепыми псами. Дикие глаза, прерывистое дыхание, острые клыки и вечные поиски свежепролитой крови.

Там, где мы проходили, оставались горящие развалины городов, прах, пепел, трупы элдренов, и самыми надежными и постоянными нашими спутниками были стервятники и шакалы.

Год кровопролитий. Год разрушений. Если я не мог заставить себя любить, то, по крайней мере, мог заставить ненавидеть, и это мне удалось отлично. Все боялись меня, люди и элдрены, когда я превращал прекрасный Мернадин в погребальный костер и рыскал потом на пожарище, страдая от чудовищного разочарования и невыносимой скорби, словно сжег на этом костре свое собственное племя.

Король Ригенос был убит в Долине Калакита, близ города-сада под названием Лакх.

Этот город выглядел таким мирным и совсем пустым, что мы вошли в него почти без опаски. С дикими воплями и гиканьем ворвались мы туда — то было уже не отлично вымуштрованное войско, что некогда высадилось в Пафанаале, но кровожадная орда в перепачканных кровью доспехах, толпа вонючих, пропыленных насквозь завоевателей, которые, размахивая оружием, на полном скаку влетели в город Лакх, топча копытами своих коней его прекрасные сады.

Город оказался ловушкой.

Элдрены ждали в окрестных холмах, использовав прекрасный Лакх как приманку. Их серебристые пушки внезапно рывкнули где-то совсем поблизости, обрушив на головы наших обезумевших воинов свои страшные снаряды. Скрывшиеся среди деревьев и холмов элдренские лучники тоже не теряли времени даром: их тонкие стрелы непрерывно свистели в воздухе.

Падали убитые и раненые лошади. Кричали и стонали люди. Наше обескураженное войско повернулось лицом к невидимому противнику, но наши собственные лучники почему-то стали отвечать, сконцентрировав свое внимание не на лучниках элдренов, а на их артиллерии. В какой-то степени это дало результаты: постепенно смолкли залпы серебристых пушек, элдренские лучники исчезли, словно растворились в зелени холмов, видимо, отступив к одной из нескольких последних оставшихся под их контролем крепостей.

Я обернулся к королю Ригеносу, который был рядом со мной. Он, застыв, сидел на огромном боевом коне и смотрел остановившимися глазами куда-то в небо. И тут я заметил, что стрела насквозь пробила его бедро и как бы пригвоздила короля к седлу.

— Ролдеро! — крикнул я. — Скорей, врача королю, если врач остался в живых!

Ролдеро в это время подсчитывал наши потери. Он примчался тут же, откинул забрало на шлеме короля и пожал плечами. Потом с каким-то странным выражением посмотрел на меня.

— Он уже довольно давно не дышит, судя по его виду.

— Ерунда. Не могла же его убить стрела, попавшая в бедро. Во всяком случае, такое случается крайне редко, да и не мог он умереть от подобной раны за несколько минут. Приведи доктора.

Бесстрастное лицо Ролдеро исказила загадочная улыбка.

— По-моему, он умер просто от страха. — И тут он засмеялся каким-то сатанинским смехом и с такой силой толкнул закованный в латы труп, что даже стрела выскочила из раны, а тело Ригеноса рухнуло в грязь у нас под ногами. — Теперь твоя невеста стала королевой, Эрекозе, — проговорил Ролдеро, все еще продолжая смеяться. — Так что я тебя поздравляю.

Мой жеребец дрожал, стоя над трупом, а я смотрел на мертвого Ригеноса. Потом я пожал плечами и поехал прочь.

Таков был наш обычай — оставлять мертвецов там, где они пали, вне зависимости от того, кто был убит.

А коня Ригеноса мы забрали с собой. Это был отличный конь.

Гибель короля несколько не огорчила наших воинов, хотя несколько встревожила Каторна. Но, видимо, только потому, что сам он пользовался чрезвычайным влиянием на нашего правителя. Впрочем, для всех уже король был лишь марионеткой в руках Каторна, особенно в этот последний год, ибо фактически людьми правил совсем другой человек — мрачный завоеватель Эрекозе, и народ шел за ним и беспрекословно ему подчинялся.

Мертвый Эрекозе — так люди называли меня теперь. И еще: *карающий меч Человечества*.

Мне было безразлично, как они еще меня назовут: Грабитель, Кровопийца, Неистовый Рыцарь, — ибо теперь прежние сны перестали меня терзать и конечная моя цель была близка.

До тех пор, пока не пала последняя крепость элдренов. После этого я тащил за собой свои войска, словно на веревке. Я тащил их к главному городу Мернадина, через Долины Тающих Льдов — к столице принца Арджава. К Лус Птокаи.

И наконец мы увидели неясные силуэты башен Лус Птокаи на фоне красного закатного неба. Башни из черного гранита и мрамора высились, могучие и неколебимые, над нашими головами. Но я знал, что мы должны взять этот город.

В конце концов, так сказал мне и сам Арджав. По его словам, мы должны были победить в этой войне.

На следующую ночь после того, как мы разбили лагерь у стен Лус Птокаи, я сидел, вытянувшись в походном кресле, и не мог уснуть. Я глядел во тьму и думал. Это было не совсем обычно для меня. В последнее время я едва успевал добраться до постели, как тут же засыпал и храпел до рассвета, утомленный бесконечными убийствами, которые совершал в течение дня.

Но в ту ночь я размышлял.

А потом, на рассвете, с застывшим, как камень, лицом поскакал верхом в лагерь элдренов. На поднятом вверх копье развевался мой боевой флажок. И, как и год назад, рядом со мной скакал гонец.

Мы подъехали к главным воротам Лус Птокаи и остановились. С крепостных стен на нас смотрели элдрены.

Гонец поднял свой золотистый горн, и его призывные звуки эхом отдались от черных и белых башен Лус Птокаи.

— Принц элдренов! — воззвал я своим мертвым, потухшим голосом. — Арджав из Мернадина, я

пришел, чтобы убить тебя.

И тут на привратных башнях я заметил какое-то движение, и появился сам Арджав. Он смотрел на меня оттуда, и в его странных глазах светилась печаль.

— Здравствуй, старый враг, — крикнул он. — Вам придется долго осаждать этот город, последний наш оплот, прежде чем вы ворветесь сюда.

— Да будет так, — сказал я, — но мы все же ворвемся в город.

Арджав помолчал. Потом снова заговорил:

— Когда-то мы условились с тобой вести сражение в соответствии с Кодексом Эрекозе. Не хочешь ли снова обсудить условия?

Я покачал головой:

— Мы не остановимся до тех пор, пока не уничтожим всех элдренов до единого. Я поклялся очистить Землю от вашего племени.

— В таком случае, — сказал Арджав, — прежде чем начнется сражение, я приглашаю тебя посетить Лус Птокаи в качестве моего гостя и отдохнуть в моем доме. Мне кажется, что отдых тебе совершенно необходим.

Я не сразу ответил ему, а мой спутник, гонец, фыркнул:

— Они, видно, почуяли, что им грозит, господин мой, и думают, что смогут так просто обмануть тебя!

Однако приглашение Арджавы подняло в моей душе целую бурю таких противоречивых эмоций, что я рявкнул:

— Помолчи!

И с тяжелым вздохом вновь погрузился в раздумья.

— Что же ты мне ответишь? — крикнул Арджав со стены.

— Я принимаю твое предложение, — медленно проговорил я. И прибавил: — А леди Эрмизад в городе?

— Да, в городе, и очень хочет снова тебя увидеть. — Эти последние слова Арджав выговорил с такой странной интонацией, что в душе моей проснулись подозрения. Может быть, гонец прав? Я знал, что Арджав очень любит свою сестру.

Может быть, он знает о моем тщательно скрываемом чувстве по отношению к ней? Я и самому себе бы не признался в тех чувствах, что испытывал к Эрмизад, но именно они исподволь воздействовали на мое решение принять приглашение Арджавы.

— Господин мой, неужели ты серьезно намерен войти в этот город? Да стоит тебе только оказаться за воротами, как они убьют тебя. Раньше ходили, правда, слухи, что для заклятых врагов у вас с принцем Арджавом слишком хорошие отношения, но после тех побоищ, которые ты учинил в Мернадине, он непременно сразу же убьет тебя. Как и каждый на его месте, это ведь ясно! — удивленно проговорил мой спутник.

Я покачал головой. Настроение у меня совершенно переменилось, я стал гораздо спокойнее.

— Он меня не убьет, — сказал я гонцу. — В этом я уверен. А попав в город, я смогу оценить силы противника, что было бы для нас очень полезно.

— Но ведь для нас будет настоящей катастрофой, если они убьют тебя, господин мой...

— Не убьют, — снова сказал я и почувствовал, как улетучивается моя свирепость и ненависть, как гаснет в душе моей жажда битвы. И я отвернулся от своего спутника, чтобы он не заметил блеснувших в моих глазах слез.

— Открывайте ваши ворота, — крикнул я каким-то не слишком уверенным голосом. — Я войду в Лус Птокаи как твой гость, принц Арджав.

Глава XXIII

В Лус Птокаи

Верхом я медленно въехал в город, оставив свой меч и свое копье у гонца, который теперь, должно быть, уже мчался во весь опор, совершенно потрясенный, назад, в наш лагерь, чтобы рассказать обо всем маршалам.

Улицы Лус Птокаи были тихи и печальны; Арджав спустился с крепостной стены мне навстречу, и я увидел, что и его лицо, подобно моему, сильно изменилось после всех этих сражений: заострились и посуровели черты, взгляд казался пыльным. Он и двигался не так уверенно и легко, и голос его звучал не так звонко, как в день нашей с ним первой встречи год назад.

Я прыгнул на землю. Он схватил меня за руку.

— Итак, — проговорил он с притворным весельем, — боевой идол этих варваров все еще вполне материален. А мой народ уже начал сомневаться в этом.

— Наверное, вы ненавидите меня, — сказал я.

Он, казалось, был несколько удивлен моими словами.

— Элдрены не умеют ненавидеть, — сказал он и повел меня в свой дворец.

Арджав провел меня в небольшую комнату, где были лишь кровать, столик и стул — все сделанное на редкость искусно, все очень легкое и хрупкое, казавшееся выполненным из драгоценного металла, однако же каким-то хитроумным способом вырезанное из дерева. В углу была ванна, полная горячей воды.

Арджав вышел, и я скинул свои испачканные кровью и грязью доспехи, которые почти не снимал за последний год, и выскользнул из штанов и рубахи. А потом с чувством облегчения и благодарности погрузился в теплую воду.

После того шока, который я испытал, получив приглашение Арджавы, душа моя совершенно успокоилась, даже как-то отупела. А теперь, впервые за весь этот год, я и сам полностью расслабился, я больше ни о чем не думал, как бы смывая со своего сердца налет горечи и ненависти вместе с той грязью, которая покрывала мое тело.

Я был почти весел, надевая чистое белье, приготовленное для меня заранее, и тут кто-то постучал в дверь.

— Здравствуй, Эрекозе, — это была Эрмизад.

— Госпожа... — я поклонился ей.

— Как ты живешь, Эрекозе?

— Видишь ли, во время войны я живу хорошо и действую успешно. А сейчас я с удовольствием воспользовался бы твоим гостеприимством.

— Арджав послал меня, чтобы я пригласила тебя отобедать с нами.

— Я готов. Но сперва скажи мне, как ты сама жила все это время, Эрмизад.

— Ну, в общем-то, неплохо... я здорова... — проговорила она. Потом подошла ко мне ближе. Низко опустила голову и, глядя в землю, поднесла руки к горлу каким-то умоляющим жестом. — А скажи... ты теперь уже муж королевы Иолинды?

— Мы все еще жених и невеста, — сообщил я ей. И потом, решившись, я заглянул ей в глаза и добавил, стараясь по возможности говорить ровным тоном: — Мы поженимся, как только...

— Как только?..

— Как только будет взят Лус Птокаи.

Она промолчала.

Я сделал еще шаг вперед, и теперь мы стояли почти вплотную друг к другу.

— Это единственное условие для того, чтобы наш брак состоялся, — сказал я. — Я должен уничтожить всех элдренов до единого. Ваши поруганные знамена должны стать моим свадебным подарком Иолинде.

Эрмизад кивнула, быстро на меня взглянув, во взгляде ее была печаль и, одновременно, насмешка.

— Значит, такова данная тобой клятва. Ты должен ее выполнить. Должен убить всех элдренов. До последнего.

Я прокашлялся.

— Да, такова моя клятва.

— Ну пойдем, — сказала она. — Обед остывает.

За обедом мы сидели с Эрмизад рядом, а Арджав так оживленно рассказывал об одном из весьма странных экспериментов своих предков-ученых, что все мы на какое-то время как бы забыли о предстоящем сражении. Но позже, когда мы с Эрмизад тихо заговорили о чем-то друг с другом, я вдруг поймал взгляд умолкнувшего на время Арджавы: в этом взгляде была такая боль! Потом он вмешался в наш разговор:

— Как ты уже и сам понял, Эрекозе, мы потерпели поражение.

Мне не хотелось говорить об этом. Я только пожал плечами и попытался возобновить нашу приятную беседу с Эрмизад, но Арджав был настойчив:

— Мы обречены, Эрекозе. Наши защитники вскоре падут под мечами твоей огромной армии.

У меня перехватило дыхание. Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Да, вы обречены, принц Арджав.

— Это лишь вопрос времени — когда именно вы возьмете город.

На этот раз я отвел глаза, избегая его пристального взгляда, и просто кивнул в ответ.

— Значит... ты... — голос у него сорвался.

Я начал терять терпение. Противоречивые чувства кипели в моей душе.

— Моя клятва... — напомнил я ему. — Я должен выполнить то, в чем поклялся, Арджав.

— Самому мне умереть не страшно... — начал он.

— Я понимаю, чего ты страшишься, — сказал я.

— Но неужели нельзя позволить элдренам просто сдаться? Неужели они не могут просто признать, что Человечество одержало над ними победу, Эрекозе? Разумеется, один город...

— Я дал клятву. — Теперь печаль переполняла мое сердце.

— Но не можешь же ты... — Эрмизад слабо махнула своей тонкой рукой. — Мы ведь твои друзья, Эрекозе. Нам так приятно быть вместе. Мы... мы ведь действительно друзья...

— Мы принадлежим к разным народам, — сказал я. — И между нами идет война.

— Пощады я не прошу, — сказал Арджав.

— Знаю, — ответил я. — И ничуть не сомневаюсь в мужестве остальных элдренов. Я слишком много видел тому примеров.

— Ты связан клятвой, которую дал в порыве гнева, дал беспричинно, бесцельно, просто так, и теперь клятва эта привела к тому, что ты убиваешь тех, кого любишь и уважаешь... — в голосе Эрмизад было изумление. — Неужели ты не устал убивать, Эрекозе?

— Очень устал.

— Но в таком случае?..

— Но именно я все это затеял, — сказал я. — Иногда мне кажется, что это не я веду людей на битву, а

они как бы толкают меня вперед. Может быть, весь я целиком — всего лишь их создание. Нечто, созданное волей Человечества. Может быть, я всего лишь лоскутный коврик, созданный ими из их представлений о самых различных героях. Может быть, никакой другой жизни у меня нет и не было, и когда я выполню свою задачу, то исчезну, поскольку исчезнет и чувство опасности, питающее души этих людей...

— Думаю, что этого не произойдет, — мрачно сказал Арджав.

Я только пожал плечами:

— Но ведь ты же не я. И у тебя не было таких странных снов...

— А тебе по-прежнему снятся эти сны? — спросила Эрмизад.

— В последнее время нет. С тех пор, как началась эта военная кампания, сны пропали. Они мучают меня только тогда, когда я пытаюсь понять, кто же я на самом деле такой. А когда я делаю то, что от меня требуется, сны оставляют меня в покое. Скорее всего, я просто призрак. И ничего больше.

— Вот этого я не понимаю, — вздохнул Арджав. — Мне кажется, тебе просто жаль самого себя, Эрекозе. Ты можешь проявить свою собственную волю, однако боишься это сделать! И вместо этого предаешься кровопролитиям, отдаешь душу на растерзание ненависти, позволяешь меланхолии мучать тебя. Ты пребываешь в такой тоске потому, что не делаешь того, что действительно хотел бы делать. Эти сны все равно вернуться, Эрекозе. Запомни мои слова — сны вернуться и будут куда более ужасны, чем виденные тобой когда-либо прежде.

— Довольно! — вскричал я. — Не надо портить наше последнее свидание. Я пришел сюда лишь потому...

— Ну и почему же? — Арджав поднял тонкую бровь.

— Потому что мне необходимо было поговорить с умными и воспитанными людьми...

— Поговорить с кем-либо, подобным тебе, — тихо проговорила Эрмизад.

Я обернулся к ней и вскочил:

— Нет! Я совсем другой, чем вы! Мой народ ждет меня там, за этими стенами! Они ждут, когда мы уничтожим ваше племя!

— Но между нами существует родство духовное, — сказал Арджав. — Эти связи тоньше и крепче кровных...

Лицо мое исказила гримаса, и я спрятал его в ладонях.

— Нет!

Арджав положил руку мне на плечо:

— Ты куда более настоящий человек, Эрекозе, чем сам позволяешь себе казаться. От тебя потребуется немалое мужество, если ты решишься серьезно переменить свою жизнь и образ мыслей...

Руки мои бессильно упали.

— Ты прав, — сказал я ему. — И этого мужества я в себе не чувствую. Я всего лишь меч. Некая сила, вроде урагана. Больше мне ничего не дано, больше я не позволяю себе ничего. Больше мне ничего не позволяют...

Эрмизад снова вмешалась в наш разговор. В голосе ее отчетливо звучала ярость:

— Ради тебя самого ты должен позволить этой второй половине твоего «я» одержать верх! Забудь о данной Иолинде клятве. Ты ее не любишь. У тебя ничего нет общего с той кровожадной толпой, которая следует за тобой столь послушно. Ты куда более великий человек, чем любой из них... чем любой из тех, с кем ты ведешь войну...

— Прекрати это! Довольно!

— Она права, Эрекозе, — сказал Арджав. — Мы ведь спорим с тобой не ради собственного спасения. Это спор во имя твоей души...

Я снова рухнул в кресло.

— Я так старался не позволять более сомнениям овладевать моей душой и вести простую деятельную жизнь воина, — проговорил я бессильно. — Вы правы я не чувствую никакого родства с теми, кого веду за собой... или с теми, кто толкает меня вперед... Но они ведь, несомненно, мой народ! И долг мой...

— Пусть живут так, как им хочется, — сказала Эрмизад. — И ты в долгу не перед ними. Перед самим собой.

Я сделал глоток вина. Потом тихо сказал:

— Я боюсь.

Арджав покачал головой:

— Нет, ты смел. И не твоя вина, если...

— Кто знает? — сказал я. — Может быть, некогда я совершил чудовищное преступление. А теперь за него расплачиваюсь.

— Все это потому, что ты себя жалеешь, — все эти твои размышления! — снова заявил Арджав. — Знаешь, Эрекозе, все это как-то... как-то не по-мужски...

Я затаил дыхание.

— Может, оно и так. — Я посмотрел прямо на него. — Но если время имеет циклический характер, то разве не может быть — хотя бы в одной какой-нибудь его точке! — просвета для меня, такого отрезка, когда я еще не совершал этого преступления...

— Все эти разговоры о каком-то «преступлении» ни к чему, — заявила нетерпеливо Эрмизад. — А что велит тебе твое сердце?

— Мое сердце? Я уже много месяцев не прислушивался к его голосу.

— Ну так теперь прислушайся! — рассердилась она.

Я покачал головой:

— Я разучился это делать, Эрмизад. Я должен закончить начатое мной. То, для чего и был призван в этот мир...

— А ты уверен, что именно король Ригенос призвал тебя в этот мир?

— А кто же еще?

— И это тоже всего лишь бессмысленные предположения, — улыбнулся Арджав. — Ты должен поступать так, как считаешь нужным, Эрекозе. Я больше не стану просить тебя пощадить мой народ.

— Ну вот и спасибо! — сказал я, вскочил из-за стола, пошатнулся и зажмурился. — Господи! До чего же я устал!

— Вот и отдохни здесь, — тихо сказала Эрмизад. — Со мной...

Я посмотрел на нее.

— Со мной, — повторила она.

Арджав собрался было что-то сказать, но передумал и вышел из комнаты.

И тут я понял, что не хочу ничего другого — только сделать то, что предлагала мне Эрмизад. Но я отрицательно замотал головой:

— Нет, это было бы проявлением слабости...

— Наоборот, это придало бы тебе сил. Это позволило бы тебе принять более ясное решение...

— Я уже принял решение. И кроме того, моя клятва Иолинде...

— Ты поклялся ей в верности?..

Я только развел руками:

— Я не могу вспомнить.

Она придвинулась ближе и погладила меня по щеке.

— А может быть, благодаря этому как раз что-нибудь и окончится, — предположила она. — Может быть, как раз это и оживит твою любовь к Иолинде...

Теперь я ощущал почти физическую боль. На какое-то мгновение мне даже показалось, что они меня отравили.

— Нет!

— Это непременно поможет тебе, — продолжала она. — Я знаю, что поможет! Хотя я и сама, пожалуй, не уверена, что мне этого хочется, но...

— Сейчас я не имею права проявлять слабость, Эрмизад.

— Эрекозе, но ведь это не будет проявлением слабости!

— И все-таки...

Она отвернулась от меня и сказала тихим и каким-то очень странным голосом:

— Ну, хорошо, тогда отдохни хотя бы прямо здесь. Выспись в хорошей постели, чтобы чувствовать себя хорошо во время завтрашнего сражения. Я люблю тебя, Эрекозе. Я люблю тебя больше всех на свете. Я помогу тебе во всем, что бы ты ни решил сделать.

— Я ведь уже решил, что мне делать, — напомнил я ей. — И в этом ты мне помочь не можешь. — Голова у меня кружилась. Я совсем не хотел возвращаться в свой лагерь в таком состоянии, потому что они непременно решили бы, что меня подпоили, и перестали бы мне доверять. Лучше действительно переночевать здесь и встретиться со своими воинами в добром здравии. — Хорошо, я останусь на ночь, — сказал я. — Один.

— Как хочешь, Эрекозе. — Она пошла к двери. — Слуга покажет тебе, где спальня.

— Я буду спать здесь, — сказал я ей. — Пусть сюда принесут постель.

— Как хочешь.

— Приятно будет выспаться в настоящей постели, — сказал я. — Утром голова будет лучше варить.

— Надеюсь. Спокойной ночи, Эрекозе.

Неужели они знали, что именно в эту ночь сны вернутся снова? Неужели я стал жертвой тонкого коварства, на какое способны лишь эти загадочные существа?

Я лежал в постели, в элдренской столице, и мне снились сны.

Но снилось мне не то, как я пытаюсь отыскать свое настоящее имя. На этот раз у меня имени вообще не было. И мне оно было совсем не нужно.

Я смотрел, как кружится наша Земля, и видел ее обитателей, суетящихся на поверхности планеты подобно муравьям на вершине холма, подобно жучкам в гнилом пне. Я видел, как они сражаются друг с другом, уничтожают друг друга, заключают друг с другом мир, строят новые здания, чтобы снова начать разрушать их в следующей неизбежной войне. И мне показалось, что существа эти по уровню своего развития лишь немного отличаются от животных и что по какому-то капризу судьбы они обречены снова и снова совершать одни и те же ошибки. И я понял, что для них нет надежды на будущее — для этих несовершенных существ, застрявших где-то на середине пути между животными и Богами. Что это их судьба, как и у меня самого, — без конца вести войны и никогда не знать чувства удовлетворения. Те же парадоксы бытия, что мучили меня, мучили и всю мою расу в целом. Те вопросы, на которые я не находил ответа, в действительности и не имели ответа. Не было смысла в бесконечных поисках решения: его не существовало, и приходилось либо принимать данное, либо отвергать его. И так будет всегда. О, в этих существах было много такого, за что их стоило любить, но ненавидеть их было не за что. Как можно было их ненавидеть, если все их ошибки были

вызваны гримасой всемогущей судьбы, которая и сделала их такими — полуслепыми, полуглухими, полунемыми...

Проснувшись, я почувствовал необычайный покой в душе. А потом вдруг душой моей неумолимо завладел ужас — то были отголоски виденного мною во сне.

Неужели элдрены наслали на меня этот сон — благодаря своему колдовству?

Нет, я так не думал. Это был как раз тот сон, который иные сны, те, прежние, пытались от меня скрыть. В этом я был уверен. Это была та самая правда, которую я искал.

И это она привела меня в ужас.

То была не моя личная судьба — вести вечную войну, то была судьба всего моего народа. И, будучи его частью, его представителем, я тоже вынужден был вести вечную войну.

А я именно этого-то и стремился избежать. Мне невыносима была даже мысль о вечной войне, о моем участии в ней. И тем не менее, что бы я ни предпринимал, чтобы покончить с войной, довести дело до конца казалось практически безнадежным занятием. Итак, я мог совершить лишь одно...

Я отбросил эту мысль.

Но что мне оставалось?

Попытаться заключить мир? Посмотреть, сработает ли такой план? Дать элдренам возможность выжить?

Арджав выразил нетерпение, когда мы повели «беспочвенные разговоры». Но ведь и эти мои размышления тоже были беспочвенны. Раса людей поклялась уничтожить расу элдренов. После этого, разумеется, человеческие племена обратят свой гнев на самих себя, и начнутся вечные ссоры, вечные междоусобицы — как того требует их неумолимая судьба.

И все-таки — разве не стоит мне попробовать найти компромиссное решение?

Или же мне стоит с прежним рвением продолжать уничтожать элдренов, позволяя своему народу утолять жажду братоубийства? В какой-то степени я был уверен, что если в живых будет оставаться хоть горстка элдренов, людские племена будут держаться вместе. Перед лицом общего врага, по крайней мере, они будут в какой-то степени сохранять единство. Однако же мне не очень нравилась идея сохранить некоторое количество элдренов в живых — лишь для того, чтобы поддержать Человечество.

Я вдруг понял, что между данной мной клятвой и моим нежеланием вести войну нет никаких противоречий. Напротив, это были как бы две половинки единого целого. Тот сон просто помог мне соединить эти две половинки и увидеть все яснее.

Возможно, мне было дано некое весьма сложное объяснение ситуации. Впрочем, этого я никогда не узнаю. Я чувствовал, что прав, хотя, возможно, обстоятельства докажут обратное. В конце концов мне стоит попробовать...

Я сел в постели, потому что в комнату вошел слуга, который принес мне умыться и мою собственную одежду, выстиранную и выглаженную. Я привел себя в порядок, и тут в дверь постучали.

Это была Эрмизад. Она принесла мне завтрак и стала расставлять еду на столе. Я поблагодарил, и она как-то странно посмотрела на меня.

— Мне кажется, за прошедшую ночь ты переменялся, — сказала она. — В душе у тебя теперь больше покоя и целостности.

— Наверное, ты права, — сказал я ей, уплетая завтрак. — Сегодня мне снился совсем другой сон...

— И он был таким же страшным, как и остальные?

— В какой-то степени даже более страшным, — сказал я. — Но на этот раз передо мной не ставились вопросы. Напротив, мне было предложено некое решение.

— И ты чувствуешь, что в тебе есть силы для сражения...

— Можно сказать и так. Я думаю, что в интересах нашей расы мы должны заключить с элдренами мир. Или, по крайней мере, объявить длительное перемирие...

— Ты понял наконец, что мы не представляем для вас опасности.

— Как раз наоборот, именно та опасность, что заключена в вашем существовании для моей расы, и делает само ваше существование столь необходимым. — Я улыбнулся, припоминая какой-то давно известный афоризм. — Если бы вас не было, вас следовало бы изобрести.

Светлая улыбка озарила ее лицо.

— Мне кажется, я тебя понимаю.

— И я намерен изложить свои мысли королеве Иолинде, — сказал я. — Я надеюсь, что мне удастся убедить ее, что это в наших же интересах — положить конец войне с элдренами.

— А каковы твои условия?

— Не вижу необходимости обсуждать эти условия с тобой, — сказал я ей. — Мы просто перестанем вести военные действия и уберемся восвояси.

— Неужели это будет так просто? — засмеялась она.

Я с подозрением посмотрел на нее, несколько засомневавшись было, но потом решительно тряхнул головой:

— Может быть, и нет. Но я должен попробовать.

— Ты вдруг стал очень разумным, Эрекозе. Я очень этому рада. Значит, ночь, проведенная здесь, пошла тебе на пользу...

— А может быть, на пользу и всем элдренам...

— Может быть, — снова улыбнулась она.

— Я постараюсь как можно скорее вернуться в Некранал и переговорить с королевой Иолиндой.

— И если она согласится с твоим планом, ты на ней женишься?

Я почувствовал, как у меня подгибаются колени. С трудом я выговорил:

— Я должен это сделать. Все может пойти прахом, если я этого не сделаю. Ты меня понимаешь?

— Я полностью понимаю тебя, — сказала она и улыбнулась сквозь слезы.

Через несколько минут в комнату вошел Арджав, и я рассказал ему о том, что собираюсь делать. Он воспринял мое решение с куда большим скептицизмом, чем Эрмизад.

— Ты не веришь, что я действительно намерен сделать это? — спросил я его.

Он пожал плечами:

— Я полностью доверяю тебе, Эрекозе. Но не думаю, что элдрены смогут выжить.

— Но почему? Может быть, ты боишься какой-нибудь болезни? Чего-то такого, что свойственно только вашим организмам?..

— Нет, нет, — он коротко засмеялся. — Просто я думаю, что ты предложишь заключить перемирие, а люди не позволят тебе его заключить. Твой народ будет удовлетворен лишь тогда, когда все элдрены до единого исчезнут с лица Земли. Ты сказал, что судьба людей — воевать вечно. А не может ли быть, что втайне они ненавидят элдренов именно потому, что те самым своим присутствием мешают им вести себя так, как они бы того хотели, — я имею в виду их войны друг с другом. Может быть, это всего лишь передышка, пауза в этих войнах, за время которой они хотели бы нас уничтожить? И если они не уничтожат нас теперь, то все равно сделают это очень скоро, вне зависимости от того, будешь ты во главе их войска или нет.

— И все-таки я должен попробовать... — сказал я.

— Ну конечно, попробуй. Но они заставят тебя выполнить твою же клятву, уверен.

— Иолинда умна. Если она прислушается к моим доводам...

— Она одна из них. Сомневаюсь, что она вообще стала бы тебя слушать. Ум не имеет ничего общего с... Вчера вечером, когда я так просил тебя, я был не в себе, меня охватило отчаяние лишь от одной мысли о том, что мира не будет никогда.

— Я должен попытаться.

— Надеюсь, тебе это удастся.

Может быть, конечно, я был во власти элдренских чар, но это вряд ли. Я бы сделал все, что в моих силах, чтобы мир вновь воцарился на истерзанных землях Мернадина, хотя это и означало бы, что я никогда не увижу больше своих элдренских друзей... никогда не увижу Эрмизад...

Я выбросил эти мысли из головы и решил больше не думать об этом.

Тут в комнату вошел слуга. Мой вчерашний спутник, гонец, а вместе с ним несколько военачальников, включая графа Ролдеро, ожидали перед воротами города, почти уверенные, что элдрены убили меня.

— Им достаточно лишь взглянуть на тебя, — прошептал Арджав. Я кивнул и вышел из комнаты.

Подойдя к крепостной стене, я услышал вопли гонца:

— Мы боимся, что вы проявили чудовищное коварство. Покажите нам лорда Эрекозе — или его труп! — Он помолчал. — Тогда мы сами решим, что нам делать дальше.

Арджав и я поднялись по лестнице на стену. Я сразу заметил, что гонец повеселел, увидев меня живым и невредимым.

— Я вел переговоры с принцем Арджавом, — сказал я. — Я долгое время провел в раздумьях. Наши люди чрезвычайно устали от бесконечной войны, а элдренов осталось совсем немного — ведь это последний их незахваченный город. Мы можем взять Лус Птокаи штурмом, но я не вижу в этом смысла. Давайте проявим великодушие победителей, давайте объявим перемирие.

— Перемирие, лорд Эрекозе? — граф Ролдеро изумленно вытаращил глаза. — Неужели ты лишишь нас последней и заслуженной победы? Последней и самой сильной радости? Нашего величайшего триумфа? Мир, надо же!

— Да, — сказал я, — мир. А теперь ступайте назад. Сообщите войску, что я жив.

— Мы легко можем взять этот город, Эрекозе, — крикнул мне Ролдеро. — К чему все эти разговоры о мире? Мы можем раз и навсегда уничтожить элдренов. Неужели же ты вновь поддался их проклятым чарам? Неужели они вновь заморочили тебя своими сладостными речами?

— Нет, — ответил я ему, — я сам первым предложил заключить перемирие.

Ролдеро от отвращения даже сплюнул.

— Мир! — и подал знак своим сопровождающим возвращаться в лагерь. — Наш Герой, видно, сошел с ума!

Арджав задумчиво поскреб подбородок:

— Ну вот, я вижу, у тебя уже начались неприятности.

— Они боятся меня, — сказал я ему, — и они мне подчинятся. Они станут мне подчиняться — по крайней мере, пока.

— Что ж, будем на это надеяться, — сказал Арджав.

Глава XXIV

Расставание

На этот раз в Некранале меня не встречали радостные толпы — слухи о моем новом решении меня опередили. Люди с трудом могли поверить этому, но, поверив, оказывались жестоко разочарованными мною. Они считали, что с моей стороны это проявление слабости.

С тех пор как Иолинда стала королевой, я не видел ее. Вид у нее был весьма высокомерный, когда она проследовала через тронный зал мне навстречу.

В душе я даже немножко посмеялся. Я чувствовал себя примерно как давний отвергнутый поклонник, который спустя много лет явился посмотреть на объект своего поклонения и увидел, что дама замужем и проявляет весьма неприятные свойства характера. В какой-то степени я даже почувствовал облегчение...

Однако это длилось недолго.

— Что ж, Эрекозе, — сказала она, — я знаю, зачем ты здесь, знаю, почему ты предал свои войска, нарушил данное мне слово — свою клятву уничтожить всех элдренов до конца. Каторн все рассказал мне.

— Каторн здесь?

— Он примчался сюда сразу же, как увидел тебя в окружении твоих элдренских друзей на стенах Лус Птокаи: ты делал свое предательское заявление о мире!

— Иолинда, — я старался говорить как можно убедительнее, — я убежден, что элдрены чрезвычайно измотаны войной. У них никогда не было даже намерения угрожать безопасности Двух Континентов. Единственное, к чему они стремятся, это мир.

— Да, у нас воцарится мир. Когда раса элдренов будет стерта с лица Земли!

— Иолинда, если ты любишь меня, по крайней мере, выслушай!

— Что? Если я люблю тебя? А как же лорд Эрекозе? Разве он по-прежнему любит свою королеву?

Я открыл было рот, но не смог сказать ни слова.

Вдруг в глазах ее заблестели слезы.

— О, Эрекозе... — теперь она говорила куда нежнее и тише, — неужели все это правда?

— Нет, — сдавленным голосом сказал я. — Я все еще люблю тебя, Иолинда. Мы с тобой станем мужем и женой...

Но она уже поняла. Раньше она только подозревала, но теперь знала твердо. И все же, если окончательный мир зависит лишь от того, как я буду вести себя с ней, то я готов был продолжать лгать, притворяться, уверять ее в неизменности моей страстной любви к ней, жениться...

— Я по-прежнему хочу, чтобы ты стала моей женой, Иолинда.

— Нет, — возразила она. — Нет. Этого ты не хочешь.

— Но я женюсь на тебе, — в отчаянии воскликнул я, — как только дело дойдет до мирных переговоров с элдренами!..

И снова ее огромные глаза сердито сверкнули:

— Ты оскорбляешь меня, лорд Эрекозе! Только не при этих условиях. Нет. Никогда! Ты виновен в государственной измене, в измене всему Человечеству! Все уже говорят о тебе только как о предателе.

— Но ведь я же завоевал для них целый континент! Я захватил Мернадин!

— Кроме Лус Птокаи, где тебя ждет эта твоя элдренская ведьма, эта шлюха!

— Иолинда! Это неправда!

Но это была правда.

— Ты несправедлива... — начал было я.

— Ты самый настоящий предатель! Стража!

И тут же, словно они стояли за дверьми наготове, в комнату ворвались человек двенадцать из королевской гвардии во главе с лордом Каторном. В глазах его светилось торжество, и я окончательно уверился в причине его постоянной ненависти ко мне: он всегда мечтал заполучить Иолинду.

Потом я понял, что даже если я успею выхватить меч, то он все равно постарается немедленно убить меня.

Но меч я все-таки выхватил. Меч Канаяну. Сверкнула сталь, и блеск ее отразился в черных глазах Каторна.

— Взять его, Каторн! — крикнула Иолинда. Голос у нее сорвался от ярости. Я предал ее. Я не смог стать той силой, которая была столь необходима ей. — Взять его! Живым или мертвым! Он предал свой собственный народ!

Для нее я был предателем. Она действительно была уверена в этом. И именно поэтому я должен был умереть.

Но я все еще надеялся хоть что-то спасти.

— Это несправедливо... — начал снова я, но Каторн уже осторожно подбирался ко мне, сзади него полукругом надвигались гвардейцы. Я прислонился спиной к стене возле окна. Тронный зал находился невысоко. За окном были личные сады королевы. — Подумай, Иолинда, — сказал я. — Прикажи им остановиться. Тобой движет ревность. Я не предатель.

— Убей его, Каторн!

Но это я убил Каторна. Когда он с искаженным ненавистью лицом бросился на меня, мой меч, сверкнув в воздухе, обрушился прямо на это лицо. Он дико вскрикнул, споткнулся, стремительно поднес к лицу руки и вдруг как бы съежился в своих позолоченных доспехах, а потом с грохотом рухнул на каменные плиты пола.

Он был первым человеком, которого я вынужден был убить.

На меня набросились и остальные гвардейцы, но с куда меньшим рвением. Я выбил у нескольких из них мечи, еще парочку убил, отогнал остальных назад, краем глаза заметив, что Иолинда наблюдает за мной с залитым слезами лицом, и отступил к подоконнику.

— Прощай, королева. Теперь ты окончательно утратила своего Героя.

И я выпрыгнул в окно.

Я приземлился прямо на розовые кусты, и шипы здорово исцарапали меня; выбравшись из их колючих лап, я бросился к воротам, гвардейцы преследовали меня по пятам.

Я рывком распахнул ворота и бросился по склону холма вниз, все дальше от дворца, на извилистые улочки Некранала. Гвардейцы не отставали, к ним присоединились толпы завывающих горожан, которые вообще понятия не имели, ни зачем я понадобился гвардейцам, ни кто я такой. Просто эта охота доставляла им удовольствие.

Итак, все сложилось наихудшим образом. Иолинда позабыла обо всем в тумане горя и ревности. И скоро из-за ее решения должно было пролиться куда больше крови, чем ей самой требовалось.

Я бежал, сперва не разбирая дороги, а потом свернул к реке. Я надеялся, что команда моего судна по-прежнему верна мне. Если это так, то какой-то шанс на спасение еще оставался. Я влетел на палубу корабля прямо перед носом у своих преследователей. И завопил:

— Отдать концы!

На борту оказалось не более половины команды. Остальные были на берегу, в тавернах и прочих увеселительных местах. Но матросы поспешно бросились исполнять мой приказ, сели на весла, и мы

вышли из порта, оставив у причалов и гвардейцев, и беснующуюся толпу.

Так началось наше бегство по реке Друнаа.

Им удалось подготовить корабль и послать его за нами вдогонку лишь спустя некоторое время, так что мы успели достаточно сильно оторваться. Команда не задавала мне никаких вопросов. Они привыкли к моему вечному молчанию, к моим, порой совершенно неожиданным, поступкам. Но примерно через неделю после того, как наш корабль вышел в море и взял курс на Мернадин, я кратко сообщил своей команде, что теперь являюсь изгнанником.

— Но почему, лорд Эрекозе? — изумился капитан. — Это ведь несправедливо...

— Да, это несправедливо, мне тоже так кажется. Можете назвать это вероломством королевы. Я подозреваю, что Каторн что-то наплел ей про меня, вызвав столь сильную ненависть ко мне.

Такое объяснение, видимо, вполне их удовлетворило, а когда мы причалили в небольшой гавани близ Долины Тающих Льдов, я распрощался с ними, вскочил на коня и погнал его в сторону Лус Птокаи, не зная даже, что именно предприму, когда доберусь туда. Я хорошо знал лишь одно: непременно нужно было дать знать Арджаву, как обернулись дела.

Они тогда были правы. Племя людей не позволило мне проявить милосердие.

Команда попрощалась со мной очень тепло. Они, пожалуй, даже полюбили меня. Они еще не знали, не знал этого и я, что вскоре все они из-за меня будут убиты.

Теперь я стремился лишь поскорее добраться до Лус Птокаи. Я змеей прополз мимо того огромного лагеря, который мы разбили, намереваясь осадить город, и ночью проник в столицу элдренского государства.

Арджав вскочил с постели, узнав, что я вернулся.

— Ну как, Эрекозе? — Он внимательно посмотрел на меня. И сказал: — Тебе ничего не удалось, не так ли? Ты гнал во весь опор, тебе даже пришлось сражаться, чтобы спасти свою жизнь? Что же произошло?

Я рассказал.

— Так, значит, совет наш оказался глупым, — вздохнул он. — Теперь тебе придется умереть вместе с нами.

— Лучше уж это, — откликнулся я.

Прошло два месяца. Два зловещих месяца в Лус Птокаи. Племя людей не стало сразу штурмовать город, и вскоре выяснилось, что они ждут указаний от королевы Иолинды. Она же, по всей видимости, отказывалась принимать решение.

Такая бездеятельность сама по себе уже угнетала.

Я часто поднимался на крепостные стены и смотрел на огромный лагерь внизу, надеясь, что сражение наконец начнется и быстро закончится. Легче мне становилось только в присутствии Эрмизад. Теперь мы уже признались в любви друг к другу.

Я жаждал спасти ее, потому что она стала мне слишком дорога.

Хотелось спасти и ее, и себя, и всех жителей Лус Птокаи, именно потому, что я жаждал всю жизнь прожить с ней рядом. Мне вовсе не нравилась мысль о смерти.

В отчаянии я без конца строил различные планы того, как нам противостоять чудовищной военной силе, что ждала своего часа, но все мои планы оказывались совершенно нелепыми и безнадёжными.

И вдруг в один прекрасный день я вспомнил.

Я вспомнил тот разговор, который произошел у нас с Арджавом на горном плато, когда он победил меня в поединке.

Я отправился искать его и нашел в кабинете. Он что-то читал.

— Эрекозе? Они что же, начали штурм?

— Нет, Арджав. Но я помню, что однажды ты рассказывал мне о некоем древнем оружии, которое имелось у элдренов... которое есть у вас и сейчас.

— Что-что?

— О том древнем ужасном оружии, — повторил я. — Том самом, которое вы поклялись никогда более не использовать из-за его чудовищной разрушительной силы.

Он покачал головой:

— Только не это...

— Используй его всего лишь один раз, Арджав, — попросил я его. — Всего лишь покажи свою силу, ничего более. Тогда они, наверное, сразу согласятся обсудить условия перемирия.

Он захлопнул книгу.

— Нет. Они никогда не станут обсуждать с нами условия перемирия. Они скорее согласятся погибнуть. В любом случае, я не считаю, что даже в подобной ситуации можно думать о нарушении столь давней клятвы.

— Арджав, — сказал я, — я уважаю ваше нежелание использовать это оружие. Но чем дальше, тем сильнее я люблю элдренов. Я уже нарушил одну клятву. Позволь же мне нарушить и вторую — вместо тебя.

Он снова покачал головой.

— Ну тогда только скажи, что согласен, — продолжал я. — Если наступит тот час, когда я пойму, что мы неизбежно должны использовать это оружие, позволь мне — вместо тебя — принять это страшное решение. Пусть ответственность за это падет на мою голову.

Он испытующе посмотрел на меня. Его сплошь голубые глаза, казалось, пронзали меня насквозь.

— Может быть, — сказал он.

— Арджав... ты сделаешь это?

— Мы, элдрены, никогда не действовали под влиянием своих чувств и страстей — в отличие от вас, людей. Во всяком случае, мы никогда бы не смогли уничтожить целый народ во имя собственного спасения, Эрекозе. Так что не смешивай наши духовные ценности с человеческими.

— Я и не смешиваю, — ответил я. — Это ведь моя собственная инициатива, я первым заговорил об этом оружии. Я не смогу вынести, если ваша благородная раса будет дотла уничтожена скотами, что расположились лагерем у ваших стен!

Арджав встал и поставил свою книгу обратно на полку.

— Иолинда сказала правду, — промолвил он тихо. — Ты предал свой собственный народ.

— Народ — слово, в общем-то, довольно неопределенное и бессмысленное. Ведь именно вы с Эрмизад призывали меня к тому, чтобы я стал личностью. Я уже выбрал, с кем мне быть и оставаться.

Он закусил губу.

— Ну что ж...

— Я хочу лишь одного: остановить это безумие, — сказал я.

Принц стиснул свои тонкие бледные руки.

— Арджав, я прошу тебя во имя той великой любви, которую мы с Эрмизад испытываем друг к другу. Во имя той великой дружбы, которой ты одарил меня. Во имя жизни всех элдренов. Я умоляю тебя, позволь мне принять необходимое решение относительно этого оружия, если в том возникнет необходимость.

— Из-за Эрмизад? — он поднял свои тонкие брови. — Из-за тебя самого? Из-за меня? Из-за моего народа? Не во имя мести?

— Нет, — тихо сказал я. — Не думаю, чтобы я стал мстить.

— Ну, хорошо. Я предоставляю тебе право принять это решение. Думаю, что это справедливо. Я тоже не хочу умирать. Но помни: нельзя действовать так необдуманно, как это часто делаете вы, люди.

— Я буду помнить это, — пообещал я.

И, по-моему, я свое обещание сдержал.

Глава XXV

Штурм

Так проходил день за днем, пока не стало холодать: приближалась зима. Если зима успеет наступить, то мы пока спасены, ибо нужно быть дураком, чтобы до самой весны вести столь тяжкую и длительную осаду.

Видимо, они тоже это понимали. Иолинда все-таки должна была принять какое-то решение. И она отдала приказ штурмовать Лус Птокаи.

Я уже знал, что после длительных споров и перебранок между собой военачальники выберут кого-то одного — одного из наиболее опытных, чтобы он сыграл роль их Героя.

И они избрали графа Ролдеро.

И начали готовиться к штурму.

Были использованы все виды осадного оружия, включая гигантскую пушку под названием Огненный Дракон. Таких пушек у них было несколько — чудовищные, черные, украшенные литьем с изображениями свирепых морд.

К стенам города подъехал верхом сам Ролдеро, и герольд возвестил о его прибытии. Я поднялся на городскую стену, чтобы переговорить с ним.

— Здравствуй, предатель Эрекозе! — крикнул он. — Мы решили наказать тебя — а заодно и всех элдренов, что прячутся за этими стенами. Мы непременно сотрем вас всех в порошок, но тех, кого захватим в плен, постараемся умертвить медленной смертью.

Глубокая печаль охватила меня.

— Ролдеро, — зывал я к нему, — мы ведь некогда были друзьями. Может быть, ты даже был моим единственным настоящим другом. Мы с тобой вместе пили, сражались, шутили... Мы с тобой были товарищами, Ролдеро, настоящими боевыми товарищами.

Его конь взвился на дыбы и ударил копытами.

— Все это было очень давно, — сказал он, не глядя на меня. — Сто лет назад.

— Всего лишь чуть больше года назад, Ролдеро...

— Но мы больше уже не друзья с тобой, Эрекозе. — Он посмотрел вверх, на стену, прикрывая глаза от солнца рукой в латной перчатке. Я заметил, что лицо его сильно постарело, на нем прибавилось немало новых шрамов и рубцов. Разумеется, и сам я выглядел иначе, чем прежде. — Мы с тобой очень разные, слишком разные, Эрекозе. — И Ролдеро, натянув поводья, развернул коня, с яростью вонзил ему в бока шпоры и помчался назад, в свой лагерь.

Теперь ничего не оставалось, как сражаться.

Огненные Драконы изрыгнули в стены крепости свои страшные снаряды. Зажигательные бомбы из захваченной артиллерии элдренов со свистом посыпались на улицы города. За ними следом в воздух взметнулись тучи стрел.

И затем многотысячная армия ринулась на штурм Лус Птокаи, защищаемого лишь горсткой элдренов.

Мы пытались вести ответный огонь с помощью оставшейся в нашем распоряжении артиллерии, но снарядов у нас было маловато, так что приходилось рассчитывать главным образом на лучников, которым и довелось принять на себя первый удар противника.

И нам все-таки удалось отразить первую атаку — после десяти часов сражения. Они отступили.

Но на следующий день и потом они продолжали атаковать, а Лус Птокаи, древняя столица Мернадина, и не думала сдаваться.

Отряд за отрядом вопящие и улюлюкающие воины карабкались на стены, а мы отвечали сверху

градом стрел, расплавленным металлом и изредка выстрелами из элдренских огнеметов. Мы и сами сражались в первых рядах, Арджав и я, и каждый раз, как кто-нибудь из людей внизу замечал меня, вой и крики усиливались: они жаждали мести, каждый мечтал первым вонзить свой меч в мою грудь.

Мы бились с Арджавом как братья, бок о бок, однако наши воины-элдрены начинали уставать, и после недели непрерывных боев мы уже понимали, что вскоре будем не в состоянии сдерживать этот чудовищный натиск противника.

В ту ночь, после того как Эрмизад ушла спать, мы еще долго сидели вдвоем. Мы растирали свои ноющие от усталости руки и ноги, но говорили совсем мало.

— Скоро нам всем конец, Арджав, — заговорил я наконец. — Умрем и ты, и я. И Эрмизад. И все остальные элдрены.

Он продолжал массировать плечо, пытаясь немного расслабить будто сведенные судорогой мышцы.

— Да, — сказал он. — Это произойдет скоро.

Я рассчитывал, что он сам заговорит о том, что готово было сорваться у меня с языка, но он так и не заговорил.

На следующий день, чуя близкую победу, воины Человечества повели атаку еще более яростную. Они ближе подкатили своих Огненных Драконов, и те стали методично обстреливать главные крепостные ворота.

Я видел, как Ролдеро верхом на своем огромном вороном жеребце лично руководил этой операцией, и что-то в его поведении заставило меня осознать, что он абсолютно не сомневается в победе и намерен сокрушить нашу защиту еще до исхода дня.

Я повернулся к стоявшему рядом со мной Арджаву и уже хотел было начать разговор, но тут Огненные Драконы все одновременно изрыгнули свои страшные заряды прямо в ворота города. Левая створка огромных металлических ворот оказалась сильно поврежденной этим мощным залпом. Ворота еще держались, но было совершенно очевидно, что они падут при следующем подобном ударе артиллерии.

— Арджав! — крикнул я. — Мы немедленно должны воспользоваться вашим древним оружием. Мы должны вооружить наших элдренов!

Лицо его было смертельно бледным, но он отрицательно покачал головой.

— Арджав! Мы должны это сделать! Еще час от силы, и нас сметут вместе с городскими стенами! А еще часа через три от нас и следа не останется на этой Земле.

Он посмотрел туда, где стоял Ролдеро, дававший указания артиллеристам, и на этот раз мне не возразил.

— Хорошо, — кивнул он. — Я согласился тогда с тем, чтобы последнее решение осталось за тобой. Пошли.

И он повел меня вниз.

Я надеялся лишь на то, что он не переоценил силу своего оружия.

Арджав привел меня в подвалы, лежавшие в самом сердце крепости. Мы шли по пустым коридорам со стенами из полированного черного мрамора, освещенным маленькими фонариками, светившимися зеленоватым светом. Наконец мы оказались перед дверью из неведомого мне темного металла, и Арджав нажал на какой-то рычаг рядом с ней. Дверь отворилась, и мы вошли в кабину лифта, который повез нас куда-то еще глубже под землю.

В который раз уже я не мог скрыть изумления: ведь элдрены явно отказались от всех этих технических чудес и удобств во имя некоей странно понимаемой ими справедливости.

Потом мы вышли и оказались в большом зале, полном загадочных машин, содержащихся в таком порядке, словно они только что были изготовлены. Ряды механизмов тянулись, по крайней мере, на

полмили вперед.

— Вот это оружие, — глухо сказал Арджав.

Вокруг повсюду на стенах было развешено немыслимое количество ручного автоматического оружия, винтовок, чего-то, с точки зрения Джона Дэйкера, очень напоминавшего противотанковые гранатометы, и так далее. Там стояли машины, очень похожие на полицейские вездеходы на гусеничном ходу или на танки сверхобтекаемой формы, с прозрачными кабинами на одного человека и очень удобными сиденьями, на которых водитель мог практически лежа управлять движением. Я с удивлением заметил, что там не было ни одного летательного устройства, или, может быть, я просто не разобрался, какие из них способны летать. А потому я задал этот вопрос Арджаву.

— Летающие машины! Было бы интересно, если бы кто-нибудь изобрел их. Но не думаю, что такое возможно. За всю нашу историю нам никогда не удавалось создать машину, которая смогла бы достаточно долго продержаться в воздухе.

Я был поражен столь странным недостатком в развитии их технологии, но никак не стал это комментировать.

— Ну вот, теперь ты видел все эти устрашающие механизмы, — сказал Арджав. — Неужели ты по-прежнему хочешь их использовать?

Но он, конечно же, считал, что подобное оружие мне совершенно неведомо. А ведь все это, в общем-то, не так уж сильно отличалось от боевого оружия, известного Джону Дэйкеру. А уж в снах моих появлялись и куда более странные виды оружия.

— Надо подготовить все это к бою, — сказал я ему.

Мы вернулись наверх и приказали воинам доставить оружие на поверхность.

Ролдеро уже удалось пробить одну из створок ворот, и пришлось выставить дополнительную артиллерию специально для их защиты, однако воины человечества напирали, и кое-где близ ворот уже завязывались рукопашные схватки.

Опускалась ночь. Я надеялся, что, несмотря на несомненный успех, с наступлением темноты войска людей все-таки отойдут на прежние позиции, дав нам тем самым время на подготовку. Сквозь пробитую в воротах дыру я видел, как Ролдеро отдавал приказания своим солдатам, явно надеясь закрепить достигнутый успех до наступления темноты.

Я послал к воротам подкрепление.

Я уже начинал сомневаться в справедливости моего собственного решения.

Может быть, Арджав был все-таки прав и это преступление — выпускать на волю столь могучую огненную силу? Но потом я подумал: «А не все ли равно? Лучше, наверное, уничтожить их всех и половину планеты в придачу, чем позволить им уничтожить красоту мира — элдренов».

Я даже как-то вынужденно улыбнулся собственным мыслям. Арджаву очень не понравились бы подобные рассуждения: они были ему совершенно чужды.

Увидев, что Ролдеро привел новые силы к прорыву в воротах, я вскочил в седло ближайшей лошади и ринулся на помощь защитникам.

Я выхватил свой ядовитый меч Канаяну, я издал свой боевой клич — тот самый, что еще совсем недавно так поднимал дух тех людей, которых я вел в атаку! Они услышали его и, по-моему, были несколько ошеломлены.

Я гнал коня, не разбирая пути ни среди своих, ни среди чужих, пока не оказался прямо перед самим Ролдеро. Он изумленно воззрился на меня и осадил коня.

— Станешь биться со мной, Ролдеро? — спросил я его.

— Ну да, предатель, конечно стану, — пожал он плечами.

И он, намотав поводья на луку седла и ухватившись обеими руками за рукоять меча, обрушил на меня

удар такой неимоверной силы, что я еле успел пригнуться. Меч просвистел у меня над головой.

Повсюду вокруг нас у разрушенных стен Лус Птокаи люди и элдрены отчаянно сражались в меркнувшем свете — не на жизнь, а на смерть.

Ролдеро устал, наверное, устал сильнее, чем я, но бился он упорно, и мне так и не удавалось преодолеть его защиту. Его меч ударил меня по шлему, голова у меня закружилась, я обернулся и постарался тоже нанести ему удар. Мой шлем удержался у меня на голове, а вот его свалился на землю. Он совершенно поседел с тех пор, как я в последний раз видел его без шлема.

Лицо его побагровело, глаза сверкали, рот был угрожающе оскален. Он попытался ударить меня прямо в забрало, но я успел наклонить голову, и он, не удержавшись, завалился вперед, а я тут же направил меч ему в грудь. И ударил.

Он застонал, весь гнев, казалось, улетучился из его глаз, когда он, задыхаясь, прошептал:

— Ну вот, Эрекозе, теперь мы снова сможем стать друзьями... — и умер.

Я смотрел на него, скрючившегося в седле, и вспоминал его доброту, вино, которое он присылал мне, чтобы я мог заснуть, советы, которые он пытался мне давать. А еще — как он столкнул тогда мертвого короля на землю из седла. И все-таки граф Ролдеро был хорошим человеком. Хорошим человеком, которого ход истории заставил вершить злые дела.

Его черный жеребец повернулся и медленно потрусил прочь, к видневшейся вдали палатке графа.

Я поднял меч, как бы отдавая Ролдеро последние почести, а потом крикнул наступающим:

— Эй, воины Человечества, смотрите! Ваш Великий Герой мертв!

Закат догорал.

Люди начинали отступать, поглядывая в мою сторону с ненавистью, а я смеялся над ними, потому что напасть на меня они не решались — ведь окровавленный меч Канаяна был по-прежнему у меня в руке.

Один из них, однако, ответил на мои насмешки:

— Мы отнюдь не обезглавлены, Эрекозе, если ты надеешься именно на это! У нас есть наша королева, и она вдохновит нас на дальнейшие сражения. Она прибыла в лагерь, чтобы завтра стать свидетельницей твоего поражения!

Итак, среди осаждающих город была Иолинда!

Я несколько мгновений подумал и крикнул в ответ:

— Передай своей госпоже, чтобы она завтра прибыла к городским стенам. На рассвете. Для кратких переговоров.

В течение всей ночи мы трудились над укреплением поврежденных ворот и установкой нового оружия. Боевые машины были установлены во всех подходящих местах, а воины-элдрены вооружились автоматами и винтовками.

«Интересно, — думал я, — получила ли Иолинда мое приглашение на переговоры? И решится ли она прийти?»

Она пришла. Она явилась в сопровождении всех оставшихся в живых военачальников, сверкающих своими дурацкими доспехами. Сейчас эти блестящие латы казались особенно нелепыми перед лицом древнего оружия элдренов.

Одну из огромных пушек мы поставили жерлом вверх на самом виду — чтобы иметь возможность продемонстрировать ее чудовищные возможности.

До нас долетел голос Иолинды:

— Здравствуйте, элдрены! Здравствуй и ты, их любимец, их игрушка в человеческом обличье! Ну что, он уже многому у вас научился?

— Здравствуй, Иолинда, — сказал я, появляясь перед ней. — Ты, кажется, начинаешь следовать

примеру отца и проявлять склонность к сварливым оскорблениям. Давай лучше не тратить времени даром.

— Я уже трачу время даром, — заявила она. — Сегодня мы намерены смешать вас с землей.

— Может быть, этого и не произойдет, — сказал я. — Потому что мы предлагаем вам мир.

Иолинда во весь голос рассмеялась:

— Это ты, предатель, предлагаешь нам мир! Да ты и должен был бы молить нас об этом! Но мира ты никогда не получишь!

— Я предупреждаю тебя, Иолинда, — вскричал я в отчаянии, — я предупреждаю вас всех, воины! У нас есть совершенно новое оружие. Оружие, способное уничтожить даже саму Землю! Вот, смотрите!

И я отдал приказ выстрелить из огромной пушки.

Элдрен-артиллерист выполнил мое приказание.

В жерле пушки послышалось глухое ворчание, и почти сразу оттуда вылетел ослепительный сгусток огня. Нам, стоявшим неподалеку, жар выстрела даже слегка опалил кожу, и мы отшатнулись, прикрывая глаза.

Пронзительно заржали лошади. Лица военачальников посерели, они хватали воздух ртами. Они с трудом сдерживали своих коней. И только Иолинда прямо сидела в седле, явно храня спокойствие.

— Вот чем мы ответим вам, если вы не согласитесь на мир, — крикнул я. — У нас таких больше десятка, а есть еще и другие, но не менее мощные. Есть и обычные пушки, способные, однако, одним выстрелом поразить не менее сотни человек. Что ты скажешь теперь?

Иолинда вскинула голову и посмотрела прямо на меня.

— Мы будем биться, — сказала она.

— Иолинда, — молил я ее, — ради нашей былой любви, ради твоей собственной жизни — прекрати бессмысленное кровопролитие! Мы не причиним вам вреда. Вы сможете вернуться домой — все! И до конца своей жизни жить в мире и спокойствии. Я говорю чистую правду.

— Мир и спокойствие! — горько рассмеялась она. — Мир и спокойствие рядом с оружием такой силы!

— Ты должна верить мне, Иолинда!

— Нет, — сказала она. — Люди будут сражаться до конца. Нам покровительствуют Великие Добрые Боги, и мы непременно победим! Мы должны положить конец этому колдовству, а сегодня мы видели самый отвратительный пример этого колдовства.

— Это не колдовство. Это научное достижение. Это точно такая же пушка, как у вас, только значительно более мощная.

— Колдовство! — теперь каждый тихонько повторял это слово. Эти дураки были действительно, пожалуй, самыми настоящими варварами.

— Если мы будем продолжать сражение, — сказал я, — то только до победного конца. Элдрены предпочли бы отпустить вас после того, как мы одержим победу. Но если мы одержим победу, я бы хотел очистить планету от вашего племени — точно так же, как вы поклялись очистить ее от элдренов. Используйте же свой шанс! Заключите с элдренами мир, будьте благоразумны!

— Что ж, если это так, то мы лучше умрем от ваших колдовских штук. Но мы умрем — сражаясь! — заявила Иолинда.

Я устал убеждать ее.

— Что ж, тогда давай с этим кончать, — сказал я.

Иолинда погнала коня прочь от города, и маршалы ее отправились готовить свои войска к новому штурму.

Я не видел, как погибла Иолинда. В тот день их погибло так много.

Они пошли на приступ, и мы их ждали. Они оказались беспомощны против нашего оружия. Сгустки чудовищного огня, вырывавшиеся из жерл пушек, сметали ряды людей с лица земли. Стреляя в них, все мы в душе страдали от невыносимой боли: гордых воинов, могучих боевых коней, целые отряды людей выстрелы из наших пушек обращали в прах.

Мы поступили именно так, как они и предсказывали. Мы уничтожили их всех до единого.

Мне было так жаль их, когда они шли и шли на приступ: то поистине были сливки Человечества.

Потребовался час, чтобы уничтожить миллион воинов.

Один час.

Когда побоище было закончено, я преисполнился странным чувством, которое и тогда не мог описать и теперь классифицировать тоже не могу. То была некая смесь скорби, облегчения и триумфа. Я оплакивал Иолинду. Она была где-то там, в этой гряде дымящихся костей и почерневшей плоти, превратившаяся в кусок пушечного мяса, утратившая всю свою красоту в один миг — как и жизнь, впрочем. «Что ж, хотя бы смерть ее была мгновенной, и это уже хорошо», — подумал я.

И именно тогда я принял окончательное решение. Хотя могу ли я с уверенностью сказать, что вообще принимал его? Разве я не для этого предназначался Судьбой?

А может быть, это было тем самым тяжким преступлением, о котором я говорил ранее? Может быть, именно такое преступление и повергло меня на тот путь, который я должен был пройти теперь?

Был ли я прав?

Несмотря на то что Арджав все время противился этому, я отдал приказ вывести боевые машины за крепостные стены Лус Птокаи и, усевшись в одну из них, повел их в бой.

И вот что я сделал дальше.

За два месяца до этого именно я возглавил завоевание городов Мернадина людьми. Теперь я отвоевывал их назад уже от имени элдренов.

Страшными были эти бои: я уничтожал людей — всех до единого, — если они там еще оставались.

Через неделю мы уже были в Панафаале, где стояли на якорях их корабли.

Я уничтожил и эти корабли, и их команды — вместе с семьями, женами и детьми. Пощады не было никому.

А потом, поскольку могучие боевые машины по большей части оказались амфибиями, я повел свои войска через море к Двум Континентам, хотя Арджав и Эрмизад за мной не последовали.

И пали их города — Нунос со своими чудными, украшенными самоцветами башнями, Таркар; дивные городки плодородных сельскохозяйственных долин — Сталако, Калодемия, Мурос, Нинадун. Были дотла сожжены Ведьма, Шилааль, Синан и многие другие. Города людей были стерты с лица Земли за несколько часов.

В Некранале, окутанной нежной дымкой столице Двух Континентов, возвышающейся на горе, было пять миллионов жителей, и все они умерли, а от самого города осталась лишь обугленная дымящаяся гора.

Но я действовал методично. Были уничтожены не только крупные города, но и деревни и даже отдельные фермы.

Я обнаружил, что кое-кто из людей пытался скрываться в пещерах. И пещеры эти были разрушены.

Я уничтожил леса, где они могли бы спастись от меня. Я стер с поверхности земли даже скалы, под которые они могли бы заползти.

Я бы, без сомнения, уничтожил каждую травинку, если б Арджав не примчался с того берега моря и не остановил меня.

Он был в ужасе от того, что я сотворил. Он умолял меня остановиться.

Я остановился.

Больше убивать было некого.

Мы вместе отправились назад, к побережью, на какое-то время задержавшись у дымящихся развалин, которые некогда назывались Некраналом.

— И ты сделал это из-за гнева одной женщины и любви другой? — воскликнул Арджав.

Я пожал плечами:

— Не знаю. Наверное, я сделал это ради того единственного варианта мира, который был возможен. Я слишком хорошо знаю людей — свою собственную расу. Эту Землю без конца сотрясали бы войны, подобные той. Мне пришлось выбирать, кто более достоин продолжать жить. Если бы они уничтожили элдренов, то, как ты и сам понимаешь, вскоре начали бы воевать друг с другом. И войны эти были бы совершенно бессмысленными. Они дрались бы из-за власти над себе подобными, из-за нескольких акров земли, из-за обладания женщиной, которая знать их не желает...

— Ты говоришь о них так, словно они еще живы, — тихо заметил Арджав. — Ты, Эрекозе, видно, до сих пор еще не осознал содеянного тобой.

— Но дело-то сделано, — вздохнул я.

— Да, — прошептал он. И сжал мою руку. — Пойдем, друг мой. Нам пора обратно, в Мернадин. Пусть вся эта мерзость останется здесь — там тебя ждет Эрмизад.

У меня даже чувств никаких не проснулось при этих словах: эмоции умерли во мне, я был пуст. И тупо последовал за Арджавом к берегу реки. Воды ее еле текли: они были завалены грудями черной сажки.

— Я думаю, что поступил правильно, — проговорил я. — То была даже не моя воля — ты ведь знаешь это — но воля кого-то свыше. Мне кажется, я именно для исполнения ее и был вызван в этот мир. Существуют такие силы, природы которых, мне кажется, мы не узнаем и не постигнем никогда. Они могут лишь являться нам во сне. Мне думается, что не Ригенос позвал меня сюда — нет, то была куда более могущественная воля. Но чья? Ригенос, как и я сам, был всего лишь марионеткой, инструментом, орудием. Нас обоих просто использовали. И судьбой была уже предreshена гибель Человечества на этой планете.

— Да, лучше, если ты будешь представлять себе это именно так, — сказал Арджав. — А теперь поехали домой.

Эпилог

Теперь шрамы страшных разрушений стали менее заметны, и хроника моя подходит к концу.

Я вернулся в Лус Птокаи, женился на Эрмизад, обрел, благодаря элдренам, знание вечного бессмертия и года два провел в размышлениях, пока разум мой не очистился.

Теперь я мыслю ясно. Я не испытываю вины за то, что совершил. Теперь я более, чем когда-либо, уверен, что это было не мое решение.

Возможно, это безумие? Возможно, я просто постарался рационально оправдать собственную вину? Если это так, то безумие мое меня не беспокоит, не разрывает мне душу, как те давние мои сны. Теперь подобные сны снятся мне очень редко.

Итак, мы живем вместе — Эрмизад, Арджав и я. Арджав, бесспорно, является правителем всей Земли. Земли, принадлежащей элдренам. А мы правим с ним вместе.

Мы очистили планету от людей. Я — последний представитель этого племени. И, будучи им, я чувствую, что мы направили развитие жизни здесь по верному пути, и теперь Земля гармонично сосуществует с остальными планетами во Вселенной. Ибо Вселенная стара, может быть, куда старше, чем я сам, и ей не под силу терпеть людей, нарушающих ее покой.

Правильно ли я поступил?

Вы должны сами судить об этом, где бы вы ни находились.

Мне же задавать подобный вопрос поздно. И теперь я научился достаточно владеть собой, чтобы больше не спрашивать себя об этом. Существует лишь один-единственный ответ, который я мог бы дать, но он, безусловно, полностью разрушил бы мой разум.

И все же одно удивляет меня. Если Время действительно имеет в какой-то степени циклический характер и та Вселенная, что мы знаем, когда-нибудь возродится снова и вступит в новый долгий период своего существования, то и Человечество когда-нибудь возродится на этой Земле, а тот народ, что принял меня в свое лоно, исчезнет или почти исчезнет.

И вы, те, кто читает эти строки, если вы ЛЮДИ, возможно, уже знаете ответ. Возможно, вам мой вопрос кажется наивным и вы смеетесь надо мной. Но у меня-то ответа нет. И я не могу себе ни одного даже вообразить.

Я не смогу быть праотцем новой человеческой расы, ибо мы с Эрмизад не можем иметь детей.

Так как же вы сумеете возродиться снова и нарушить своим присутствием гармонию Вселенной?

И буду ли я встречать ваше появление на Земле? Стану ли я снова вашим Героем или умру во время ваших сражений с элдренами?

Или же я умру раньше, а потом стану вожаком человеческих племен, которые станут править на Земле? Ничего не могу сказать.

Какое имя я буду носить, когда вы в следующий раз призовете меня?

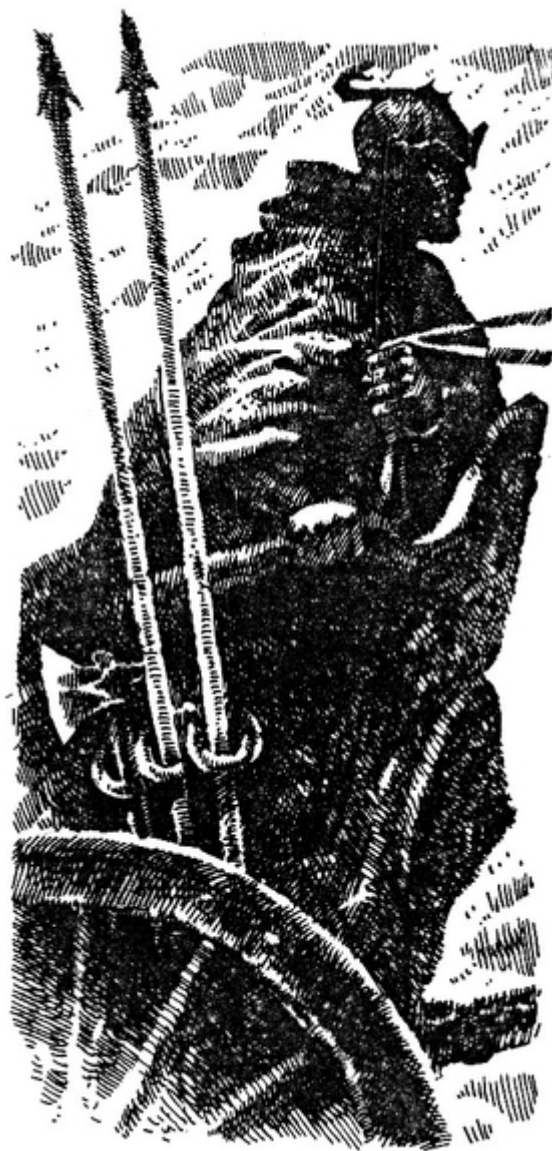
Сейчас Земля живет в мире. В воздухе разносятся лишь звуки тихих разговоров, негромкого смеха, да шуршат в зарослях мелкие зверьки. Мы и планета наша пребываем в покое.

Но как долго продлится этот покой?

О, как долго?

Майкл Муркок

Феникс в обсидановой стране

Пролог

...Ярко освещенная равнина без конца и края. Песок цвета расплавленного красноватого золота. Бледно-пурпурное небо. И только двое на этой пустынной равнине: мужчина и женщина. Мужчина, облаченный в старые погнутые доспехи, высок и строен, но лицо его с заострившимися чертами выглядит усталым и изможденным. Женщина прелестна: тоненькая, черноволосая, в одеждах из синего шелка. Мужчину зовут Исарда из Танелорна. У женщины имени нет.

Женщина:

Что Время и Пространство для Руки, удерживающей Космическое Равновесие? Пыль, прах, не более. Вот Она вырвала из Времени этот нынешний Век, и что же? Он тоже пройдет и канет в Небытие. Хранители

Закона ведут свою извечную войну с Повелителями Хаоса, и никто из них не может победить окончательно. Космическое Равновесие склоняется то в одну, то в другую сторону. И все вновь и вновь Рука уничтожает то, что сама же создавала, и начинает сызнова. И Земля меняется. Извечная Война — вот единственная постоянная в бесчисленных исторических циклах Земли, и она принимает самые невероятные формы и названия...

Исарда из Танелорна:

А что же люди, вовлеченные в эту борьбу? Удастся ли им хоть когда-нибудь постичь истинную суть своих притязаний?

Женщина:

Разве что иногда...

Исарда из Танелорна:

А сможет ли мир наш хоть когда-нибудь в отдаленном будущем успокоиться и отдохнуть от бесконечных перемен?

Женщина:

Мы никогда этого не узнаем, ибо нам не суждено увидеть Того, кто направляет Руку...

Исарда(растерянно):

Но все же, хоть что-то в этом мире постоянно...

Женщина:

Даже Река Времени по воле Космической Руки может замедлить или изменить свое течение. Нам не дано знать, какие формы примет будущее, как не дано удостовериться в правдивости нашей собственной истории. Может быть, мы существуем лишь в данное мгновение? А может, мы бессмертны и будем существовать вечно? Ничего нельзя утверждать с полной уверенностью, Исарда. Все знание — иллюзия, а цель его — в бессмысленности, бесцельности мира; и сам этот мир — просто звук, осколок, фрагмент некоей мелодии, заключенной в какофонию бряцающих аккордов. Все течет. Материя подобна этим вот драгоценным камням. (Женщина швыряет пригоршню сверкающих камней на золотистый песок, они рассыпаются вокруг. Когда последний из камней замирает, она поднимает глаза на мужчину.) Иногда они образуют некий узор, некую значимую форму, но чаще никакой. Точно так же обретает форму и любой момент Времени. Вот сейчас мы стоим с тобою здесь, беседуем. Но в любую секунду то, что составляет нашу сущность, может вновь рассыпаться, исчезнуть.

Исарда:

Нет, не рассыплется — если мы тому воспротивимся! Легенды рассказывают о людях, которые сумели обуздать Хаос, усилием своей воли заставили его принять конкретную форму. Твою страну создала Рука Оби, да и тебя самое тоже — как побочный продукт...

Женщина(задумчиво):

Может, и есть такие люди... Но они действуют против воли Того, кто их создал.

Исарда(немного помолчав):

Ну и что, даже если они и есть? Что они могут сделать?

Женщина:

Не знаю. Но я им не завидую.

Исарда*(очень тихо, глядя вдаль на золотистую равнину):*

Я тоже.

Женщина:

Говорят, что твой город Танелорн существует вечно. Говорят, это результат деятельности некоего Героя, благодаря которому город сумел невредимым пройти через все трансформации Земли. И еще говорят, что даже самый забитый и жалкий народ может обрести в Танелорне мир, покой и величие.

Исарда:

Но ведь известно, что такой народ сперва должен обрести волю, стремление к миру; только тогда его представители смогут отыскать Танелорн.

Женщина*(потупя взор):*

Не многим суждено это...

Книга первая

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Вчера всю ночь молился я
В агонии, в тоске и в муке.
То вскакивал, то падал вновь,
Гонимый сонмом страшных духов,
И призраков, и горьких дум,
Меня терзавших бесконечно:
То мрачный свет, то вопли толп,
То ощущение зла без меры
Преследовали до утра...
Такое выдержать смогли бы
Лишь те, кого еще вчера
Я презирал! Возмездья жажда
По-прежнему в груди горела;
Но бессилье воли
Не позволяло утолить ее...
Желанья, страсти, отвращенье
К вещам чудовищным и диким
Обуревали. Страсти и стремленья,
Ужасные фантазии, виденья
С ума сводили. Но все поглотили
Позор и стыд за те деянья,
Что совершил и что хотел бы скрыть,
Да тщетно, ибо сам не знал:
Я автор их иль сам их жертва...
И все напоминало мне
О сожаленье, о вине...
Моей? Иль чьей? Не ведал я...
Но страх ужасный, стыд тягчайший
Меня душили...

Глава I

О том, как возродилась Земля

Я познал горе, и я познал любовь, и, мне кажется, я знаю, что такое смерть, хотя и говорят, что я бессмертен. Мне не раз повторяли, что у меня особая Судьба, но какова она, я не знаю. Я знаю лишь, что навечно обречен быть игрушкой случая и совершать жалкие поступки.

Мое имя Джон Дэйкер. Есть у меня, вероятно, и другие имена. Некогда меня звали Эрекозе, Вечный Герой, и именно под этим именем я уничтожил человеческую расу, ибо она предала то, что я почитал своим идеалом, ибо я любил женщину другой расы, расы, которую я считал гораздо более благородной, расы, которая называлась элдрены. Женщину звали Эрмизад, и она не могла родить мне детей.

И вот, уничтожив собственный народ, я почувствовал себя счастливым.

Вместе с Эрмизад и ее братом Арджавом я правил элдренами, прекрасным и благородным племенем, существовавшим на Земле задолго до того, как там появился человек.

Те сны, что часто посещали меня ночами в первые годы жизни в этом мире, теперь тревожили меня все реже и реже, а проснувшись, я уже ничего не помнил. Когда-то сны эти ужасали меня, принуждая думать, что я сошел с ума. В них я пережил тысячи перевоплощений, всякий раз выступая в роли какого-нибудь воителя; но так и не узнал, какое из этих воплощений — мое истинное. Раздираемый самыми противоречивыми чувствами, чудовищными стрессами, я действительно некоторое время был почти безумен, ныне я это знаю точно.

Но теперь я свободен от бывшего безумия и посвятил себя восстановлению красоты, которую сам же разрушил во время своих военных кампаний в разных уголках Земли, сначала в качестве Героя и Защитника людей, а потом — элдренов.

Там, где когда-то прошли армии, мы посадили цветы и кустарники. Там, где когда-то высились башни городов, мы стали выращивать леса. И Земля вновь обрела покой и красоту.

И моя любовь к Эрмизад все более крепла.

Теперь я с любовью воспринимал каждую новую черточку ее характера, открывшуюся мне.

На Земле вновь воссияла гармония. И Эрекозе, Вечный Герой, Вечный Защитник, и Эрмизад, Великая Принцесса элдренов, были отражением этой гармонии.

Страшное, чудовищное оружие, которое мы использовали, дабы победить человечество, было теперь надежно спрятано, и мы поклялись никогда более не прикасаться к нему.

Города элдренов, стертые с лица Земли армиями людей (когда я предводительствовал ими), были теперь восстановлены, и ныне там на площадях играли и пели дети элдренов, а на улицах и террасах домов цвели цветы. Пышная растительность скрыла все шрамы, нанесенные Земле армиями людей. И элдрены забыли об этой расе, когда-то пытавшейся уничтожить их.

Только я помнил о людях, потому что люди когда-то призвали меня в этот мир для борьбы с элдренами. Но я предал человечество — и все мужчины, женщины и дети погибли. Река Друнаа стала тогда алой от их крови. И хотя она уже давно очистила свои воды, они не могли смыть чувства вины, которое все же временами меня охватывало.

И тем не менее я был счастлив. Мне казалось, что я никогда еще прежде не знал такого мира в душе, такого покоя.

Мы бродили с Эрмизад по улицам и крепостным стенам Лус Птокаи — столицы элдренов и никогда не уставали от общества друг друга. Иной раз мы пускались в обсуждение какой-нибудь тонкой философской проблемы, иной раз просто сидели в молчании, наслаждаясь напитанным ароматами цветов воздухом.

А если бывало подходящее настроение, один из изящных элдренских кораблей уносил нас в иные

края, дабы мы могли познать тамошние чудеса. Мы посетили Равнины Тающих Льдов, Горы Скорби, протянувшиеся на сотни миль леса и высокие холмы, долины Некралалы и Завары — земли, где некогда обитала человеческая раса. Но иногда меня охватывала непонятная меланхолия, и тогда мы ставили паруса и направляли свой корабль к третьему континенту Земли, южному континенту, именовавшемуся Мернадин, где с древнейших времен обитали элдрены.

Эрмизад старалась успокоить меня, помочь мне отогнать тяжкие воспоминания, избавиться от чувства стыда.

— Ты ведь знаешь, я верю в то, что все это было предопределено, — говорила она, глядя меня по щеке своей мягкой ладонью. — Человеческая раса стремилась уничтожить нашу. И это стремление погубило их. А ты был только орудием в руках Судьбы.

— И все же, — отвечал ей я, — разве я не обладаю свободой воли? Разве не было другого решения этой проблемы, кроме учиненного мной геноцида? Ведь раньше я надеялся, что человечество и элдрены могут жить в мире...

— И ты старался осуществить эту мечту. Но они и слушать об этом не желали! Они и тебя хотели уничтожить, точно так же, как и всех элдренов. Не забывай, что это им почти удалось, Эрекозе!

— Иной раз, — признавался я ей, — мне хочется вернуться в мир Джона Дэйкера. Когда-то мне казалось, что тот мир — чересчур сложный и тесный. Теперь же я понимаю, что в любом из миров существует то, что я более всего ненавижу, пусть даже в иных формах. Циклы Времени могут меняться, Эрмизад, но сущность человека — никогда. А именно эту сущность я и надеялся изменить. И проиграл. Видимо, такова моя судьба — пытаться изменить саму сущность Человечества — но безуспешно...

Однако, Эрмизад не принадлежала к человеческой расе и не могла до конца понять меня, хотя и старалась, и сочувствовала мне. Это было единственное, чего она не могла понять.

— Твоя раса обладала многими достоинствами, — говорила она. И сразу замолкала, хмурясь, не в силах высказать, что хотела.

— Да, но их достоинства превратились в свою противоположность. Так всегда с людьми. Юноша, ненавидящий бедность и убожество, стремился изменить мир к лучшему, но в итоге уничтожал то, что было прекрасно. Видя, как одни люди гибнут в нищете и отчаянии, он убивал других. Видя голод, он уничтожал урожай. Ненавидя тиранию, он душой и телом предавался величайшему тирану — войне. Ненавидя беспорядок, он изобретал разные способы его уничтожения, но в результате лишь приносил еще больший хаос. Любя мир, он подавлял знание, запрещал искусство, провоцировал конфликты и столкновения. Такова вся история Человечества — это непрекращающаяся трагедия, Эрмизад.

И в ответ она тихо целовала меня и замечала:

— И теперь сыгран последний акт этой трагедии.

— Да, кажется, так. Ибо элдрены умеют жить в мире и спокойствии и сохранять свою жизненную силу. И все же мне иной раз кажется, что эту трагедию все еще играют — может быть, тысячи раз, в разных постановках. Но любая трагедия требует актеров на главные роли. Может быть, я один из них. Может быть, я вновь буду призван играть свою роль. И, может быть, моя жизнь с тобой — лишь антракт между двумя сценами...

На такие мои заявления она никогда ничего не отвечала. Лишь обнимала меня, стараясь успокоить своими легкими поцелуями.

Птицы с ярким оперением и грациозные дикие животные резвились теперь там, где когда-то жило и развивалось Человечество, где люди били в свои барабаны, созывая всех на битву. Но в густых зеленых лесах и по холмам, поросшим травой, бродили призраки. Призрак Иолинды, которая когда-то любила меня, призрак ее отца, несчастного и слабого короля Ригеноса, который искал моей помощи, призрак графа Ролдеро, Главного Маршала армий Человечества, призраки других людей, которые погибли по моей вине.

И все-таки я не по собственному выбору попал в этот мир и поднял меч Вечного Защитника Человечества, надев доспехи Эрекозе и встав во главе армий, чтобы в итоге понять, что элдрены — вовсе

не Псы Зла, как утверждал король Ригенос, что они, по сути дела, жертвы ненасытной ненависти людей...

Не по собственному выбору...

В сущности, именно эти слова более всего преследовали меня в периоды меланхолии.

Но с течением лет такое настроение охватывало меня все реже и реже. Эрмизад и я вовсе не старели и по-прежнему страстно любили друг друга.

Эти годы были заполнены учеными беседами, весельем, смехом, созерцанием прекрасного, любовью. Один сезон незаметно сменял другой, пока не истекло примерно столетие.

И тогда внезапно Призрачные Миры — странные миры, что вольно существуют во Времени и Пространстве, иногда пересекая путь известной нам Вселенной, — вновь оказались рядом с Землей.

Глава II

О нарастающей угрозе

Принц Арджав был братом Эрмизад. Красавец, воплотивший в себе лучшие черты элдренской расы, с золотистой кожей и чуть раскосыми светло-голубыми глазами на узком лице, он испытывал ко мне ту же любовь и уважение, что и я к нему. Его мудрость и широта взглядов часто поражали меня. И еще он всегда смеялся, всегда был в превосходном настроении.

Поэтому я был крайне удивлен, зайдя однажды в его лабораторию и увидев, что он недовольно хмурится.

Он поднял на меня глаза, оторвавшись от своих вычислений, и попытался изменить выражение лица, но я уже понял, что он чем-то весьма озабочен, вероятно, каким-то открытием, которое сделал во время своих исследований.

— Что с тобой, Арджав? — спросил я как бы между прочим. — Что это у тебя, астрономические атласы? Неужели Лус Птокаи угрожает какая-нибудь планета и надо готовить город к эвакуации?

Он улыбнулся и отрицательно качнул головой:

— Ничего подобного. И вообще, ничего особенного не случилось. Я вовсе не уверен, что нам следует чего-то опасаться, однако, видимо, следует принять некоторые меры предосторожности, ибо Призрачные Миры вскоре вновь соприкоснутся с нашим миром.

— Но ведь Призрачные Миры не могут причинить элдренам вреда. В былые времена у вас там даже были союзники и друзья.

— Да, правда. Однако в последний раз их контакт с Землей совпал с твоим появлением здесь. Может быть, это просто случайное совпадение. А может, ты пришел именно из Призрачных Миров, а поэтому Ригенос и смог тебя вызвать.

Я нахмурился, размышляя.

— Я понимаю твою озабоченность. Ты беспокоишься за меня.

Арджав молча кивнул в ответ.

— Говорят, что человеческая раса тоже явилась сюда из Призрачных Миров, так? — я посмотрел ему прямо в глаза.

— Да, так считают некоторые...

— У тебя есть какие-нибудь конкретные опасения на мой счет? — спросил я.

— Нет, — ответил он со вздохом. — Хотя элдрены и придумали, как преодолевать пространства, отделяющие Землю от Призрачных Миров, мы, в сущности, никогда эти средства как следует не испытывали. В те времена наши сношения с этими мирами в силу необходимости были краткими, да и общались мы лишь с теми их обитателями, что родственны элдренам.

— Так ты опасешься, что меня отзовут в тот мир, откуда я прибыл? — резко спросил я. Мне была невыносима сама мысль о разлуке с Эрмизад, со спокойным, прекрасным миром элдренов.

— Не знаю, Эрекозе.

К чему мне было снова становиться Джоном Дэйкером?

Хотя я лишь смутно припоминал свою жизнь в том мире в эпоху, которую почему-то называл двадцатым веком, я был уверен в том, что там мне покоя больше не видеть; где-то в глубине моей души жила полная неудовлетворенность тамошней моей жизнью и всем, что меня там окружало. Мои естественные романтические наклонности, мои увлечения (которые я, кстати, вовсе не считаю своими достоинствами, поскольку именно они заставили меня совершать поступки, о которых я уже рассказал) в тамошнем окружении безжалостно подавлялись самим обществом и теми функциями, которые я

вынужден был исполнять, чтобы заработать на жизнь. Там, среди мне подобных, я куда чаще чувствовал себя не в своей тарелке, нежели здесь, среди представителей чужой расы. У меня было такое ощущение, что легче покончить с собой, чем вернуться в мир Джона Дэйкера, даже если я о нем мало что теперь помню.

Но, с другой стороны, Призрачные Миры могли не иметь ко мне ни малейшего отношения. Они вполне могли принадлежать даже к иной Вселенной, где никогда не бывали люди (хотя в научных трудах элдренов ничего на этот счет не упоминалось).

— А мы больше ничего не можем о них узнать? — спросил я принца Арджава.

— Я продолжаю вести наблюдения. Это все, что я могу в данный момент сделать.

В мрачном настроении я покинул его лабораторию и направился в покои, где меня ожидала Эрмизад. Мы собирались отправиться верхом по знакомым местам в окрестностях Лус Птокаи. Однако, войдя к ней, я прямо с порога объявил, что у меня неподходящее для прогулки настроение.

Увидев, что я встревожен, она сказала:

— Снова вспомнил то, что произошло сто лет назад, Эрекозе?

Я покачал головой. Потом рассказал ей о результатах наблюдений Арджава.

Она тоже задумалась.

— Это, вероятно, было просто совпадение, — произнесла она наконец. Но уверенности в ее тоне не было. Более того, в глазах появился испуг.

Я обнял ее.

— Я умру, если тебя разлучат со мной, Эрекозе, — тихо сказала она.

У меня перехватило дыхание. Губы вдруг стали сухими.

— Если это случится, — ответил я, — я буду искать тебя повсюду, пусть на это уйдет хоть целая вечность. И я найду тебя, Эрмизад!

— Неужели ты так сильно любишь меня, Эрекозе? — изумленно спросила она.

— Еще сильнее, чем прежде, Эрмизад!

Она чуть отстранилась, продолжая сжимать мои руки. И ее, и мои пальцы дрожали. Она попыталась улыбнуться, стряхнуть с себя овладевшие ею страшные предчувствия, но тщетно.

— Тогда что ж! Тогда нам нечего бояться! — воскликнула она.

Но этой ночью, когда я уснул подле нее, прежние сны, досаждавшие мне еще в бытность мою Джоном Дэйкером и потом, в первые годы моего пребывания в этом новом мире, вновь вылезли из дальних закоулков моего сознания и завладели мною.

Сначала никаких образов не возникало. Только имена. Длинный список имен, которые нараспев произносил чей-то гулкий голос, в котором явственно звучала насмешка.

Корум Джайлин Ирси. Конрад Арфлейн. Аскиоль из Помпеи. Урлик Скарсол. Обек из Канелуна. Шалин. Артос. Элрик. Эрекозе...

Я попытался прервать этот речитатив. Я пытался крикнуть, что я Эрекозе и только Эрекозе. Но голос не повиновался мне.

А речитатив все звучал и звучал:

Райан. Хокмун. Пауэйс. Корнелиус. Брайан. Умпата. Соджан. Клан. Хлодвиг. Марка. Пурнакас. Ошбек-Уи. Улисс. Илант.

И наконец раздался мой собственный, голос:

— *НЕТ! Я — ЭРЕКОЗЕ!*

— *Вечный Защитник... Солдат судьбы...*

— *НЕТ!*

— *Элрик. Илант. Меджинк-Ла-Кос. Корнелиус.*

— *НЕТ! НЕТ! Я УСТАЛ! Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ СРАЖАТЬСЯ!*

— *Твой меч. Твои доспехи. Твои боевые знамена. Огонь. Смерть. Разрушение.*

— *НЕТ!*

— Эрекозе!

— ДА! ДА!

Я кричал. Я был весь мокрый от пота и уже сидел на постели.

Но звал меня теперь голос Эрмизад.

Задыхаясь, я упал на подушки, и она обняла меня.

— Опять эти сны? — спросила она.

— Да. Они вернулись.

Я прижался лицом к ее груди и заплакал.

— Это еще ничего не значит, — сказала она. — Это просто ночной кошмар. Ты боишься, что нас разлучат, и твой мозг реагирует на это. Только и всего.

— Правда, Эрмизад?

Она погладила меня по голове.

Я поднял глаза, пытаюсь разглядеть в темноте ее лицо. На нем застыло напряженное выражение. В голубых ее глазах стояли слезы.

— Правда?

— Да, любовь моя. Это правда.

Но я знал, что точно такое же чувство нарастающей угрозы, какое сжимало мне сердце, теперь поселилось и в ее душе.

Более мы в ту ночь не спали.

Глава III

О некоем странном посещении

Наутро я сразу отправился в лабораторию принца Арджавы и рассказал ему о голосе, который преследовал меня во сне.

Было видно, что он очень огорчен и расстроен, но явно ничем не может мне помочь.

— Если этот голос был просто ночным кошмаром, а я склонен полагать, что он таковым и является, тогда я мог бы предложить тебе лекарство, которое дает сон без сновидений, — сказал он.

— А если нет?

— Тогда я бессилён.

— Стало быть, этот голос из Призрачных Миров?

— Невозможно сказать наверняка. Может быть, то, что я сообщил тебе вчера, вызвало реакцию в твоём мозгу, и это, в свою очередь, позволило «голосу» снова вступить с тобой в контакт. Весьма вероятно, что тот покой души, который ты здесь обрёл, раньше не позволял ему достичь тебя. А сейчас, когда ты взволнован, когда твой мозг снова возбуждён, тот, кто хочет с тобой связаться, — кем бы он ни был — вновь имеет возможность сделать это.

— Мне от всех этих предположений не легче, — заметил я.

— Я понимаю, Эрেকেзе. Лучше бы ты вообще не приходил сюда. Тогда бы ты даже и не узнал о приближении Призрачных Миров. Да и мне не следовало рассказывать тебе об этом...

— Какая теперь разница, Арджав?

— Кто знает, кто знает...

— Лучше дай мне то лекарство, о котором ты говорил, — я протянул руку. — Давай, по крайней мере, проведем опыт: сможет ли мой мозг с его помощью справиться с этим голосом.

Он молча подошёл к сверкающей хрустальной шкатулке, поднял крышку и достал из нее маленький кожаный мешочек.

— Здесь порошок. Вечером высыпь его в бокал с вином и выпей все до дна.

— Спасибо, — поблагодарил я, забирая мешочек.

Он немного помолчал, потом снова заговорил:

— Эрেকেзе, если ты исчезнешь отсюда, мы тотчас же отправимся тебя искать. Тебя любят все элдрены, и мы не хотим тебя потерять. И если тебя вообще можно будет найти в необозримых просторах Времени и Пространства, мы найдем тебя!

Это заявление меня несколько ободрило. Но все равно это уж слишком напоминало прощание! Словно Арджав уже примирился с тем, что я их покину!

Весь остаток дня мы с Эрмизад бродили по парку, держась за руки. Мы мало говорили и лишь все крепче сжимали ладони, не осмеливаясь глядеть друг другу в глаза, боясь увидеть там горе.

С галерей дворца доносились звуки чудесной музыки — то были творения великих элдренских композиторов. Их по просьбе принца Арджавы исполняли придворные музыканты. Музыка была прекрасна — светлая, полная гармонии, обволакивающая сознание. Владевшее мною напряжение даже немного ослабло.

Золотистое солнце, огромное, горячее, висело в бледно-голубом небе. Его лучи играли на прекрасных цветах, в изобилии росших вокруг и наполнявших парк дивными красками и обилием ароматов, на деревьях и обвивавших их лианах, на белых стенах, окружавших дворцовый парк.

Потом мы поднялись на крепостную стену и долго стояли там, глядя на окрестные холмы и равнины. В

отдалении паслись стада диких оленей. Над ними лениво пролетали птицы.

Не мог я покинуть всю эту красоту и вернуться обратно — в шумный и грязный мир, который я некогда покинул, к убогой жизни Джона Дэйкера!

Настал вечер. Воздух звенел от голосов птиц и был наполнен густым ароматом цветов. Мы медленно пошли назад во дворец, по-прежнему крепко держась за руки.

Я поднимался по ступеням, словно приговоренный к казни. Вошел в свои покои и разделся, отстраненно размышляя о том, придется ли мне когда-нибудь еще носить столь прекрасные одежды. Лежа в постели, пока Эрмизад готовила мне снотворное питье, я молился о том, чтобы утром проснуться не в квартире Джона Дэйкера, не в том городе, где он жил.

Я смотрел на украшенный резьбой потолок спальни, на великолепные гобелены, на вазы, полные цветов, на изысканную мебель, пытаюсь навсегда запечатлеть все это в своей памяти, как в ней навсегда было запечатлено прекрасное лицо Эрмизад.

Она поднесла мне бокал с вином. Я глянул в ее полные слез глаза и залпом проглотил питье.

Это было прощание. Прощание, о котором мы боялись даже упомянуть.

Почти сразу же я провалился в глубокое забытие. И сперва решил, что Арджав и Эрмизад правы и этот голос был просто результатом моего перевозбуждения.

Не знаю, который был час, когда я внезапно пробудился от сна. Я еще плохо соображал, сознание едва работало. Мне казалось, что мой мозг обернут несколькими слоями бархата, черного бархата, который не пропускает никаких звуков, за исключением все того же голоса, доносившегося словно очень издалека.

Я не разбирал слов. Мне кажется, я даже улыбнулся, решив, что лекарство все же помогло и защитило меня от того, кто пытался вызвать меня и увлечь неведомо куда. Голос между тем звучал все настойчивее, но пока что я мог попросту не обращать на него внимания. Я потянулся и погладил Эрмизад, спавшую рядом.

А голос продолжал звать. Я по-прежнему игнорировал его. Я чувствовал, что, если смогу продержаться эту ночь, голос прекратит свои попытки докричаться до меня. И тогда я обрету уверенность в том, что ничто не сможет вырвать меня из этого мира, где я нашел любовь и покой души.

Голос пропал, и я снова уснул, сжимая Эрмизад в объятиях и лелея в душе смутную надежду.

Но через некоторое время голос возник опять. Я по-прежнему старался его не слушать. Потом голос затих, и я погрузился в тяжелый сон.

Должно быть, часа за два до рассвета я вновь услышал шум, но на сей раз не в собственной голове, а в комнате, рядом с собой. Я открыл глаза, думая, что это встала Эрмизад. Вокруг было еще темно. Я почти ничего не видел. Но Эрмизад по-прежнему спала рядом. Потом снова послышался шум. Как будто ножны меча задела за латную поножь. Я резко сел. Спросонья глаза мои все еще ничего не видели, голова была тупая — действие лекарства еще не прошло. Моргая, я уставился в глубину комнаты.

И тут я увидел какую-то фигуру.

— Кто ты? — спросил я недовольным, ворчливым тоном. Может, это кто-то из слуг? В Лус Птокаи не было воров, как не существовало и угрозы стать жертвой убийцы.

Человек не ответил. Он не отрываясь смотрел на меня. Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я разглядел, что это не элдрен.

У пришельца была внешность варвара, хотя его одежды были богатыми и прекрасного покроя. Огромный, странный шлем, а в нем, словно в стальной раме, тяжелое бородатое лицо. Широкая грудь защищена нагрудником, столь же искусно украшенным, как и шлем. Поверх доспеха надета толстая куртка без рукавов, видимо из овчины. Короткие штаны из блестящей кожи расшиты золотом и серебром. Наголенники украшены таким же узором, что и нагрудник. Обут человек был в сапоги из такой же лохматой овчины, что и его куртка.

У пояса висел меч.

Фигура не двигалась, продолжая смотреть на меня из-под своего странного высокого шлема горящими глазами. В них ясно читался настоящий призыв.

Это существо явно не принадлежало к миру элдренов. Однако и к подданным короля Ригеноса — даже если кто-то из них случайно избежал моей мести — его отнести было нельзя. Странное существо. И одеяние у него странное — Джон Дэйкер не помнил ни одного исторического периода, к какому оно могло бы относиться.

Может быть, он пришел из Призрачных Миров?

Если так, то его внешность резко отличалась от внешности тех обитателей Призрачных Миров, которые когда-то оказали помощь Эрмизад, когда та была пленницей короля Ригеноса.

— Кто ты? — повторил я.

Пришелец попытался ответить, но явно не смог.

Он поднял обе руки к шлему. Снял стальной колпак и отбросил с лица длинные черные волосы. Потом придвинулся ближе к окну.

И тут я увидел его лицо и узнал его.

Это было мое собственное лицо.

Я весь съежился. Никогда еще не испытывал я такого всепоглощающего ужаса. Да и потом, после этой встречи — тоже никогда.

— Чего ты хочешь? — закричал я. — Чего тебе нужно?

Какая-то часть моего взбаламученного сознания, насколько я помню, кажется, еще пыталась понять, почему не просыпается Эрмизад, почему она продолжает мирно спать рядом со мной.

Человек пошевелил губами, будто отвечая мне, но я не услышал ни звука.

Может быть, это все-таки сон? Кошмар, вызванный тем снотворным? Если так, то лучше пусть меня преследует тот голос.

— Убирайся отсюда! Уходи!

Пришелец сделал какой-то странный жест, смысла которого я совершенно не понял. Губы его опять зашевелились, но до меня не донеслось ни слова.

Крича от ужаса, я спрыгнул с постели и бросился на это существо с моим собственным лицом. Но пришелец лишь с удивлением от меня отодвинулся.

В этом элдренском дворце не было ни единого меча, иначе я бы бросился на него с оружием. Кажется, у меня даже мелькнула безумная мысль попытаться завладеть его собственным мечом...

— Уходи! Убирайся!

Я споткнулся обо что-то и упал на плиты пола, продолжая дрожать от ужаса и кричать этому призраку, который по-прежнему не отрываясь смотрел на меня, чтоб он убирался прочь. Мне удалось подняться, и я снова бросился на него и снова упал. Я падал, падал, падал...

И когда я наконец почувствовал под собой твердь, голос вновь возник у меня в ушах, заполнив всю мою душу. Теперь в нем звенела радость, даже триумф.

— УРЛИК! — кричал он. — УРЛИК СКАРСОЛ! УРЛИК! УРЛИК! ЛЕДОВЫЙ ГЕРОЙ, ПРИДИ К НАМ!

— НИКОГДА!

Теперь я уже не отрицал, что это тоже мое имя. Я лишь пытался отделаться от тех, кто звал меня. Я все бежал, спотыкаясь и наталкиваясь на какие-то углы, по коридорам Вечности, все еще пытался вернуться — к Эрмизад, в мир элдренов...

— УРЛИК СКАРСОЛ! ГРАФ БЕЛОЙ ПУСТЫНИ! ВЛАДЫКА ЛЕДЯНОГО ЗАМКА! ПРИНЦ ЮЖНЫХ ЛЬДОВ! ХОЗЯИН ЧЕРНОГО МЕЧА! ОН ПРИБУДЕТ, ВЕСЬ В МЕХАХ И В СТАЛИ, НА КОЛЕСНИЦЕ, ВЛЕКОМОЙ МЕДВЕДЯМИ, СВЕРКАЯ ЧЕРНОЙ БОРОДОЙ! ОН ПРИБУДЕТ, ЧТОБЫ ПОТРЕБОВАТЬ СВОЙ КЛИНОК И ПОМОЧЬ СВОЕМУ НАРОДУ!

— НИКАКОЙ ПОМОЩИ ВЫ ОТ МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИТЕ! НЕ НУЖЕН МНЕ НИКАКОЙ КЛИНОК! ДАЙТЕ МНЕ СПАТЬ! МОЛЮ ВАС, ДАЙТЕ МНЕ СПАТЬ!!!

— ПРОБУДИСЬ, УРЛИК СКАРСОЛ! ТОГО ТРЕБУЕТ ПРЕДСКАЗАНИЕ!

И перед моим взором возникли видения. Какие-то бессвязные отрывки. Я видел города, высеченные из цельных базальтовых скал, из огромных кусков обсидиана, на берегах неподвижных морей, под мрачным багрово-синим небом. Я видел море, похожее, скорее, на темно-серый мрамор с черными прожилками, и понимал, что это по его поверхности плывут гигантские льдины.

Видения эти наполнили мою душу глубокой печалью — не потому, что они были странными или незнакомыми, а, наоборот, потому что я все это уже когда-то видел.

И я понял наконец, что меня снова зовут на бой, хотя я уже до смерти устал от сражений...

Книга вторая

ПУТЬ ГЕРОЯ

Доспехи воинов сияют серебром,
Народ в шелках беспечно смотрит вдаль.
А вот Герой — на колеснице медной
Вперед стремится, погружен в печаль...

Глава I

Ледяная пустыня

Я все продолжал куда-то двигаться, но уже не так быстро. Меня больше не крутило, словно в водовороте. Я медленно продвигался вперед, хотя и не прилагал к этому ни малейших усилий.

Зрение мое прояснилось. То, что предстало перед моими глазами, было вполне реальным и конкретным, хотя и не давало никаких надежд. Как утопающий хватается за соломинку, я еще пытался уверить себя, что все это мне снится, но окружающее убеждало меня в обратном. Так же, как когда-то Джон Дэйкер был помимо собственной воли призван в мир элдренов, точно так же Эрекозе теперь был призван в этот иной чуждый мир.

Теперь я знал, как меня зовут. Это имя повторяли мне множество раз. Но я и без того помнил его, словно оно всегда было моим. Я звался Урлик Скарсол из Южных Льдов.

Увиденное мной лишний раз подтверждало, что меня зовут именно так. Вокруг был мир сплошных льдов. Вдруг я вспомнил, что уже посещал другие ледяные миры — в разных своих воплощениях — и теперь сразу понял, где очутился. Я был на умирающей планете. В небе надо мной висело маленькое красноватое солнце. Умирающее солнце. Без сомнения, это была Земля, но Земля в самом конце очередного цикла своего существования. Джон Дэйкер назвал бы это своим отдаленным будущим, однако я давно уже оставил всякие попытки определить точно, что есть «прошлое» и что «будущее». И если Время было моим врагом, то это был враг без формы и обличья, враг, которого я не мог видеть, враг, с которым я не мог сражаться.

Я ехал на колеснице, богато отделанной серебром и бронзой. Ее тяжелые украшения напоминали отделку доспехов моего бессловесного ночного посетителя. Ее огромные, окованные железом колеса были установлены на лыжи, сделанные, по-видимому, из черного дерева. Колесницу по льду тащили четыре странные существа. Они напоминали белых медведей, что обитали в мире Джона Дэйкера, но были крупнее и с более длинными лапами. Они двигались прыжками, но с удивительной быстротой. Я стоял на колеснице, держа в руках вожжи. Рядом со мной стоял сундук, словно специально изготовленный для этой колесницы. Он был сделан из какого-то тяжелого дерева и богато украшен серебром. Углы обиты железными скрепами. Он был заперт на тяжелый железный замок, а в центре крышки торчала огромная ручка. Вся поверхность сундука была украшена черными, коричневыми и синими эмалями, изображающими драконов, воинов, деревья и цветы, переплетавшиеся между собой. Вокруг замка висела надпись, выполненная руническими письменами. К величайшему своему удивлению, я легко ее прочел. Надпись гласила: «Сундук сей принадлежит графу Урлику Скарсолу, Владетелю Ледяного Замка». На борту колесницы справа от сундука висели три тяжелых кольца, и в них было закреплено тяжелое боевое копье, отделанное серебром и бронзой. Оно было по меньшей мере семи футов в длину и венчал его огромный, варварски иззубренный наконечник из сияющей полированной стали. По другую сторону сундука был закреплен тяжелый боевой топор с рукоятью, отделанной под стать копьё серебром и бронзой. Я ощупал свой пояс. Меча на мне не было. Зато на поясе висел кошель, да на правом бедре болтался ключ. Я снял его с пояса и внимательно осмотрел. Потом наклонился к сундуку и с некоторым трудом (поскольку колесница все время раскачивалась на неровностях льда) вставил ключ в скважину замка, повернул его и откинул крышку. Я ожидал увидеть там меч.

Но меча в сундуке не оказалось — только запасная одежда, провизия и прочее в том же роде, что нужно человеку, пускающемуся в длительное путешествие.

Я горько усмехнулся. Да, я проделал длительное путешествие. Я захлопнул крышку, запер замок и повесил ключ на пояс.

И тут я обратил внимание на свои одежды. На мне был богато украшенный железный нагрудник, куртка из грубой толстой кожи, кожаный камзол, кожаные же штаны, железные наголенники, украшенные тем же орнаментом, что и нагрудник, и сапоги, видимо, из того же материала, что и куртка, похожего на овчину. Я поднял руку к голове и ощутил под пальцами металл. Это был шлем, украшенный

каким-то сложным переплетающимся рельефным узором.

С растущим чувством ужаса я ощупал собственное лицо. Черты его были все теми же, знакомыми, но верхнюю губу украшали теперь густые усы, а щеки покрывала огромная борода.

Тут я вспомнил, что видел в сундуке зеркало. Я схватил ключ, отпер замок, откинул крышку и, порывшись, извлек оттуда зеркало. Оно было не из стекла, а из хорошо отполированного серебра. С минуту я еще колебался, но потом решительно поднес зеркало к лицу.

И увидел лицо и шлем моего ночного посетителя. Призрак, явившийся ко мне ночью, теперь снова смотрел на меня.

Только теперь я сам был этим призраком.

Со стоном, ощущая в душе гнетущее отчаяние, которое не в силах был превозмочь, я уронил зеркало в сундук и захлопнул крышку. Рука моя невольно ухватила за древко копья, и я с такой силой сжал его, что просто удивительно, как оно не сломалось.

Итак, я был один в этих ледяных просторах, под этим мрачным небом, один, терзаемый страшными мучениями, оторванный от единственной женщины, которая могла успокоить мой мятущийся дух, от того единственного мира, где я ощущал себя свободным и счастливым. Я чувствовал себя так, словно сходил с ума, словно безумец, который счел было, что вылечился, но вдруг осознал, что страшный недуг вновь затягивает его в свои бездны.

Я закричал. Дыхание вырвалось из рта плотным облаком и за клубилось в какой-то странной судороге, словно передразнивая то, как дух мой мечется в поисках выхода из этой ситуации. Я сжал руку в кулак и погрозил небу и красноватому, еле видимому в тумане, маленькому и неказистому светилу, что служило здешнему миру солнцем.

А медведи продолжали скачками продвигаться вперед, таща за собой мою колесницу в неизвестном направлении.

— Эрмизад! — вскричал я. — Эрмизад!

Могла ли она услышать меня и отозваться из своего далека, как тот голос, что звал меня по ночам?..

— Эрмизад!

Но мрачное темное небо молчало, мрачные льды недвижимо застыли вокруг, солнце смотрело с небес как глаз престарелого безумца.

Медведи без устали продолжали бежать вперед, вперед по бесконечным льдам, вперед, сквозь вечный полумрак. Колесница скользила все дальше и дальше, а я плакал и стenal, рыдал и вскрикивал от горя и бессилия. Потом наконец застыл на своей колеснице, беззвучно и неподвижно, словно сам был сделан из льда.

Я уже понял, что мне пока следует смириться со своей участью, принять все, что на меня свалилось, и выяснить, куда влекут мою колесницу медведи, в надежде, что когда я достигну места назначения, то смогу найти способ вырваться отсюда и вернуться в мир элдренов, к моей Эрмизад.

Я знал, что это призрачная надежда, но не хотел расставаться с нею, бессознательно хватался за нее, как рука моя — за копьё. Тот мир и та женщина были единственным, что у меня оставалось. Но где они теперь? Если элдренские теории верны, они где-то в бесконечных просторах бесчисленных вселенных... Не знал я и того, где находится мир, в который я теперь попал. С одной стороны, он мог быть частью Призрачных Миров. Тогда экспедиция элдренов могла бы достичь его. Но, с другой стороны, он мог быть какой-нибудь совершенно иной Землей, которую от того мира, что я полюбил и считал своим, отделяют целые эпохи и тысячелетия.

Я теперь снова был Вечным Героем, призванным, несомненно, сражаться за какое-то дело, о котором имел лишь самое смутное представление, призванным людьми, которые могли оказаться такими же гнусными предателями, как и подданные короля Ригеноса.

Почему именно меня выбрали для решения этой вечной задачи? Почему мне не дано наслаждаться

вечным миром?

И вновь мои мысли вернулись к поискам ответа на вопрос, не был ли я — в одном из моих воплощений — повинен в некоем страшном преступлении, повлекшем за собой космические последствия, преступлении столь ужасном, что с тех пор моим уделом стали скитания по просторам Вечности. Но что это было за преступление, заслуживающее такой страшной кары, я догадаться не мог.

Вокруг стало явно холоднее. Я полез в сундук: я знал, что найду там перчатки. Я нашел их и натянул на руки, плотнее запахнул куртку, уселся на сундук и задремал, не выпуская, однако, вожжи из рук. Я надеялся, что сон остудит мой пылающий мозг, снимет снедавшую меня боль.

А колесница все продолжала скользить по льду. Льды, одни льды вокруг! Неужели мир так состарился и так выстыл, что в нем ничего не осталось, кроме льдов, — от полюса до полюса?

«Скоро, — думал я, — я получу ответ и на этот вопрос».

Глава II

Обсидиановый город

Так и двигалась моя украшенная серебром и бронзой колесница, через бесконечные льды, под угасающим солнцем. Белые медведи с длинными лапами все тащили ее вперед, лишь изредка замедляя темп, но никогда не останавливаясь, словно их, как и меня, влекла вперед неведомая сила, которой они не могли не подчиняться. По небу иногда проплывали ржаво-рыжие облака, словно медлительные корабли по застывшему морю, но ничто не напоминало здесь о течении времени, ибо солнце словно примерзло к небосклону, а бледные звезды, что выглядывали из-за него, образовывали странные, едва знакомые созвездия. И мне пришло в голову, что земной шар, видимо, уже перестал вращаться вокруг своей оси или если все же вращался, то так медленно, что без соответствующих измерительных инструментов определить это было невозможно.

Я еще отметил, что расстилавшийся вокруг пейзаж вполне соответствовал моему настроению.

Потом мне вдруг показалось, что вдали, в полумраке что-то мелькнуло. Нечто непонятное, но нарушавшее монотонность окружающих меня льдов. Может быть, это было просто низкое облако. Я не сводил с него глаз. По мере того как медведи продвигались вперед, там, на горизонте, все яснее вырисовывались темные контуры гор, поднимавшихся прямо из ледяной равнины. Были ли эти горы тоже ледяными? Или это обычные скалы? Если так, значит, вовсе не вся планета покрыта льдами...

Мне никогда не встречались такие острые и зазубренные утесы. И я уныло решил, что они тоже из сплошного льда, источенного временем и ветрами, которые и придали им столь чудовищные формы.

Но когда мы подъехали ближе, я вдруг вспомнил одно из видений, явившихся мне до того, как неведомая сила извлекла меня из постели и унесла от Эрмизад. Теперь мне стало ясно, что это скалы, настоящие скалы вулканического происхождения, острые и блестящие. И цвет их наконец определился: темно-зеленый, коричневый и черный.

Я закричал на медведей и подстегнул их вожжами, заставляя двигаться быстрее.

И тут я вдруг понял, что прекрасно знаю их клички!

— Но-о-о, Снарлер! Но, Рендер! Вперед, Гроулер! Быстрее, Лонгклоу! Вперед!

Они налегли на постромки и пошли быстрее. Колесницу трясло и швыряло из стороны в сторону.

— Еще быстрее!

Да, я был прав. Льды кончались, уступая место скальной поверхности, гладкой, словно стекло. И вскоре колесница уже ехала, погромыхая, по этой скале, образующей подножие высокого горного хребта, чьи зазубренные острые вершины упирались в низкие кроваво-ржавые облака и терялись в них.

Скалы были высокими и мрачными. Они нависали надо мной, даже, пожалуй, угрожали мне и уж никак не улучшали моего настроения. Но они же вселяли и некоторую надежду, особенно когда я обнаружил нечто вроде прохода между двумя утесами.

Горы состояли в основном из базальтов и обсидиана. У подножия скал лежали огромные валуны, между которыми, извиваясь, проходила естественная дорога. По ней и тащили меня вперед мои медведи. А надо мной по-прежнему нависали странного цвета облака, облепившие вершины и склоны гор, словно приклеенные к ним.

Теперь, приблизившись к горному хребту, я более четко различал детали этого дикого пейзажа. Удивительное зрелище предстало перед моими глазами! Несомненно, горы были вулканического происхождения. Верхние склоны были, безусловно, сплошь из пемзы, а нижние — или из черного, зеленого или пурпурного обсидиана, гладкие и блестящие, или из базальта, застывшего странными формами, очень напоминающими изящные готические колоннады. Они вполне могли оказаться творением чьего-то рассудка, одержимого гигантизмом. В иных местах базальт был красного или темно-синего цвета, причем блестел как слюда или напоминал своим видом коралл. В других местах он

был более привычного угольно-черного или темно-серого цвета. И то там, то здесь в нем виднелись вкрапления какой-то радужной породы, переливавшейся даже при том слабом освещении, отчего эти горы напоминали порой яркое оперение павлина.

Видимо, горы до последнего сопротивлялись наступлению льдов, это, должно быть, был последний вулканически активный район на всей планете.

Колесница меж тем уже достигла прохода между утесами. Проход был узкий, а нависающие над ним скалы грозили в любую минуту рухнуть вниз и раздавить меня. Их склоны были источены множеством пещер, и моя фантазия уже населила эти пещеры всякими жуткими тварями, чьи злобные взгляды следят за каждым моим движением. Я ехал вперед, крепко прижимая к себе копьё. Но как бы ни разыгралось мое воображение, а в подобном месте меня действительно в любой момент могла подстеречь реальная опасность. К примеру, дикие звери, которые, несомненно, обитают в этих пещерах.

Проход, извиваясь меж высоких скал, вел меня вперед. Скалы были самых неожиданных и странных форм и оттенков. Неровности почвы очень затрудняли путь, медведи тащили колесницу с большим трудом. Мне очень не хотелось останавливаться в этом мрачном ущелье, но в конце концов все же пришлось натянуть поводья. Я слез с колесницы и внимательно осмотрел лыжи и болты, которыми к ним были прикреплены колеса. Я почему-то был уверен, что у меня в сундуке есть все необходимые для ремонта инструменты. И действительно, открыв сундук и покопавшись в нем, я обнаружил их в ящике, украшенном таким же узором, что и сам сундук.

Мне потребовалось приложить некоторые усилия, чтобы снять лыжи. Я закинул их в колесницу, закрепив в проушинах, прибитых по всей ее длине.

Так же как тогда, давным-давно, когда я впервые ощутил себя Эрекозе и понял, что я инстинктивно знаю все тонкости обращения с любым оружием, с лошадьми, с любой частью доспехов, словно я всегда носил их, я и сейчас обнаружил, что в совершенстве владею искусством управлять колесницей и прекрасно представляю себе ее конструкцию.

Теперь колеса могли свободно вращаться, и колесница двинулась вперед гораздо быстрее, хотя теперь мне было труднее сохранять равновесие, управляя ею.

Много времени прошло, прежде чем, обогнув очередной скальный выступ, я увидел, что достиг конца прохода. Горы кончились. Гладкий склон постепенно переходил в сверкающий пляж. На усеянный кристаллическим песком берег накатывались медлительные волны какого-то странно вязкого моря. Скалы местами спускались к самой воде, которая, должно быть, содержала гораздо больше соли, чем даже Мертвое море в мире Джона Дэйкера. Низкие мрачные облака смыкались с поверхностью моря где-то совсем близко. Усыпанный крупным кристаллическим песком пляж был совершенно лишен каких-либо признаков растительности. Свет слабенького солнца по эту сторону гор едва в силах был рассеять царивший вокруг мрак.

У меня было такое ощущение, что я достиг конца мира в конце времен. Я не мог поверить, что здесь способен хоть кто-то существовать — человек ли, растение или животное...

А медведи уже вытащили колесницу на берег, и под колесами заскрипел песок. Мы продолжали путь, только теперь резко повернули к востоку, вдоль берега мрачного, отвратительного моря.

Хотя здесь было теплее, чем на ледяных равнинах, я продолжал дрожать. И опять мое воображение разыгралось, рисуя мне отвратительных чудовищ, что могли обитать в мрачных глубинах этих вод, и людей, что могли существовать на берегу.

Но вскоре мне предстояло получить ответ на все эти вопросы или хотя бы на часть из них. Сквозь полумрак до меня донеслись человеческие голоса, и вскоре я увидел тех, кому эти голоса принадлежали.

Они ехали мне навстречу на огромных животных, у которых вместо ног были гигантские мощные лапы, а тела, резко сужаясь, оканчивались широкими хвостами, помогавшими им сохранять равновесие. До меня внезапно дошло, что эти животные, приспособленные теперь для верховой езды, когда-то, на более ранней стадии эволюции, были тюленями или морскими львами. У них были такие же морды,

похожие на собачьи, с длинными усами и огромными, навывкате, глазами. Седла на них были очень высокие, что позволяло всадникам сидеть почти прямо. У каждого всадника в руке был некий жезл, излучавший слабый свет.

Кто они были? Люди? Их тела, закованные в изукрашенные доспехи, выглядели странными пузырями, особенно в сравнении с тонкими руками и ногами, а головы, спрятанные в тяжелых шлемах, казались очень маленькими. Они были вооружены мечами, копьями и топорами, которые были либо приторочены к седлу, либо свисали с пояса. Их голоса из-под забрал звучали глухо и гулко, и я не мог разобрать ни единого слова.

Они искусно управляли своими верховыми животными, ловко двигаясь по усеянному валунами берегу соленого моря. Подъехав ко мне на несколько ярдов, они остановились.

Я тоже остановил свою колесницу.

Воцарилось молчание. Мои медведи беспокойно дергали упряжь. Я невольно положил руку на копьё.

Внимательно рассматривая всадников, я обнаружил, что по внешнему виду они более всего напоминают лягушек, если учитывать, что доспехи в целом повторяют все контуры тела. Их одежды и оружие были богато, даже чрезмерно, на мой вкус, изукрашены, и мне было трудно различать их по особенностям орнамента. Большинство было в красновато-золотых нагрудниках и поножах, но в слабом свете их светящихся жезлов мелькали также зеленоватые и желтые тона.

Они не делали ни малейшей попытки заговорить со мной. Тогда я сам решился прервать молчание.

— Кто вы? — спросил я. — Это вы призвали меня?

Они подняли забрала своих шлемов, но ничего не ответили.

— Какому народу вы принадлежите? — продолжал я. — Вы меня знаете?

На сей раз всадники обменялись несколькими словами, но по-прежнему обращались не ко мне. Они двинули своих верховых животных вперед и в стороны и расположились теперь возле моей колесницы полукругом. Я все еще сжимал рукой копьё.

— Я — Урлик Скарсол, — представился я. — Это вы меня призвали?

Тут один из них наконец заговорил. Голос его из-под шлема звучал глухо.

— Мы не призывали вас, Урлик Скарсол, — произнес он. — Но нам известно ваше имя, и мы приглашаем вас быть нашим гостем в Ровернарке, — он махнул своим жезлом в том направлении, откуда они приехали. — Мы из свиты епископа Белпига и приглашаем вас от его имени.

— Я принимаю ваше приглашение, — ответил я.

Говоривший обращался ко мне очень уважительно — было ясно, что он слышал мое имя. Станным было только то, что они вовсе меня не ожидали. Почему тогда медведи привезли меня именно сюда? Впрочем, куда еще они могли бы направить свой путь? Не в открытое же море... Однако, как мне казалось, за этим морем не могло быть ничего, никакой земли. Разве что Лимб. Я вполне представлял себе, как эти медлительные соленые воды переливаются через край мира и падают вниз, во мрак, в космическую пустоту...

Я позволил всадникам проводить меня к городу. Мы ехали вдоль берега, пока не достигли залива, в устье которого высились отвесные скалы, по которым, крутясь и извиваясь, вели вверх несколько троп, явно пробитых в камне людьми. Эти тропы вели к нескольким арочным воротам, так же чрезмерно украшенным, как и доспехи моих провожатых. А еще выше, за самыми дальними от нас воротами, висели тяжелые темные облака, словно прилепившиеся к скале.

Это было не просто селение каких-нибудь полудиких горцев. Судя по богатству и сложности орнамента украшений, это был большой город, вырубленный в блестящем обсидиане.

— Это Ровернарк, — произнес всадник, ехавший рядом. — Ровернарк. Обсидиановый город.

Глава III

Духовный Владыка

Тропа, ведущая к одному из арочных въездов, пробитых в скале, была достаточно широка для моей колесницы. Медведи несколько неохотно двинулись вверх к воротам.

Похожие на лягушек всадники ехали впереди, поднимаясь все выше и выше по обсидиановой дороге. Мы миновали несколько арок, украшенных совершенно в барочном стиле. Одни горгульи чего стоили! Но, несмотря на тонкость и изысканность работы, эта резьба была явно творением нездорового, даже патологического воображения.

Я глянул вниз на мрачный залив, на неестественно неподвижное море, потом на низкие тяжелые облака, и мне показалось на мгновение, что весь здешний мир заключен в темную пещеру, в холодный ледяной ад.

И если пейзаж действительно напоминал преисподнюю, то последовавшие вскоре события еще более укрепили меня в этом ощущении.

В конце концов мы добрались до последних ворот. Они были украшены особенно богато и изысканно и пробиты в цельной скале из многоцветного обсидиана. Верховые тюлени остановились и затоптались на месте в каком-то сложном ритме.

Только тут я разглядел в полумраке арочного проезда ворот нечто вроде двери. Она была вырезана из цельного куска порфира. На ней были изображены разнообразные и очень странные полулюди-полузвери. Трудно сказать, были ли эти фигуры плодом все того же нездорового воображения или были скопированы с существ, действительно обитавших в этом мире. Но некоторые из них вызывали чувство гадливого ужаса, и я старался по мере возможности не смотреть на них.

Словно в ответ на загадочные сигналы, что издавали тюлени, топтавшиеся у ворот, дверь начала отворяться. Весь кусок порфира мало-помалу как бы поворачивался внутрь, открывая узкий проход. Мы двинулись вперед. Колесо моей колесницы зацепилось за угол ворот, так что мне пришлось долго маневрировать, чтобы проехать под аркой.

Вырубленный в каменном монолите зал, куда мы попали, был едва освещен. Собственно, светили только жезлы сопровождавших меня всадников. Эти жезлы напомнили мне электрические фонарики, которые работают на батарейках или на аккумуляторах, требующих подзарядки. Но мне почему-то казалось, что эти жезлы подзарядке не подлежат. И еще у меня возникло ощущение, что, если эти слабые искусственные источники света вдруг иссякнут, в тутошнем мире тотчас же воцарится мрак. И этого момента не долго осталось ждать.

Всадники меж тем спешили и передали своих тюленей грумам, которые, к моему большому облегчению, выглядели вполне по-человечески, хотя были бледны и худы. Грумы были одеты во что-то вроде накидок, причудливо расшитых эмблемами. Рисунок их был столь сложен, что я так и не разобрал, что они обозначают. Внезапно я понял, как и чем живет этот народ. Существовая в своих вырубленных в скалах городах, на умирающей планете, окруженные черными льдами и мрачными морями, они всю свою жизнь посвящали ремеслам и искусствам, доводя до предела совершенства уже, казалось бы, совершенные образцы творчества, украшая и приукрашая все, что их окружало, создавая произведения столь сложные и столь причудливые, что их предназначение, несомненно, давно потеряло всякий смысл даже для их хозяев. Это было искусство вымирающей расы, и по воле рока ему суждено было на века пережить своих создателей.

Мне не очень хотелось доверять свою колесницу и оружие грумам, но ничего другого не оставалось. Верховых тюленей и моих медведей вместе с колесницей увели куда-то по мрачному коридору, чьи своды эхом отражали любой звук, и похожие на лягушек создания в богатых доспехах вновь все повернулись ко мне.

Один из них поднял руки и снял с себя тяжелый шлем. На меня теперь смотрело его белое, вполне

человеческое лицо, с бледными холодными глазами, очень усталыми, как мне показалось. Он начал расстегивать пряжки своих доспехов. Их с него сняли слуги, и под ними обнаружили толстые стеганные одежды. Когда с него сняли и эти одежды, я понял, что его тело имеет вполне нормальные пропорции. Остальные тоже снимали с себя доспехи и стеганные куртки и штаны и передавали все это ожидавшим слугам. Я, помедлив, также снял свой шлем, но оставил его при себе, прижав к нагруднику согнутой левой рукой.

Все мужчины были бледны, и у всех были одинаковые странные глаза — не то чтобы недружественные или отсутствующие, скорее, просто задумчивые. На них остались тонкие камзолы, полностью покрытые темной вышивкой. Штаны из того же материала сидели на них несколько мешковато. Обуты они были в сапоги из цветной кожи.

— Итак, — сказал тот, что первым снял с себя доспехи, — вот мы и снова в Харадейке! — Он подал знак слуге. — Ступай найди нашего господина. Скажи ему, что Моргег со своим патрулем прибыл. И сообщи, что мы привезли с собой гостя — Урлика Скарсола из Ледяного Замка. Спроси, не примет ли он нас.

Я хмуро посмотрел на Моргега.

— Стало быть, вы знаете, кто такой Урлик Скарсол. Вам известно, что я из Ледяного Замка!

Слабая, чуть удивленная улыбка появилась на губах Моргега:

— Да все знают Урлика Скарсола! Правда, я никогда еще не видел человека, который встречался бы с ним лично.

— И еще: вы называли этот город Ровернарком, а теперь вы говорите, что прибыли в Харадейк!

— Ровернарк — это город. А Харадейк — это название района, провинции, где властвует наш господин, епископ Белпиг.

— И кто он такой, этот епископ?

— Ну как же, он — один из двоих наших владык. Он — Духовный Владыка Ровернарка.

Моргег говорил тихо, грустным тоном. Это, видимо, было просто по привычке, а вовсе не по причине плохого настроения. Слова он ронял небрежно, нехотя. Казалось, для него ничто не имело значения, ничто его не интересовало. Он выглядел таким же полумертвым, как и мрачный, плохо освещенный мир, окружавший этот пещерный город.

Посланный слуга вскоре вернулся.

— Епископ Белпиг готов принять вас, — сообщил он Моргегу.

К этому времени остальные всадники куда-то ушли, и в зале остались лишь Моргег и я. Моргег повел меня по плохо освещенному коридору, где буквально каждый дюйм был богато разукрашен, включая пол, отделанный мозаикой из самоцветов. С низкого потолка на нас глазели гарпии и химеры. Мы миновали еще одну комнату, прошли в огромную дверь, чуть меньше, чем внешняя, и очутились в огромном зале.

Зал был действительно огромен. Высокий сводчатый потолок терялся где-то в вышине. В дальнем конце зала было возвышение, со всех сторон закрытое занавесями. По обе стороны от возвышения жарко пылали жаровни, вокруг которых суетились слуги. От жаровен исходил слабый красноватый свет и клубами поднимался дым, исчезая где-то под потолком, где, видимо, имелось вытяжное окно, ибо дыма в зале было совсем мало и он не затруднял дыхание. На стенах и потолке повсюду были изображения зверей и чудовищ, оскаленные морды, жуткие клыки, ужасные морды, словно смеющиеся над чьей-то чудовищной шуткой, ревушие, угрожающие, пугающие. Многие из них напоминали геральдических чудищ из мира Джона Дэйкера. Среди них можно было обнаружить сатиров, василисков, драконов, грифонов, единорогов, мантикор, амфибий, саламандр, а также множество человекозверей или человекоптиц. И все они были гигантских размеров, переплетенные в сложном узоре, словно связанные друг с другом, ползущие друг по другу, совокупляющиеся, приняв странные, чудовищные позы, рождающиеся и умирающие...

Да, это был какой-то круг ада.

Мы приблизились к возвышению. За занавесями был смутно виден силуэт человека, сидящего на троне. Я бы не удивился, если бы у него оказался шипастый хвост и пара рогов...

Шагах в двух от возвышения Моррег остановился и поклонился. Я последовал его примеру. Слуги раздёрнули занавеси, и перед нами предстал человек, весьма отличающийся от того, что я ожидал увидеть. Он нисколько не походил на остальных, например на Моррега: никаких грустных глаз, никакой бледности.

Голос сидящего на троне звучал громко, с чувством, весело:

— Приветствую вас, граф Урлик! Ваш приезд в эту крысиную нору, именуемую Ровернарком, — великая честь для нас! Ведь вы — вольный рыцарь ледяных просторов!

Епископ Белпиг был тучен и разодет в роскошные одежды. Голову его украшал золотой обруч, стягивающий длинные светлые волосы. Губы были алого цвета, а брови черны как смоль. Внезапно до меня дошло, что он пользуется косметикой. Под слоем кремов и пудры он был, несомненно, таким же бледным, как Моррег и все остальные. Волосы, вероятно, были крашенные, щеки нарумянены, ресницы — накладные, а алый рот обязан своим сочным цветом губной помаде.

— Приветствую вас, епископ Белпиг! — ответил я. — Благодарю вас, Духовный Владыка Ровернарка, за ваше гостеприимство и прошу уделить мне несколько минут для беседы с глазу на глаз.

— Ага! У вас есть для меня какое-то сообщение, мой дорогой граф! Конечно, конечно. Моррег и вы все, оставьте нас. Но далеко не уходите, вдруг вы мне понадобитесь.

Я чуть улыбнулся. Епископ не хотел рисковать. Он не исключал возможности покушения на свою особу!

Когда Моррег и слуги удалились, Белпиг сделал широкий приглашающий жест своей унизированной кольцами рукой:

— Ну, мой дорогой граф? Что вы хотели мне сообщить?

— У меня нет для вас никакого сообщения. У меня есть лишь вопрос. Может быть, даже несколько вопросов.

— Так задавайте же их! Прошу вас!

— Во-первых, мне хотелось бы знать, почему мое имя всем здесь так хорошо известно. Во-вторых, я хочу спросить, не вы ли, человек, несомненно, обладающий огромной властью, в том числе и над потусторонними силами, призвали меня сюда. Последующие вопросы зависят от того, что вы мне ответите на первые два.

— Помилуйте, граф, ваше имя знают все! Вы же настоящая легенда, известный Герой! И вам это тоже должно быть известно!

— Предположим, я совсем недавно проснулся после долгого сна. Предположим, что я потерял всякую память о прошлом. Расскажите мне эту легенду.

Епископ нахмурился и поднес свои толстые пальцы к толстым алым губам. Помолчав, он заговорил — более раздумчиво и тихо:

— Ну, хорошо, предположим... Говорят, что раньше, давным-давно, надо всеми Льдами — Северными, Южными, Восточными и Западными — властвовали четверо Владык. Но все они давно умерли, за исключением Владыки Южных Льдов. Он же был заморожен в своем огромном замке некоей волшебницей до той поры, когда его народ вновь призовет своего Героя перед угрозой страшной опасности. Все это произошло много веков назад, всего через сто или двести лет после того, как льды уничтожили великие города древности: Барбарт, Ладнжис-Лио, Кородун и прочие.

Названия городов казались смутно знакомыми, но не пробуждали в моей памяти никаких воспоминаний.

— А что еще говорит легенда?

— Да в общем-то это все. Я, наверное, смогу найти две-три книги с более подробным ее

изложением...

— Стало быть, это не вы меня сюда призвали?

— А зачем мне было призывать вас? Сказать по правде, я не очень верил в эту легенду.

— А теперь верите? Надеюсь, вы не считаете меня самозванцем?

— А к чему вам это? Да даже если вы и самозванец, почему бы мне не подыграть вам, если вам нравится утверждать, что вы — граф Урлик Скарсол? — Он улыбнулся. — В Ровернарке так мало случается событий! Поэтому мы рады всему, что привносит в нашу жизнь хоть какое-то разнообразие.

Я улыбнулся ему в ответ:

— Весьма интересный взгляд на вещи, епископ! Однако я все еще в некотором недоумении. Прошло совсем немного времени с того часа, как я очнулся посреди ледяной пустыни, на колеснице, направляющейся сюда. Мои одежды и имя мое казались знакомыми, но все остальное было странным и чужим. Я тоже странное создание, милорд, и не очень-то могу действовать по своей воле. Я, видите ли, Вечный Герой, и меня всегда призывают туда, где я нужен. Не стану утомлять вас подробностями, скажу только, что я не очутился бы у вас, если бы во мне здесь не нуждались. И если это не вы призвали меня, может быть, вы знаете, кто это сделал?

Епископ нахмурил свои крашенные брови, размышляя. Потом поднял их в удивлении:

— Боюсь, что не могу предложить вам сейчас никакого объяснения, граф Урлик. Единственное, что грозит Ровернарку, — это неизбежное наступление льдов. Через сотню-другую лет льды преодолеют горный хребет и уничтожат нас. А мы между тем стараемся провести оставшееся нам время как можно приятнее. И вас тоже приглашаем присоединиться к нам, если, конечно, Светский Владыка будет не против. Вы же должны пообещать, что расскажете нам всю свою историю, сколь бы невероятной она вам ни казалась. А взамен мы предлагаем вам любые развлечения, какие только у нас есть. Они могут показаться вам занятыми, особенно если вы такого еще не встречали.

— Стало быть, у Ровернарка нет врагов?

— Ни единого достаточно сильного, чтобы представлять для нас реальную угрозу. Есть, конечно, несколько банд грабителей, да и пираты на море тоже имеются. Подобную шваль можно найти возле любого города. Но кроме них — никого.

Я в удивлении покачал головой:

— Может быть, в Ровернарке есть какие-либо внутренние раздоры? Партии или группы, которые хотели бы, например, свергнуть вас и Светского Владыку?

Епископ Белпиг рассмеялся:

— Поистине, мой дорогой граф, вы, кажется, более всего жаждете борьбы! Уверяю вас, что в Ровернарке нет ничего, достойного внимания. Скука — вот наш единственный враг, и теперь, когда вы очутились среди нас, мы и дадим ей бой!

— Тогда я должен поблагодарить вас за ваше гостеприимство, — произнес я. — Я принимаю его. У вас, наверное, есть библиотеки... И ученые люди...

— Все мы в Ровернарке ученые. Да и библиотеки у нас, конечно же, есть. И вы сможете пользоваться некоторыми из них.

«Ну, ладно, — подумал я, — по крайней мере, у меня будет возможность попытаться найти способ вернуться к Эрмизад, в прекрасный мир элдренов, столь отличный от здешнего». Я так и не поверил, что меня призвали сюда просто так, если только это не какая-нибудь ссылка. В этом же случае я, будучи бессмертным, стану свидетелем конца Земли...

— Однако, — продолжал епископ, — один я не могу принять такое решение. Мы должны прежде заручиться согласием моего соправителя — Светского Владыки. Я, конечно, уверен, что он будет не против и подтвердит мое приглашение. Вам надо будет подыскать достойные апартаменты, слуг, рабов и все прочее. Это поможет нам развеять скуку, которая поселилась в Ровернарке.

— Но мне вовсе не нужны рабы, — сказал я.

Епископ захихикал:

— Погодите отказываться. Сперва посмотрите на них, а потом уж решайте! — Он помолчал, с интересом глядя на меня своими подведенными глазами. — Да вы же, наверное, прибыли из эпохи, где владение рабами считается недопустимым! Но в Ровернарке рабов силой не держат. Рабом может стать лишь тот, кто хочет им стать! Если человек желает быть кем-то другим, никто не станет возражать. Да будь кем хочешь! Это же Ровернарк, граф Урлик! Здесь любой мужчина и любая женщина свободны делать все, что им заблагорассудится!

— И вам заблагорассудилось стать здесь Духовным Владыкой?

Епископ вновь улыбнулся:

— Ну, в некотором роде. Титул, конечно, наследственный, но многие, имевшие на него право по рождению, предпочли иные занятия. Мой брат, к примеру, обычный моряк.

— Так вы плаваете по этому пересоленному морю? — я был поражен.

— Тоже, в некотором роде. Если вам еще не известны обычаи Ровернарка, я уверен, многие из них покажутся вам занятными.

— Да, наверное, — согласился я. Про себя же я подумал, что некоторые из этих обычаев, видимо, придутся мне вовсе не по вкусу. Я попал к народу, переживающему последнюю стадию упадка, народу капризному, беззаботному и начисто лишенному каких-либо устремлений. Их трудно было за это винить. В конце концов у них не было никакого будущего...

Но и во мне самом тоже было нечто, вполне созвучное цинизму епископа. Мне ведь тоже, по сути дела, было не для чего жить.

Епископ возвысил голос:

— Эй, рабы! Моргег! Идите сюда!

И они толпой выступили из полумрака. Впереди шел Моргег.

— Моргег, — обратился к нему епископ, — будьте любезны послать кого-нибудь к Светскому Владыке. Пусть передаст мою просьбу принять нас вместе с графом Урликом Скарсом. Пусть также сообщит ему, что я пригласил графа быть нашим гостем — с его разрешения, естественно.

Моргег поклонился и вышел из зала.

— А пока давайте пообедаем, милый граф! — заявил епископ. — В некоторых наших пещерах мы выращиваем неплохие фрукты и овощи, а море дает нам мясо. Мой повар — лучший в Ровернарке. Не угодно ли попробовать?

— С удовольствием, — ответил я, внезапно ощутив, что я умираю от голода.

Глава IV

Светский Владыка

Обед, обильный, хотя и несколько излишне, на мой вкус, напичканный специями, был великолепен. Когда мы покончили с едой, вернулся Моргег, который сообщил, что нашел наконец Светского Владыку.

— Нам потребовалось на это немало времени, — добавил он, выразительно глянув на Белпига. — Но он готов теперь принять нашего гостя, ежели вы того желаете, — и он поднял на меня свои бледные, холодные глаза.

— Надеюсь, вы сыты, граф Урлик? — спросил епископ. — Может, хотите чего-нибудь еще? — Он вытер свои алые губы расшитой салфеткой и удалил каплю соуса с одежды.

— Благодарю вас, — ответил я, поднимаясь. Я выпил слишком много солоноватого вина, но это помогло избавиться от мрачных дум и воспоминаний об Эрмизад, которые все время преследовали меня и будут преследовать до тех пор, пока я не найду ее.

Я последовал за Моргегом к выходу из этого странного зала. Подойдя к двери, я обернулся, намереваясь еще раз поблагодарить епископа.

И увидел, что он, облив соусом одного из мальчиков-рабов, теперь нагнулся к нему и принялся слизывать соус с его тела.

Я стремительно повернулся к двери и ускорил шаг. Моргег между тем, не оглядываясь, шел по тому коридору, по которому мы пришли сюда.

— Провинция Светского Владыки называется Дхотгард, — рассказывал по пути Моргег. — Она лежит выше, над этой. Нам придется выехать наружу и добираться до нее по другой дороге.

— А разве в скале не вырублено туда прямых проходов? — спросил я.

Моргег пожал плечами:

— Да, такие проходы, наверное, есть. Но так туда добраться значительно проще. Не надо тратить время на поиски дверей, потом пытаться их открыть...

— Вы хотите сказать, что не пользуетесь этими проходами?

Моргег кивнул:

— Нас теперь стало гораздо меньше, чем было даже пятьдесят лет назад. Дети ныне редко рождаются в Ровернарке. — Говорил он все так же небрежно, безучастно, и у меня опять возникло ощущение, что я разговариваю с мертвецом, случайно вернувшимся сюда с того света.

Через огромные въездные ворота Харадейка мы выбрались на дорогу, извивавшуюся над мрачным заливом, где волны ленивого моря выбрасывали белую соль на темный песок пляжа. Теперь этот пейзаж выглядел даже еще более мрачно, чем раньше. Низкие облака словно еще больше приблизили линию горизонта, а с обеих сторон наступали темные, скалистые утесы. У меня возникло ощущение, сходное с приступом клаустрофобии. Через некоторое время, поднявшись вверх по дороге, мы достигли других ворот, украшенных несколько иным узором, чем те, через которые мы вышли.

Моргег сложил ладони рупором и закричал:

— Граф Урлик Скарсол явился просить аудиенции у Светского Владыки!

Его голос эхом отразился от окрестных скал. Я посмотрел вверх, пытаясь увидеть небо, разглядеть солнце за облаками, но тщетно.

Ворота со скрежетом отворились ровно настолько, чтобы пропустить нас, и мы проникли в зал с голыми стенами, освещенный еще хуже, чем в Харадейке. Нас ждал слуга в простом белом плаще. Он позвонил в серебряный колокольчик, висевший у него на руке, и ворота плотно затворились. Механизм, управлявший ими, был, вероятно, достаточно сложным: во всяком случае, ни рычагов, ни цепей я не

заметил.

Коридор, по которому мы двинулись внутрь скалы, как две капли воды напоминал коридор в апартаментах епископа Белпига, только здесь не было никаких барельефов. Вместо этого стены украшала живопись, но свет здесь был настолько слаб, а краски настолько потемнели от времени, что я ничего не мог разобрать. Мы повернули в другой коридор. Теперь наши шаги приглушал расстеленный на полу ковер. Еще один коридор — и мы наконец достигли арочного прохода, в котором не было двери. Вместо нее сверху свисал занавес из простой мягкой кожи. Подобная простота показалась мне неуместной в Ровернарке, но еще больше я удивился, когда слуга раздвинул занавес и провел нас в комнату с совершенно голыми стенами, выкрашенными белой краской. Ее освещали огромные яркие лампы. Кажется, это были масляные лампы, судя по исходившему от них слабому характерному запаху. В центре комнаты стоял стол и две скамьи. Кроме нас, здесь никого не было.

Моррег оглянулся по сторонам. На лице его появилось выражение недовольства.

— Я оставляю вас здесь, граф Урлик. Светский Владыка, несомненно, скоро появится.

Моррег ушел, а слуга указал мне на скамью, предлагая присесть. Я сел, положив свой шлем рядом. Стол, как и сама комната, был пуст, если не считать двух свитков, аккуратно свернутых на его краю. Мне было совершенно нечем занять себя, кроме как разглядывать белые стены, молчаливого слугу, занявшего свое место у входа, да почти пустой стол.

Я просидел так не меньше часа, прежде чем занавес распахнулся и в комнату вошел высокий человек. Я поднялся, с трудом скрывая удивление, явно написанное у меня на лице. Человек знаком велел мне сесть. Сам он подошел к столу и сел напротив. Выражение на его лице было совершенно отсутствующим.

— Меня зовут Шаносфейн, — сказал он.

Его кожа была угольно-черного цвета, черты лица тонкими и приятными. Я еще подумал с иронией, что они с Белпигом должны были бы поменяться ролями: Белпигу гораздо больше подошло бы место Светского Владыки, а Шаносфейну — Владыки Духовного.

На Шаносфейне было свободное белое одеяние. Единственным украшением ему служила застежка на левом плече. На ней был изображен некий узор, который я принял за обозначение его ранга. Он положил свои руки с длинными пальцами на стол и стал рассматривать меня с выражением отстраненности, которая выдавала также большой ум.

— Меня зовут Урлик, — ответил я, посчитав за лучшее говорить как можно проще.

Он кивнул. Затем опустил глаза на стол и принялся чертить по его поверхности пальцем.

— Белпиг сказал, что вы хотели бы остаться у нас, — голос его звучал сильно, глубоко и мощно.

— Он сообщил мне, что у вас есть книги, которые мне хотелось бы посмотреть.

— У нас много книг, правда, большая их часть довольно причудливого свойства. Истинное знание более не интересует обитателей Ровернарка. Епископ Белпиг сообщил вам об этом, граф Урлик?

— Он просто сказал, что я могу найти здесь некоторые книги. И еще он сказал мне, что все жители Ровернарка — ученые.

В темных глазах Шаносфейна блеснула ирония.

— Ученые? Ах, да... Действительно, ученые. Только в искусстве капризов, в науке прихотей и извращений...

— Вы, кажется, невысокого мнения о своем народе, милорд.

— А какого я должен быть мнения о проклятом народе, граф Урлик? Мы же все прокляты — и они, и я. Ведь мы имели несчастье родиться в самом конце времен...

— Но это не несчастье, — произнес я с чувством. — Это всего только смерть.

Он с любопытством взглянул на меня:

— Вы, стало быть, смерти не боитесь?

Я пожал плечами:

— Я не знаю смерти. Я бессмертен.

— Значит, вы действительно из Ледяного Замка?

— Я не знаю, откуда я. Я выступал в роли многих Героев. И видел множество эпох на Земле.

— Правда? — его интерес ко мне заметно вырос, и это был чисто академический интерес, я это видел. Никакого сочувствия. Никаких эмоций.

— Значит, вы путешествуете во Времени?

— Да, нечто в этом роде, хотя и не в том смысле, что вы имеете в виду.

— Несколько столетий назад — а может быть, тысячелетий — на Земле жила раса людей. Я слышал, что они владели искусством путешествовать во Времени и покинули этот мир, поскольку знали, что он умирает. Но это, конечно же, легенда. Но вы ведь тоже легенда, граф Урлик. А вы существуете...

— Вы верите, что я не самозванец?

— Верю. Так как же вы путешествуете во Времени?

— Я переносусь туда, куда меня призывают. Прошое, настоящее, будущее — все это не имеет для меня никакого значения. Равно как и теория о циклическом строении Времени. Я верю, что существует множество вселенных и множество альтернативных судеб и предназначений. Вполне возможно, я никогда не был частью этой планеты ни в одном из своих воплощений. И наоборот, все они могли быть частью истории Земли.

— Странно... — задумчиво произнес Шаносфейн, поднимая тонкие черные пальцы ко лбу. — Наша вселенная имеет четко определенные границы и конкретное место в Пространстве, а ваша — огромна, неопределенна и хаотична. Если, прошу меня простить, вы не безумец, тогда в ваших словах я нахожу некоторые подтверждения моим собственным теориям. Интересно...

— В мои намерения входит, — продолжал я, — найти способ и средства вернуться в один из этих миров, если он еще существует, и во что бы то ни стало остаться там.

— Вас, стало быть, не очень прельщает мысль о перемещении из одного мира в другой, из одного Времени в иное?

— Нет, лорд Шаносфейн. Вечные скитания меня не прельщают. Особенно тогда, когда в одном из этих миров есть существо, к которому я испытываю великую любовь и к тому же взаимную.

— А как вы нашли тот мир?

Я начал рассказывать. И скоро обнаружил, что пересказываю ему всю свою жизнь, все, что случилось со мною с того часа, когда Джона Дэйкера призвал к себе король Ригенос, дабы помочь армиям Человечества в их войне с элдренами, а также подробности всех моих превращений и воплощений, все, что выпало на мою долю до той самой минуты, когда патруль из Ровернарка повстречался мне на берегу соленого моря. Он слушал меня с огромным вниманием, глядя вверх, на потолок, не прерывая, пока я не закончил.

Некоторое время он молчал, потом вздохнул и дал знак слуге:

— Принеси воду и рис.

Потом еще некоторое время сидел неподвижно, будто переваривая мой рассказ. Я подумал, что он теперь наверняка считает меня сумасшедшим.

— Так вы говорите, что вас сюда призвали, — в конце концов произнес он. — Но мы не призывали вас. И вообще это маловероятно, чтобы мы — какая бы опасность нам ни грозила — так сильно верили в древнюю легенду и так полагались на нее...

— А есть здесь еще кто-нибудь, кто мог призвать меня?

— Да.

— Но епископ Белпиг утверждает, что это тоже маловероятно.

— Мысли Белпига соответствуют его настроению в данный момент. Но здесь существуют и другие общины, помимо Ровернарка. Есть еще и города за морем. По крайней мере, они существовали, когда сюда явилось Серебряное Воинство.

— Белпиг ничего не упоминал об этом Воинстве.

— Может быть, он забыл. Прошло уже немало времени с тех пор, как мы в последний раз слышали о них.

— А кто они такие?

— Варвары. Грабители. Их цели нам не известны.

— Откуда они явились?

— Я думаю, с Луны.

— С неба? А где находится ваша Луна?

— Говорят, на другой стороне мира. В книгах я читал, что когда-то она все время была на небе, но теперь ее там нет.

— А эти Серебряные Воины, они люди?

— Нет, насколько можно судить по полученным нами сообщениям.

— А могут они представлять угрозу Ровернарку, милорд? Могут они вторгнуться сюда?

— Весьма возможно. Я думаю, они хотят завоевать эту планету.

Я взглянул на него, пораженный тем, как равнодушно он говорит об этом.

— И вас не беспокоит, что они могут вас уничтожить?

— Пусть они завоеют нашу планету. Какая нам разница? Наша раса все равно скоро погибнет от наступающих льдов — с каждым годом они подбираются к нам все ближе и ближе. А Серебряные Воины, кажется, лучше приспособлены к жизни в ледяном мире, чем мы.

Такой аргумент можно было понять. И хотя мне никогда еще не приходилось встречать подобного равнодушия и отсутствия интереса к собственной судьбе, я невольно восхищался своим собеседником. Но сочувствия к нему не испытывал. Ведь мне Судьбой была ниспослана вечная борьба. Правда, сейчас я еще не мог понять, за что и против чего. И хотя мне была ненавистна сама мысль о постоянной войне, о сражениях на протяжении всей моей жизни, мои воинственные инстинкты доминировали надо всем остальным.

Я пытался найти хоть какой-нибудь ответ на слова Светского Владыки. Между тем он поднялся со скамьи:

— Ну, что же, мы еще с вами встретимся и побеседуем. Вы можете жить в Ровернарке, пока у вас не возникнет желания покинуть его.

Сказав это, он вышел из комнаты.

Потом появился слуга с подносом в руках, на котором был рис и вода. Но у двери он повернулся и последовал за своим хозяином.

Итак, я побеседовал и с Духовным, и со Светским Владыками Ровернарка, но эти беседы внесли в мои мысли еще больший разлад, чем прежде. Почему Белпиг ничего не сказал мне о Серебряных Воинах? Суждено ли мне сразиться с ними, или — тут меня вдруг осенило! — именно народ Ровернарка окажется тем врагом, воевать с которым я и был сюда призван?

Глава V

Черный Меч

И вот, совершенно несчастный, терзаемый разлукой с Эрмизад и чувством огромной потери, я поселился в Обсидиановом городе — Ровернарке. Целыми днями я предавался размышлениям, раздумьям, копался в старинных книгах и странных манускриптах, пытаюсь найти решение собственной трагической дилеммы. Но ничего, кроме предчувствия неминуемой беды, не возникало, причем это ощущение росло в моей душе с каждым днем.

Если четко придерживаться истины, ни дней, ни ночей как таковых в Обсидиановом Городе не было. Люди ложились спать, просыпались, ели тогда, когда им хотелось, и вся остальная их деятельность подчинялась тому же ритму, поскольку ничего нового вокруг не происходило, а привычное не вызывало уже никакого интереса.

В мое распоряжение были предоставлены отдельные апартаменты. Они располагались уровнем ниже Харадейка, владений епископа Белпига. Мое жилище, разумеется, не было столь же пышно убрано и вычурно разукрашено, как апартаменты епископа, однако мне больше по душе была простота, которая царила во владениях Шаносфейна. Я, однако, выяснил, что именно по распоряжению Шаносфейна в его владениях были убраны все украшения. Это произошло, когда умер его отец и он наследовал его титул.

Мои апартаменты были более чем комфортабельны. Самый отъявленный сибарит счел бы их роскошными.

В первые недели пребывания в городе меня буквально осаждали посетители, точнее, посетительницы. Раздолье для любого развратника или женолюба. Но для меня, поглощенного любовью к Эрмизад, их бесконечные визиты в конце концов превратились в сплошной кошмар.

Одна за другой женщины являлись ко мне, чтобы, едва успев представиться, тут же предложить мне все мыслимые и даже немыслимые удовольствия — о таких не подозревал даже сам Фауст. К их огромному разочарованию, я — в высшей степени вежливо — отверг их всех. Мужчины тоже посещали меня, и тоже с подобными предложениями. Поскольку, согласно традициям и обычаям Ровернарка, в предложениях этих не было ничего постыдного и предосудительного, я отклонял их с наименьшей вежливостью.

Появлялся у меня и епископ Белпиг — тоже с предложениями и с подарками. Он приводил юных рабов и рабынь, так же, как и он сам, разукрашенных косметикой, его слуги приносили изысканные яства, на которые мне и смотреть не хотелось, и сборники эротической поэзии, которые меня совершенно не интересовали. Белпиг приглашал меня участвовать в действиях, которые не вызывали ничего, кроме отвращения. Но поскольку крышей над головой и возможностью рыться в книгохранилищах я был обязан именно Белпигу, я сдерживал раздражение, убеждая себя в том, что он не имел в виду ничего плохого, а, наоборот, желал мне добра, хотя, на мой взгляд, и его внешний вид, и его вкусы были просто тошнотворны.

Посещая многочисленные библиотеки, расположенные на разных уровнях Обсидианового города, я невольно становился свидетелем сцен, которые, как я раньше полагал, существовали только в описаниях Дантова Ада. Оргии в городе практически не прекращались. Я наталкивался на разврат везде, куда бы ни шел. Даже в некоторых библиотеках — из тех, что я посещал. И это был не просто обычный разврат.

Садистские пытки были здесь явлением обычным, и наблюдать за ними мог любой, кому хотелось. Тот факт, что жертвами этих издевательств были исключительно добровольцы, отнюдь не преуменьшал их гнусности и не делал их для меня более переносимыми. Здесь даже убийство не считалось вне закона, поскольку и мужчины, и женщины точно так же желали смерти, как убийца жаждал убийства. Этому бледному народу без будущего, без каких-либо надежд, было не к чему готовиться, за исключением смерти, и они проводили свое время в экспериментах с болью, точно так же, как они экспериментировали с удовольствиями.

Ровернарк совершенно сошел с ума. Он был поражен ужасным недугом, и мне было жаль этих

людей, столь совершенных и талантливых, но полностью погрязших в саморазрушении.

Под сводами богато и вычурно разукрашенных залов и галерей все время звучали стоны и крики: высокие, режущие ухо крики боли и наслаждения, смех, переходящий в рыдания, вопли ужаса, причитания, плач...

Я проходил мимо, иной раз спотыкаясь о мертвое тело, иной раз с трудом вырываясь из объятий какой-нибудь обнаженной девицы, едва переступившей порог половой зрелости.

Даже книги, что мне попадались, были странными и ужасными. Лорд Шаносфейн предупреждал меня об этом. Большая часть литературных произведений являла собой образчики совершенно декадентской прозы, настолько заумной, что по большей части казавшейся просто бессмысленной. Но заумной была не только художественная литература. Все исследования, основанные вроде бы на реальных фактах, были написаны в той же манере. Мой мозг просто отказывался воспринимать все это, у меня от напряжения голова шла кругом.

Иной раз, устав от бесплодных попыток понять смысл этих писаний, я уходил бродить по галереям, вырубленным в скале. Мне часто встречался там лорд Шаносфейн. Его аскетическое лицо всегда носило печать глубокой отрешенности; он был погружен в какие-то абстрактные размышления, а его подданные между тем шныряли вокруг, посмеиваясь над ним и делая у него за спиной неприличные жесты. Он редко обращал на них внимание: лишь иногда взглянет, склонив голову набок и слегка нахмурясь, и идет себе дальше.

Встречаясь с ним, я сначала всякий раз приветствовал его, но он, словно не замечая этого, проходил мимо. Я невольно раздумывал, что за мысли бродят в его голове. И был уверен в том, что, если он разрешит мне еще раз побеседовать с ним, я узнаю от него гораздо больше, нежели сумел узнать сам из прочитанных книг и манускриптов. Но он больше не давал согласия на аудиенцию.

Мое пребывание в Ровернарке было так похоже на сон, что по ночам я спал совершенно без сновидений. Так прошло пятьдесят ночей. Но на пятьдесят первую — мне кажется, это случилось именно тогда — ко мне вновь вернулись прежние видения...

Они очень напугали меня, когда я еще лежал в объятиях Эрмизад. А теперь я был даже рад этому...

...Я стоял на вершине холма и беседовал с рыцарем, у которого не было лица. Он был в черно-желтых доспехах. Между нами в землю был вбит шест, а на нем трепетал бледный флаг без какого-либо герба.

Под нами, в долине, горели города и села. Красные языки пламени поднимались повсюду, а над долиной висела пелена черного дыма.

Мне казалось, что все человечество сражается сейчас в этой долине — все, кто когда-либо жил и дышал на нашей планете, все — кроме меня.

Там передвигались, маршируя, огромные армии. Я видел воронов и стервятников, терзающих падаль на полях сражений. Я слышал отдаленный рокот барабанов, пушечную пальбу, звуки труб.

— Ты — граф Урлик Скарсол из Ледяного Замка, — сказал мне рыцарь без лица.

— Я — Эрекозе, ставший принцем элдренов, — отвечал я твердо.

Рыцарь без лица рассмеялся:

— Уже нет, о воин. Ты больше не Эрекозе.

— Почему я должен страдать бесконечно, о Черно-Желтый Рыцарь?

— Но ты вовсе и не будешь — если смиришься со своей судьбой. В конце концов смерть тебе не страшна. Да, ты можешь исчезнуть, но тут же возродишься в новом воплощении.

— Но именно это и заставляет меня страдать! Если бы я не помнил о своих предыдущих воплощениях, тогда я считал бы каждое из них просто обычной жизнью.

— Некоторые люди многое бы отдали за это!

— Но я же знаю далеко не все! Я знаю свою судьбу, но не знаю, за что она мне ниспослана! Я не понимаю строения вселенной, через просторы которой меня швыряет! И швыряет, кажется, совершенно наобум!

— Такая уж это вселенная. У нее нет постоянного строения.

— Ну вот, ты мне, по крайней мере, хоть это сообщил!

— Я отвечу на любой вопрос, какой ты ни задашь. Зачем мне лгать тебе?

— Тогда вот мой первый вопрос: «Зачем тебе лгать мне?»

— Ты слишком хитер, мой дорогой Герой! Я солгал бы тебе, если бы хотел тебя обмануть.

— Ты лжешь мне?

— Ответ будет такой...

И Рыцарь в черно-желтых доспехах исчез. Растворился. А армии все продолжали свои бесконечные марши у подножия холма. Все они пели, и до моего слуха донеслась одна из этих песен:

Империи падут,
Столетия уснут,
Исчезнут споры и иссякнут реки.
Все рыцари умрут,
Надежды, пропадут,
Но Танелорн останется вовеки.
Наш Танелорн останется навеки...

Обычная маршевая солдатская песня, но что-то в ней было, что-то очень важное для меня. То ли сам я когда-то имел отношение к Танелорну? То ли пытался найти его?

Я так и не понял, которая именно из проходивших внизу армий пела эту песню. А она уже доносилась откуда-то издалека, еле слышно:

И все миры уйдут,
Во мраке пропадут,
Но Танелорн останется вовеки.
Наш Танелорн останется навеки...

Танелорн...

Меня вновь охватило чувство огромной утраты, такое же, как тогда, когда меня оторвали от Эрмизад. Но теперь оно было связано с Танелорном.

И я решил, что, если бы мне удалось найти Танелорн, я бы, возможно, нашел и ключ к загадке своей Судьбы, а также способ покончить с этой обреченностью и преследованиями рока.

На холме рядом со мной, по другую сторону от флага, вдруг возникла неясная женская фигура. А внизу все шли и шли бесконечные армии, все пылали города и деревни...

Я взглянул на появившуюся женщину и невольно воскликнул:

— Эрмизад!

Она лишь грустно улыбнулась мне:

— Я не Эрмизад. Ты имеешь одну душу и много воплощений, а у Эрмизад одно обличье, но много душ!

— На свете есть только одна Эрмизад!

— Да, но есть много других, что похожи на нее.

— Кто ты?

— Я — это я.

Я отвернулся. Я знал, что она говорит правду, что это не Эрмизад, но я не мог видеть ее лицо, лицо Эрмизад. Я уже устал от этих бесконечных загадок.

Потом я спросил у нее:

— А ты слыхала о Танелорне?

— Многие слыхали о Танелорне. И многие пытались его найти. Это очень древний город. Он существует вечно.

— Как мне попасть туда?

— Только ты сам можешь ответить на этот вопрос, Герой.

— Но где он находится? В этом мире, в мире Урлика?

— Танелорн существует во многих мирах, во многих царствах, во многих измерениях. Танелорн вечен. Иной раз он недоступен, иной раз — открыт для всех, хотя большинство даже не представляет себе истинной сущности этого города. Но Танелорн принимал и принимает многих Героев.

— Найду ли я Эрмизад, если мне удастся найти Танелорн?

— Ты найдешь все то, что действительно стремишься найти. Но сначала ты должен вновь взять в руки свой Черный Меч.

— Вновь? Разве я уже владел Черным Мечом?

— Владел, и не раз.

— А где мне искать его?

— Скоро узнаешь. Очень скоро он будет у тебя, ибо носить его — твой удел и твоя трагедия.

И женщина тоже исчезла.

А армии все продолжали передвигаться, и поселения в долине все горели, и на шесте по-прежнему развевался флаг без герба...

Затем на том месте, где только что стояла женщина, материализовалось нечто, не похожее на человека. Какое-то дымное облако, постепенно менявшее форму.

Я сразу понял, что это — Черный Меч. Огромный черный двуручный меч с лезвием, покрытым руническими письменами, обладающими чудовищной магической силой.

Я невольно отступил назад:

— НЕТ! Я БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ВОЗЬМУ ЕГО!

В ответ чей-то голос, полный мудрости и злобы и, казалось, исходящий прямо из лезвия меча, издевательски произнес:

— ТОГДА ТЕБЕ НИКОГДА НЕ ЗНАТЬ ПОКОЯ!

— ИЗЫДИ! ПРОЧЬ!

— Я ТВОЙ, ТОЛЬКО ТВОЙ. ТЫ — ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО МОЖЕТ НОСИТЬ МЕНЯ!

— Я ОТРЕКАЮСЬ ОТ ТЕБЯ!

— ТОГДА ТВОИ СТРАДАНИЯ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ!

Я проснулся от собственного крика, весь мокрый от пота. Рот и горло жгло, как огнем.

Черный Меч. Теперь я все вспомнил. Теперь я знал, что он каким-то образом связан с моей Судьбой.

Но все остальное — был ли то лишь ночной кошмар, дурной сон? Или мне в символической форме предлагалась какая-то информация? Мне так и не удалось этого понять.

Я протянул руку, и она вдруг коснулась чьего-то теплого тела. Эрмизад вернулась ко мне!

Я привлек к себе обнаженное тело и наклонился, чтобы поцеловать ее в губы...

Она ответила на мой поцелуй. Губы ее, жаркие и сухие, жадно прильнули к моим. Нагое тело прижалось ко мне, и она зашептала мне на ухо какие-то непристойности...

С жутким проклятием я отскочил в сторону. Ярость и отвращение овладели мною. Это была вовсе не Эрмизад! Это была одна из женщин Ровернарка, забравшаяся ко мне в постель, пока мной владел ночной кошмар.

Чувство разочарования было столь непереносимым, что я зарыдал. А женщина смеялась.

Потом иное чувство овладело мною — странное чувство, совершенно мне незнакомое, но оно овладело всем моим существом.

Я яростно накинулся на обнаженную плоть:

— Так ты жаждешь удовольствий?! Хорошо, ты их получишь, все удовольствия на свете!

Утром я проснулся на развороченной постели, опустошенный и обессиленный. Женщина поднялась и, пошатываясь, удалилась со странным выражением на лице. Видимо, то, что она испытала со мною этой ночью, было далеко от удовольствий. Я, во всяком случае, ничего похожего не ощутил, и мной владело одно отвращение.

Но в голове у меня засело воспоминание о ночном кошмаре. Видение Черного Меча не покидало меня. Думаю, что я набросился на эту женщину лишь с одной целью — забыть о нем, избавиться от этого воспоминания. Кажется, именно это преследовавшее меня видение и заставило меня проделывать с этой несчастной все то, что я с нею проделал. Не знаю, до конца не уверен. В чем я, однако, был твердо уверен, так это в том, что много раз проделаю это с нею, если это даст мне возможность избавиться — хотя бы на несколько мгновений — от преследующего меня видения.

На следующую ночь я спал без сновидений. Но старые страхи вновь овладели мною. И когда у меня в спальне снова появилась та женщина, которую я всю истерзал прошлой ночью, я хотел тут же прогнать ее. Но она сказала, что пришла с поручением от епископа Белпига. Она, по-видимому, была одной из его рабынь.

— Мой господин считает, что некоторое разнообразие поможет вам справиться с плохим настроением, — сообщила она. — Он завтра собирается на большую охоту в море. И спрашивает, не хотите ли и вы принять в ней участие.

Я отшвырнул книгу, которую пытался читать.

— Ладно. Я поеду. Это, наверное, будет интереснее, чем ломать себе голову над этими проклятыми книгами!

— А меня вы с собой возьмете, лорд Урлик?

На лице ее было написано неприкрытое желание. Она облизнула влажные губы, и это заставило меня вздрогнуть от отвращения.

Но я лишь пожал плечами:

— А почему бы и нет?

Она захихикала:

— А можно мне взять с собой подружку? Она очень аппетитная!

— Как хочешь.

Но когда она вышла, я упал на полированный обсидиановый пол и, обхватив голову руками, заплакал.

— Эрмизад! О, моя Эрмизад!

Глава VI

Соленое море

На следующее утро я присоединился к епископу Белпигу за воротами, на дороге, ведущей вниз, к морю. Теперь я мог гораздо лучше разглядеть его лицо, которое он пытался спрятать под слоем косметики, поскольку здесь все-таки светило солнце, хотя и тусклое. В его неярком свете сразу стали видны набрякшие веки, обвисшие щеки, опущенные углы чувственного, порочного рта, морщины, свидетельствующие о годах разврата, — и все это было покрыто пудрой, румянами и белилами, призванными сделать его внешность хоть немного более пристойной.

Духовного Владыку окружала его свита: такие же размалеванные мальчики и девицы, хихикающие и кривляющиеся. Поеживаясь от холода, они тащили вниз массу багажа.

Епископ подхватил меня своей жирной ручкой под руку и повлек впереди своей свиты вниз, к гавани, где нас ждал очень странный корабль.

Я поборол отвращение, когда меня коснулась рука Белпига. Оглянувшись назад, я убедился, что мое оружие несут следом. Раб пошатывался под тяжестью моего длинного, отделанного серебром копья и боевого топора. Я и сам не мог понять, зачем мне понадобилось брать с собой оружие, но епископ не выказал никаких признаков неудовольствия по этому поводу, хотя я совсем не был уверен в том, что это ему понравилось.

Несмотря на полное разложение и безысходность, царившие в Ровернарке, город никогда ничем мне не угрожал. Его обитатели не делали мне ничего плохого и, убедившись в том, что я не склонен участвовать в их развлечениях, оставили меня в покое. Они, так сказать, соблюдали по отношению ко мне полный нейтралитет. Лорд Шаносфейн тоже соблюдал нейтралитет. Но вот о епископе Белпиге этого сказать было нельзя. Было в нем что-то гнусное, зловещее; я уже начинал склоняться к мысли, что он здесь, вероятно, единственный, у кого могло возникнуть хоть какое-то стремление, хоть какое-то желание — пусть даже самое противоестественное — вырваться за рамки привычного времяпрепровождения.

Конечно, если судить чисто по внешним проявлениям, епископ Белпиг был самым отъявленным из всех здешних сибаритов, и то, что я подозревал в нем какую-то угрозу, было, вероятно, следствием моего пуританского воспитания. Я все твердил себе, что он — единственный житель Ровернарка, в котором заметны хитрость и изворотливость.

— Ну, мой милый граф Урлик, что вы думаете по поводу этого корабля? — Белпиг ткнул своим толстеньким, унизанным кольцами пальцем в сторону причала. Он был сегодня в таких же пузыреобразных доспехах, что я впервые увидел на всадниках из встретившего меня на берегу патруля. Шлем его нес один из рабов. На плечи епископа был наброшен расшитый плащ.

— Никогда не видел ничего более странного, — ответил я откровенно.

Мы уже подошли к полосе прибоя, и корабль был теперь хорошо виден. Он стоял близко от берега, где толпилась группа людей. Я решил, что это, видимо, его команда. Корабль был футов сорока в длину и футов десяти в высоту. Отделан и изукрашен он был так же роскошно, как и все остальное в Ровернарке: золотые, серебряные, бронзовые рельефные накладки покрывали все его деревянные части. Надстройки возвышались на нем пирамидой; они напоминали уходящие ввысь бесконечные террасы, образующие узкие палубы. Завершала их небольшая квадратная палуба, украшенная несколькими знаменами. Корпус корабля был поднят над уровнем воды на нескольких подпорках, к которым крепился широкий, чуть вогнутый лист какого-то полированного материала, напоминающего фибергласс. Корабль не имел мачт, но по обоим бортам виднелись колеса с широкими плечами. В отличие от привычных колесных пароходов эти колеса не были заключены в кожухи, а просто торчали наружу. Плицы их, хотя и толстые и широкие, казались слишком хрупкими, чтобы двигать этот корабль по соленому морю.

— У него, должно быть, очень мощная машина, — предположил я.

— Машина? — Белпиг захихикал. — Нет у него никакой машины.

— А как же тогда?..

— Погодите, сами увидите. Давайте поднимемся на борт.

У людей, стоявших на берегу, было наготове двое носилок. Они явно предназначались для нас. Белпиг и я, хрустя подошвами по кристаллическому песку пляжа, приблизились к ним. Епископ несколько неохотно забрался в одни носилки, я — в другие. Можно было бы, конечно, дойти до корабля вброд, но вид этой похожей на слизь вязкой соленой воды не вызывал у меня ничего, кроме отвращения. Ключья серой пены плескались у берега, где волны бились о песок. Пахло гнилью, плесенью и отбросами. Видимо, все нечистоты Ровернарка сбрасывались прямо в море.

Рабы подняли носилки и вошли в воду, которая своей плотностью больше походила на кашу. Поверхность ее была покрыта какими-то растениями, черными и маслянистыми. С борта корабля спустили раскладной трап, и Белпиг первым взобрал по нему на палубу, задышав и жалуясь на трудный подъем. Затем мы вошли в дверь в нижней части надстройки и стали подниматься по новым трапам, пока не достигли самой верхней палубы корабля.

Свита и экипаж последовали за нами. Они разместились на других палубах, ниже нас.

Нос корабля был высоко поднят над водой. По обоим бортам вдоль носовой надстройки тоже шла узкая, как галерея, палуба, окруженная перилами из кованого железа в стиле рококо. С этой галереи вниз, в воду, свисало множество канатов. Они крепились к пиллерсам, и я решил, что это якорные канаты.

Осматривая корабль, я подумал, что он больше похож на огромную повозку, нежели на морское судно. Его колеса с множеством спиц тоже больше напоминали колеса телеги. К тому же я не заметил, чтобы к ним шел хоть какой-то привод.

Появился раб, который тащил мое оружие, и вручил мне копье и топор. Я поблагодарил его и закрепил их в зажимах, специально для этого приделанных к внутренней стороне фальшборта.

Белпиг взглянул на небо, как моряк обычно смотрит, чтобы определить погоду и ветер. На мой взгляд, в низко плывущих облаках, в окружающих залив мрачных утесах и в вяло плещущих волнах не изменилось ничего. Солнце было скрыто тучами, которые еще больше рассеивали его и без того скудный свет. Я поплотнее запахнул свой толстый плащ, с нетерпением ожидая, когда епископ отдаст наконец приказ отплывать.

Я уже сожалел о своем решении составить ему компанию в этой поездке, так как не имел ни малейшего представления, на кого мы будем охотиться и каким образом. Кроме того, ощущение дискомфорта усиливалось еще и тем, что внутренний голос все время нашептывал мне, что Белпиг пригласил меня на эту охоту по каким-то своим соображениям, далеким от того, чтобы просто развеять скуку.

Моррег, капитан епископской стражи, поднялся к нам по трапу и поклонился Белпигу:

— Корабль готов к отплытию, лорд епископ.

— Хорошо, — ответил тот, кладя руку на мое плечо. — Сейчас вы увидите, что за машина движет этим кораблем, граф Урлик. — Он со значением улыбнулся Моррегу. — Командуйте, Моррег.

Моррег перегнулся через перила. На носовой палубе на скамьях сидели вооруженные воины, держась за канаты, которые я вначале считал якорными. У них в руках были хлысты, а рядом со скамьями лежали длинные острые гарпуны.

— К отплытию! — крикнул Моррег.

Стражники натянули канаты и подняли хлысты.

— Вперед!

Хлысты по его команде одновременно поднялись и, щелкнув, хлестнули по поверхности моря. Раз, другой, третий... Море под носом корабля вдруг заволновалось, и из глубины что-то поднялось к поверхности воды.

И вдруг над волнами показались огромные головы с оскаленными пастьми. Головы одновременно

повернулись и посмотрели на людей с хлыстами, сидевших на баке. Из пастей вырвались странные лающие звуки. Чудовищные драконьи тела взбурлили поверхность моря. У этих животных были плоские головы и длинные носы. На них была надета особая сбруя, от которой на бак тянулись канаты-вожжи, с помощью которых воины заставили животных развернуться мордами в открытое море.

Вновь щелкнули хлысты, и животные потянули корабль вперед.

Колеса закрутились. Но они вовсе не двигали корабль, они лишь поддерживали его на воде, как колеса держат повозку.

Да, именно повозкой и был этот странный корабль, огромной повозкой, предназначенной для того, чтобы катиться по поверхности воды с помощью страшных монстров, которые мне представлялись жуткой помесью легендарного морского змея, морских львов из мира Джона Дэйкера и саблезубых тигров.

Волны кошмарного океана бороздили совершенно кошмарные животные, которые тащили за собой наше чрезвычайно странное судно!

Хлысты защелкали громче, воины затагнули какую-то песню, и монстры еще быстрее повлекли корабль в открытое море. И вскоре Ровернарк и весь унылый берег скрылись за горизонтом. Мы были одни в этом странном безмолвном море.

Епископ Белпиг оживился. Он надел шлем и поднял забрало. В обрамлении полированной стали его лицо выглядело еще более порочным.

— Ну, граф, что вы думаете об этих наших «машинах»?

— Никогда не встречал подобных чудовищ! И даже представить не мог, что такое существует! Как вам удастся приручать их?

— Мы их называем *слеви* и разводим специально для этой работы. Это домашние животные. Когда-то в Ровернарке было много ученых. Они создали наш город, снабдив его отоплением от источников тепла в глубине планеты. Они построили наши корабли, а также вывели разные новые породы животных для перевозки тяжестей. Но это было тысячи лет назад. Теперь нам такие ученые уже не нужны...

«Странно», — подумал я. Но никак не отреагировал на это заявление. Вместо этого я сказал:

— Так на кого мы будем охотиться, лорд епископ?

Белпиг глубоко вздохнул, словно в предвкушении:

— Мы будем охотиться на самого морского оленя, вот на кого! Это опасное предприятие! Мы все можем погибнуть!

— Мысль о смерти в этом мерзком море не очень привлекательна, — заметил я.

— Да, гнуснее смерти не придумаешь! — он захихикал. — Это, наверное, самая похабная из всех смертей! Но в этом-то и заключается прелесть нашего предприятия!

— Может быть, для вас.

— Да бросьте, граф! Мне кажется, вам уже начинает нравиться наш образ жизни!

— Вы знаете, как я благодарен вам за гостеприимство. Если бы не вы, я бы, вероятно, совсем пропал... Но слово «нравится» сюда как-то не очень подходит. Так мне, во всяком случае, кажется.

Он облизал свои пухлые губы. Его бледные глазки теперь горели и сверкали.

— Но эта девочка-рабыня?..

Я глубоко вдохнул в себя холодный, насыщенный солью воздух.

— Мне приснился той ночью ужасный кошмар, а проснувшись, я обнаружил подле себя эту девицу. Мне даже сначала показалось, что она — продолжение этого кошмара...

Белпиг расхохотался и похлопал меня ладонью по спине:

— Эх вы, сластолюбец! В Ровернарке не надо ничего стесняться! Она мне все рассказала!

Я отвернулся и оперся на перила фальшборта, глядя на мрачные волны. На лице у меня уже

образовалась корка соли. Борода от нее вся склеилась и царапала мне кожу.

Морские чудища, издавая время от времени лающие звуки, тащили корабль вперед, колеса шлепали своими плечами по густосоленой воде, епископ все хихикал и обменивался взглядами с мрачным Моргегом. Иногда в разрывы между тучами пробивались лучи тусклого красноватого светила. Оно выглядело как драгоценный камень, свисающий с потолка темной пещеры. Иной раз тучи сходились столь низко и столь плотно, что закрывали вообще весь свет, и мы двигались в полной темноте, в которой едва видны были слабые огоньки наших фонариков. Поднялся легкий бриз и захлопал полами моего плаща, заполоскал знамена, висевшие на флагштоках, но почти не потревожил поверхность соленого моря.

Волнение в моей душе улеглось. Губы еще пытались произнести имя Эрмизад, но ни звука не слетало с них, словно они боялись чего-то.

Корабль продолжал двигаться вперед. Ничем не занятый экипаж и рабы из свиты епископа бесцельно слонялись по палубам, присаживаясь то там, то тут.

А епископ Белпиг, кажется, вовсю наслаждался прогулкой. Его толстые щеки все время тряслись от хохота.

Я подумал, что теперь мне все совершенно безразлично, даже если я погибну на этой охоте в этом странном соленом море.

Глава VII

Колокол и Чаша

Несколько позже епископ Белпиг удалился в свою каюту вместе с рабами. Девушка, что принесла его приглашение на охоту, появилась на палубе, подошла ко мне и положила теплую ладонь на мою озябшую руку.

— Господин, я не нужна тебе?

— Пойди отдайся Морегу или кому-нибудь еще, кто тебя пожелает, — ответил я равнодушно. — И, прошу тебя, забудь о той ночи...

— Но ты же сам велел мне ехать и подружку с собой взять... Я думала, ты уже немного привык к нашим обычаям и тоже хочешь получать удовольствие...

— Никакого удовольствия ваши обычаи мне не доставляют. Пожалуйста, уходи.

Она ушла, и я остался на палубе в одиночестве. Потер ладонью уставшие глаза, залепленные солью. Потом тоже спустился вниз, нашел отведенную мне каюту и запер за собой дверь. Рундук, сплошь заваленный мехами, я проигнорировал и предпочел улечься в подвесной койке, предназначенной, несомненно, для слуги.

Укачиваемый в этом гамаке, я скоро заснул.

И сразу мне стали сниться сны, неясные и странные. Какие-то картины, какие-то слова... Лишь некоторые из них достигали моего слуха, но и этого было достаточно, чтобы я содрогнулся.

Слова эти барабанным боем звучали у меня в ушах. Я потряс головой и чуть не вывалился из гамака. За дверью послышались чьи-то поспешные шаги. Потом шаги раздались у меня над головой. Я вылез из гамака, подошел к умывальнику в углу, плеснул в лицо холодной водой, а затем вышел из каюты и по разукрашенному трапу поднялся на верхнюю палубу.

Там стоял Морег и еще один человек. Они наклонились через фальшборт, прислушиваясь к чему-то. Воины на баке продолжали хлестать тягловых чудовищ.

Увидев меня, Морег отступил от борта. Его бледные глаза смотрели озабоченно.

— Что там? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Нам показалось, что мы что-то услышали. Странный звук... Мы такого в здешних водах никогда не слышали.

Я тоже некоторое время прислушивался, но услышал только щелканье хлыстов да шлепанье плиц о воду.

Потом я различил какой-то иной звук. Неясный, гулкий, прямо по курсу корабля. Я впился глазами в туманную даль. Звук доносился все более отчетливо.

— Это же колокол! — вскричал я.

Морег нахмурился:

— Колокол? Может, впереди скалы? И кто-то нас предупреждает?

Морег ткнул пальцем в морских чудовищ:

— Если бы впереди были скалы, слезы их тотчас бы почуяли и отвернули в сторону.

Звон между тем усиливался и приближался. Он, видимо, исходил от огромного колокола: звук был низкий и глубокий, от него даже корпус корабля дрожал.

Он беспокоил и наших морских чудовищ. Они пытались свернуть, но хлысты воинов заставляли их плыть по прежнему курсу.

А звук все нарастал, пока, казалось, не обволок всех нас.

На палубе появился епископ Белпиг. Он был без доспехов, в чем-то вроде ночной рубашки, поверх которой был накинут огромный меховой плащ. Колокол, без сомнения, заставил его прервать очередную оргию. На лице епископа был написан откровенный страх.

— Вы знаете, что это за колокол?

— Нет! Нет!

Но я понял, что он знает. Или, по крайней мере, догадывается, что это такое. И очень этого боится.

— Бладрак... — начал было Моргег.

— Молчать! — рявкнул Белпиг. — Как он мог здесь оказаться?

— Что такое *бладрак*? — спросил я.

— Ничего, — пробормотал Моргег, глядя на епископа.

Я не стал настаивать, но ощущение опасности, которое не покидало меня с того момента, как я взошел на этот корабль, еще более усилилось.

Звон теперь был такой мощный, что у меня заболели уши.

— Поворачивай корабль! — приказал Белпиг. — Командуй, Моргег! Быстро!

Его явный страх удивил меня. Раньше он производил впечатление уверенного в себе человека.

— Возвращаемся в Ровернарк? — спросил я.

— Да, мы... — он замялся, глаза его скользнули по мне, повернулись к Моргегу, потом обратились в море. Он попытался улыбнуться. — Нет, пожалуй, нет.

— Почему вы передумали? — спросил я.

— Проклятие! Да замолчите же! — заорал было он, но тут же взял себя в руки. — Простите, граф Урлик. Ужасный звон! Нервы не выдерживают... — и он быстро убрался вниз по трапу.

А колокол все продолжал греметь, но воины уже разворачивали наших тягловых чудищ. Вспенив волны хвостами, те развернули корабль на обратный курс.

Воины без устали погоняли их хлыстами, и корабль постепенно набирал ход.

А звон все звучал, но звук его теперь был несколько тише.

Корабль шел очень быстро, и колеса поднимали водяную пыль, сбивая верхушки волн. Наша огромная морская повозка вся тряслась и качалась, и мне пришлось даже ухватиться за перила.

Звон понемногу стихал за кормой, и скоро вокруг нас вновь царила почти полная тишина.

Епископ снова появился на палубе, на сей раз облаченный в броню и с плащом на плечах. Лицо соответствующим образом обработано косметикой, но под ее слоем я заметил необычную для него бледность. Он поклонился мне, кивнул Моргегу и даже изобразил на губах нечто вроде улыбки.

— Простите, граф Урлик. Я на секунду потерял голову. Я только перед этим проснулся и еще не пришел в себя... Ужасный был звук, правда?

— Более ужасный для вас, нежели для меня, как мне кажется. Я думаю, вы узнали этот звук, епископ.

— Нет!

— И Моргег тоже узнал. Он даже назвал какое-то имя — Бладрак...

— Очередная сказка! — Белпиг резко взмахнул рукой, словно прекращая этот разговор. — Легенда о морском чудовище, Бладраке, голос которого якобы похож на звук огромного колокола. Моргег вообще верит во всякие чудеса. И, видимо, решил, что Бладрак явился сюда, чтобы поглотить нас. — Голос его поднялся почти до визга и звучал совершенно неубедительно.

Я был гостем на этом корабле, и мне было неудобно продолжать свои расспросы. Пришлось

удовлетвориться тем объяснением, которое мне было предложено, хотя оно выглядело как только что сочиненная ложь. Я вернулся в свою каюту, а Белпиг отдал Моргегу приказ вновь изменить курс. В каюте я обнаружил все ту же девицу. Она лежала на койке совершенно голая и улыбалась мне.

Я тоже ей улыбнулся и залез в гамак.

Но вскоре меня опять побеспокоили.

Не успел я закрыть глаза, как услышал крики на палубе.

Опять я торопливо вылез из гамака и побежал наверх.

На этот раз не было никаких колоколов. Белпиг и Моргег, перегнувшись через борт, кричали что-то матросу на нижней палубе. Когда я вышел на палубу, тот как раз отвечал им:

— Клянусь, я видел! Свет слева по курсу!

— Но мы далеко от берега! — не унимался Моргег.

— Тогда это, наверное, корабль.

— Что, еще одна легенда ожила? — спросил я Белпига.

Он резко повернулся и уставился на меня.

— Я сам ничего не понимаю, граф Урлик! По-моему, матрос все выдумывает! Ему просто показалось! Обычная вещь: стоит встретить в море одно необъяснимое явление, за ним тут же следуют другие!

Я кивнул. Так действительно бывает. Но тут я сам увидел свет в море.

— Смотрите, это, должно быть, еще один корабль!

— Слишком мощный свет для корабельного фонаря.

И тут я решил задать ему вопрос, который не давал мне покоя после беседы с лордом Шаносфейном.

— А что, если это Серебряное Воинство?

Епископ бросил на меня испытующий взгляд.

— А что вы знаете о Серебряном Воинстве?

— Очень немного. Например, что они принадлежат к иной расе. Что они завоевали большую часть побережья по ту сторону моря. Их считают пришельцами из страны, которая зовется Луной и находится на обратной стороне мира.

— Кто вам все это рассказал?

— Лорд Шаносфейн. Светский Владыка.

— Ну, он мало знает о событиях в мире, — сказал епископ. — Он больше интересуется абстрактным знанием. Серебряное Воинство — не такая уж серьезная угроза. Они разграбили пару городов на том берегу, это правда, но, по моему мнению, они уже ушли, исчезли.

— А почему вы мне о них ничего не рассказали, когда я спрашивал, есть ли у вас враги или опасность их появления?

— Что? Враги? — Белпиг рассмеялся. — Я вовсе не считаю врагами этих воинов с другой стороны мира, которые никогда не угрожали нам!

— Вы их даже потенциальными врагами не считаете?

— Даже потенциальными! Как они могут напасть на нас? Ровернарк неприступен!

Тут опять раздался хриплый голос матроса:

— Вон! Вон, смотрите!

Матрос был прав.

И тут я услышал голос. Отдаленный, неясный, он словно звал на помощь.

— Может, кто-то попал в беду? — предположил я.

Епископ сделал нетерпеливый жест.

— Вряд ли!

И свет, и голос меж тем приблизились. И до нас явственно донеслось одно слово. Очень явственно.

— Берегитесь! — кричал голос. — Берегитесь!

Белпиг фыркнул:

— Пиратская уловка, вот что это такое! Моргег, воинов к бою!

Моргег отправился вниз.

Источник света был теперь совсем близко. А голос звучал несколько иначе — как стон или плач.

И тут мы увидели, что это такое. Огромная золотая чаша, словно подвешенная во мраке. Чаша гигантских размеров. Именно из нее исходили и свет, и стон.

Белпиг даже отступил на шаг и прикрыл глаза. Он, несомненно, никогда в жизни не видел такого яркого света.

Голос зазвучал вновь:

— УРЛИК СКАРСОЛ, ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ИЗБАВИТЬ ЭТОТ МИР ОТ БЕД И ОБРЕСТИ ПОКОЙ ДУШИ — ТЫ ДОЛЖЕН ВНОВЬ ПОДНЯТЬ ЧЕРНЫЙ МЕЧ!

Это был голос, который преследовал меня в моих ночных кошмарах. Теперь он звучал наяву. Настала моя очередь испугаться.

— Нет! — воскликнул я в ответ. — Я никогда больше не коснусь Черного Меча! Я поклялся в этом!

Я произносил все эти слова сам, но они как будто исходили не из моих уст, словно не я их придумал. Ведь я до сих пор так и не понял, что такое Черный Меч и почему я отказываюсь владеть им. И отвечал как бы не я, а все те воины, коими я когда-то был, и те, кем мне еще предстояло стать.

— ТЫ ДОЛЖЕН!

— Никогда! Ни за что!

— ЕСЛИ НЕТ, ЭТОТ МИР ПОГИБНЕТ!

— Он и так обречен!

— НЕТ!

— Кто ты? — я все еще не верил, что это проявление какой-то потусторонней, сверхчеловеческой силы. Все, что до сего времени со мной случалось, имело хоть сколько-нибудь приемлемое объяснение. Но только не эта кричащая Чаша и не этот голос, звучащий с небес, подобно голосу Бога. Я всматривался в Чашу, стараясь определить, что в нее налито, но, похоже, она была пуста.

— Кто ты? — вновь прокричал я.

Искаженное лицо епископа Белпига заливал яркий свет. Он корчился от ужаса.

— Я — ГОЛОС ЧАШИ. ТЫ ДОЛЖЕН ВНОВЬ ПОДНЯТЬ ЧЕРНЫЙ МЕЧ!

— Никогда!

— ТЫ НЕ СТАЛ СЛУШАТЬ ГОЛОС, ЧТО ЗВУЧАЛ В ТВОИХ СНАХ, ПОЭТОМУ Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ НАЯВУ В ЭТОЙ ФОРМЕ, ЧТОБЫ ТЫ НАКОНЕЦ ПОНЯЛ, ЧТО ДОЛЖЕН ВНОВЬ ПОДНЯТЬ ЧЕРНЫЙ МЕЧ...

— Никогда! Я же поклялся!

— ...И КОГДА ТЫ ПОДНИМЕШЬ ЭТОТ МЕЧ, ТОГДА СМОЖЕШЬ НАПОЛНИТЬ ЧАШУ! ДРУГОЙ ТАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ МОЖЕТ НЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ, ВЕЧНЫЙ ГЕРОЙ!

Я зажал уши ладонями и закрыл глаза.

И тут же почувствовал, что свет пропал.

Я поднял веки.

Чаша исчезла. Вокруг опять царил мрак.

Белпиг весь трясся от страха. Было ясно, что он считает меня виновником этого ужасного явления.

— Это не по моей вине, уверяю вас, — произнес я мрачно.

Белпиг долго кашлял, прежде чем что-то сказать.

— Я слышал о людях, способных вызывать иллюзии, граф Урлик, но совсем не такие иллюзии... Не такие страшные... Это впечатляет, но я надеюсь, вы не станете еще раз злоупотреблять своей властью... То, что я не могу ответить на ваши вопросы касательно этого колокола, вовсе не значит, что вам следует прибегать...

— Даже если это была иллюзия, епископ, вызвал ее вовсе не я.

Белпиг хотел что-то сказать, но передумал. Пошатываясь и содрогаясь, он отправился вниз.

Глава VIII

Логовище морского оленя

Я еще долгое время оставался на палубе, вглядываясь в полумрак в надежде увидеть хоть что-нибудь, что даст мне ключ к разгадке этого странного видения. Если не считать той ночи в царстве элдренов, когда я видел себя таким, каким я стал теперь, это было в первый раз, когда мои ночные кошмары явились ко мне наяву.

И теперь это был, конечно, не сон, ибо епископ Белпиг был всему этому живым свидетелем, равно как и весь экипаж корабля, и члены его свиты. Они переговаривались на нижних палубах-террасах, поглядывая на меня с некоторым беспокойством, несомненно надеясь, что я более не допущу подобных явлений.

Однако если кричащая чаша была со мной, то невидимый колокол явно имел какое-то отношение к епископу Белпигу.

Тогда почему епископ продолжал эту охоту? Любой здравомыслящий человек на его месте давно бы вернулся к Обсидиановому городу, к безопасности. Может быть, он назначил в этих водах randevu с кем-нибудь? Но с кем? С кем-то из пиратов, которых он упоминал ранее? Или даже с Серебряным Воинством?

Но все это были незначительные вопросы по сравнению с последним событием. Так что же такое этот Черный Меч? И почему что-то внутри меня столь решительно от него отрекалось, хотя я понятия не имел о том, что это такое? Несомненно, это название вызвало в моей душе какой-то отклик, словно что-то смутно знакомое. И еще — мне очень не хотелось думать об этом. Именно поэтому я в ту ночь овладел этой девицей. Кажется, я был готов делать все что угодно, лишь бы забыть об этом мече, бежать от него.

Позднее, все такой же смущенный и растерянный, я вернулся в свою каюту и залез в гамак. Но заснуть не мог. Я просто не хотел спать, опасаясь, что во сне ко мне опять придут кошмары.

Я вспомнил обращенные ко мне слова: *Если ты хочешь избавить сей мир от бед и найти решение собственных проблем, ты должен вновь поднять Черный Меч.*

Монотонный речитатив вновь зазвучал в моих ушах: *Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч — меч Героя. Слово Меча — Закон для Героя...*

В одном из своих воплощений — то ли в прошлом, то ли в будущем, поскольку Время по отношению ко мне значения не имело — я, видимо, отрекся от Черного Меча и избавился от него. И тем самым, по всей вероятности, совершил преступление (или, по меньшей мере, обидел кого-то — или что-то? — жаждавшее, чтобы я вернул себе этот меч), за которое теперь я нес наказание: именно за это меня швыряло то туда, то сюда во Времени и Пространстве. Или, вполне возможно, как на то намекали мои ночные кошмары, мое наказание именно в том и состояло, что я теперь знал обо всех моих превращениях и воплощениях и полностью осознавал всю глубину своей трагедии. Утонченное наказание, если это действительно так.

Хотя я более всего желал обрести мир и покой и получить возможность вернуться к Эрмизад, что-то внутри меня отказывалось платить такую цену — согласиться вновь поднять Черный Меч.

На Клинке Черного Меча — Кровь Солнца. Рукоять Меча и Рука Героя — Единое Целое...

Еще более загадочное заявление. Я не имел ни малейшего понятия, что означает его первая часть. Вторая, по всей вероятности, означала просто, что моя собственная судьба и судьба меча тесно переплетены и неразделимы.

Руны на Клинке Меча — Могушественны и Мудры. Имя Меча есть имя Косы.

Здесь первую часть еще можно было понять. Она просто означала, что на клинке записана некая мудрость. Вполне возможно также, что под Косой подразумевалась та самая коса, с которой якобы

приходит к нам Смерть.

Но и теперь я знал не более, чем раньше. Казалось, что я должен был все же снова взять в руки этот меч, несмотря на то что никто мне так и не объяснил, почему я когда-то решил навек с ним расстаться.

В дверь каюты постучали. Решив, что это опять давешняя девица, я крикнул:

— Оставь меня в покое!

— Этот Моррег, — раздался в ответ голос командира епископской гвардии. — Епископ просил сообщить вам, что мы подняли морского оленя. Охота сейчас начнется.

— Хорошо. Иду.

Я слышал, как Моррег удалился по коридору. Надел шлем, взял боевой топор и копье и пошел наверх.

Может, азарт охоты поможет мне избавиться от моих мыслей?

Белпиг за это время как будто полностью пришел в себя и вновь выглядел веселым и самоуверенным. Он был в полном вооружении, забрало шлема поднято. Моррег теперь тоже был в латах.

— Итак, граф Урлик, скоро мы насладимся охотой, ради которой все это затеяли! — он хлопнул закованной в латную перчатку рукой по перилам.

Колеса корабля теперь вращались сравнительно медленно, и тянувшие судно морские чудища плыли неспешно, даже лениво.

— Мы недавно заметили рога морского оленя. Он всплыл совсем недалеко от нас, — сказал Моррег. — Видимо, сейчас он где-то рядом. У него нет жабр, так что он в конце концов снова всплывет. И мы должны быть готовы нанести удар именно в такой момент. — Он указал на воинов, выстроившихся у борта и готовых к охоте. В руках они держали длинные гарпуны с зазубренными наконечниками.

— А этот зверь может напасть на нас?

— Не бойтесь, — вмешался епископ. — Здесь, наверху, мы в полной безопасности.

— Я ведь поехал с вами развлечения ради, — ответил я. — И мне бы очень хотелось развлечься.

Он пожал плечами:

— Как вам угодно. Моррег, проводите графа Урлика на нижнюю палубу.

С топором и копьем в руках я последовал за Моррегом вниз по трапу. Спустившись на нижнюю палубу, я увидел, что колеса нашего корабля замерли.

Моррег вытянул шею, вглядываясь в полумрак.

— Вот он! — сказал он, указывая рукой.

Я увидел рога, очень похожие на рога тех оленей, которых видел в мире Джона Дэйкера. Определить их размер, однако, я был сейчас не в состоянии.

Я еще подумал, неужели это действительно обычное наземное животное, которое приспособилось к жизни в воде так, как тюлени приспособились жить на суше. А может, это еще один гибрид, выведенный столетия назад учеными Ровернарка.

Все на корабле замерли в напряжении. Рога как будто приближались. Зверь явно хотел поближе рассмотреть чужаков, осмелившихся вторгнуться в его стихию.

Я подошел ближе к борту, и воины раздвинулись, освобождая мне место.

— Я должен вернуться к Владыке, — прошептал Моррег, повернулся и пошел наверх.

И тут я услышал сопение. Чудовищно громкое сопение. Зверь был гораздо крупнее, чем обычный олень!

Теперь мне уже были видны огромные красные глаза, уставившиеся на нас. Чудовищных размеров морда, похожая на бычью, появилась из полумрака. Гигантские ноздри дрожали и раздувались. Олень вновь выдохнул, и я почувствовал на лице его дыхание.

Воины молча подняли гарпуны, готовясь метнуть их.

Я успел глянуть на воду у носа корабля и отметил, что слевы погрузились в воду, как будто не желая участвовать в этом всеобщем помешательстве...

Морской олень заревел, и его тело поднялось из вязкой воды. Тяжелая, густая соленая вода потоками стекала с грубой маслянистой шкуры. Мощные передние конечности оказались на самом деле лапами, которые оканчивались булавоподобными отростками, лишь отдаленно напоминавшими копыта настоящего оленя. Несколько секунд эти лапы молотили по воздуху, потом вновь погрузились в воду, затем снова появились на поверхности. Чудовище опустило голову, готовясь к нападению на наш корабль.

С верхней палубы донесся голос Моргега:

— Первая группа, гарпуны — товсь! Бей!

Примерно треть воинов отвела руки назад и с силой метнула гарпуны в устремившегося на нас морского зверя. Его рога были длиной не менее пятнадцати футов, а их размах — еще больше.

Некоторые из гарпунов не попали в морского оленя, но остальные воткнулись ему в спину. Но ни один не попал в голову. Чудовище заревело от боли, но приостановилось лишь на секунду, а затем вновь бросилось на нас.

— Вторая группа — бей!

И вновь туча гарпунов пронзила воздух. Два из них попали зверю в рога и отскочили, не причинив ему никакого вреда. Два попали в тело, но морской олень мотнул плечами, и гарпуны выскочили обратно. И тут рога ударили в корпус корабля. Кость столкнулась с металлом. Звук удара был ужасен. Корабль покачнулся, едва не перевернувшись, но все же выпрямился. Один из рогов со скрежетом скользнул вдоль борта, прямо по перилам ограждения. Несколько гарпунеров с распоротыми латами вылетели за борт. Я перегнулся через перила, пытаясь определить, можно ли им помочь, но они уже скрылись в волнах. Так человек тонет в зыбучем песке. Они протягивали к нам руки, словно моля о помощи, а их глаза говорили красноречивее любых слов.

Это было ужасно, тем более что инициатор охоты находился на верхней палубе в относительной безопасности.

Огромная голова чудовища нависла над нами, и мы все отскочили назад. Морской олень раскрыл пасть, полную зубов размером с тело взрослого человека. Между зубами извивался огромный красный язык.

Все мы в сравнении с оленем выглядели сущими карликами. Я сумел взять себя в руки и, поустойчивее встав на качающейся палубе, отвел назад руку с копьем и метнул его прямо в разинутую пасть. Острие вонзилось в глотку, и пасть немедленно захлопнулась. Зверь подался назад, тряс головой и скрежеща челюстями, пытаясь освободиться от застрявшего в пасти копья.

Один из гарпунеров хлопнул меня по спине, и мы увидели темную кровь, хлынувшую из носа чудовища.

Сверху донесся голос епископа Белпига:

— Прекрасно, Герой!

В этот момент я предпочел бы, чтобы мое копье вонзилось в сердце Белпига, а не в глотку морского оленя, которого мы потревожили в его собственных водах.

Я схватил гарпун, брошенный одним из выпавших за борт воинов, и метнул его в оленя, целясь в голову, но попал в основание левого рога. Гарпун, отскочив, исчез в волнах.

Морское чудовище опять заревело, выплюнув куски древка моего копья. Оно уже изготовилось к новой атаке.

На этот раз один из воинов, вдохновленный моим успехом, попал своим гарпуном чуть ниже правого глаза морского оленя. Тот издал ужасный вопль и, словно признав поражение, развернулся и быстро

поплыл прочь.

Я с облегчением перевел дыхание. Но я рано радовался: я не учел кровожадности епископа.

— В погоню! — заорал он с верхней палубы. — Быстрее! Он направляется к своему логову!

Воины потянули за канаты, наши тягловые чудища всплыли на поверхность и потащили корабль следом за морским оленем.

— Это безумие! — закричал я. — Оставьте его в покое!

— Как! — воскликнул Белпиг. — И вернуться в Ровернарк без добычи? Никогда! Погоняйте, погоняйте! Быстрее!

Колеса корабля начали вращаться быстрее, и мы понеслись по морю вслед за раненым зверем.

Один из воинов грустно мне улыбнулся и тихо произнес:

— У нас говорят, что наш Духовный Владыка предпочитает разврату резню.

Он потер лицо. Он весь с головы до ног был покрыт кровью, которой отплевывалось чудовище.

— Не думаю, чтобы он был способен видеть разницу между тем и другим, — заметил я. — А куда устремилось чудовище?

— Морские олени устраивают свои логовища в пещерах. Видимо, где-то рядом есть остров. И наш приятель направляется именно туда.

— Они живут в одиночку, не стадами?

— В брачный сезон они сбиваются в стадо. Но сейчас не брачный сезон. Потому-то на него сейчас относительно безопасно охотиться. Стадо, хоть оно и состоит в основном из самок, прикончило бы нас мгновенно.

Два колеса по нашему борту были сильно повреждены, и корабль словно хромал на этот борт, стремительно двигаясь по поверхности океана. Слевы, видимо, были гораздо сильнее морского оленя. Они не только быстрее него разрезали тяжелые волны, но и тащили за собой тяжелый корабль.

Рога оленя по-прежнему маячили впереди, а чуть дальше, прямо по курсу из полумрака проступили контуры обсидиановых скал, таких же, из каких был вырублен Ровернарк.

— Вот он, остров! — воин мрачно ткнул своим гарпуном в скалистую гряду.

Я наклонился и поднял с палубы еще один брошенный гарпун.

Сверху вновь донесся голос Моргега:

— Гарпуны — товсь!

Олень уже исчез, но остров теперь был ясно виден. Маленький островок, сплошные блестящие скалы. Наши слевы взяли чуть в сторону, чтобы не врезаться в берег, и мы увидели черный зев пещеры.

Это было логово морского оленя.

И тут сверху раздался неожиданный и страшный приказ:

— Приготовиться к высадке!

Белпиг приказывал своим воинам идти прямо в пещеру с одними только гарпунами!

Глава IX

Схватка в пещере

И мы начали высадку.

Все, кроме Белпига, его свиты, а также воинов на носу, что управляли слемами, слезли в воду и вброд добрались до скалистого берега. Я одной рукой держал свой боевой топор, а другой сжимал гарпун. Белпиг помахал нам вслед с верхней палубы.

— Желаю удачи, граф Урлик! Если убьете морского оленя, это будет еще один подвиг, под стать другим вашим деяниям...

Я был того мнения, что охота вообще — занятие бессмысленное и жестокое, но мне хотелось быть вместе с остальными, чтобы закончить то, что мы начали: или добить чудовище, или погибнуть.

С большим трудом мы взобрались на прибрежную скалу и достигли входа в пещеру. Оттуда исходило ужасное зловоние, как будто чудовище уже издохло и начало разлагаться.

Воин, который говорил со мной на корабле, сказал:

— Это его навоз смердит. Морской олень — не самое чистоплотное животное...

Мне теперь еще больше не хотелось входить в пещеру.

Из пещеры донесся рев — морской олень учуял наше приближение.

Воины жались у входа, ни один не хотел входить первым.

У меня во рту пересохло. Наконец, пересилив себя, я отчаянно пробился вперед сквозь их ряды и, поудобнее перехватив гарпун, вошел в черный зев пещеры.

Вонь здесь стояла совершенно невыносимая. Я задышался. В глубине пещеры что-то тяжело подвинулось, и мне показалось, что я вижу неясные очертания огромных рогов. Послышалось отрывистое сопение чудовища, и я услышал, как его гигантские лапы зашлепали по полу. Потом я разглядел его огромное гибкое тело и широкий плоский хвост.

Воины следовали за мной. Я взял у ближайшего из них фонарь, нажал на ручку у основания, и слабый свет озарил пещеру.

Сначала я увидел огромную тень морского оленя, а затем и его самого. Он лежал справа, прижавшись к стене. Из ран текла кровь. Его гигантское тело на земле казалось еще более огромным, чем в волнах моря.

Он приподнялся на своих передних лапах и угрожающе раскрыл пасть. Но пока не нападал. Он просто предупреждал нас, пугал, стараясь прогнать. Он давал нам возможность уйти без боя.

У меня было искушение отозвать воинов, вывести их из пещеры. Но я не имел над ними власти. Их хозяином был епископ Белпиг, так что, если бы они не выполнили его приказ, их всех ожидало бы наказание.

Итак, прекрасно понимая, что делаю, я метнул гарпун в левый глаз морского оленя, чтобы разозлить его.

Но он чуть отвернул голову, и острие лишь оцарапало ему морду.

И тут же он бросился на нас.

В наших рядах произошло замешательство. Воины закричали, подались назад, стараясь уклониться или поразить оленя своими копьями. Несколько человек было проткнуто рогами зверя.

Олень поднял голову. На рогах болталось трое. Их тела были проткнуты насквозь. Двое были уже мертвы, но один еще дергался и стонал.

Спасти его было уже невозможно. Олень мотнул головой, стараясь сбросить трупы с рогов, но они

прочно застряли среди острых отростков.

И тут мне в голову пришла одна мысль...

Но в этот момент олень наклонил голову и опять бросился на нас. Я отпрыгнул в сторону и нанес ему удар своим топором, острие которого глубоко рассекло зверю плечо. Он повернулся ко мне, разевая пасть и яростно глядя на меня своими огромными красными глазами. Я снова ударил его, и он отдернул окровавленную морду, потряс своими гигантскими рогами, и одно из распоротых тел охотников безжизненно рухнуло на покрытый грязью и навозом пол пещеры. Олень неуклюже отпихнул его своим передним ластом.

Я оглянулся на воинов. Они толпились у входа.

А олень теперь был между мной и остальными. Пещеру слабо освещали два упавших на пол фонаря. Я отодвинулся в тень. Олень вновь наклонил голову и бросился на воинов, стоявших у входа.

Он стремительно пронесся мимо, сбив меня при этом своим мощным хвостом.

Олень заревел, и воины рассыпались в стороны. Впрочем, не все. Те, кто не успел, попали на рога чудовищу. Я слышал их вопли. Остальные тоже кричали, спасаясь в прибрежных скалах.

Теперь я был в пещере один.

Олень чистил рога о скалу у входа в пещеру, сдирая с них остатки человеческой плоти.

Я понял, что пропал. В одиночку мне с чудовищем не справиться. Его тело закрывало выход, бежать отсюда я не мог. Рано или поздно олень вспомнит обо мне или учует меня.

Я старался не двигаться. Жуткая вонь не давала дышать. Гарпуна у меня уже не было — только топор, не самое подходящее оружие для охоты на гигантского морского оленя...

Зверь вновь раскрыл пасть и испустил громкий рев, окончившийся слабым стоном.

Куда он теперь направится? Может, обратно в море? Залечивать свои раны в соленой воде?

Я напряженно ждал. Затем о наружную стену снова зазвенели наконечники гарпунов. Олень заревел и подался обратно в пещеру. Мне пришлось пригнуться, чтобы он снова не сбил меня хвостом.

Я молился, чтобы воины вернулись в пещеру, тогда у меня будет шанс проскочить ко входу и занять более безопасную позицию.

Олень засопел, тяжело подвинул свое огромное тело сначала к одной стене пещеры, потом к другой. Он тоже ждал нападения воинов.

Но ничего не произошло.

Они что, уже считали меня мертвым?

Или решили бросить меня на произвол судьбы?

Снаружи не доносилось никаких звуков.

Олень снова заревел и опять задвигал своим телом по полу. Я оторвался наконец от стены и двинулся вперед, к выходу, стараясь ступать как можно тише.

Я уже был на полпути к выходу, когда моя нога наткнулась на что-то скользкое. Это был труп одного из воинов. Я поднял ногу, чтобы перешагнуть через него, но зацепился за торчащий нагрудник и, загремев, покатился по обсидиановому полу.

Зверь засопел и повернулся ко мне. Его глаза злобно смотрели прямо на меня. Я стоял не шевелясь, в надежде, что он сочтет меня мертвым.

Он вновь помотал рогами и подвинулся в сторону. У меня уже пересохло и во рту, и в горле.

Олень поднял голову, раскрыл пасть и заревел, опустив губы и обнажив огромные зубы. Пасть его была вся в запекшейся крови, а один глаз явно уже ничего не видел.

Затем, к моему полному ужасу, он поднял тело над землей, замолотил передними лапами с ужасными отростками на концах по воздуху, упал обратно на пол и опустил рога.

Он был готов напасть на меня.

Я увидел, что гигантские острые рога, способные распороть человека, стремительно движутся в мою сторону, и бросился плашмя на землю, прижавшись к стене. Рога с грохотом ударились о скалу в каком-то дюйме от моего правого плеча. Огромная морда морского оленя — шириной во весь мой рост — была всего в футах от моего лица.

И тут я вспомнил то, о чем подумал раньше. Это, пожалуй, был мой единственный шанс победить чудовище.

Я вскочил.

Я бросился вперед, вверх по его лбу, хватаясь за грубую шерсть, буквально пробежал по его морде и оседлал его голову, обхватив ногами и одной рукой его левый рог.

Чудовище остановилось в недоумении. Оно, видимо, не поняло, куда я делся.

Я поднял топор.

Олень, сопя, оглядел пещеру.

И я опустил топор. Он вонзился глубоко в череп зверя. Олень заревел, заверещал, затряс головой. Я ждал этого и лишь еще сильнее вцепился ему в рога, продолжая наносить удары топором и целясь туда, куда попал в первый раз.

Я пробил ему череп. Из раны выступило немного крови. Но я добился этим только того, что олень еще яростнее замотал головой. Привстав на своих лапах, он раскачивал все тело из стороны в сторону, стремительно перемещаясь по пещере, царапая рогами ее потолок и стены. Он изо всех сил пытался сбросить меня.

Но я держался.

И продолжал наносить ему удары своим топором.

Из-под острия летели осколки кости, из раны в черепе густой струей била кровь.

Зверь, не умолкая, ревел от боли, ужаса и ярости.

Еще бросок, еще удар о стену...

Рукоять топора, не выдержав мощных ударов, переломилась, и у меня в руке остался лишь ее обломок.

Но лезвие застряло, глубоко вонзившись в мозг зверя.

А олень между тем слабел. Вот его тело рухнуло на пол, он уже был не в силах поддерживать его своими лапами. Олень застонал, пытаясь вновь подняться. И последний вздох пополам с кровью вылетел из его пасти.

Голова чудовища упала на пол. Я упал вместе с ней. Как только рога коснулись пола, я отпрыгнул в сторону.

Морской олень был мертв. Я победил его. Один.

Я попытался извлечь свой сломанный топор из головы зверя, но он застрял слишком глубоко. Я оставил его там и, пошатываясь, выбрался из пещеры на берег.

— Все кончено, — сказал я. — Я убил его.

Я не ощущал ни малейшей гордости.

Оглядевшись, я обнаружил, что корабль исчез.

Морская повозка епископа Белпига укатила, по всей вероятности, в Ровернарк. Они, стало быть, сочли меня погибшим.

— Белпиг! — закричал я в надежде, что мой голос может достигнуть невидимого мне корабля. — Моррег! Я жив! Я убил оленя!

Ответа не было.

Я взглянул на низкие мрачные тучи. И на мрачный вязкий океан.

Меня бросили посреди этого кошмарного моря, по которому, как утверждал Белпиг, не ходят корабли. Я был здесь один, если не считать трупов воинов и мертвой туши морского оленя.

Меня охватила паника.

— БЕЛПИГ ВЕРНИСЬ!

Только эхо в ответ, ничего больше.

— Я ЖИВ!

И опять одно эхо, но теперь громче и вроде бы даже насмешливо.

На этом обломке скалы, не достигающем в длину и пятидесяти ярдов, мне долго не протянуть. Я полез на скалу, стараясь забраться как можно выше. Это, конечно, не имело никакого смысла, ведь полумрак начинался у самого берега, а в море не было видно горизонта, ибо все вокруг закрывали низкие бурые тучи.

Я сел на небольшом выступе скалы, единственном относительно ровном месте на всем островке.

Я дрожал, мне было страшно.

Воздух стал прохладнее, и я поплотнее запахнул плащ. Но холод все равно пробирал меня до самых костей.

Может, я и бессмертный. Феникс, обреченный вечно возрождаться. Бродяга на путях Вечности.

Но если мне суждено здесь умереть, то умирать я буду, вероятно, целую вечность. Если я Феникс, то Феникс, попавший в ловушку на этом Обсидиановом острове, словно кошка, навек закованная в янтарь.

При этой мысли меня покинули последние остатки мужества. Я смотрел теперь в будущее с полным отчаянием и без какой-либо надежды.

Книга третья

ВИДЕНИЯ И ОТКРОВЕНИЯ

Защитник и Герой,
В руках Судьбы — Игрушка.
Ты — Вечности Солдат,
Ты — Времени Орудье.

Глава I

Смеющийся карлик

Битва с морским оленем настолько вымотала меня, что через некоторое время я уснул, прислонив голову к скале и вытянув ноги на плоском выступе.

Когда я пробудился, ко мне уже вернулась часть бывшего мужества, хотя я по-прежнему не видел выхода из того положения, в котором очутился.

Вонь из пещеры стала сильнее: туша оленя, видимо, уже начала разлагаться. И еще мне досаждали какие-то странные и неприятные звуки, словно что-то скользкое билось у берега. Заглянув за выступ скалы, я увидел каких-то змееподобных существ, которые сотнями ползли в пещеру. Видимо, это были местные морские падальщики. Их черные тела и производили этот звук, когда они сотнями ползли в пещеру, к туше морского оленя.

Если даже я и питал надежду продержаться здесь за счет мяса оленя, то теперь на это можно было больше не рассчитывать. У меня было только одно желание: чтобы эти мерзкие твари поскорее покончили с тушей и убрались восвояси. В пещере оставалось несколько гарпунов. И как только эти твари уберутся, я сразу должен завладеть ими. Они мне еще пригодятся — для защиты от любого зверя или чудовища, что обитают в здешних водах. В мелких прибрежных водах могла водиться и рыба, хотя в этом я сильно сомневался.

Мне вдруг пришло в голову, что епископ Белпиг мог специально затеять эту охоту, чтобы избавиться от меня. Хотя бы потому, что ему досаждали мои вопросы.

Если так, то, отправившись вслед за его воинами в логово морского оленя, я сыграл ему на руку.

От нечего делать я прогулялся по острову. Это не заняло много времени. Мое первое впечатление от острова было совершенно правильным — здесь ничего не росло. И питьевой воды тоже не было. В Ровернарке получали питьевую воду из льда, но здесь не было и льда, один обсидиан.

Гнусные черные падальщики все ползли и ползли в пещеру, из которой теперь доносились отвратительные звуки их пиршества.

В тучах на мгновение образовался просвет, и сквозь него на черные волны моря упали слабые лучи умирающего солнца.

Я вернулся на свой выступ. Делать мне было нечего, пока падальщики не покончат с тушей оленя.

Надежда когда-нибудь найти Эрмизад почти покинула меня, маловероятно, что мне удастся вернуться в Ровернарку. А если я умру, то, скорее всего, вновь возникну в еще более гнусном воплощении, чем мое нынешнее. Я, может, и не вспомню тогда об Эрмизад, как сейчас не могу вспомнить, почему Черный Меч играет столь важную роль в моей Судьбе.

Перед моим внутренним взором встало милое лицо Эрмизад. Я припомнил, как красива страна элдренов, которой я принес мир, правда, ценой настоящего геноцида.

Я вновь задремал, и вскоре меня вновь посетили знакомые видения и голоса. Желая отогнать их, я открыл глаза и тупо уставился в пространство. Но видения не исчезали — и все это происходило на фоне мрачных туч и мрачного моря, а те слова, казалось, слышались вокруг меня отовсюду.

— Оставьте меня! — взмолился я. — Дайте мне умереть спокойно!

Отвратительные звуки пиршества падальщиков теперь смешивались с шепотом гнусных голосов у меня в ушах.

— Оставьте меня!

Я чувствовал себя, как ребенок, напуганный чудовищами, которых он сам вообразил в темноте. И голос мой звучал, как бессильная мольба ребенка:

— Пожалуйста, оставьте меня в покое!

И тут я услышал смех. Это был утробный издевательский смех, а исходил он откуда-то сверху. Я поднял голову.

И опять мне показалось, что мой сон, мой ночной кошмар воплотился в действительность. Я видел смеющегося совершенно ясно. Он спускался по склону прямо ко мне.

Это был кривоногий карлик с длинной бородой. Лицо его, впрочем, выглядело совсем юным, а глаза искрились от веселья.

— Приветствую тебя, — сказал карлик.

— Привет, — ответил я. — А теперь исчезни, прошу тебя!

— Но я явился сюда, чтобы развлечь тебя!

— Ты всего лишь плод моего воображения.

— Ты меня обижаешь! Кроме того, у тебя, должно быть, совершенно больное воображение, если оно создало такого уродя, как я. Меня зовут Джермис-Кривуля. Ты разве не помнишь меня?

— С какой стати я должен тебя помнить?

— Так мы же с тобой не раз встречались. Подобно тебе, я не существую во Времени так, как то понимает большинство людей, как и ты сам когда-то. Если мне не изменяет память, конечно. В прошлом я оказывал тебе некоторые услуги.

— Не смейся надо мной, призрак!

— Мой дорогой Герой, я вовсе не призрак. По крайней мере, не совсем. Я, конечно, по большей части живу в мирах теней, в мирах, где мало реальности. Шутка, которую со мной сыграли Боги. Это они превратили меня в кривого уродя.

— Боги?

— Или те, кто считает себя Богами. — Джермис подмигнул. — Хотя они такие же рабы судьбы, как и мы. Боги, Высшая власть, Высшие Существа — их по-разному называют. А мы, я полагаю, полубоги, орудия в руках Богов.

— У меня нет ни времени, ни желания пускаться в подобные мистические рассуждения.

— Мой милый Герой, теперь у тебя есть время для всего. Ты проголодался?

— Сам прекрасно знаешь, что да.

Карлик полез рукой за пазуху и извлек оттуда полкаравая хлеба. Протянул его мне. Хлеб, кажется, был настоящим. Я съел его весь и наконец почувствовал благодатную сытость в желудке.

— Благодарю тебя, — сказал я. — Если уж я схожу с ума, то это, кажется, самый лучший способ...

Джермис уселся на уступе рядом со мной, прислонив копье, которое все время держал в руке, к скале. Потом улыбнулся мне:

— Ты уверен, что мое лицо тебе не знакомо?

— Я никогда тебя раньше не встречал.

— Странно. Вероятно, наши нынешние временные воплощения находятся в разных фазах, и ты еще не встретил меня, хотя я-то уже с тобой встречался.

— Вполне возможно.

На поясе у Джермиса висел небольшой бурдюк с вином. Он снял его, глотнул оттуда и передал бурдюк мне.

Вино было отличное. Я тоже сделал несколько глотков.

— Как я вижу, свой меч ты с собой не захватил, — заметил он.

Я внимательно посмотрел ему в лицо. Нет, никакой иронии, никакой насмешки заметно не было.

— Я потерял его, — сказал я.

Он от души рассмеялся:

— Потерял! Потерял Черный Клинок! Ох-хо-хо-хо-хо! Ты смеешься надо мной, Герой!

Я нетерпеливо нахмурился:

— Но это правда! А что ты знаешь о Черном Мече?

— То, что знают все. Это меч, у которого было множество имен, как и у тебя. Он появлялся в разных обликах, как и ты. Говорят, его выковали Силы Мрака для того, кто должен был стать их защитником, но, по-моему, это слишком примитивное объяснение, как тебе кажется?

— Да, пожалуй.

— Считается, что Черный Меч существует во многих измерениях. Говорят также, что у него есть двойник. Однажды, когда мы были с тобой знакомы и тебя звали Урлик, этот клинок звался Несущим Бурю, а его двойник — Клинком Печали. Многие, правда, утверждают, что их двойственность — только иллюзия, и что есть только один Черный Меч, и что он существовал еще до появления Богов, до Создания Мира.

— Это все легенды, — сказал я. — Они не объясняют ровным счетом ничего. Мне не раз повторяли, что мне Судьбой предназначено владеть им. Но я отказался! Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Это говорит о том, что ты сейчас несчастен. Герой и Меч — единое целое. Если человек предаст клинок или клинок предаст человека, это чудовищное преступление.

— Почему?

— Не знаю, — Джермис пожал плечами и улыбнулся. — И Боги не знают. Так всегда было. Поверь мне, Герой, это то же самое, что спрашивать, кто или что создало Вселенную, по которой и ты, и я столь свободно передвигаемся.

— А нельзя ли навсегда остаться в одном измерении, в одном мире?

Джермис поджал губы:

— Никогда не думал над таким вопросом. Мне нравится путешествовать. — Он вдруг улыбнулся. — Но я ведь и не Герой...

— Ты слыхал о таком месте — Танелорн?

— Слыхал. Его еще называют городом-патриархом. — Он потер щеку и подмигнул мне. — Говорят, он находится в Царстве Серых Владык, тех, что не подчиняются ни Закону, ни Хаосу...

Хаос и Закон... Что-то смутно знакомое...

— Что ты имеешь в виду под Законом и Хаосом?

— Некоторые еще называют это Свет и Тьма. Тут же много споров среди философов и прочих ученых о том, что это такое и чем они определяются... А иные, наоборот, считают, что они едины и являются частями одной и той же силы. В разных мирах и в разные времена верования тоже разные...

— Но где находится этот Танелорн?

— Где? Странные вопросы ты задаешь! Танелорн всегда там, где он есть.

Я в нетерпении вскочил:

— Ты что, одно из ниспосланных мне мучений, мастер Джермис? Ты еще больше запутал все и без того неразрешимые загадки!

— Неправда, сэр Герой! Ты просто задаешь мне вопросы, не имеющие ответа. Весьма возможно, что более мудрое существо смогло бы рассказать тебе больше, но не я. Я не философ и не герой — я просто Джермис-Кривуля.

Улыбка с его губ исчезла, в глазах была печаль.

— Прости меня, — сказал я и вздохнул. — Мне тоже кажется, что мои вопросы не имеют ответа. Как

ты попал сюда?

— Через дыру в оболочке иного мира, вероятно. Я не знаю, как я перемещаюсь из одного пространства в другое, но я перемещаюсь, вот и все.

— И ты можешь исчезнуть отсюда?

— Именно это я и сделаю, когда настанет время уйти. Но я не знаю, когда оно настанет.

— Понятно.

Я уставился на мрачное море. Джермис наморщил нос:

— Видал я места, такие же малоприветные, как это. И понимаю, почему ты хочешь бежать отсюда. Может, если ты снова возьмешь в руки Черный Меч, тогда?..

— Нет!

Он даже вздрогнул:

— Прости меня. Я и не предполагал, что тебя это так заденет...

Я лишь развел руками в ответ:

— Я ничего не могу с собой поделать. Этому противится что-то внутри меня, не зависящее от моих собственных желаний. И оно категорически запрещает мне снова поднять Черный Меч.

— Но тогда ты...

И тут Джермис исчез.

Я снова был один. И снова терялся в догадках: может, это тоже была иллюзия, игра моего воображения. Или очередное видение, посетившее спящего или даже сошедшего с ума Джона Дэйкера...

Воздух перед моими глазами внезапно заволновался и ярко осветился. Ощущение было такое, словно я смотрел теперь сквозь окно в иной мир. Я двинулся ближе к этому «окну», но оно отодвинулось, сохраняя между нами первоначальную дистанцию.

Я пристально посмотрел туда — и увидел Эрмизад. Она тоже смотрела прямо на меня.

— Это ты, Эрекозе?

— Эрмизад! Я вернусь к тебе!

— Ты не можешь этого сделать. До тех пор, пока вновь не поднимешь Черный Меч...

И окно закрылось. Передо мной снова расстился все тот же полумрак. Я заревел, как зверь, в ярости потрясая кулаками:

— Кто бы ты ни был, ты, который сотворил все это со мной! Я отомщу тебе!

Но мои угрозы растаяли в мрачной тишине.

Я упал на колени и зарыдал.

— ГЕРОЙ!

Колокол звенит. И звучит чей-то голос.

— ГЕРОЙ!

Я оглянулся вокруг, но ничего не увидел.

— ГЕРОЙ!

Потом я услышал шепот:

— *Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч.*

— Нет!

— Ты бежишь своей Судьбы, служить которой создан. Возьми Черный Меч, Герой! Подними его снова, и ты познаешь славу!

— Я познал лишь горе и собственную вину. Я никогда больше не подниму Черный Меч!

— Поднимешь!

Это было просто утверждение. Никакой угрозы, только уверенность в его истинности.

Черные падальщики, закончив свой пир, убрались обратно в море. Я спустился ко входу в пещеру и увидел огромные кости морского оленя и скелеты погибших воинов. Чудовищный череп с могучими рогами глядел на меня своими черными глазницами, словно обвиняя и осуждая. Я быстро нашел брошенные гарпуны и с трудом извлек сломанный топор из черепа зверя. Потом вернулся на свой уступ.

Я сел там, пытаюсь вспомнить Меч Эрекозе. Этот странный отравленный клинок, обладавший огромной силой. Я не испытывал никакого отвращения по отношению к нему. Но, может быть, тот Меч был, как намекал Джермис, лишь одним из воплощений Черного Меча?.. Я пожал плечами и выбросил эту мысль из головы.

Усевшись поудобнее, я разложил вокруг оружие и стал ждать следующего видения.

И оно не замедлило явиться.

Это был огромный плот, сколоченный скорее на манер саней. Его украшения напоминали те, которыми была отделана морская повозка Белпига, что привезла меня сюда. Но влекли плот не морские чудища, а птицы, похожие на цапель-переростков, покрытых к тому же не перьями, а темной, сверкающей чешуей.

На этом плоту или санях сидели люди в тяжелых одеждах из меха и в кольчужной броне, вооруженные мечами и копьями.

— Прочь! — крикнул я. — Оставьте меня в покое!

Они не обратили на мои слова никакого внимания.

И направили свое странное судно прямо к острову.

Я поднял топор и поудобнее перехватил его за сломанную рукоять. На сей раз я прогоню своих мучителей или сам погибну! Мне уже все равно — галлюцинация это или нет.

А кто-то уже звал меня с плота. Голос показался знакомым. Я точно уже слышал его в одном из своих ночных кошмаров.

— Граф Урлик! Граф Урлик! Это вы?

Кричавший откинул меховой капюшон и открыл рыжую шевелюру и молодое красивое лицо.

— Убирайтесь прочь! Мне надоели все эти загадки!

Его лицо выразило удивление.

Чешуйчатые цапли развернулись в небе, и разукрашенный плот пристал к берегу. Я стоял на уступе скалы, угрожающе подняв топор.

— Прочь!

Но цапли были уже у меня над головой. Они опустились на скалу и сложили свои кожистые крылья. Рыжеволосый юноша прыгнул с плота на берег, остальные последовали за ним. На его лице было написано облегчение.

— Граф Урлик, наконец-то мы нашли вас! Мы уже столько дней ожидаем вас в Алом Фьорде!

Я не опускал свой топор.

— Кто вы?

— Ну как же! Я — Бладрак Морнингспир, Пес Алого Фьорда!

Но я все еще был настороже.

— И почему вы оказались здесь?

Он хлопнул себя руками по ляжкам и рассмеялся. Его меховой плащ сполз на землю, открыв мускулистые руки, унизанные варварскими золотыми браслетами.

— Мы искали вас, граф! Хозяйка Чаши сообщила нам, что вы должны прибыть сюда и помочь нам в войне с Серебряным Воинством.

Я опустил топор. Значит, они действительно из этого мира! Но почему Белпиг боялся их? Впрочем, теперь я, кажется, получу ответы на все свои вопросы.

— Поплывете ли вы с нами, граф, в Алый Фьорд? Не угодно ли взойти на борт нашего судна?

Я неохотно покинул свой выступ и спустился ближе к нему.

Не знаю, сколько дней я провел на этом острове, но, видимо, теперь являл собой довольно странное зрелище. Глаза дикие и испуганные, как у сумасшедшего, в руке — топор со сломанной рукоятью, и сжимаю я его так, будто это единственная в мире вещь, которой еще можно доверять...

Бладрак удивленно воззрился на меня, но даже мой вид не мог испортить ему настроение. Он махнул рукой в сторону плота:

— Мы страшно рады видеть вас, граф Урлик из Ледяного Замка! Мы очень вовремя нашли вас — Серебряное Воинство готовит нападение на южное побережье!

— На Ровернарк?

— И на Ровернарк, и на другие поселения.

— Вы враждуете с Ровернарком?

— Мы, скажем так, не союзники, — улыбнулся он. — Но нам следует поторопиться с возвращением! Я все расскажу вам, когда мы будем в безопасности, уже в порту. Это очень опасные воды.

— Я уже убедился в этом, — кивнул я.

Несколько его воинов между тем осмотрели пещеру. Они извлекли из нее огромный череп морского оленя.

— Смотри, Бладрак! — крикнул один из них. — Его убили топором!

Бладрак поднял в изумлении бровь и взглянул на меня:

— Это вы? Топором?

— Другого у меня ничего не было, — ответил я. — Эту охоту затеял Белпиг...

Бладрак откинул назад голову и рассмеялся:

— Смотрите, друзья! Вот вам доказательство, что к нам прибыл Герой!

Все еще со смятенной душой ступил я на борт их судна и уселся на одной из лавок, прикрепленных к днищу. Бладрак сел рядом.

— Давайте трогаться, — приказал он.

Воины, которые обнаружили череп морского оленя, торопливо забросили свою находку на плот и забрались на него сами. Они подергали за вожжи, и цапли поднялись в воздух.

Плот резко повернулся и понесся вперед, в открытое море.

Бладрак обернулся и поглядел на корму. Гигантский череп лежал там, почти накрывая длинный и узкий футляр, который, резко отличаясь от всего остального на борту, был вообще лишен каких-либо украшений.

— Осторожнее, — предупредил он.

— Это вы звонили в колокол? — спросил я. — Совсем недавно — это вы звонили?

— Да. Мы все время звали вас, а вы все не появлялись. А Хозяйка Чаши сообщила нам, что это означает, что вы находитесь где-то в Великом Соленом Море. И мы отправились вас искать.

— А когда вы в первый раз вызвали меня?

— Примерно дней шестьдесят назад.

— А я попал в Ровернарк.

— И Белпиг взял вас в плен?

— В некотором роде. Да, видимо, это именно так и было. Только я этого тогда не понял. Что вам известно о Белпиге, сэр Бладрак?

— Немногое. Он всегда был врагом свободных моряков.

— Так, значит, это вас он называл пиратами?

— О, несомненно! Мы всегда промышляли этим — нападали на корабли и города, где жили не очень сильные народы... Но сейчас все наши помыслы заняты Серебряным Воинством. Если вы поможете нам, у нас есть шанс победить их, хотя времени в нашем распоряжении крайне мало.

— Надеюсь, вы не слишком на меня рассчитываете. Я не обладаю никакими сверхчеловеческими возможностями, уверяю вас.

Он рассмеялся.

— Вы очень скромны для Героя. Но я понимаю, что вы имеете в виду — у вас нет оружия. Но об этом уже позаботилась Хозяйка Чаши, — и он указал на длинный футляр на корме. — Герой, мы доставили вам ваш Меч!

Глава II

Алый Фьорд

При этих его словах меня охватил ужас. Я посмотрел на Бладрака, пытаюсь осознать, что же все-таки произошло.

Меня заманили в ловушку, а Бладрак, сам того не зная, сыграл роль приманки!

Бладрак в удивлении спросил:

— Что случилось, граф? Что-нибудь не так? Уж не допустили ли мы какой-нибудь ошибки, которая может навлечь на вас беду?

Мой голос, когда я наконец ответил ему, звучал хрипло и невнятно; я с трудом понимал, что говорю, ибо по-прежнему не имел представления о том, какова истинная сущность Черного Меча.

— Не только на меня, но на всех нас, Бладрак. И я даже сам не знаю, какую беду... Впрочем, этот Меч, весьма возможно, поможет вам добиться того, чего вы жаждете. Вы знаете, какую цену придется за это заплатить?

— Цену? — переспросил он.

У меня свело судорогой лицо. Я закрыл его ладонями.

— О какой цене вы говорите, граф Урлик?

Я с трудом откашлялся и ответил, не поднимая глаз:

— Не знаю, Бладрак. Видимо, мы потом узнаем, со временем. Что же до меня, то я хотел бы, чтобы этот Меч хранился где-нибудь подальше... Я не желаю открывать этот футляр.

— Мы поступим в соответствии с вашим желанием, граф. Но ведь вы поведете нас против Серебряного Воинства, правда?

Я кивнул:

— Если вы именно за этим меня призвали, я поведу вас.

— Без Меча?

— Без Меча.

Больше я не произнес ни слова до самого окончания нашего путешествия. Но глаза мои время от времени невольно останавливались на черном футляре, поверх которого лежал оскалившийся череп морского оленя. Оторвать от него взгляд стоило мне каждый раз огромного труда, и тут же меня охватывала глубокая печаль.

Вдали наконец выступили из полумрака высокие утесы. Огромные, черные, они являли собой еще более непривлекательное зрелище, чем обсидиановые скалы Ровернарка.

В одном месте ближе к вершине виднелось небольшое розовое пятно. Я с любопытством смотрел на него.

— Что это? — спросил я Бладрака.

— Алый Фьорд, — улыбнулся он. — Мы почти прибыли.

Мы были уже совсем близко от черных утесов, но судно не изменило свой курс. Цапли влекли его прямо на них. Потом я понял, почему. Между двумя высокими скалами открылся проход, в котором бурлило глубокое море. Один из воинов Бладрака поднес ко рту длинный витой рог и издал пронзительный звук. Откуда-то сверху раздался ответный рев рога, и, подняв глаза, я увидел, что по верху обоих утесов шли укрепления, вырубленные прямо в камне. Оттуда выглядывали воины.

В проходе между утесами оказалось совсем темно, и я был почти уверен, что мы врежемся в скалу и

разобьемся на куски, но цапли уверенно провели судно по извилистому проходу. И тут я в удивлении протер глаза: вода во фьорде была алой. Воздух над ним тоже был алым. И скалы вокруг были густого рубинового оттенка. Внутри фьорда было тепло.

Теплый красноватый свет исходил из тысяч пещер, которые, как гигантские соты, усеивали всю восточную стену бухты.

— Что это за огни? — спросил я.

— Никто не знает, — ответил Бладрак. — Они всегда здесь горели. Некоторые считают, что это вулканический огонь, но другие утверждают, что это особый вид огня, который придумали древние ученые и который горит только за счет камня и воздуха. Когда они его изобрели, ему не нашлось никакого применения, но погасить его никто уже не смог, так что они просто зарыли его поглубже. Так и возник Алый Фьорд.

Я был не в силах оторвать взор от этих полыхающих огнем скал. Все здесь было словно окутано красноватым светом. И у меня вдруг стало тепло на душе — впервые с момента прибытия в этот мир.

— Вон там мы живем, — Бладрак указал на западную и южную стены фьорда.

Прямо в скале там были вырублены причалы, далеко выступающие в воду. К ним было пришвартовано множество судов, подобных тому, на котором мы приплыли. За причалами вверх шли лестницы и аппарели, ведущие к террасам. В скале были вырублены простые прямоугольные двери, возле которых сейчас толпились люди: мужчины, женщины, дети — все в простых одноцветных платьях, накидках и плащах.

Когда они увидели, что мы направляемся к южной стене фьорда, они стали выкрикивать приветствия. До нас донеслось одно слово, которое они скандировали хором, как речитатив:

— Урлик! Урлик! Урлик!

Бладрак поднял обе руки, прося тишины. Лицо его сияло улыбкой.

— Друзья Алого Фьорда! — вскричал он. — Свободный народ Южного побережья! Бладрак вернулся и привез с собой графа Урлика, который спасет нас! Вот, смотрите!

И он театральным жестом указал на череп морского оленя и на мой сломанный топор.

— Он в одиночку убил страшного Морского Потрошителя! Одним топором! Вот так мы уничтожим Серебряное Воинство, которое превратило в рабов наших братьев с Северного побережья!

На сей раз возгласы восторга и воодушевления зазвучали еще громче. Я дал себе слово объяснить Бладраку, как только представится возможность, что я одолел морского оленя вовсе не в одиночку.

Наше судно пришвартовалось к берегу, и мы сошли на причал. Розовощекие женщины встретили Бладрака. Они обнимали его, а меня приветствовали церемонными реверансами.

Я не мог не обратить внимания на то, как отличались здешние жители от неврастеничных обитателей Ровернарка, бледных, нездоровых, да еще с такими извращенными вкусами. Может, дело было в том, что народ Ровернарка был слишком избалован благами цивилизации и способен думать лишь о будущем, в то время как люди Алого Фьорда жили настоящим, занимаясь насущными проблемами.

И самой насущной их проблемой сейчас была угроза со стороны Серебряного Воинства.

Здесь мне, по крайней мере, не придется иметь дело с уклончивыми ответами епископа Белпига. Бладрак всегда готов рассказать мне все, что знает.

Человек, называвший себя Псом Алого Фьорда, провел меня в свои апартаменты. Они были неплохо и удобно обставлены и освещены лампами, от которых тоже исходил розоватый свет. Убранство, мебель, шпалеры на стенах были еще более похожи на колесницу и оружие, что достались мне, когда я пришел в себя на ледяной равнине.

Я уселся в удобное кресло, вырезанное из целого куска янтаря. Многие предметы мебелировки здесь тоже были из янтаря, а что касается стола, то он был вырублен из кварца.

Я не без некоторой иронии подумал, что, если история Человечества началась с каменного века, окончиться ей, видимо, было суждено тоже каменным веком.

Кушанья были простыми, но вкусными. От Бладрака я узнал, что все съедобное здесь — как и в Ровернарке — выращивают в особых садах и огородах, разбитых в глубоких пещерах.

Насытившись, мы уселись с чашами вина в руках и некоторое время молчали.

Потом я заговорил:

— Бладрак, я хотел бы сообщить вам, что память моя меня подводит. Поэтому прошу вас отвечать на любые мои вопросы. В последнее время мне многое пришлось пережить, и я стал немного забывчив.

— Понимаю, — ответил он. — Что бы вы хотели узнать?

— Прежде всего, каким именно образом меня сюда вызвали?

— Но вы помните, что вы спали в Ледяном Замке, далеко отсюда, в Южных Льдах?

— Я помню только, что я очнулся посреди Южных Льдов, на колеснице, которая везла меня к побережью.

— Да-да, по направлению к Алому Фьорду. Но когда вы достигли побережья, вы попали в Ровернарк.

— Это многое объясняет, — сказал я, — поскольку там я так никого и не нашел, кто признался бы, что это он меня призвал сюда. Многие, включая Белпига, отнеслись ко мне с недоверием.

— Да. И держали вас там до тех пор, пока им не удалось заманить вас на тот остров, где мы вас нашли.

— Может быть, именно этого они и добивались. Но не уверен. Трудно объяснить, почему Белпиг желал именно этого.

— У этих людей в Ровернарке мозги... не знаю, как сказать... набекрень, что ли, — Бладрак покрутил пальцем у виска.

— Но Белпиг наверняка знал о колоколе, потому что, когда звон прозвучал во второй раз, он немедленно развернул корабль на обратный курс. И при этом было упомянуто ваше имя. Это означает, что они знали о том, что вы вызвали меня. Но мне они об этом не сообщили. Почему колокол звонил над морем? И почему в первый раз я не слышал его звона, а только голос?

Бладрак задумчиво посмотрел на свою Чашу:

— Говорят, что колокол может разговаривать человеческим голосом сквозь измерения и вселенные, но в данном измерении звучит только как колокол. Не знаю, правда ли это, поскольку мне доводилось слышать только его звон.

— А где он находится, этот колокол?

— Не знаю. Мы молимся — и колокол звенит. Так говорит Хозяйка Чаши.

— А кто такая Хозяйка Чаши? Это она появляется с гигантской золотой Чашей, которая издает крик?

— Нет... — Бладрак искоса поглядел на меня. — Это просто имя у нее такое. Она явилась к нам, когда возникла угроза со стороны Серебряного Воинства. Она сказала, что есть на свете Герой, который может помочь нам. И назвала ваше имя — Урлик Скарсол, граф Белой пустыни, Владыка Ледяного Замка, принц Южных Льдов, Хозяин Холодного Меча...

— Холодного? А не Черного?

— Холодного Меча.

— Продолжайте.

— Хозяйка Чаши сказала также, что если мы призовем Героя немедленно, тогда колокол зазвонит и вы явитесь сюда. Вы придете нам на помощь, вы поднимете Холодный Меч, и кровь Серебряного Воинства наполнит Чашу и напоит Солнце.

Я вздохнул. Надо полагать, Холодный Меч — это местное название Черного Меча. Ведь Джермис

утверждал, что в разных мирах этот меч называют по-разному. Но что-то внутри меня продолжало упорствовать.

— Мы попытаемся справиться с Серебряным Воинством и без этого меча, — сказал я твердо. — А теперь расскажите мне, кто они такие, эти Серебряные Воины?

— Они появились примерно год назад неизвестно откуда. Многие верят, что они пришли с Луны, что их собственная планета слишком остыла и жить на ней стало невозможно. Говорят, ими правит жестокая королева, но никто ее не видел. Они практически неуязвимы для обычного оружия и посему непобедимы в бою. Они легко покорили города Северного побережья, взяли их один за другим. Тамошние люди, как и население Ровернарка, настолько погружены в себя, что даже не замечают, что происходит вокруг. Но Серебряные Воины обратили их в рабов, или просто убили, или превратили в безмозглых тварей, ничем уже не напоминающих человека. Мы — свободные моряки, мы жили набегами на эти слабые народы, но теперь мы всеми силами помогаем им, спасаем, перевозим сюда. Это продолжается уже довольно долгое время. Но теперь все указывает на то, что Серебряное Воинство намеревается нанести удар по Южному побережью. В бою нам их не одолеть. Значит, скоро вся наша раса попадет в рабство.

— Эти воины — обычные люди, из плоти и крови? — спросил я, поскольку у меня мелькнула мысль, что это могут быть роботы или какие-нибудь другие андроиды.

— Да, из плоти и крови. Высокие и стройные люди, надменные до такой степени, что едва разговаривают. Они носят странные серебряные латы. И лица, и руки у них тоже серебряные. Других частей их тела никто не видел.

— Вам никогда не удавалось взять кого-нибудь из них в плен?

— Никогда. Их латы сжигают обычного человека, стоит ему к ним прикоснуться.

Я нахмурился:

— И чего же вы хотите от меня?

— Встаньте во главе наших войск. Ведите нас. Будьте нашим Героем.

— Но вы и сами могли бы вести за собой своих воинов.

— Да, мог бы. Но мы сейчас имеем дело с войском, какого не встречали никогда, и не знаем, как с ним воевать. А вы — Герой, вы знаете больше нас и можете предвидеть гораздо больше, чем мы.

— Надеюсь, что вы правы, — ответил я. — Надеюсь, что это действительно так, сэр Бладрак из Алого Фьорда.

Глава III

Рейд в Наланарк

Бладрак сообщил мне, что первую экспедицию против Серебряного Воинства они предполагают начать прямо на следующий день. Для нее уже были подготовлены корабли. Ждали только моего прибытия, чтобы тут же выступить. Целью первой атаки был остров Наланарк, расположенный в нескольких милях от Северо-Восточного побережья. Задача состояла не в том, чтобы атаковать Серебряных Воинов, а в том, чтобы освободить пленников, которых те держали на этом острове. Бладрак понятия не имел о том, для чего их там держат, но предполагал, что их заставляют строить корабли и ковать оружие для Серебряного Воинства, которое готовилось в ближайшее время напасть на Южное побережье.

— Откуда вам известно, что они готовятся на вас напасть?

— Мы узнали об этом от тех рабов, которых нам уже удалось освободить. Кроме того, любому, кто побывал в тех краях, сразу становилось ясно, что они планируют нападение на Юг. Что бы вы сами предприняли, граф, если бы сами были завоевателем и вас все время беспокоили налеты из одного и того же района?

— Я бы сам напал на этот район и ликвидировал бы источник беспокойства.

Огромный флот отходил от берега.

Толпа женщин колыхалась на берегу, посылая нам прощальные напутствия. Мы миновали узкий проход и вышли из Алого Фьорда в открытое море.

Вначале флот никак не мог построиться в походный порядок, поскольку цапли путались в своих постромках. Но потом, когда их распутали, корабли взяли курс на север.

Бладрак напевал под нос какой-то древний гимн. Сомневаюсь, что он знал, что это за гимн и для чего предназначен. Но, кажется, он был в самом превосходном расположении духа, хотя никакого четкого плана атаки у него не было, если не считать общего замысла — добраться до острова и каким-нибудь образом эвакуировать оттуда пленных.

Я предложил ему свой план нападения. Он выслушал меня с большим интересом.

— Ну что ж, отлично, — сказал он. — Именно так мы и поступим!

План был достаточно простой, но, не имея понятия о Серебряном Воинстве, я вовсе не был уверен в его реальности.

Некоторое время мы стремительно неслись вперед, скользя полозьями наших плотов по вязким волнам.

Затем впереди, прямо по курсу, из полумрака возник большой остров.

Бладрак отдал распоряжение группе судов, возглавлявших нашу флотилию:

— Подойдите к ним вплотную, обстреляйте и тут же назад! Постарайтесь увлечь их за собой и оттянуть как можно дальше от острова. А мы пока заберем всех пленных на борт.

В этом и заключался мой план. И я молился, чтобы он оказался осуществимым.

Воины на первом плоту дали понять, что принимают приказ Бладрака к исполнению. Первая группа плотов устремилась к острову, в то время как остальные замедлили ход и легли в дрейф под прикрытием густого тумана. Вскоре мы услышали крики и звуки борьбы, затем увидели наши суда, быстро уходящие прочь от острова. За ними в погоню устремились более тяжелые и крупные суда, первые настоящие корабли, которые я здесь видел, они не скользили по поверхности волн, а разрезали их. Правда, с такого расстояния мне не было видно, что приводит их в движение.

Теперь настала очередь действовать.

Остров Наланарк все приближался и увеличивался в размерах. Уже были видны некоторые дома, обычные дома, возвышавшиеся в разных его частях. Вероятно, Серебряные Воины не привыкли строить так, как обычно строили здесь, вырубая помещения прямо в скале.

Здания были квадратные и приземистые. В окнах был виден очень слабый свет. Они располагались вниз по склону горы, а самое большое из них занимало доминирующее положение на ее вершине. А в самом низу склона виднелись знакомые отверстия пещер.

— Там они и держат рабов, — сказал Бладрак. — Они там же и работают — строят корабли и куют оружие, пока не умрут. Тогда их заменяют новыми. Там и мужчины, и женщины, всех возрастов. Их почти не кормят. Потому что рабов у них более чем достаточно. Думаю, что Серебряное Воинство и нам предназначило такую же судьбу — после того как они завоюют весь наш мир.

Я был вполне готов верить Бладраку. Но однажды меня уже обманули: призвали на помощь и убедили в том, что те, с кем призвавшие меня сражаются, суть воплощение зла. Лишь позднее я понял, что элдрены сами были жертвой агрессии. И теперь хотел разобраться, что из себя представляют Серебряные Воины и каковы их цели.

Цапли подтянули наши суда к самому берегу, и мы начали высадку на остров, сразу же направившись к пещерам у подножия горы.

Мне уже было ясно, что почти все Серебряные Воины отправились в погоню за первой группой наших плотов, завязавшей бой. Во второй раз нам, конечно, такой прием использовать не удастся, в этом я полностью отдавал себе отчет.

Мы почти бегом приблизились к пещерам и проникли внутрь. Первое, что я увидел, были воины.

В среднем они достигали в высоту футов семи, но были очень худые, просто тощие, с длинными руками и ногами и узкими черепами. Кожа у них на самом деле оказалась белой, но с легким серебристым оттенком. Их тела были полностью прикрыты латами, причем впечатление было такое, что латы цельные, а не из отдельных частей, ибо я не заметил никаких швов или соединений. Головы были защищены плотно прилегающими шлемами. Вооружены они были длинными алебардами, увенчанными прямым обоюдоострым лезвием. Увидев нас, они тут же устремились в атаку, опустив свои алебарды. Но управлялись они с этим оружием довольно неумело, и я подумал, что они, видимо, привыкли совсем к другому оружию.

Мы же были вооружены тем, что, как уверял Бладрак, является единственным эффективным средством против Серебряного Воинства, латы которого пробить невозможно, а они, в свою очередь, испепеляют любого, кто к ним прикоснется.

Это наше оружие состояло из крупноячеистых сетей, которые мы и набросили на них, как только они приблизились. Сети облепили их тела, сковывая движения и не давая освободиться.

Покончив с охраной, мы осмотрели пещеры. Я был поражен тем, в каких ужасных условиях трудились здесь мужчины, женщины и дети — голые, истощенные, грязные.

— Быстро! — скомандовал я. — Выводите всех наружу — и на корабли!

Один из Серебряных Воинов, который как-то умудрился не попасть в сети, бросился на меня, выставив вперед алебарду. Я отбил удар своим боевым топором и, совсем забыв о предупреждении Бладрака, нанес ему удар.

Серебряный Воин рухнул как подкошенный. Но меня самого мощным толчком отбросило назад.

Я в недоумении смотрел на упавшего. Я понял, что меня отбросило — сильный разряд электрического тока!

А Бладрак и его воины уже выводили рабов наружу и тащили их к нашим судам.

Я посмотрел на большое здание на вершине горы. Вдруг рядом с ним мелькнул какой-то серебристый силуэт, и я узнал знакомые пузыреобразные доспехи Ровернарка.

Движимый любопытством и совершенно забыв о возможной опасности, я двинулся вверх, прикрываясь стенами однообразных, невыразительных строений.

Человек, что стоял у окна наверху, видимо, не подозревал, что его можно разглядеть снизу. Он яростно жестикулировал, указывая на Бладрака и его воинов, уводивших рабов на пристань.

Потом я услышал его голос.

Слов я не разобрал, но сам голос был мне более чем знаком.

Я подобрался ближе, желая воочию убедиться в том, о чем сообщили мне уши.

Теперь я ясно видел лицо этого человека.

Епископ Белпиг собственной персоной. Все мои подозрения в отношении него подтвердились.

— Вы что, не понимаете? — орал он. — Этот проклятый пират Бладрак не только лишит нас рабочей силы! Он ведь половину этих рабов превратит в солдат — и выставит против вас же!

Ему что-то ответили, и отряд Серебряных Воинов бросился вниз по склону холма. Они тут же заметили меня — и сразу повернули в мою сторону, угрожающе выставив вперед алебарды.

Я повернулся и побежал. Судно Бладрака уже отчаливало.

— А мы уж думали, что вы погибли, сэр Герой, — улыбнулся он. — Куда это вы вдруг пропали?

— Подслушивал чужие разговоры, — ответил я.

Алебарды, которые метали в нас Серебряные Воины, дождем падали вокруг, но мы скоро были вне их досягаемости.

— Они уже не успеют вытащить свои тяжелые орудия, — сказал Бладрак. — Все получилось просто отлично! Ни один из наших даже не ранен. И рабов мы всех освободили, — он махнул рукой в сторону набитых людьми плотов. И только потом до него дошло то, что я сказал.

— Вы подслушали чей-то разговор? И что же вы узнали?

— Я узнал, что Ровернарком правит человек, который принесет этому городу гибель.

— Белпиг?

— Именно. Он там, наверху. И, несомненно, с командиром Серебряного Воинства. Теперь я понял, какова была истинная цель затеянной им «охоты». Он хотел избавиться от меня, опасаясь, что я могу оказать вам помощь в борьбе против его союзников. Кроме того, ему нужно было тайно встретиться с Серебряными Воинами.

Бладрак лишь пожал плечами:

— Я всегда подозревал, что с ним что-то нечисто... у них не осталось ничего святого, у этих неженков из Ровернарка...

— Может быть, за исключением Светского Владыки, Шаносфейна. Однако ни один человек не заслуживает той участи, какая досталась этим несчастным, — я ткнул пальцем в изможденных, покрытых грязью бывших рабов Серебряного Воинства.

— Что мы теперь предпримем, граф Урлик?

— Надо подумать, сэр Бладрак.

Он посмотрел на меня долгим, тяжелым, изучающим взглядом. Затем тихо спросил:

— Вы уверены, что еще не пришло время взять в руки ваш Меч?

Я отвел глаза и уставился в морскую даль.

— Я вовсе не говорил, что когда-нибудь вообще возьму его.

— В таком случае, полагаю, долго нам не продержаться.

Глава IV

Хозяйка Чаши

Итак, мы вернулись в Алый Фьорд. Освобожденные рабы с удивлением озирались вокруг, пока наши суда подходили к берегу, окутанному розовым светом, исходящим от источенного пещерами дальнего берега фьорда.

— Удвойте стражу, — приказал Бладрак одному из своих помощников. Затем добавил, задумчиво крутя золотой браслет на руке:

— Белпиг знает, где находится Алый Фьорд. Он наверняка попробует отомстить за наш набег.

Усталые после похода, мы разошлись по своим комнатам. Приятные веселые женщины принесли нам вино и мясо. В Алом Фьорде было много жилых помещений, так что освобожденных рабов было где разместить. Бладрак, впрочем, все время хмурился.

— Вы все еще размышляете о Черном Мече? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он. — Предоставляю вам о нем размышлять. Я думаю о том, что нам может принести измена Белпига. У нас иногда такое бывало, что кто-нибудь — мужчина или женщина — вдруг выражал желание покинуть Алый Фьорд и перебраться в Ровернарк. Им казалось, что там они найдут большее понимание и больше развлечений... Мы, конечно, никому не препятствовали, так что теперь в Ровернарке много бывших наших...

— Вы хотите сказать, что Белпигу могут быть известны некоторые ваши планы?

— Вы говорили мне, что его очень обеспокоил звон колокола в море. Ясно, что он все о вас знает, и о Хозяйке Чаши тоже. Ясно также, что он намеревался вас совратить и перетянуть на свою сторону, пока вы были в Ровернарке. А когда это ему не удалось...

— Он устроил мне ловушку. Но теперь-то он уже знает, что я с вами.

— Именно. И он сообщит об этом своим чужеземным хозяевам. Как вы думаете, что они предпримут?

— Они попытаются нанести нам удар, пока мы еще не очень сильны.

— Совершенно верно. Но куда они нанесут первый удар — по Алому Фьорду или по Ровернарку и другим городам дальше по побережью?

— Им, конечно, легче будет сначала захватить города побережья, мне так кажется. А уж потом они сосредоточат все свои силы против Алого Фьорда.

— Мне тоже так кажется.

— Так что теперь нам самим надо решать — оставаться здесь и готовиться к осаде или отправляться на помощь Ровернарку и другим городам.

— Трудный вопрос! — Бладрак поднялся из-за стола и пригладил свои рыжие волосы. — Видимо, нам надо посоветоваться с тем, кто может на него ответить.

— У вас есть здесь ученые? Философы? Или стратеги?

— Не совсем так. Но мы можем обратиться к Хозяйке Чаши.

— Так она обитает в Алом Фьорде? Я и не знал...

Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Но она иногда появляется здесь.

— Мне бы хотелось встретиться с этой женщиной! Помимо всего прочего, она, кажется, в известной степени несет ответственность за то, что со мной происходит.

— Тогда идемте со мной.

Бладрак пошел вперед, указывая мне путь, по узкому длинному коридору, ведущему в глубь горы. Пол коридора по мере продвижения все круче опускался вниз.

Вскоре мои ноздри почувствовали сильный запах морской воды, и я заметил, что стены коридора буквально сочатся влагой. Я понял, что мы спустились ниже уровня моря.

Коридор расширился, и мы вступили в огромную пещеру. С потолка ее спускались сталактиты молочного-голубого, зеленого и желтого оттенков. От них исходило слабое сияние, и наши тени плясали по грубо отесанным стенам пещеры. В центре ее на довольно ровном базальтовом полу стоял небольшой жезл в половину человеческого роста высотой. Он был абсолютно черного цвета и совершенно матовый. В сиянии сталактитов он отсвечивал темно-синим. Более в пещере не было ничего.

— Что это за жезл? — спросил я.

— Я не знаю, — ответил Бладрак. — Он всегда здесь был, еще до того, как наши предки пришли в Алый Фьорд.

— Он имеет какое-нибудь отношение к Хозяйке Чаши?

— Думаю, что имеет, потому что именно здесь она является нам.

Он огляделся по сторонам, как мне показалось, несколько нервно. Затем тихо произнес:

— Миледи?

Одно лишь слово, но тотчас в ответ раздался высокий вибрирующий звук, словно исходивший откуда-то из воздуха. Сталактиты тоже завибрировали. Я успел подумать, что они могут обвалиться и рухнуть прямо нам на голову. Жезл, стоявший посередине пещеры, как мне показалось, слегка изменил свой цвет, но это могло быть просто результатом вибрирующего света. Звук усилился и стал похож на крик человека. И тут я узнал его сам, вздрогнул и заморгал: мне показалось, что у меня перед глазами вновь возникла та золотая чаша. Я повернулся было к Бладраку, но застыл на месте.

Передо мной вся в золотом сиянии стояла женщина. Ее одежды, ее волосы — все было золотистым, а руки скрыты золотыми перчатками, и на лицо опущена золотистая вуаль.

Бладрак опустился на колени.

— Миледи, мы вновь нуждаемся в вашей помощи.

— Моей помощи? — Голос ее звучал нежно и мелодично. — Когда к вам наконец присоединился Великий Герой Урлик?

— Я не владею даром предвидения, о миледи, — произнес я. — Вы же, как считает Бладрак, им владеете.

— Власть моя ограничена, а кроме того, мне нельзя говорить вам обо всем, что я вижу. Что бы вы хотели узнать, Герой?

— Пусть Бладрак сам скажет.

Бладрак поднялся на ноги. Он в нескольких словах обрисовал сложившееся положение и наши проблемы. Должны ли мы поспешить на помощь Ровернарку и другим городам? Или лучше ждать нападения Серебряного Воинства здесь?

Хозяйка Чаши некоторое время размышляла. Затем произнесла:

— Чем меньше людей будет убито в этой войне, тем лучше. Мне кажется, что чем скорее все это закончится, тем меньше народу погибнет.

— Но Ровернарк сам навлек на себя эту беду! — Бладрак даже руками взмахнул от негодования. — Кто может сказать, сколько у Белпига сейчас воинов? Может, город падет и без кровопролития...

— Кровопролития все равно не избежать, не сейчас, так позднее, — сказала Хозяйка Чаши. — Белпиг стремится уничтожить все, чему не доверяет...

— Да, это так... — пробормотал задумчиво Бладрак.

— А эти Серебряные Воины смертны? Их можно убить? — спросил я таинственную женщину. — А то мы в крайне затруднительном положении...

— Нет, их убить нельзя, — ответила она. — По крайней мере, вашим оружием.

Бладрак пожал плечами:

— Значит, я должен рисковать своими воинами, чтобы помочь этим ничтожествам из Ровернарка! Я вовсе не уверен, что мои люди готовы идти на смерть ради этого!

— Но ведь многие из них отнюдь не ничтожества! — возразила она. — Что вы скажете о лорде Шаносфейне? Если Белпиг захватит всю власть над Ровернарком, Шаносфейну будет грозить огромная опасность!

Я должен был признать, что Шаносфейну действительно грозит опасность и что этот странный, отрешенный от мира Светский Владыка заслуживает того, чтобы его спасли.

Потом она вдруг спросила:

— Как по-вашему, Светский Владыка — хороший человек?

— Несомненно, — ответил я. — Очень хороший!

— В таком случае, я думаю, он вам очень скоро понадобится.

— Может, мы успеем в Ровернарк до того, как Белпиг покончит со своими делами на Наланарке? — предположил я. — Мы могли бы эвакуировать население до того, как на город нападут Серебряные Воины.

— Белпиг уже, несомненно, покончил со всеми делами на Наланарке, — заметил Бладрак. — И поскольку он уже знает, что нам известно о его союзе с Серебряным Воинством, то не станет терять времени.

— Да, вы правы.

— И только Черный Меч может поразить Белпига! — произнесла Хозяйка Чаши. — Черный Меч, которым вы теперь владеете, граф Урлик!

— Я не возьму его в руки! — сказал я.

— Возьмете, — воздух заколебался, и она исчезла.

Я узнал этот голос и этот тон. Никакой угрозы, только уверенность и убежденность. Я уже слышал его перед тем, как меня заманили на остров.

Я потер лицо ладонями и сказал как бы про себя:

— Я был бы очень признателен, если бы мне наконец предоставили возможность самому распоряжаться своей судьбой. К чему бы это ни привело.

— Пошли, — сказал мне Бладрак.

Я последовал за ним, все еще погруженный в невеселые размышления. Все вокруг как будто сговорились заставить меня поступать так, как мне совершенно не хотелось. Все мои инстинкты восставали против такого насилия. Но, может быть, мои инстинкты направляли меня по ложному пути...

Мы поднялись обратно в апартаменты Бладрака. А там нас уже ждал только что прибывший гонец.

— Господин, флот Серебряного Воинства уже покинул гавань и плывет теперь прямо на юг, — сообщил он.

— По направлению?.. — спросил Бладрак.

— По направлению к Ровернарку, мне кажется.

Бладрак развел руками:

— Так. Я вижу, мы зря теряли время. Мы уже не успеем в Ровернарк до их прибытия. Но, с другой стороны, это может быть просто уловка, чтобы заставить нас покинуть Алый Фьорд. Насколько я понимаю, они на самом деле стремятся выманить нас отсюда, чтобы второй их флот напал на Алый Фьорд в наше

отсутствие. — Он насмешливо посмотрел на меня. — Мы по-прежнему в весьма затруднительном положении, граф Урлик.

— Хозяйка Чаши, как мне показалось, намекала, что в наших интересах спасти Шаносфейна, — сказала я. — По крайней мере, нам не следует забывать о нем.

— Рисковать целым флотом ради одного человека! — Бладрак рассмеялся. — Ну нет!

— Тогда я отправлюсь один.

— И ничего не добьетесь. Вы просто погибнете — и у нас больше не будет Героя.

— Этот ваш Герой, мой милый Бладрак, пока что сделал для вас крайне мало, практически ничего.

— Ваша роль еще не совсем понятна...

— Уже понятна. Я испытываю огромное уважение к Шаносфейну. И мне невыносима мысль, что он погибнет от рук Белпига!

— Я вас понимаю. И все же риск слишком велик, граф Урлик!

— Ничего. Я могу себе это позволить. Особенно если у меня будет союзник.

— Союзник? Я не могу оставить мой народ и отправиться с вами...

— Я говорю не о вас, Бладрак. Я считаю, что вы должны оставаться здесь, со своим народом. Я имел в виду не человека.

Он в изумлении уставился на меня:

— Не человека? Значит, потусторонние силы?

Меня вдруг наполнило странное чувство печали и облегчения одновременно. Мне оставалось теперь только одно. И я принял решение. И тут же понял, что это решение было и уступкой, и проявлением мужества.

— Я имею в виду Черный Меч.

Бладрак посмотрел на меня так, словно с души у него свалилась огромная тяжесть. Он улыбнулся и хлопнул меня по плечу:

— Вот и превосходно! Было бы вопиющей несправедливостью не напоить его кровью, когда представляется такая блестящая возможность!

— Принесите же его! — приказал я.

Глава V

Пробуждение Меча

И мне принесли черный футляр и положили его на стол, вырезанный из цельного куска кварца. У меня в душе по-прежнему бушевали противоречивые чувства, перед глазами все плыло, и я едва мог разглядеть этот ящик.

Я положил руки на его крышку. Она была теплой на ощупь и даже, кажется, чуть подрагивала, словно пульсировала, как будто внутри билось сердце.

Я искоса взглянул на Бладрака. Тот смотрел на меня неотрывно и мрачно. Я попытался поднять крышку.

Она была крепко заперта.

— Не открывается, — сказал я, даже радуясь этому обстоятельству. — Я не могу ее поднять. Возможно, он и не предназначался...

И тут у меня в голове опять возник все тот же громкий речитатив:

Бладрак колебался всего секунду, а потом стремительно выбежал из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Я остался в одиночестве. Передо мной стоял черный футляр, в котором находился Черный Меч. В голове продолжал звучать все тот же речитатив:

— Что ж, прекрасно! — вскричал я. — Я сделаю то, чего от меня требуют! Я снова возьму Черный Меч! И уплачу необходимую цену!

Речитатив перестал звучать.

В комнате установилась мертвая тишина.

Я слышал собственное дыхание. Мои глаза неотрывно смотрели на крышку черного ящика, словно их притягивала непреодолимая сила.

Затем я тихо произнес:

— Приди ко мне, Черный Меч! Мы снова станем единым целым.

Крышка футляра открылась. Дикий торжествующий вой наполнил все вокруг — это был почти человеческий голос, который тут же пробудил во мне все воспоминания о прошлом.

Я был Элриком из Мелнибонэ, и я победил Властелинов Хаоса с помощью своего украшенного рунами меча, который звался Несущий Бурю. Меч этот был в моей руке, и сердце мое трепетало от дикой радости...

Я был Дорианом Хокмуном, и я сражался против Первых Лордов Империи Мрака, а мой меч звался Мечом Зари...

Я был Роландом, гибнущим в Ронсевальском ущелье, и мой меч Дюрандана уложил не менее полусотни сарацин...

Я был Джеремиа Корнелиус, и теперь у меня не было меча, но было странное ружье, которое метало стрелки в преследовавшую меня полубезумную толпу...

Я был Корум-Принц в Алой Мантии, я стремился попасть ко Двору Богов, чтобы добиться отмщенья...

Я был Артос-Кельт, поднявший свой пылающий меч на врагов, напавших на берега моего королевства...

Я был всеми этими людьми и даже больше, а оружием мне служил иной раз меч, иной раз копье, иногда пистолет или ружье... Но у меня всегда было оружие, и всегда этим оружием был Черный Меч в разных его воплощениях или какая-то часть его.

У меня всегда было оружие. Я всегда был воином.

Вечный Герой, Вечный Защитник — и в этом была моя слава и мое проклятие...

Странное чувство овладело вдруг мною — чувство примирения. Я гордился своей Судьбой, своим предназначением.

И все же, почему я столь долго отрекался от всего этого?

И еще я вспомнил огромное сияющее облако. Я вспомнил огромное и тяжелое чувство горя. Я вспомнил, как сам запечатал Меч в этот футляр и поклялся никогда больше не прикасаться к нему. И еще я вспомнил голос и предсказание...

Если отречешься от одной Судьбы — получишь иную, стократ более тяжкую...

— Нет Судьбы более тяжелой! — вскричал тогда я.

Я был тогда Джоном Дэйкером — несчастным, неудовлетворенным, несостоявшимся. И голос призвал меня тогда через тысячелетия, призвал, чтобы выполнить роль Эрекозе...

Преступление же мое состояло в том, что я отрекся от Черного Меча. Но почему, почему я от него отрекся?! Почему всеми силами стремился от него избавиться?!

Почему?

Почему?

Действительно, почему?

И тут из футляра вырвалось странное черное сияние. Меня, словно магнитом, потащило к нему. Я заглянул внутрь, и моему взору представилось знакомое зрелище.

Тяжелый черный двуручный меч. Клинок и рукоять испещрены рунами, недоступными моему пониманию. Головка эфеса — сияющая сфера из черного металла. Длина меча превышала пять футов, а рукоять была достаточно велика, чтобы браться за нее обеими руками.

И руки мои невольно сами потянулись к мечу.

Они коснулись эфеса, и меч тотчас поднялся из ящика и удобно устроился у меня в ладони, издав при этом звук, похожий на довольное урчание кошки.

Я задрожал, но в то же время меня охватило чувство радости.

Только теперь я понял, что означает выражение «злобная радость» — именно ее я сейчас ощущал.

С этим мечом в руках я переставал быть человеком, я превращался в демона.

Я засмеялся. И смех мой потряс стены комнаты. Я взмахнул мечом, и он издал дикий звук, словно зазвучала громкая, нечеловеческая музыка.

Я поднял меч и с силой опустил его на кварцевый стол. Стол раскололся надвое. Осколки кварца брызнули во все стороны.

— Вот он, мой Меч! — воскликнул я. — Мой Холодный Меч! Целый, единый Меч! Мой Черный Меч! И ему нужна пища, его надо напоить кровью!

Где-то в глубине сознания я понимал, что сейчас происходит необычное, редкое явление — я держу в руках не частицу меча, не какое-то воплощение, а сам Черный Меч. Ведь обычно у меня было оружие, которое лишь получало свою силу от Черного Меча, было только одним из воплощений Черного Меча.

Я бросил вызов самой Судьбе, и Судьба отомстила мне. И то, что мне теперь предстояло совершить,

можно было свершить лишь с помощью всей силы, всего могущества Черного Меча. Однако я до сего времени не знал, какие новые подвиги мне предстоят.

Отворилась дверь, и в комнату вошла одна из прислужниц Бладрака. Она посмотрела на меня, и лицо ее исказилось от ужаса.

— Мой господин послал меня узнать... — едва успела она произнести, запинаясь, и закричала от страха.

Черный Меч повернулся у меня в руках и чудовищным рывком устремился прямо к ней, волоча меня за собой. Острие вонзилось ей прямо в грудь, проткнув ее насквозь. Она забилась в конвульсиях — чудовищный танец смерти, — пытаюсь извлечь клинок из своего тела.

— О-о-о, какой он холодный, какой холодный! — вырвалось у нее сквозь стиснутые зубы. И она замолкла. Навсегда.

Меч сам покинул ее тело. Ее горячая кровь, кажется, еще более усилила исходящее от него черное сияние. Он вновь издал дикий вопль радости.

— Нет! — закричал я. — Нет! Этого не должно было случиться! Ты должен нести смерть только моим врагам!

И мне показалось, что Меч ответил мне издевательским смехом. В этот момент в комнату влетел Бладрак. Он хотел выяснить, что здесь случилось. Он посмотрел на меня, затем на Меч, перевел взгляд на мертвую девушку и в ужасе закрыл лицо руками.

Потом подошел к ящику. Там лежали ножны Меча. Он вытащил их и кинул мне.

— Уберите клинок в ножны, Урлик! Прошу вас, спрячьте его!

Я молча подхватил брошенные мне ножны. И Черный Меч, совершенно помимо моей воли, скользнул в них.

Бладрак опять взглянул на несчастную мертвую девушку и на разбитый стол. Потом поднял глаза на меня. На лице его было выражение боли и страдания.

— Теперь я понимаю, почему вы отказывались взять этот Меч, — тихо произнес он.

Я не смог ему ничего ответить. Молча прикрепил ножны к поясу, и Черный Меч повис у моего левого бедра.

Потом я наконец ответил ему:

— Вы все желали, чтобы я вновь поднял этот клинок и встал во главе ваших армий. Теперь, я полагаю, мы начинаем понимать, к каким последствиям это может привести. Черный Меч нужно поить кровью. И если нет крови врагов, он напьется крови друзей...

Бладрак отвел взгляд.

— Лодка готова? — спросил я.

Он кивнул.

И я покинул эту комнату, где сейчас царила смерть.

Глава VI

Цена Черного Меча

Мне дали лодку и кормчего.

Лодка была маленькая, с высоко поднятыми округлыми бортами, украшенными золотыми и бронзовыми накладками. Кормчий — если его можно так назвать — сидел впереди меня и держал ременные вожжи, с помощью которых управлял влекущими нас вперед цаплями.

Алый Фьорд скоро исчез за кормой, превратившись сначала в сияние над отдаляющимися скалами, а потом скрывшись вовсе. Вокруг нас были теперь одни только мрачные тучи.

Мы очень долго плыли по черным ленивым волнам, прежде чем впереди появились острые обсидиановые утесы. Потом мы увидели и гавань, над которой возвышался Ровернарк. Гавань была вся забита судами Серебряного Воинства, осаждавшего город.

Да, Белпиг не терял времени даром. И, вполне возможно, я прибыл сюда слишком поздно.

Суда осаждавших были огромны и напоминали морскую повозку самого епископа, но, кажется, двигались они без помощи слевов.

Мы не стали подходить ближе к городу, но пристали к берегу на некотором удалении от него, почти в том месте, где я впервые встретился с людьми Белпига.

Велев кормчему ждать моего возвращения, я осторожно двинулся по усеянному кристаллическим песком берегу к Обсидиановому городу.

Укрываясь в тени скал, я смог почти вплотную подобраться к гавани и как следует рассмотреть, что там происходит.

Ровернарк явно сдался без боя. И теперь пленных толпами гнали к берегу и грузили на суда.

Все так же неуклюже управляясь со своими алебардами, Серебряные Воины сновали туда-сюда по вырубленным в скале дорожкам.

Самого Белпига видно не было, но на одной из ведущих в город дорог я заметил свою колесницу с запряженными в нее медведями. Ее вели вниз, к причалу. Несомненно, она попала в число трофеев победителей.

Шаносфейна среди пленных я не заметил. Видимо, Белпиг пока держал его в его собственном владении — в Дхотгарде, если, конечно, Мирского Владыку уже не убили.

Я долго раздумывал, как мне пробиться в Дхотгард: ведь все пути наверх были буквально забиты врагами.

Даже имея в своем распоряжении Черный Меч, мне было бы затруднительно пробиться сквозь толпы врагов: я был один против тысяч. Даже если мне удастся прорваться в Дхотгард, как я сумею пробиться назад?

И тут мне в голову пришла мысль. Мой взгляд как раз упал на колесницу и медведей, которых подталкивали к причалу, с которого на один из кораблей были уже перекинута дощатые сходни.

Не раздумывая более, я извлек Меч из ножен и бросился вперед. И почти достиг колесницы, прежде чем меня заметили.

Один из Серебряных Воинов крикнул что-то высоким пронзительным голосом и метнул в меня алебарду. Я отбросил ее Мечом, орудовать которым было столь же легко, как рапирой, несмотря на его внушительные размеры. Я вскочил на колесницу, разобрал вожжи и повернул медведей обратно в Обсидиановый Город.

— Вперед, Рендер! Но, Гроулер!

Медведи, словно вдохновленные моим внезапным появлением, рванулись вперед.

— Быстрее, Лонгклоу! Но-о-о, Снарлер!

Колеса со скрежетом развернулись на усеянной кристаллическим песком каменной дороге, и мы понеслись прямо к городским воротам.

Я пригнулся, увертываясь от брошенных в меня алебард; но алебарда вообще не очень подходящее оружие для метания, к тому же Серебряным Воинам явно не хватало умения с ними обращаться. Воины и пленные рассыпались в стороны при моем приближении, и мы очень быстро добрались до въезда в Ровернарк.

А Черный Меч уже пел свою ужасную песнь. Жуткую песнь смерти.

Несколько воинов попытались помешать мне проехать через ворота, и я отмахнулся от них Мечом. Клинок задел двоих или троих, распоров им латы, и они закричали...

Мы забирались все выше и выше. В душе моей играла знакомая радость — я был упоен боем. Черный Меч сносил головы, рубил руки, вокруг потоками текла кровь, клинок Меча был тоже весь в крови, и ее капли падали на колесницу и на белую шерсть моих медведей.

— Вперед, Рендер! Быстрее, Лонгклоу!

Мы уже почти достигли Дхотгарда. Паника вокруг царила немыслимая: все в беспорядке бегали туда и сюда, кричали и вопили...

— Вперед, Снарлер! Но-о-о, Гроулер!

И еще быстрее устремилась вперед моя колесница, влекомая могучими медведями, и вскоре мы уже были перед воротами Дхотгарда, распахнутыми настежь. Не иначе, у Белпига был свой шпион среди челяди Шаносфейна, которому к тому же хорошо заплатили за предательство. Он-то и открыл ворота осаждающим. Но меня это устраивало как нельзя больше — колесница стремительно ворвалась внутрь и все с той же головокружительной скоростью помчалась по коридорам.

Я остановил медведей только перед входом в ту комнату, где впервые встретился с Шаносфейном. Я спрыгнул с колесницы и отдернул занавес, прикрывавший вход. И увидел Шаносфейна.

Он выглядел несколько похудевшим, и в глазах его было выражение боли, но он поднял на меня глаза, оторвавшись от манускрипта, который читал, с таким видом, словно вторжение Серебряного Воинства вовсе не причина для беспокойства.

— Граф Урлик, каким судьбами?..

— Я пришел, чтобы оказать вам помощь, лорд Шаносфейн.

На его лице появилось легкое удивление. Он ничего не ответил.

— Белпиг непременно убьет вас, — добавил я.

— С какой стати Белпиг станет меня убивать?

— Он предал Ровернарк. А вы — угроза его безраздельной власти.

— Власти?

— Лорд Шаносфейн, если вы останетесь здесь, вы обречены. Вам уже не дадут ни читать, ни заниматься научными изысканиями.

— Я этим занимался только для времяпрепровождения...

— Вы что, совсем не боитесь смерти?

— Нет.

— Ну, хорошо... — Я вложил меч в ножны, быстро подошел к нему и ударил его ребром ладони по шее. Он упал на стол. Я вскинул его тело на плечо и направился к выходу. Медведи, скалясь и рыча, сдерживали напор Серебряных Воинов. Но как только появился я, те все-таки бросились вперед, на нас, опустив свои алебарды. Я положил тело Шаносфейна на колесницу и повернулся лицом к врагам.

Серебряное Воинство явно уже привыкло к тому, что здешнее оружие не может причинить им

никакого вреда. Но Черный Меч легко вспарывал их латы и разил их одного за другим. Меч опять пел свою жуткую кровавую песнь. А Воины падали и падали, и все вокруг было залито их кровью, завалено их мертвыми телами, а на их серебристых лицах застыло выражение боли и страха.

Я вскочил на колесницу, схватил вожжи, развернул медведей в узком проходе и, набирая скорость, помчался назад к главным воротам.

И тут я заметил Белпига. Он завизжал от ярости, когда увидел мою несущуюся прямо на него колесницу, и распластался у стены. Я наклонился вбок, стараясь достать его острием меча, но он стоял слишком далеко.

Мы вылетели из ворот и помчались вниз по дороге, еще быстрее, чем прежде, когда поднимались вверх.

На сей раз никто не пытался преградить нам путь. Серебряные Воины уже поняли, что меня им не сразить. Они, правда, продолжали с безопасного расстояния метать в меня свои алебарды, и две из них даже попали в меня, оставив небольшие царапины на левой руке и на правой щеке.

Я опять смеялся над ними, высоко подняв свой огромный меч. Еще более могущественный, чем Меч Эрекозе (тот был, несомненно, лишь одним из частичных воплощений Черного Меча), он пел свою ужасную триумфальную песнь победы и смерти. А медведи влекли нас все вперед и вперед.

Пленники тоже увидели меня, и из их толпы раздались приветственные клики.

— Беритесь за оружие, народ Ровернарка! — закричал я им в ответ. — Сражайтесь! Бейте Серебряных Воинов! Бейте их!

Колесница стремительно мчалась вперед.

— Бейте их, или вы все погибнете!

Несколько пленников уже поднимали брошенные алебарды, намереваясь повернуть их против своих врагов. Серебряные Воины остановились в недоумении, не зная, как реагировать на это.

— А теперь бегите! — закричал я. — Бегите в горы, а потом идите вдоль берега по направлению к Алому Фьорду! Вас там ждут! Там вы будете в безопасности! Черный Меч защитит вас!

Я сам толком не понимал, что я им кричу. Но мои призывы, как ни странно, возымели действие: робкие и ленивые жители Ровернарка бросились бежать, пользуясь замешательством Серебряного Воинства. «Эти люди вполне еще могли стать хорошими воинами, — подумал я. — А им непременно придется стать воинами: теперь они прекрасно представляют себе, какая им грозит участь, если они не будут защищаться».

Весь переполненный радостью битвы, громко смеясь, я гнал свою колесницу вниз, к берегу. Колеса взвизгивали и подпрыгивали на крупных кристаллах песка.

— Шаносфейн спасен! — крикнул я тем, кто еще слушал меня. — Ваш Владыка со мной! — Я поднял его безжизненное тело как можно выше. — Он жив, просто без сознания!

Веки Шаносфейна дрогнули. Скоро он придет в себя.

А за нами уже началась погоня. Белпиг и отряд Серебряных Воинов устремились за моей колесницей. Потом из каких-то боковых ворот появился Моргег с отрядом всадников на странных, похожих на тюленей животных. Этим мне следовало опасаться гораздо больше, нежели неуклюжих чужестранцев.

Они тоже устремились в погоню за мной. Брошенное вслед копье задело плечо одного из медведей. Бедные звери уже выбивались из сил, я совершенно загнал их.

А затем, где-то на полпути к тому месту, где я оставил лодку, колесо налетело на камень, и нас Шаносфейном выкинуло через борт колесницы. Мы упали на камни, а медведи, не останавливаясь, понеслись прочь, дальше по берегу, таща колесницу за собой. Вот она опять наскочила на камень, подпрыгнула в воздух, вновь опустилась на землю и исчезла в полумраке.

Я скинул Шаносфейна на плечо и побежал. Но тяжкая поступь моржеподобных верховых животных звучала уже совсем рядом. Впереди виднелись очертания моей лодки, но я остановился и обернулся к

Моргегу и его воинам. Они все равно догнали бы меня прежде, чем я успел бы достичь лодки.

Шаносфейн застонал и потер лицо, приходя в себя. Я опустил его на землю.

— Видите лодку, лорд Шаносфейн? Она доставит вас в безопасное место. Бегите туда, быстро!

Я вынул из ножен Черный Меч, взял его обеими руками и повернулся к преследователям. Шаносфейн, пошатываясь, пошел к лодке.

Моргег и еще шестеро, вооруженные тяжелыми боевыми топорами, бросились на меня одновременно. Я крутанул тяжелым Мечом над головой, и его острие вспорол горло двум верховым тюленям. Они заревели, кровь потоками устремилась из широких ран. Они попытались было сделать еще шаг вперед, но рухнули, сбросив своих всадников. Одного я убил на месте: Черный Меч пробил его нагрудник и пронзил сердце. Я вновь поднял клинок, взмахнул им и поразил еще одного всадника. Тот дернулся в седле и свалился наземь.

Второй из спешенных воинов пытался подобраться ко мне сбоку, двигаясь, как краб, с поднятым топором. Я нанес рубящий удар по рукояти, расколол ее пополам. Лезвие топора от удара отлетело прямо в лицо другому всаднику и вышибло его из седла. Я сделал выпад, и Меч вонзился обезоруженному воину в горло.

Моргег пытался справиться со своим испуганным верховым тюленем. На меня он смотрел со страхом и ненавистью.

— А вы неплохо деретесь, граф Урлик! — произнес он.

— Как будто так, — ответил я и сделал ложный выпад.

Моргег подался назад, теперь у него оставался всего один воин — остальные лежали мертвыми. Я опустил Меч и сказал, обращаясь к этому воину:

— Оставь нас одних. Уходи. Или ты хочешь, чтобы я и тебя здесь положил?

Его бледное лицо дрогнуло, рот удивленно открылся. Он пытался что-то ответить, но так и не смог. Молча развернул своего тюленя и направился обратно в Ровернарк.

— Полагаю, мне тоже лучше будет вернуться в город, — тихо произнес Моргег.

— Не выйдет, — ответил я. — Мне еще надо расквитаться с тобой за то, что вы заманили меня в ловушку и бросили на острове одного.

— Я думал, что вы погибли.

— Но ты даже не удосужился проверить!

— Мы решили, что морской олень убил вас.

— Это я убил морского оленя!

— В таком случае, мне тем более следует вернуться в Ровернарк! — и он облизнул пересохшие губы.

— Я позволю тебе уйти, но только если ты сообщишь мне одну вещь. Кто вами командует?

— Епископ Белпиг, конечно! Кто ж еще!

— Нет. Я имею в виду, кто командует Серебряными Вои...

Моргег, видимо, решил, что лучшей возможности ему уже не представится. И внезапно обрушил на меня удар своего топора.

Я отбил удар и тут же, крутанув Мечом, выбил оружие у него из руки. Мне уже было не удержать клинок, и он по инерции вонзился прямо в низ живота Моргега.

— Какой холод... — прошептал Моргег, закрывая глаза. — Ледяной холод...

Тело его сползло с седла. Почувствовав себя свободным, его верховой тюлень тут же развернулся и быстро побежал обратно к гавани.

А ко мне уже приближался сам епископ Белпиг в сопровождении множества Серебряных Воинов. Их

было много, и я сомневался, что мне удастся справиться со всеми, даже при помощи Черного Меча.

И тут со стороны моря до меня донесся крик:

— Граф Урлик! Скорее!

Это был голос моего кормчего. Шаносфейн был уже в лодке, и она медленно двигалась ко мне.

Я вложил Меч в ножны и вошел по колено в воду. Она словно прилипла к сапогам, мешала двигаться. Белпиг и его воины были почти рядом. А позади него, возле гавани, по-прежнему царила паника.

Лодка подошла ближе, я ухватился за борт и, задышавшись, перевалился через него. Кормчий тут же развернул цапель и взял курс в открытое море.

Белпиг и Серебряные Воины остановились на берегу, у самой кромки воды, и вскоре их поглотил полумрак.

Лодка понеслась к Алому Фьорду.

Бладрак был необычно мрачен. Он сидел в своем янтарном кресле и изучающе рассматривал Шаносфейна и меня.

Мы находились в другой комнате его апартаментов, далеко от той, где сейчас властвовала смерть. Я снял с пояса Черный Меч и поставил его у стены в углу.

— Итак, — тихо произнес Бладрак, — Черный Меч, кажется, получил причитающуюся ему плату. Вы, должно быть, уложили немало Серебряных Воинов, не говоря уж о стражниках Белпига. И к тому же показали жителям Ровернарка, что им все же имеет смысл защищаться...

Я кивнул.

— А вы, лорд Шаносфейн, довольны ли вы исходом этого предприятия? Ведь вам удалось избежать смерти...

Бладрак говорил почти насмешливо.

Шаносфейн поднял на него глаза, в которых по-прежнему было какое-то отстраненное выражение.

— Я не совсем уверен в том, что между жизнью и смертью существует большая разница, сэр Бладрак.

Выражение лица Бладрака изменилось: до него дошел смысл слов Шаносфейна. Он поднялся с кресла и принялся расхаживать по комнате.

— Вы знаете, кто командует Серебряными Воинами? — спросил я Шаносфейна.

— Как, кто? Да Белпиг, конечно! — с удивлением ответил он.

— Да нет же! Граф Урлик желает знать, кто командует самим Белпигом, — сказал Бладрак. — Кто является верховным правителем Серебряного Воинства?

— Да все тот же Белпиг. Епископ Белпиг. Он их верховный правитель.

— Но он же не принадлежит к их расе! — воскликнул я.

— Он держит заложницей их королеву, — взгляд Шаносфейна, блуждавший по комнате, вдруг, словно прикованный, остановился на Черном Мече. — Эти люди на самом деле совсем не воины. Это мирный народ. Они никогда не знали войн. Но Белпиг заставил их выполнять его желания. А если они откажутся, он убьет их королеву, которая для них дороже собственной жизни.

Я был поражен. Бладрак тоже.

— Так вот почему они так скверно управляются со своими алебардами! — пробормотал я.

— Они умеют строить разные машины и с их помощью заставляют корабли плыть туда, куда им нужно, — сказал Шаносфейн. — Они обладают большими знаниями, так мне сам Белпиг говорил.

— Тогда зачем он превращает наш народ в рабов? — спросил Бладрак. — Какой ему от этого прок?

— Этого я не знаю, — Шаносфейн спокойно посмотрел на Бладрака. — Какой вообще прок от любой деятельности? Может быть, план Белпига ничем не хуже любого другого...

— У вас есть представление, чего именно он хочет добиться? — спросил я.

— Я уже говорил вам, что не имею об этом ни малейшего понятия. Мне как-то не приходило в голову спросить у него.

— Так вам совершенно наплевать на то, что ваш народ превращают в рабов?! И даже убивают?! — вскричал Бладрак. — Вашу холодную душу это совершенно не трогает?!

— Они и так уже рабы, — ответил Шаносфейн. — Мой народ вымирает. Как по-вашему, сколь долго протянет наша раса в таких условиях?

Бладрак отвернулся от Светского Владыки.

— Лорд Урлик, мне кажется, вы зря потратили на него время, — сказал он.

— То, что лорд Шаносфейн думает иначе, чем мы, вовсе не значит, что его не нужно было спасать, — ответил я.

— Пожалуй, меня действительно не нужно было спасать. — В глазах Шаносфейна появилось странное выражение. — Я вообще не считаю, что вы меня от чего-то спасли. Кстати, кто посоветовал вам спешить мне на помощь?

— Мы сами приняли такое решение, — ответил я. Потом, подумав, добавил: — Нет, не совсем так. Это, наверное, Хозяйка Чаши первой предложила...

Шаносфейн вновь поглядел на Черный Меч. Потом тихо произнес:

— Я бы хотел остаться один. Мне необходимо подумать.

Бладрак и я молча вышли из комнаты.

— Ну что же, может быть, его и стоило спасать, — неохотно признал Бладрак. — Он нам сообщил кое-какие важные сведения, которые мы бы иначе не получили. Но мне этот человек совершенно не по нраву. И я не понимаю, что в нем так привлекает вас. Он же ничтожество, он просто...

И тут нас остановил душераздирающий крик. Он донесся из той комнаты, которую мы только что покинули. Мы обменялись быстрыми понимающими взглядами.

И побежали обратно.

Но Черный Меч уже сделал свое дело. Шаносфейн лежал, распластавшись на полу, а из середины его груди, раскачиваясь как какое-то жуткое растение, торчал черный клинок. То ли Меч сам напал на Шаносфейна, то ли он каким-то образом исхитрился покончить с собой — нам не узнать уже никогда.

Шаносфейн был еще жив, его губы шевелились.

Я склонился над ним, пытаюсь разобраться, что он говорит.

— Я и не знал, что он такой... такой холодный...

Я вырвал Черный Меч из его груди и вложил обратно в ножны.

Бладрак был бледен.

— Может быть, именно для этого Хозяйка Чаши заставила нас привезти его сюда? — спросил он.

— Что вы хотите сказать?

— Может быть, Мечу нужна была жизнь хорошего человека, очень хорошего? Может быть, это и есть та цена, которую нам следовало заплатить за его помощь и содействие? Может быть, наградой Черному Мечу могла служить только душа Черного Короля?

И я вспомнил речитатив, звучавший у меня в ушах:

Если Черный Меч пробудится, он должен будет получить свою плату...

Я сжал кулаки. И посмотрел на мертвое тело короля ученых людей Ровернарка.

— Ох, Бладрак, — произнес я тихо. — Мне страшно за наше будущее.

И холод, ужасный холод, холоднее самого холодного льда, наполнил комнату.

Книга четвертая

КРОВЬ СОЛНЦА

Клинок Меча, Герой и Чаша
Изменяют круто судьбы наши.

Глава I

Осада Алого Фьорда

И все в Алом Фьорде погрузилось в уныние, даже огни как будто померкли.

Мы теперь жили в тени Черного Меча, и мне становилось все более понятно, почему я так решительно отказывался от него ранее.

Получить полную власть над этим Мечом было совершенно невозможно. Он требовал человеческих жизней. Как алчный Молох, свирепый варварский бог древних, он все время требовал жертвоприношений. И, что хуже всего, он часто выбирал их сам, причем из числа друзей того, кто его носил.

Кровавый, ревнивый Меч.

Я, конечно, понимал, что Бладрак вовсе не винит меня в том, что произошло. Он даже утверждал, что вина за все это в равной степени лежит и на нем самом, и на Хозяйке Чаши. Ведь именно они — против моей воли — заставили меня пробудить Черный Меч и использовать его.

— Он уже помог нам, — отметил я как-то. — Без него я бы не выбрался из Ровернарка, и мы бы не узнали от Шаносфейна всей правды о Белпиге и о том, почему Серебряное Воинство подчиняется ему.

— И ему хорошо заплатили за помощь! — проворчал Бладрак.

— Если бы узнать, где Белпиг прячет их королеву, — сказал я, — мы могли бы освободить ее. Тогда Серебряные Воины отказались бы повиноваться Белпигу.

— Но мы же не имеем ни малейшего представления, где она!

— Может быть, нам опять спросить у Хозяйки Чаши... — начал было я, но Бладрак перебил меня:

— Я вовсе не уверен, что Хозяйка действует полностью в наших интересах. Мне кажется, она просто использует нас для осуществления каких-то собственных планов.

— Да, вы, вероятно, правы.

Однажды мы бродили с Бладраком вдоль причалов, осматривая корабли, которые мы и оснащали, готовясь к нападению Серебряного Воинства. Узнав о причинах, вынудивших Серебряных Воинов сражаться против нас по приказу Белпига, мы несколько утратили боевой пыл, и ненависть к ним поутихла, а стало быть, замедлилась и подготовка к войне.

Без ненависти к врагам было трудно заставить себя убивать их. Но нам все равно придется их убивать, иначе вся человеческая раса будет порабощена.

Я посмотрел на дальнюю стену фьорда, всю изрезанную отверстиями пещер, из которых исходили таинственный алый свет и тепло.

Там скрывалась какая-то сила, но я даже не мог себе представить, какая именно. Нечто, созданное тысячи лет назад, нечто, продолжавшее гореть при постоянной температуре, хотя остальной мир вокруг все больше остывал. Некогда, вероятно, Алый Фьорд представлял собой нечто совершенно иное, чем ныне, став прибежищем людей, поставленных вне закона, тех, кто предпочел перебраться сюда из относительной безопасности умирающих городов, вроде Ровернарка. Может быть, Хозяйка Чаши была последним потомком тех ученых, что некогда обитали здесь? На этот вопрос мог бы, наверное, ответить Шаносфейн. Может быть, именно поэтому Черный Меч убил его, чтобы мы по-прежнему пребывали в неведении...

Бладрак вдруг положил руку мне на плечо, остановился и склонил голову, прислушиваясь к чему-то.

Теперь я тоже услышал: это был звук сигнальной трубы. Вот он прозвучал еще раз, уже громче.

— Это стража, — сказал Бладрак. — Вот что, граф Урлик. Надо поглядеть, в чем дело, почему они

трубят тревогу, — и он прыгнул в лодку, в которую были запряжены два цаплеподобных создания. До этого они спали на насестах, устроенных вдоль причала. Он разобрал вожжи и разбудил цапель. Я последовал за ним в лодку. Цапли повлекли лодку к узкому проливу, отделяющему фьорд от моря.

Миновав устье пролива и нависающие над ним черные скалы, мы вышли в открытое море. И тут же поняли, почему стража подняла тревогу.

На нас шел флот Белпига.

Судов было много — от пятисот до тысячи, и огромных. Воздух содрогался от шума их машин. Они поднимали вязкие волны, которые вскоре достигли нас и закачали нашу лодку.

— Белпиг собрал против нас все свои силы! — вскричал Бладрак. — Наши корабли не смогут противостоять этим огромным судам в открытом бою...

— Вы правы. Однако их величина в здешних условиях будет против них же самих: такие гигантские корабли могут войти в Алый Фьорд лишь по одному, — сказал я. — Если мы поставим достаточно воинов на скалах у входа во фьорд, то сможем первыми напасть на них, как только они попытаются проникнуть внутрь.

— Точно! — его лицо чуть посветлело. — Так мы и сделаем! А теперь — назад!

Мы успели подготовиться, и когда первый из гигантских кораблей со странными пирамидальными надстройками приблизился к устью пролива, мы уже ждали его на высоких скалах, приготовив кучи тяжелых камней.

Когда корабль оказался прямо под нами, я обнажил Черный Меч и скомандовал:

— Давай!

И тяжелые камни полетели вниз. Некоторые пробивали верхнюю палубу и надстройки, другие, падая, ломали мачты, калечили воинов и сбрасывали их в море.

Наши воины закричали в восторге, когда корабль накренился и перевернулся вверх килем, и воины в серебряных латах посыпались прямо в вязкие черные волны, которые тут же поглотили их. Они судорожно барахтались и кричали что-то высокими тонкими голосами.

Я смотрел, как они тонули, и думал о том, что эти бедные создания такие же жертвы предательского поведения Белпига, как и мы сами. Но что нам оставалось делать? Они напали на нас, и мы убивали их. Они сражались, чтобы сохранить жизнь своей королеве, которую любили превыше собственной жизни. А мы дрались за свою свободу. А вот за что дрался Белпиг, мне еще только предстояло узнать.

Другой корабль попытался войти в узкий пролив, и вновь мы обрушили вниз град камней. Корабль раскололся надвое, корма и нос поднялись из воды почти вертикально, и волны медленно сомкнулись над ними, словно огромная пасть какого-нибудь морского чудовища. Из воды поднялся огромный клуб разогретого белого пара, все вокруг забурлило, нам в лицо ударил поток горячего воздуха. Надо полагать, один из камней попал прямо в машину, двигавшую этот корабль. Машины эти, видимо, были достаточно уязвимы. Стало быть, нам удалось обнаружить у нападавших еще одно слабое место.

Потеряв еще два корабля, противник отступил, встав у входа во фьорд полукругом, но на некотором расстоянии от нас.

Так началась осада Алого Фьорда.

Мы снова сидели в апартаментах Бладрака и обсуждали наше положение. Он было воспрянул духом после нашей первой победы, но теперь снова хмурился, раздумывая о том, что нам предстоит.

— Вы опасаетесь, что нам не выдержать долгой осады? — спросил я его.

— У нас мало припасов, — ответил он. — Мы выращиваем все, что нам необходимо, в глубоких пещерах, но освобожденные рабы утроили население Алого Фьорда. Наши сады и огороды не смогут прокормить столько людей. Наши рейды обычно служили дополнительным источником провизии, но теперь корабли Белпига блокируют Фьорд, и мы не можем выйти в море.

— На какое время нам хватит продовольствия, как вы думаете?

Он пожал плечами:

— Дней на двадцать. Мы никогда не делали больших запасов. Почти все, что было, пошло на прокорм вновь прибывших. Новый урожай будет еще не скоро. Белпиг, вероятно, осведомлен об этом.

— Да, наверное. И рассчитывает на это тоже!

— Что будем делать, граф Урлик? Может, нападём на них сами? По крайней мере, это быстрая смерть...

— Ну, это оставим на крайний случай. А что, разве из фьорда нет другого выхода?

— Есть, но только не в море. Дорога в горы — но она ведет прямо в ледяные пустыни. Мы там погибнем так же быстро, как и здесь.

— Как далеко отсюда эти ледяные пустыни?

— Если пешком, то дней восемь. Я никогда в ту сторону далеко не забирался.

— Значит, если мы пошлем туда фуражиров, они ничего там не найдут?

— Нет.

Я почесал бороду, размышляя. Потом сказал:

— Тогда нам остается только одно.

— Что именно?

— Просить совета у Хозяйки Чаши. Каковы бы ни были ее планы, она, как мне кажется, желает поражения Белпига. Она окажет нам помощь, если, конечно, это в ее силах.

— Хорошо, — сказал Бладрак. — Тогда пойдёмте в пещеру, где стоит этот черный жезл.

— Миледи!

Бладрак оглянулся по сторонам. Лицо его на миг осветилось тусклым странным светом, исходившим от сталактитов.

Сильный запах морской воды бил в нос. Пока Бладрак вызывал Хозяйку Чаши, я занялся изучением жезла, все так же торчавшего из черного базальта посреди пещеры. Я коснулся его пальцами и тут же отдернул руку, вскрикнув от боли. Жезл обжигал. Но это был не жар. Жезл был холодным, чудовищно холодным.

— Миледи!

Тонкий вибрирующий звук возник в воздухе, постепенно переходя в визг. Я повернулся и успел заметить очертания гигантской Чаши. Потом они исчезли, и звук тоже пропал. Перед нами стояла Хозяйка Чаши, источая розовое сияние, с лицом, закрытым вуалью.

— Белпиг едва не уничтожил вас! — произнесла она. — Тебе следовало раньше взять Черный Меч!

— Чтобы погубить еще больше друзей?

— Ты что-то слишком сентиментален для Великого Героя и Защитника! Дело, за которое ты сражаешься, огромно по своему значению и по своим последствиям.

— Я уже устал от великих дел, сударыня.

— Тогда зачем Бладрак вызвал меня?

— Нам просто ничего другого не оставалось. Мы заперты во фьорде и скоро погибнем. Единственный, как мне кажется, выход из создавшегося положения — попытаться спасти Королеву Серебряного Воинства, которая находится в плену у Белпига. Если мы освободим ее, у Белпига не будет такой армии.

— Совершенно верно.

— Но мы не знаем, где нам искать Королеву, — сказал Бладрак.

— Задавайте мне прямые вопросы! — приказала Хозяйка Чаши.

— Где находится Королева Серебряного Воинства? — спросил я. — Вы знаете?

— Да, я знаю. Она находится в городе, который называется Луна, в тысячах миль отсюда, и дорога к ней лежит через ледяные пустыни. Ее охраняют люди Белпига с помощью волшебства. Он заколдовал ее. Она не может покинуть свое жилище, и никто не может к ней проникнуть, за исключением самого Белпига.

— Значит, ей нельзя помочь.

— Можно. Но сделать это может лишь один человек. Ты, Урлик. С помощью Черного Меча.

Я пристально посмотрел на нее:

— Так вот почему вы помогли Бладраку призвать меня сюда! Вот почему вы доставили сюда это Меч и заставили меня вновь взять его! Вы желаете освободить Серебряную Королеву, причем из соображений вашей собственной выгоды!

— Об этом нетрудно догадаться, граф Урлик. Но ее освобождение и в ваших интересах тоже.

— Я не могу пересечь тысячемильные пространства ледяной пустыни пешком. Даже если бы я не лишился своей колесницы и медведей, я не смог бы добраться туда достаточно быстро и освободить Королеву, чтобы спасти Алый Фьорд.

— Есть и другой способ попасть туда, — произнесла Хозяйка Чаши. — Очень опасный...

— Использовать в качестве саней лодку и этих цапель? Они во льдах долго не выдержат. Кроме того, я вовсе не уверен, что здешние лодки достаточно прочны...

— Нет, я вовсе не это имела в виду.

— Тогда скажите, что именно!

— Алый Фьорд создали прекрасные инженеры. Они изобрели множество разных машин. Некоторые из их изобретений совсем не нашли себе применения, некоторые использовались лишь частично. Когда они ушли отсюда, овладев силами, способными переносить их сквозь время, то оставили здесь многое из созданного ими. Одно из их изобретений замуровано в скале в дальнем конце горного хребта, окружающего фьорд. Это воздушная повозка, которая имеет свой собственный источник энергии. Но ее бросили, ибо она обладала существенным недостатком: ее двигатель источает некую эманацию, которая ослепляет пассажиров и в конечном итоге убивает их.

— И вы хотите, чтобы я отправился на Луну на такой повозке?! — Я даже засмеялся. — И умер еще до того, как попаду туда? Чего же мы этим добьемся?

— Ничего. Я не знаю, сколько времени нужно этим лучам, чтобы убить человека. Вполне возможно, ты успеешь добраться до Луны.

— Но, вероятно, останусь калекой?..

— Об этом я не знаю ничего.

— Где именно замурована повозка?

— В скалах есть тропа, которая через ущелье ведет прямо к ледяным пустыням. В конце ущелья возвышается одинокая скала. В ней вырублены ступени, которые ведут наверх, к замурованной двери. Ты должен взломать эту дверь — за ней и хранится воздушная повозка.

Я нахмурился. Я все еще не полностью доверял Хозяйке Чаши. В конце концов именно она была виновна в том, что я лишился Эрмизад и испытал столько потрясений и горя.

— Что же, я последую вашему совету, миледи, — сказал я. — Но только при одном условии. Вы должны мне кое-что обещать.

— Что же?

— Что вы откроете мне все, что вам известно о моей Судьбе и моем месте в этой Вселенной.

- Если ты добьешься успеха, я обещаю, что расскажу все, что знаю сама.
- В таком случае я немедленно отправляюсь.

Глава II

Город, который звался Луной

И я покинул Алый Фьорд и поспешил в черные, мрачные горы, зловеще возвышавшиеся над фьордом, упираясь вершинами в низкое сумрачное небо. С собой я взял карту, немного провизии и свой Меч. На мне было громоздкое меховое одеяние, не слишком согревавшее меня, но, по крайней мере, не дававшее замерзнуть. Я двигался вперед и вперед по узкой тропе с максимально возможной в таких условиях скоростью.

Спал я мало, в результате чего глаза все время слипались, и окружавшие меня обсидиановые утесы, базальтовые осыпи и странной формы потеки пемзы начинали как бы шевелиться и казались то издевательски ухмыляющимися лицами, то угрожающе нависшими над тропой фигурами великанов и чудовищ, то еще чем-нибудь столь же кошмарным. Я все время хватался за Меч, но продолжал путь, шатаюсь, оскальзываясь, чуть не падая. В конце концов впереди завиднелся выход из ущелья, за которым простиралась ледяная пустыня. Над ней плыли все те же низкие облака, сквозь которые сейчас был виден красный шар солнца и еле заметные звезды за ним.

Я был даже рад, что наконец добрался до ледяной пустыни. Если в первый раз, когда я только попал в этот мир, льды показались мне мрачными и однообразными, то теперь, в сравнении с черными горами, окружавшими последнее, черное море Земли, они предстали совсем в ином виде. Я с трудом преодолел последний скользкий участок ущелья, и передо мной встала одинокая скала.

Как и говорила Хозяйка Чаши, скала стояла особняком от остальных, на самом краю ледяной пустыни.

Меня уже шатало от недосыпания. Я с трудом передвигал ноги, преодолевая последние полмили. И наконец достиг подножия скалы, где виднелись вырубленные в камне ступени. На первой же из этих ступеней я рухнул и провалился в глубокий сон.

Но вскоре проснулся, лишь слегка освеженный сном, и сразу двинулся вверх по ступеням, пока не добрался до замурованного входа в пещеру. Да, он был замурован, и замурован прочно: расплавленным когда-то, а теперь застывшим красно-желтым обсидианом.

А я рассчитывал, что дверь-то уж сломать смогу. Но с помощью чего я мог бы проникнуть сквозь застывший обсидиан?

Я оглянулся по сторонам, бросил взгляд на оставшиеся позади горы. Низкие темные облака словно прилипли к их склонам, делая их очертания еще более загадочными. Они как будто насмехались надо мной вместе с Хозяйкой Чаши.

— Будьте вы прокляты! — воскликнул я.

— Прокляты! — ответили они. — Прокляты!

Это эхо еще более усилило мое мрачное настроение.

Едва сдерживая клокотавшую в груди ярость, я обнажил Черный Меч. Черное сияние, исходившее от клинка, бликами заиграло на обсидиановой поверхности. Я размахнулся и нанес яростный удар по камню, закрывавшему вход в пещеру. Клинок глубоко вонзился в обсидиан, осколки брызнули во все стороны.

Удивленный, я нанес еще удар. Огромный кусок обсидиана отвалился и упал в сторону.

И вновь Черный Меч вонзился в камень, и на сей раз стена с грохотом рухнула, открыв черный зев пещеры. Я вложил Меч в ножны и, перебравшись через гору битого камня, вошел внутрь. В пещере было совершенно темно, я ничего не видел. Я вынул из-за пояса жезл-фонарик, что дал мне Бладрак, и нажал на его ручку. Тусклый свет озарил помещение.

Передо мной стояла машина, о которой говорила Хозяйка Чаши.

Но она ничего не сказала о том, что в машине меня будет ждать водитель, пилот!

Он сидел там и молча смотрел на меня, улыбаясь, словно зная мою судьбу наперед. Он был тонок и высок и одет в такие же серебряные доспехи, как те воины, что служили Белпигу. Он сидел в довольно-таки неловкой позе и так, видимо, просидел здесь многие века, ибо на меня, оскалившись, смотрел голый череп, а борта повозки сжимали пальцы скелета. Я догадался, что его оставили здесь как предупреждение тем, кто захочет воспользоваться этой повозкой с ее смертельным излучением. С проклятием я отбросил мертвеца в сторону.

Хозяйка Чаши говорила, что я вполне сумею справиться с управлением этой повозкой. И была права. Здесь не было никаких приборов, только одна ручка, выполненная из цельного кристалла, торчала из пола. Взявшись за нее, я почувствовал, что двигатель заработал. Толкнув ручку от себя, я заставил повозку двигаться вперед, а потянув ручку к себе, замедлил ее движение, а потом и остановил ее. Если тянуть ручку назад под некоторым углом, можно было поднять повозку в воздух, а толкая ручку под тем же углом вперед — опускаться вниз. Повороты легко выполнялись движением ручки вправо и влево.

Мне не терпелось покинуть пещеру и валявшийся там скелет пилота. Я покрепче взялся за ручку и толкнул ее вперед. И тотчас вся повозка засветилась ярким розовым светом. Двигатель, расположенный где-то под ногами, заработал мощнее. Я облизал пересохшие губы, еще раз толкнул ручку и вывел воздушную повозку из пещеры. Потом поднял ее на несколько футов в воздух, чтобы не наткнуться на гору камней у входа, и полетел. Повозкой было легко управлять — она слушалась малейших движений руки. Я глянул на карту, сориентировался по компасу, укрепленному на ручке, и направился прямо к городу, который здесь звали Луной.

Обсидиановые утесы скоро остались позади, и теперь подо мной были только льды, льды без конца и без края. Повозка стремительно летела вперед. Иной раз ровную поверхность льда пересекали торосы и трещины, но по большей части ничто не нарушало однообразия холодного и пустынного пейзажа, расстилавшегося внизу.

Я начал было сомневаться в справедливости утверждений Хозяйки Чаши относительно смертельной опасности, которая якобы исходит от двигателя повозки, но вскоре понял, что вижу теперь несколько хуже, словно что-то застилает мне взор. Потом почувствовал сонливость, затем появилась боль в суставах.

Я вел воздушную повозку на максимальной скорости, но у меня не было приборов, чтобы эту скорость определить. Холодный ветер бил в лицо, борода была вся в инее, тяжелый меховой плащ развевался, я с трудом мог дышать.

Я замерзал. Мне казалось, что я лечу все дальше и дальше от солнца и мир становится все темнее и темнее.

И действительно, скоро солнце уже висело над самым горизонтом, а звезды сияли гораздо ярче. Я уже лежал, откинувшись на сиденье. Меня подташнивало.

Я был уверен, что скоро мне конец. Пришлось даже снизить скорость — меня вырвало прямо за борт. Я хотел совсем остановить повозку и убраться от нее подальше, но помнил, что если покину ее, то тогда уж погибну навсегда. И я вновь увеличил скорость.

Некоторое время спустя впереди показалась огромная белая гора, вся испещренная гигантскими кратерами. Она поднималась прямо из ледяной равнины. Я сразу узнал ее: это была сама Луна. Интересно, сколько тысяч лет прошло с того момента, когда ока врезалась в Землю? Внезапно в памяти мелькнуло какое-то воспоминание. Да, теперь я вспомнил: я уже однажды видел это зрелище. Какое-то имя, чье-то горе было связано с ним. Что это было за имя?

Но воспоминание уже исчезло.

Последним усилием я потянул ручку управления на себя, с трудом посадил воздушную повозку на лед и выволок из нее свое ноющее тело.

И пополз по льду, направляясь к возвышающейся впереди горе, которая когда-то была спутником Земли.

Чем больше я удалялся от воздушной повозки, тем скорее ко мне возвращались силы. Когда я дополз до первых отрогов, я уже чувствовал себя почти нормально. Гора тоже была покрыта тонким слоем льда, но не вся, а только местами, так что ее очертания были хорошо видны. Далеко вверху светился какой-то огонек. Не вход ли это в город, который вынуждено было покинуть Серебряное Воинство, против собственной воли вставшее под знамена Белпига в его войне против нас? Мне оставалось лишь начать подниматься по отрогам горы к этому источнику света. Склон был довольно пологим, льду мало, так что подниматься было легко. Правда, мне пришлось несколько раз останавливаться, чтобы передохнуть. Когда я наконец достиг вершины горы и мне в лицо ударил поток яркого света из огромного кратера, я совершенно выдохся. А на фоне кратера в ярком свете передо мной предстали силуэты не менее дюжины всадников все на тех же тюленеобразных верховых животных.

Меня заметили. Вероятно, Белпиг предупредил о моем возможном появлении.

Я съехал вниз по стене кратера, остановился на небольшой площадке, извлек из ножен Черный Меч, взялся обеими руками за его рукоять и приготовился к защите.

Они атаковали меня все вместе, опустив свои гарпуны с зазубренными наконечниками. Такие я в последний раз видел во время охоты на морского оленя. Если такое острие пробьет латы, оно распорет меня от горла до живота!

И тут я почувствовал прилив сил, словно Черный Меч передал мне свою энергию. Одним-единственным взмахом клинка я срубил наконечники всех гарпунов, нацеленных мне в грудь. Они со звоном покатались по камням. Пораженные всадники остановились. Я вонзил острие Меча в горло ближайшему тюленю, и тот упал, захлебываясь кровью. Его всадник вылетел из седла прямо мне под ноги, и мне оставалось только раскроить ему голову ударом Меча.

С моих губ сорвался смех. Всадники смешались. Одни доставали мечи из ножен, другие хватались за боевые топоры. Они что-то кричали друг другу. Один метнул в меня топор, и его лезвие ударило меня в плечо, но не пробило кольчугу. Я сделал выпад и раскроил ему лицо. Удар был таким сильным, что клинок по инерции поразил и соседнего воина.

Они попробовали было прижать меня к стене, чтобы лишить маневра и расправиться со мной. Но Черный Меч такого не допустил. Он поднимался и опускался столь быстро, что они не успели опомниться, как половина из них уже лежала мертвыми. Вот черный клинок вместе с державшей его рукой исчез в тени. И тут же еще одна отрубленная голова скатилась на землю. Вот еще одно тело со вспоротым животом закачалось в седле и сползло набок. Все, кого касался Черный Меч, падали, истекая кровью.

И вот уже все воины лежали мертвыми. Лишь несколько верховых животных остались в живых: они, толкаясь, отступали к центру кратера, откуда исходил яркий свет.

По-прежнему громко смеясь, я последовал за ними.

Бой совершенно не утомил меня, наоборот, он словно вдохнул в меня новые силы. Я чувствовал себя очень легко и свободно. Я быстрым шагом двигался за тюленями, моргая и щурясь от яркого света. Животные спускались по длинной металлической аппарели, повторявшей все изгибы и повороты стен кратера.

Я продолжал спускаться, однако теперь более осторожно. Внезапно позади меня с обеих сторон появились створки въездных ворот. Они медленно сближались, пока не сомкнулись совсем. Выход был закрыт. Уж не попал ли я в ловушку?

Я спускался все ниже и ниже, пока аппарель не достигла ровного пола. Пол казался сделанным из расплавленного серебра, его поверхность была словно покрыта рябью, как вода под ветром. Но когда я достиг его и осторожно попробовал ногой, пол оказался твердым.

Из ворот в дальней от меня стене выбежало еще несколько воинов. Они были одеты в пузыреобразные доспехи, какие я видел в Ровернарке, и вооружены алебардами с обоюдоострым лезвием, такими же, как у Серебряных Воинов.

Эти умели обращаться с оружием. Они рассыпались цепью, размахивая своими алебардами. Я внимательно наблюдал за ними, пытаясь определить слабое звено в их защите.

Тут один из них, раскрутив алебарду, метнул ее в меня. Я едва успел прикрыться мечом и отбить эту летящую смерть, как в меня уже полетела следующая, затем еще и еще. Я отбил одну, но вторая все же задела меня, нанеся скользящий удар. Меня швырнуло на землю, Черный Меч вылетел из ладони и заскользил в сторону по серебряному полу.

Я поднялся на ноги, безоружный. А воины Белпига, обнажив мечи и гнусно скалясь, шли на меня. Они уже считали меня своей добычей.

Я посмотрел, куда отлетел мой Меч, но до него мне было не достать. Я отступил назад и тут же обо что-то споткнулся. Посмотрел под ноги и увидел, что это одна из брошенных в меня алебард. Я мгновенно нагнулся и схватил ее. Они тоже ее увидели и кинулись на меня, но я успел раньше. Одного я отбросил ударом древка, другому вонзил острие прямо в горло. Они остановились, и я бросился вперед. Прорвавшись сквозь их цепь, я поспешил к Мечу.

Но они нагнали меня прежде, чем я до него добрался. Я обернулся, отбил чей-то выпад, поднял алебарду и обрушил ее на шлем одного из нападавших. Тот пошатнулся, оглушенный, а я прыгнул к лежавшему на полу Мечу и поднял его.

Он снова удобно и прочно устроился у меня в ладонях и запел свою кровавую песню, словно борзая, загнавшая зверя. Он жаждал крови.

И я дал ему напиться вдоволь. Первого я развалил от плеча до живота, а второго вообще на две половинки.

Меня уже всего трясло: чувствовал, что боевой задор покидает меня. Я вложил Меч в ножны и побежал к той двери, откуда появились эти воины.

Передо мной был длинный извивающийся коридор, больше похожий на трубу, поскольку был совершенно круглым в сечении; пол коридора, закругляясь, поднимался по обеим сторонам, постепенно переходя в стены. Я бежал и бежал по нему, спускаясь все ниже, пока не достиг странного сферического помещения. У меня было ощущение, что все эти проходы в горе были вырублены не для людей, а для каких-то перевозок, может быть, для перекачки жидкостей. В одной из стен сферического зала были вырублены ступени, которые вели куда-то вверх, к потолку. Я поднялся по ним и попал в круглую комнату, потолком, которой служило нечто, похожее на матовое или замерзшее стекло. Я присмотрелся внимательнее и понял, что потолок этой комнаты служил полом той, что находилась прямо над ней.

Но я совершенно не представлял, как отсюда попасть на этаж выше. И тогда я обнажил Черный Меч.

И тут же в гладком матовом стекле открылся люк. Идеально круглый люк в самом центре круглого потолка. Из люка появилось нечто вроде прозрачной трубы; труба опустилась вниз и повисла, не достигнув двух-трех футов до пола нижней комнаты. Внутри трубы на ее стенках были видны скобы для подъема.

Я осторожно приблизился к этой трубе и начал взбираться наверх, хватаясь за скобы и по-прежнему сжимая Черный Меч в правой руке. Достигнув пола верхней комнаты, я осторожно высунул голову. Моему взору предстало помещение огромных размеров. Мебели здесь почти не было. Стены и пол из того же волнистого, словно подернутого рябью серебра. Большая белая кровать, стулья, кресла да еще несколько странных предметов, чье назначение мне было неизвестно. Возле кровати стояла женщина с серебристой кожей и огромными, глубокими черными глазами. Одета она была в платье кроваво-красного цвета. Она улыбнулась мне. Губы ее зашевелились, но я не услышал ни звука.

Я попытался приблизиться к ней и тут же ударился лицом обо что-то холодное и твердое. Меня даже отбросило назад. Я ощущал препятствие рукой. На ощупь оно было гладким. Я был отделен от Серебряной Королевы невидимой стеной.

Она продолжала что-то говорить, делая руками жесты, но я не слышал ее.

Что это за волшебство? Чем Белпиг околдовал Королеву? Может быть, его знания были гораздо обширнее, чем он дал мне понять? Нет, более вероятно, он просто позаимствовал их у Серебряного Воинства, чьи предки, как я теперь понимал, были теми самыми учеными, что когда-то жили там, где теперь находится Алый Фьорд.

Отчаяние овладело мною. В бессильной ярости я поднял Черный Меч и изо всех сил нанес им удар по

невидимому препятствию.

Чудовищной силы крик, переходящий в визг, наполнил комнату. Меня сотрясла дрожь и что-то отшвырнуло назад от невидимой стены. Перед глазами все поплыло. Я еще успел подумать, что, видимо, слишком привык полагаться на всеильный Черный Меч, и потерял сознание.

Глава III

Феникс и Королева

Когда я очнулся, в ушах вновь звучал все тот же речитатив:

Я открыл глаза и увидел над собой яркие звезды на темном небе. Я повернул голову и обнаружил, что снова нахожусь на воздушной повозке.

Возле ручки управления сидел мужчина в серебряных латах.

Нет, это, наверное, сон... Мне просто снится, что скелет управляет воздушной повозкой.

А если нет? Тогда я пленник Серебряных Воинов. Я приподнялся и почувствовал под боком рукоять Меча. Я не был связан, у меня не отняли оружие.

Пилот в серебряных латах обернулся, и я понял, что это вовсе не мужчина, а женщина, та самая, которую я видел перед тем, как потерял сознание. В ее черных глазах застыла насмешка.

— Благодарю тебя за мужество. Ты спас меня, — сказала она.

И я узнал ее голос.

— Твой меч пробил стену. А теперь мы возвращаемся в Алый Фьорд, чтобы я предстала перед моими воинами и сообщила им, что я свободна и что им более не нужно подчиняться Белпигу.

— Хозяйка Чаши! — недоверчиво воскликнул я.

— Да, именно так называли меня люди Бладрака.

— Так, значит, все мои усилия были напрасны! Вы и без того были свободны!

— Нет, — улыбнулась она. — То, что вы все видели там, было лишь моим изображением. К тому же и оно не могло появляться нигде, кроме зала, где находится черный жезл. Белпиг просто не знал, что я могу воспользоваться этим средством для связи с его врагами!

— Но я же видел Чашу в море!

— Изображение Чаши легко спроецировать куда угодно, а вот мое, увы, нельзя.

Я продолжал смотреть на нее, раздираемый сомнениями и подозрениями.

— А как к вам попал Черный Меч?

— Народ Луны обладает большой мудростью, мой дорогой Герой. Когда-то он был великим и могучим. Нам было предсказано, что ты однажды проснешься и вновь придешь к нам из своего Ледяного Замка. Тогда это представлялось не более чем легендой, но я изучила все древние манускрипты, в том числе и этот, поскольку мне нужна была помощь. Я многое из них узнала.

— И вы обещали мне рассказать все, что узнали.

— Да, обещала.

— Прежде всего вы должны мне сказать, чего добивается Белпиг.

— Белпиг — дурак, хотя и хитрый. Он знал о Луне и в конечном итоге обнаружил ее после многих недель странствий по ледяной пустыне. А мы, совершенно забыв о том, что между нами старинная вражда, поверили ему. Он многое узнал от нас, многие наши секреты. И однажды пленил меня и заточил там, где ты меня и нашел. А после этого, как ты и сам знаешь, он заставил Серебряное Воинство служить себе.

— Но для чего?

Серебряная Королева пошатнулась, и я понял, что смертоносные лучи, исходящие от двигателя нашей повозки, воздействуют на нас обоих.

— Он... У него был план... Но для его осуществления требовалось гораздо больше рабочей силы, чем могли предположить Серебряные Воины. Его конечная цель — построить корабль, способный

путешествовать сквозь пространство. Он хотел найти другое солнце, не такое старое, как наше. Глупый план! У нас есть знания, необходимые, чтобы построить такой корабль, но мы не знаем, где взять энергию для его двигателя и как много времени нам потребуется для перелета к другому солнцу. Но Белпиг этому не верил. Он полагал, что если подвергнет пытке меня и моих людей, то мы в конце концов все ему откроем. Он просто сумасшедший!

— Да, видимо. И его сумасшествие причинило немало горя этому и без того печальному миру.

— Глаза... — простила она. — Я ничего не вижу...

Я взял ее на руки и перенес с сиденья пилота назад, а сам сел на ее место, взялся за ручку управления и вернул повозку на прежний курс.

— Итак, вы вызвали Черный Меч и Золотую Чашу. А не вы ли насылали все эти кошмарные сны, что преследовали меня?..

— Нет... Я... не насылала... снов...

— Так я и думал. Мне кажется, вы не совсем понимаете то, что вы сделали, миледи! Вы воспользовались знаниями, почерпнутыми из легенды, чтобы вызвать меня. И использовали меня в собственных целях. Но, по-моему, это Черный Меч или та сила, что владеет и повелевает им, использовала нас обоих. Вы слышали о Танелорне?

— Да, я знаю, где он, согласно легендам, находится.

— И где же?

— В самом центре того, что мы именуем Мультивселенной, в центре бесчисленного множества миров, неисчислимых вселенных, отделенных друг от друга. Считается, что существует некий центр, вокруг которого все эти вселенные вращаются, его еще называют Ступицей Вселенной. Некоторые полагают, что этот центр Вселенной — на самом деле некая планета, и отражения этой планеты существуют во многих других мирах. Наша Земля — лишь одно из таких отражений. Земля, с которой прибыл ты, — другое такое отражение. Танелорн имеет отражения везде, но между ними и его отражениями есть одна разница: сам он никогда не меняется. Он не стареет и не умирает, как стареют и умирают другие миры. Танелорн — как и ты, Герой, — бессмертен, вечен.

— Как же мне найти Танелорн и узнать, что за силы им управляют?

— Этого я не знаю. Тебе следует спросить кого-нибудь другого.

— Вероятно, мне никогда его не найти.

Разговор утомил королеву, да и меня тоже. К тому же мы ощущали вредоносное воздействие излучения. Я был крайне разочарован, хотя кое-что все-таки выяснил. Впрочем, я по-прежнему не имел всей необходимой мне информации.

— Расскажите мне о Чаше, — попросил я. — Что она собой являет?

Но королева не ответила: была без сознания. Если мы в ближайшее время не доберемся до Алого Фьорда, мне уже не нужна будет вообще никакая информация.

Но вот впереди завиднелись мрачные скалы. Я до предела увеличил скорость воздушной повозки и поднял ее как можно выше, чтобы проскочить над горами и долететь до самого фьорда.

Вскоре нас поглотили низкие мрачные облака. Все вокруг покрылось влагой. Видно было очень плохо, и я молился, чтобы не наскочить в тумане на какой-нибудь высокий утес или острую вершину.

Я с трудом преодолевал тошноту и боль во всем теле, стараясь хоть что-то разглядеть сквозь туман, застилавший все. Если я не справлюсь с управлением, мы врежемся в гору и погибнем.

Наконец в облаках показался просвет. И я увидел внизу под нами ленивые волны соленого моря. Мы проскочили Алый Фьорд.

Я быстро развернул повозку, немного снизился и через несколько минут разглядел внизу огромный флот епископа Белпига.

Тошнота одолевала меня, я почти ничего не видел. Я сделал круг над кораблями и увидел епископа на палубе самого большого из них. Он беседовал с двумя Серебряными Воинами. Заметив мою воздушную повозку, он в изумлении поднял голову.

— Урлик! — завизжал он, а потом засмеялся: — Ты что думаешь, тебе удастся спасти своих друзей с помощью этой летающей посуды? Да у них треть населения от голода вымерла! А остальные слишком слабы, чтобы оказать нам сопротивление! Зато мы вполне готовы начать атаку. Бладрак — последний из тех, кто мне противился. И теперь весь мир — мой!

Я обернулся к Серебряной Королеве и попытался привести ее в чувство. Она застонала и пошевелилась, но сознание к ней так и не вернулось. Тогда я приподнял ее как можно выше, чтобы увидел Белпиг.

Вдруг воздушная повозка начала быстро терять высоту, и я понял, что нас неминуемо поглотят волны соленого моря.

И тут послышались звуки трубы, и я, оглянувшись, увидел, как корабли Бладрака выходят из устья фьорда. Стало быть, потеряв на меня надежду, он решил дать Белпигу бой и погибнуть.

Я хотел крикнуть, предупредить его, что атака бессмысленна, но тут повозка ударилась о воду и, кутаясь и качаясь на волнах, подплыла прямо к одному из вражеских кораблей.

Мне удалось развернуть ее, но столкновения избежать я не успел. С грохотом ударившись о борт корабля, повозка перевернулась, и мы с Серебряной Королевой оказались в густой соленой воде.

Сверху донеслись крики, потом что-то упало с борта в воду рядом со мной. Но я уже не видел, что именно. Волны сомкнулись над моей головой.

Однако секунду спустя я почувствовал, что меня тянут вверх. Я судорожно глотнул воздуха. Меня держал Серебряный Воин. Он улыбался мне — прямо сиял от восторга. Он ткнул пальцем куда-то вбок. Я оглянулся и увидел Серебряную Королеву. Значит, они уже поняли, что это я спас ее.

Мы находились на небольшом плоту. Его, должно быть, сбросили с корабля, когда мы упали в воду. А теперь поднимали обратно на палубу. Я слышал ворчливый голос Белпига. Значит, мы врезались прямо в его флагманский корабль!

Мы достигли палубы, и Серебряные Воины помогли мне подняться на ноги. Я огляделся.

Прямо надо мной на верхней палубе стоял епископ Белпиг. Он уже все понял. Понял, что проиграл, понял, что Серебряное Воинство больше не будет ему повиноваться. Но все равно смеялся!

Невольно засмеялся и я.

Все еще смеясь, я обнажил Черный Меч. Белпиг обнажил свой и еще громче захихикал. Я направился к трапу и начал взбираться по ступеням. Поднявшись, я оказался лицом к лицу с епископом.

Он знал, что сейчас умрет. И мысль об этом лишила его последних остатков рассудка.

А у меня не поднималась рука его прикончить. Я уже слишком многих убил. А он теперь не представлял никакой угрозы, и я бы даже оставил его в живых...

Но Черный Меч решил иначе. И когда я попытался вложить его в ножны, он внезапно вывернулся и потащил меня к епископу.

Белпиг закричал и поднял свой меч, защищаясь от грозящего удара. Я хотел остановить Черный Меч, не дать ему опуститься...

Но он опустил.

И я не смог остановить его.

Он разрубил меч Белпига и замер в воздухе. Епископ закричал и заплакал, не отрывая глаз от черного клинка. А Меч, помимо моей воли, сам сделал выпад и вонзился прямо в жирное тело Белпига.

Епископ забился в конвульсиях, его ярко покрашенные губы тряслись. В глазах появилось странное выражение, словно он вдруг прозрел... Потом он закрыл глаза, и по его накумявленным щекам потекли слезы.

Мне показалось, что он уже мертв. Во всяком случае, я на это очень надеялся.

А Серебряные Воины уже передавали с борта корабля продовольствие голодным воинам Бладрака, которые вышли из Алого Фьорда на свой последний бой.

Снизу меня окликнула Серебряная Королева. Рядом с нею стоял уже поднявшийся на борт корабля Бладрак. Он сильно похудел, но выглядел все таким же самодовольным и уверенным. Он приветственно помахал мне рукой.

— Вы спасли нас всех, граф Урлик! — крикнул он.

Я горько улыбнулся в ответ:

— Всех, кроме себя самого.

Я спустился к ним. Серебряная Королева принимала приветствия от своих воинов, лица которых светились радостью. Она повернулась ко мне:

— Ты заслужил вечную благодарность моего народа, Герой!

На меня ее слова не произвели никакого впечатления. Я устал, смертельно устал. Единственное, чего я хотел, — это вернуться к Эрмизад.

Я ведь полагал, что, если буду следовать Судьбе, если вновь возьму в руки Черный Меч, тогда у меня, по крайней мере, будет шанс вновь соединиться с нею...

Но, видимо, Судьба решила иначе.

Кроме того, я все еще не до конца понимал те пророчества, что касались Черного Меча.

На клинке Меча — кровь Солнца...

Бладрак хлопнул меня по плечу:

— Мы намерены отпраздновать ваше возвращение, граф Урлик. Серебряные Воины и их прекрасная Королева будут нашими гостями в Алом Фьорде!

Вместо ответа я тяжелым взглядом уставился на Серебряную Королеву:

— Какое отношение имеет ко мне Золотая Чаша?

— Я не совсем уверена... — начала было она.

— Вы обязаны рассказать мне все, что знаете, — перебил я. — Иначе я убью вас своим Черным Мечом. Вы выпустили на свободу силы Природы, которых не понимаете. Вы вмешались в судьбы многих людей. Вы принесли мне огромное горе. И все-таки вы не до конца понимаете, что сотворили. Вы стремились спасти горстку людей, оставшуюся на умирающей планете, и для этого нашли способ призвать на помощь Вечного Героя. Это совпало с желанием тех сил судьбы, что управляют мною, и они помогли вам. Но я отнюдь не испытываю благодарности к вам — пока у меня на поясе висит этот адский Меч, от которого, как я считал, я навсегда избавился!

Она даже отшатнулась и отступила назад. Улыбка исчезла с ее лица. Бладрак тоже был мрачен.

— Вы использовали меня, — продолжал я, — и теперь празднуете победу. А что делать мне? Мне-то что праздновать? И куда теперь лежит мой путь?

Я резко умолк, злясь на себя за этот порыв. Какое им дело до моего горя? Я отвернулся, ибо лицо мое заливали слезы.

Алый Фьорд ликовал и веселился. Женщины плясали на всех причалах, мужчины орали песни.

Серебряное Воинство тоже праздновало возвращение своей королевы.

Мы стояли на палубе корабля — Королева и я. Больше рядом не было никого. Бладрак и его люди слились с радостной толпой на берегу.

— Мне кажется, конец всей этой истории не так уж... — начала она.

— Как вы получили власть над Чашей? — спросил я.

— Мне снились сны, и во сне со мной говорили некие голоса... То, что я делала, я по большей части делала в состоянии транса.

Я посмотрел на нее с сочувствием. Я и сам знал, что это такое — сны и голоса.

— И вам было велено вызвать Чашу, а еще раньше — призвать Черный Меч?

— Да.

— И вам не известно, что представляет собой эта Чаша и почему она издает такие звуки?

— Как говорит легенда, эта Чаша предназначена хранить кровь Солнца. Наполнившись этой кровью, Чаша перенесет ее к Солнцу, и оно вновь оживет.

— Сказки, — усмехнулся я. — Предрассудки. Бабы сплетни.

— Возможно, — ответила Королева подавленно. Ей было явно не по себе. Я устыдился своей грубости.

— Но почему Чаша кричит?

— Она призывает кровь, — пробормотала она.

— А где она, эта кровь?

И тут меня осенило. Я схватился за эфес Меча:

— На клинке Меча — кровь Солнца! Вот оно что! — Я нахмурился, размышляя. Затем спросил: — А вы не могли бы вновь вызвать Чашу?

— Могла бы. Но не сюда.

— А куда?

— Туда, — сказала она, махнув рукой по направлению к горам. — В ледяную пустыню.

— Вы пойдете туда? Со мной? Сейчас?

— Конечно. Ведь я так обязана тебе, Герой...

— От этого выиграете вы сами — не я.

Глава IV

Меч и Чаша

Серебряная Королева и Вечный Герой отсутствовали две недели. Сначала они отправились на лодке в опустевший Ровернарк. Они хотели отыскать колесницу, на которой Герой прибыл в этот город. Они нашли ее, накормили медведей и отправились на колеснице через горы в Южные Льды.

Они достигли ледяной пустыни. Теперь со всех сторон их окружал один только лед. Холодный ветер развеивал их плащи, а они стояли и смотрели на маленькое красное солнце.

— Вы смешали множество судеб, когда призывали меня, — сказал я.

— Я знаю, — вздрогнув, ответила она.

— И теперь пришло время довести до конца предсказание. До самого конца.

— Если только это поможет тебе обрести свободу, Герой.

— Это может хоть не намного, но приблизить меня к тому, чего я так жажду, — сказал я. — Хотя бы на дюйм, не больше — ведь мы имеем дело с космическими величинами.

— Ты полагаешь, что мы лишь пешки в чужой игре? И не можем сами влиять на свои судьбы?

— Очень незначительно, о моя Королева.

Она вздохнула и, раскинув руки, обратила лицо к мрачному низкому небу:

— Я призываю Звучащую Чашу! — воскликнула она.

Я обнажил Черный Меч и встал рядом с нею, уперев острие в лед и обеими руками сжимая эфес.

Черный Меч задрожал и начал свою песнь.

— Я призываю Звучащую Чашу! — вновь провозгласила Королева Луны.

Черный Меч задрожал еще сильнее.

Слезы текли по серебристым щекам Серебряной Королевы. Она опустилась на колени.

Ветер задул сильнее. Он возникал как бы ниоткуда. Это был не обычный ветер.

И в третий раз Королева прокричала в ледяное пространство:

— Я призываю Звучащую Чашу!

Я поднял Черный Меч, — или он поднялся сам? — и острие вонзилось ей в спину. Она ничком упала на лед.

Я поразил ее в спину, чтобы не видеть ее лица в момент смерти.

Тело Королевы судорожно забилося на льду. Она застонала, потом закричала, и крик ее смешался с воем ветра, с кровавой песней Меча, с моим собственным криком муки и боли... А потом к нему присоединился высокий вибрирующий звук, который звучал все громче и громче, пока не заглушил все остальные звуки.

На льду прямо передо мной возникла Звучащая Чаша. От нее исходило яркое, слепящее сияние. Я закрыл глаза рукой и почувствовал, что Черный Меч вырвался из моей ладони.

Когда я снова открыл глаза, то увидел, что Меч висит в воздухе прямо под Чашей.

И с него в Чашу стекает кровь.

Кровь стекала по черному клинку и падала в Чашу, наполняя ее, и, когда Чаша наполнилась, Черный Меч упал на лед.

И тотчас — хотя я не могу поклясться, что это было на самом деле, может быть, мне все это просто

показалось — из низких облаков появилась огромная рука, подняла Чашу и понесла ее вверх, все выше и выше в небо, пока не исчезла там совсем.

Вокруг солнца вдруг разлилось алое сияние. Сначала оно было едва заметным, но постепенно росло, усиливалось, становилось все ярче. И полумрак вокруг сменился бледным светом наступающего дня, и я понял, что скоро вновь засияет утро.

Не спрашивайте, как все это произошло. Как само время повернуло вспять. Я был в обличье многих героев, во многих мирах, но, кажется, мне еще никогда не приходилось видеть столь странное и ужасное зрелище, как тогда, в пустынных Южных Льдах, после того как Черный Меч поразил Серебряную Королеву.

Теперь пророчество осуществилось полностью. Такова была моя судьба — принести в этот мир смерть, чтобы возродить его к жизни.

Теперь я уже совсем по-другому относился к Черному Мечу. Он свершил многое, что в моих глазах выглядело Злом, но, вероятно, это Зло было необходимо, чтобы обеспечить победу Добра.

Я подошел к тому месту, куда он упал. Нагнулся, чтобы поднять его.

Но Меча уже не было. Только тень его осталась на льду.

Я снял с пояса ножны и положил рядом с тенью. И пошел назад, туда, где оставил колесницу.

В последний раз посмотрел я на Серебряную Королеву, лежавшую там, где Меч мой поразил ее. Она призвала на помощь волшебные чары, с их помощью пробудила немыслимые космические силы — и только для того, чтобы спасти свой народ. Но силы эти принесли смерть ей самой.

— А ведь они могли бы принести смерть и мне, — пробормотал я, трогая колесницу с места.

Я полагал, что мне уже недолго здесь оставаться. Скоро меня вновь кто-нибудь призовет. И когда меня призовут снова, я снова попытаюсь найти дорогу обратно, к Эрмизад, к моей принцессе, в царство элдренов. Я буду искать дорогу в Танелорн, вечный, бессмертный Танелорн, и однажды, может быть, я вновь обрету мир и покой.

1

Лимб (англ.) — преисподняя, бездна.